

ISSN 1729-4924

БЮЛЛЕТЕНЬ

**ВЛАДИКАВКАЗСКОГО
ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ**

№ 57

Владикавказ 2019

БЮЛЛЕТЕНЬ ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ

Издается с 1998 г.

Учредитель – Владикавказский институт управления

Редакционный совет: В.Д. Дзгоев, З.И. Салбиева,
В.А. Тишков, К.Х. Туганов,
А.В. Черджиев, Н.Ю. Туаева
(научный редактор)

Бюллетень публикует статьи, посвященные проблемам государства и права, экономической и этнополитической ситуации в России, образования; а также материалы конференций и круглых столов, проводимых Владикавказским институтом управления.

Настоящий номер содержит материалы XXI ежегодной межвузовской научно-практической конференции «Человек, государство, общество: традиционные проблемы и новые аспекты», состоявшейся 25-26 апреля 2019 года во Владикавказском институте управления.

Опубликованные в сборнике материалы конференции могут представлять интерес для исследователей, научных работников и преподавателей, студентов и аспирантов, в том числе для тех, кто интересуется вопросами государственного строительства и права, экономики, истории, филологии, политологии.

Материалы Бюллетеня отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией учредителей, редакционного совета и редакции.

Электронная версия Бюллетеня выставлена на сайте института www.viu-online.ru.

При использовании ссылка на материалы Бюллетеня обязательна.

Адрес редакции:

362025, Республика Северная Осетия – Алания,
г. Владикавказ, ул. Бородинская, 14
тел: (8672) 540499, факс: (8672) 541580
E-mail: viu-online@mail.ru

ISSN 1729-4924

**Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)**

© Владикавказский институт управления, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОФЕССОРСКО- ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА, НАУЧНЫХ И ПРАКТИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Актуальные проблемы публичного права

Багиева М.Г., Гагоева А.М., Кулова М.Р., Ходова С.Н. Государственные информационные системы: современное состояние и перспективы	7
Владычкина О.А. Некоторые аспекты деятельности римских юристов	15
Галуева В.О. О некоторых вопросах компетенции Федерального Собрания Российской Федерации	25
Левченко Г.П., Хаматова С.Х. Соотношение военной службы с иными видами федеральной государственной службы	28
Миносьянц Ю.В. Нормативное регулирование законодательного процесса	33
Цалиев А.М. Информационные и организационно-воспитательные меры обеспечения гарантии прав и свобод личности	42
Цораева Ф.Т. Преступления «белых воротничков» как угроза российской экономике	51
Чиплакова Н.В., Лазарова Э.Т. Общественная палата как субъект общественного контроля: проблемы и перспективы (на примере Общественной палаты Республики Северная Осетия – Алания)	58

Актуальные проблемы частного права

Айдарова Н.Г. Становление и развитие института аренды и арендных отношений в России	66
Бузарова Н.Х. Определение правосубъектности международных корпораций и проблема определения их национальности	71
Бурнацев З.А., Гагиева А.В. Некоторые проблемы формирования уставного капитала акционерного общества	78
Цаллагов А.С., Кокоева Л.Т. Понятие и значение договора коммерческой концессии	84

История, социология, лингвистика

Абаева И.С., Бутаева Л.А. Сопоставление закономерностей слогоделения во французском и осетинском языках	98
Базаева А.Ю., Гueva М.И., Туаева Н.Ю. Некоторые вопросы истории Владикавказа: экономическое развитие города во второй пол. XIX – начале XX вв.	102
Кирилова В.В. Концепт «империя» как семантическая доминанта новой российской идентичности	112
Омельченко Т.А. Особенности восприятия акустических колебаний организмом человека	124
Тотрова Дз.Б. Количественный анализ лексико-тематической группы «природно-географические объекты» (на материале французского языка).....	138
Хугаева А.А., Моргоева З.О. Теоретические подходы к определению понятий «этническая идентичность», «гражданская идентичность» и соотношения категорий «этнической» и «гражданской» идентичностей»	145
Проблемы социально-экономического развития РФ и РСО-А	
Джагаева М.С., Рубановская С.Г. Система бюджетирования, ориентированная на результат (БОР), как технология совершенствования бюджетного процесса в РСО-Алания	156
Каллагов Б.Р. Актуальные подходы к формированию благоприятного инвестиционного климата в РСО-Алания	173
Рубановская С.Г., Джагаева М.С. Бенчмаркинг как эффективный инструмент регулирования бюджетного процесса в РСО-Алания ..	182
Худжиева Д.В., Фидарова Л.М. Проблемы оценки эффективности реализации государственных программ	
Мардеян Н.А., Сокаева Б.Б., Черная А.В. Основные векторы развития бюджетных расходов субъектов РФ.....	207

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Актуальные проблемы публичного права

Баликоева А.Р., Гагиева А.В. К вопросу о правовой природе неосновательного обогащения	216
--	-----

Бзаров З.И., Кокоева Л.Т. Прекращение трудовых отношений с руководителем организации: основания и юридические гарантии 221

Каргинов С.Н., Варзиева И.Т. Основания конституционно-правовой ответственности Президента Российской Федерации 230

Хаматова С.Х., Цамакаев Б.В. Правовое регулирование процедур проведения публичных мероприятий 238

Актуальные проблемы уголовного права

Казиев А.З., Караева Л.Х. Сложности выявления латентной преступности 245

Малиева М.А. Специальные меры предупреждения преступности в сфере предпринимательской деятельности 250

Пачулия Н.А. Уголовная ответственность за хулиганство и преступления, совершенные из хулиганских побуждений 256

Чшиева Д.Ф. О некоторых проблемных аспектах ст. 295 УК РФ 260

Актуальные проблемы частного права

Бучукури Э.И., Владычкина О.А. Проблематика применения обычая в качестве источника гражданского права 265

Дашиева М.А., Гагиева А.В. Выделение и разделение как формы реорганизации юридических лиц 276

Дряева А.С., Бузарова Н.Х. Некоторые особенности корпоративного законодательства в Европейском Сообществе 281

Касабиев А.С. Зарубежные организационно-правовые предпринимательские формы 289

Кочорова В.С., Гагиева А.В. Проблемы отнесения корпоративных актов к источникам корпоративного права 301

Тменова Т.Г., Кокоева Л.Т. Становление и исторические этапы регулирования корпоративной деятельности в России 308

Хубулов Г.В., Гагиева А.В. Некоторые проблемы залога доли в уставном капитале хозяйственного общества..... 321

Чертков А.А., Гагиева А.В. Особенности юридической ответственности, применяемой к субъектам корпоративных правоотношений 326

НАШИ АВТОРЫ 335

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

М. Г. Багиева, А. М. Гагоева, М. Р. Кулова, С. Н. Ходова

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье проводится анализ современного состояния и перспектив развития государственных информационных систем (ГИС) и дается обоснование предложений по продвижению ГИС в системе государственного управления республики.

Одним из стратегических приоритетов России на 2019-2024 гг. является реализация национальной программы «Цифровая экономика России». Значимым компонентом программы выступает федеральный государственный проект «Цифровое государственное управление», предусматривающий переход к управлению в системе государственного управления на основе цифровых технологий и разработку супер-сервисов для получения гражданами государственных услуг в «один клик».

Анализ современного состояния и перспектив развития государственных информационных систем (ГИС), в том числе и на региональном уровне, необходим для содействия мониторингу, оценке и своевременного внесения корректив в процесс реализации национального проекта. Цель данного исследования состоит в определении уровня развития и внедрения ГИС в РСО-Алания и обосновании предложений по продвижению ГИС в системе госуправления республики. В рамках рассматриваемой темы было проведено социологическое исследование на основе экспертных интервью с государственными служащими республиканских органов исполнительной власти.

В соответствии с законодательством государственные информационные системы создаются в целях реализации полномочий государственных органов и обеспечения обмена информацией между этими органами, а также в иных установленных федеральными законами целях [1].

Государственные органы, определенные в соответствии с нормативным правовым актом, регламентирующим функционирование

государственной информационной системы, обязаны обеспечить достоверность и актуальность информации, содержащейся в данной информационной системе, доступ к указанной информации в случаях и в порядке, предусмотренных законодательством, а также защиту указанной информации от неправомерных доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения и иных неправомерных действий [2].

Перечень государственных информационных систем в настоящее время достаточно обширен:

1. Федеральная служба охраны России

– ИАС Информационно-аналитическая система обеспечения мониторинга рынка труда и занятости населения в субъектах Российской Федерации (ИАС Рынок «труда»)

– Единая сеть обращения граждан (ЕС ОГ)

– ИАС «Корпоративная система информационно-аналитического обеспечения органов государственной власти» («Система-М»)

– ИАС «Мониторинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации» (ИС «Органы управления»)

– Защищенная сеть видеосвязи органов государственной власти Российской Федерации (ЗВКС)

– Система межведомственного электронного документооборота (МЭДО)

– ИАС «Мониторинг и прогнозирование ситуации в федеральном округе» («ИАС-ФО»)

– Информационно-правовая система «Законодательство России»

– ИС «Паспорт федерального округа и субъекта Российской Федерации» («ИС Паспорт»)

– Гос СОПКА

2. Минкомсвязь России

– ФГИС «Единая система межведомственного электронного взаимодействия» (СМЭВ)

– ФГИС координации (ЕСКИ)

– ИС Единый портал Государственных услуг (ЕПГУ)

– АИС управления ведомственной и региональной Информатизацией Минкомсвязи России (АИС УВиРИ)

– Реестр территориального размещения технических средств информационных систем (Реестр ФГИС)

– ФГИС «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (ЕСИА)

– ФГИС система учета информационных систем, создаваемых и приобретаемых за счет средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов (ФГИС Учета)

- ФГИС «Национальный фонд алгоритмов и программ для электронных вычислительных машин» (ФГИС ФАП)
- ФГИС «Федеральный портал государственной службы и управленческих кадров» (ЕИСУКС)

3. Росимущество

- ФИС «Реестр федерального имущества» (ФИС «Реестр федерального имущества»)
- Федеральное казначейство
- Государственная автоматизированная информационная система (ГАС «Управления»)
- ГИС о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП)
- Автоматизированная система удаленного финансового документооборота (СУФД)
- Единая информационная система в сфере закупок (ЕИС в сфере закупок)
- ИАС мониторинга ключевых показателей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (ИАС КПЭ)
- Государственная автоматизированная информационная система (ГИС «Проектирование»)

4. Минэкономразвития России

- ФГИС «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)» (ФГИС ФРГУ)
- АИС «Единая проектная среда» (АИС ЕПС)
- Аналитическая информационная система обеспечения открытости деятельности федеральных органов исполнительной власти, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (Портал государственных программ)
- ФИС Портал открытых данных Российской Федерации

5. Минфин России

- ГИИС управления общественными финансами «Электронный бюджет» (ГИИС «Электронный бюджет»)
 - Единый портал бюджетной системы Российской Федерации (портал бюджетной системы)
 - ЕИАС сбора и свода отчетности Министерства финансов Российской Федерации (ЕИАС Минфина России)
- Охарактеризуем некоторые из них [3].

Государственная информационная система о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП) – система, предназначенная для хранения и обмена информацией о платежах между администраторами доходов, организациями по приёму платежей и гражданами. Создана в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 27 июля 2010 года №210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Государственная автоматизированная система «Управление» представляет собой комплекс информационных систем и информационных

ресурсов, включающий центральную информационную систему, ведомственные информационные системы, информационные ресурсы которых предназначены для принятия управленческих решений в сфере государственного управления, а также информационные ресурсы иных информационных систем (в том числе региональных), необходимость интеграции которых в систему «Управление» определяется функциональными требованиями к ней. Открытая часть портала ГАС «Управление» содержит новостное наполнение, а также предоставляет доступ к информационным панелям, содержащим публичные данные. Доступ к открытой части осуществляется по адресу: <http://gasu.roskazna.ru>.

Электронный бюджет – единый портал бюджетной системы Российской Федерации предоставляет в режиме реального времени необходимую информацию о бюджете и бюджетном процессе в Российской Федерации, а также позволяет принимать участие всем заинтересованным гражданам в управлении бюджетным процессом. Единый портал бюджетной системы Российской Федерации разработан и создан в рамках выполнения работ по созданию и развитию государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет», в соответствии с Концепцией, одобренной распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.07.2011 №1275-р. В соответствии со статьей 241.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации Единый портал бюджетной системы Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» обеспечивает доступ: к информации о бюджетной системе Российской Федерации и об организации бюджетного процесса в Российской Федерации; к информации об осуществлении публично-правовыми образованиями бюджетных полномочий и их участии в отношениях, регулируемых бюджетным законодательством Российской Федерации; к иным сведениям, определяемым Министерством финансов Российской Федерации в соответствии с его бюджетными полномочиями.

СУФД онлайн (Система удаленного финансового документооборота) – это принципиально новый канал обслуживания, с помощью которого каждый клиент в любое удобное для него время и из любой точки, подключенной к Интернету, имеет возможность: удобно и безопасно управлять своими платежами и финансовыми документами; иметь доступ к актуальной отчетности, сформированной в автоматизированной системе Федерального казначейства (АСФК).

Государственные информационные системы обладают рядом признаков, отличающих их от иных информационных систем и определяющих их особую правовую природу, в частности:

- 1) они создаются на основании нормативных правовых актов, определяющих основные параметры их функционирования;
- 2) обязательность их использования обеспечивается силой государственного принуждения;

3) размещаемая в них информация является официальной [4].

В исследовании развития и внедрения ГИС в Республике Северная Осетия – Алания были проведены экспертные интервью с 25 респондентами.

На вопрос об уровне развития и внедрения ГИС в России 82% респондентов ответили «относительно высокий», 6% – «высокий» и 12% оценили как «низкий» (см. рис. 1).

Рисунок 1. Ответы респондентов на вопрос об уровне развития и внедрения ГИС в России

В отличие от высоких оценок развития ГИС на федеральном уровне, большинство экспертов (53%) оценили как «низкий» уровень развития и внедрения ГИС в РСО-Алания (см. рис. 2). При этом 35% респондентов выбрали вариант ответа – «относительно высокий», а по 6% – ответы «высокий» и «относительно низкий». Таким образом, более половины экспертов (59%) достаточно критично оценивают уровень развития и внедрения ГИС в республике, тогда как 41% респондентов вполне удовлетворены состоянием ГИС в регионе.

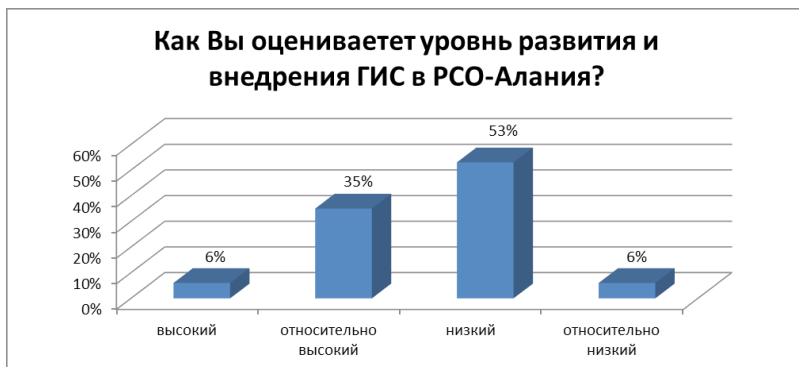

Рисунок 2. Ответы респондентов на вопрос об уровне развития и внедрения ГИС в РСО-Алания

На своем рабочем месте респонденты используют ГИС «Электронный бюджет» (31%), ГИС ГМП (30%), ГИС «Управление» (15%), ЕИАС Минфина России (9%). Из республиканских программ используют Бюджет SMART (17%) и Свод-Смарт (15%).

Распределение ответов на вопрос об эффективности внедрения ГИС для повышения качества профессиональной деятельности выглядит следующим образом: значительные улучшения отметили 59% респондентов, 23% респондентов ответили, что в их работе практически ничего не изменилось, 6% респондентов считают, что ситуация ухудшилась, и работа в ГИС занимает значительное время, не принося положительных результатов. По мнению 12% экспертов, внедрение ГИС требует выполнения дополнительных функций и расширения объема должностных обязанностей на основе включения в должные инструкции соответствующих операций.

Оценивая качество функционирования ГИС, большинство респондентов отметили сбои в работе, зависание системы, невысокую скорость работы, неудобный интерфейс. Только 35% респондентов считают, что система работает без перебоев.

Большая часть экспертов (53%) полагает, что уровень интегрированности ГИС с межведомственными структурами является достаточным и обеспечивает выполнение необходимого функционала системы.

На вопрос «Каковы основные проблемы во внедрении (использовании) ГИС на рабочем месте?» респонденты ответили так:

несовместимость авторизации между различными ГИС (28%);
недостаточно информации о функциональных возможностях (28%);

отсутствие информации о технических возможностях (14%);

неудобный интерфейс (16%);

проблем нет (14%).

Ответы экспертов на данный вопрос показывают недостаточную подготовленность пользователей к работе в ГИС и необходимость в их обучении навыкам использования возможностей системы.

На вопрос «Обладаете ли Вы необходимым уровнем знаний для работы в ГИС?» 59% респондентов ответили «нет» и 41% – «да».

Для повышения своих знаний 45% респондентов предпочли обучение на курсах повышения квалификации, 40% – дистанционно, без отрыва от производства, и только 15% предпочли самостоятельное обучение на основе методических материалов.

Репрезентативность экспертного опроса была обеспечена выборкой респондентов в различных возрастных рамках. Возраст экспертов составил: 12% в пределах 20-30 лет, 47% – 31-40 лет, 23% – 41-50 лет и 18% – 51-60 лет.

Анализ результатов проведенного социологического исследования позволяет сделать следующие выводы.

Большинство экспертов достаточно высоко оценивают уровень

развития ГИС на федеральном уровне и более критично относятся к внедрению ГИС на региональном уровне.

В качестве основной проблемы, препятствующей динамичному развитию и внедрению ГИС в России, респонденты [5] выделяют отсутствие системного подхода к имплементации ГИС в деятельность органов государственной власти.

В то же время считаем необходимым отметить, что приоритетом в рамках системного подхода должна стать кадровая подсистема ГИС. Речь идет о своевременном обучении и качественной подготовке государственных служащих к использованию ГИС. Это позволит в полном объеме использовать потенциал ГИС как значимого фактора повышения качества предоставления государственных услуг и эффективности всей системы государственного управления.

Примечания:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 18.03.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» – даны основные характеристики и предназначение государственных информационных систем (ГИС). Ст. 14. п. 1.

2. Федеральный закон от 27.07.2010 №227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

3. Официальный сайт Федерального казначейства // <http://roskazna.ru/gis/> (дата обращения 28.04.2018).

4. Амелин Р.В. Правовые проблемы создания и использования государственных информационных систем [Электронный ресурс] // КиберЛенинка // <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-sozdaniya-i-ispolzovaniya-gosudarstvennyh-informatsionnyh-sistem>

5. Данил Валинуров. Эксплуатация государственных информационных систем в органах местного самоуправления: результаты и проблемы [Электронный ресурс] // D-russia.ru // <http://d-russia.ru/ekspluatatsiya-gosudarstvennyh-informatsionnyh-sistem-v-organah-mestnogo-samoupravleniya-rezultaty-i-problemy.html> (дата обращения 28.04.2018).

Анкета

Исследование уровня развития и внедрения ГИС

1. Как Вы оцениваете современный уровень развития и внедрения ГИС в России?

а. Высокий

б. Относительно высокий

-
- c. Низкий
d. Относительно низкий
2. Как Вы оцениваете современный уровень развития и внедрения ГИС в РСО-Алания?
- a. Высокий
b. Относительно высокий
c. Низкий
d. Относительно низкий

3. Какую ГИС Вы используете на своем рабочем месте?

4. Насколько эффективно, на Ваш взгляд, внедрение ГИС для повышения качества Вашей деятельности?
- a. Заметны значительные улучшения
b. Практически ничего не изменилось
c. Ситуация ухудшилась, работа в ГИС занимает значительное время, не принося положительных результатов
d. Другое _____

5. Как Вы оцениваете качество функционирования ГИС (можно выбрать несколько ответов)?
- a. Работает без перебоев
b. Постоянные сбои
c. Медленно работает
d. Постоянно зависает
e. Другое _____

6. Считаете ли Вы достаточным уровень интегрированности ГИС с межведомственными структурами?

- a. Да
b. В основном да
c. Нет
d. В основном нет

7. Как бы Вы определили основные проблемы во внедрении ГИС на Вашем рабочем месте?

8. Обладаете ли Вы необходимым уровнем знаний для работы в ГИС?

- a. Да
b. Нет

9. Если ответ на вопрос 7 – «нет», то в чем Вы испытываете затруднение?

10. Какую форму обучения Вы бы предпочли для повышения своих знаний для работы в ГИС?

- a. Дистанционно, без отрыва от производства
- b. Самостоятельно на основе методической литературы
- c. На курсах повышения квалификации

11. Возраст

- a. 20-30 лет
- b. 31-40 лет
- c. 41-50 лет
- d. 51-60 лет
- e. 60 и выше

12. Образование

- a. гуманитарное
- b. экономическое
- c. юридическое
- d. техническое
- e. другое _____

13. Пол

- a. мужской
- b. женский

О. А. Владычкина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РИМСКИХ ЮРИСТОВ

В статье рассматриваются основные направления деятельности выдающихся римских юристов. Автор проводит анализ литературной и правовой деятельности римских юристов республиканского, классического и постклассического периодов.

Римская юриспруденция ведет свое начало от практической деятельности юристов республиканского периода. Развивавшаяся экономика и усложнение форм оборота предъявляли новые разнообразные запросы, требовавшие точной формулировки прав рабовладельцев.

Противоречие интересов крупных землевладельцев и богатей-ростовщиков на почве различия применявшихся теми и другими методов эксплуатации крестьян и других малоимущих слоев населения, в частности – провинциалов, в свою очередь, делало необходи-

мой помощь юристов в целях наилучшего урегулирования возникающих вопросов.

Профессор И. А. Покровский отмечал, что, не обладая ни законодательной, ни эдиктальной властью, юристы своими толкованиями и разъяснениями в высокой степени способствуют развитию и совершенствованию права [9].

В республиканский период деятельность римских юристов носила практический характер и выражалась в функциях, предложенных на рисунке 1.

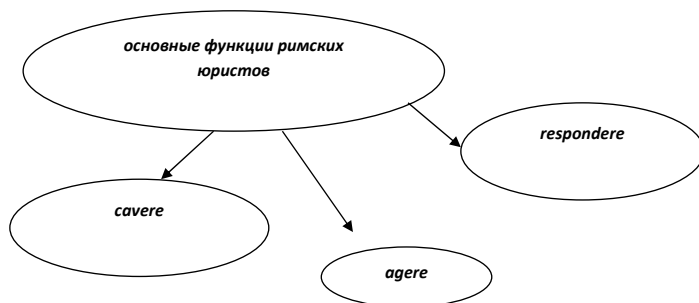

Рисунок 1. «Основные функции деятельности римских юристов»

Cavere – составление формул различных частноправовых актов, совершаемых отдельными лицами (завещаний, актов продажи).

Чтобы оценить значение этой функции, нужно принять во внимание строгий формализм римского права, при котором пропуск хотя бы одного слова обессиливал совершенный акт, делал его юридически ничтожным.

Agere – советы относительно предъявления иска и порядок ведения возбуждения дела.

И в этом случае помощь юристов была существенна ввиду формализма и ритуальности древнеримского процесса по частноправовым спорам. Но она сводилась к одним только советам, потому что римляне не допускали прямого представительства (выступления одного лица от имени другого), и заинтересованный должен был вести дело самостоятельно, лишь полагаясь на советы юриста, но без непосредственного его участия в процессе.

Respondere – ответы на исходившие от частных лиц юридические вопросы.

В этой форме юристы давали толкование действующему праву, а в случаях его пробельности или практической непригодности предлагали свои собственные решения. Их ответы юридически обязательной силы не имели.

Тем не менее, они оказывали на практику влияние, становившееся тем значительнее, чем убедительней их обоснованность и чем выше авторитет их автора.

Именно эта функция впоследствии сыграла решающую роль в обеспечении активного участия выдающихся римских юристов в общем нормотворческом процессе. С особой силой такое участие проявилось в классический период развития римского частного права [7].

К общей функции **respondere**, которую римские юристы осуществляли и раньше, император Август присоединил представленное некоторыми юристами *ius respondendi* – право давать в письменном виде по запросам участников спора юридические решения властью императора (*ex auctoritate principis*) с приданием им тем самым качества обязательности [1].

Примененные к конкретному спору, эти решения силой своего авторитета оказывали влияние на судьбу других однородных споров, что и придавало им известное нормативное значение.

Научно-литературные произведения римских юристов (дошедшие до нас лишь в незначительной части, и то в копиях) можно разделить на следующие категории, предложенные на рисунке 2.

Рисунок 2. «Категоризация произведений римских юристов»

Первую категорию составляли произведения по гражданскому праву (в противоположность преторскому). Так как в этих произведениях юристы обыкновенно придерживаются плана, принятого Сабином в его сочинении «О гражданском праве», то эта первая категория произведений юристов носит название «*libri ad Sabinum*» (такого рода произведения принадлежали Помпонию, Павлу, Ульпиану).

Вторую категорию сочинений составляют комментарии к преторскому эдикту (*libri ad edictum*), написанные Лабеоном, Гаем, Павлом, Ульпианом.

В **третью категорию** можно отнести дигесты, объединявшие гражданское и преторское право.

Четвертую категорию составляют:

- учебники (институции);
- сборники правил (*regulae*);
- сборники мнений (*sententiae*).

Пятую категорию образуют сборники казусов под заглавием «Вопросы» (Цельза, Помпония) и «Ответы» (Папиниана) [3].

В соответствии с практическим характером деятельности старых республиканских юристов их литературная деятельность выражалась в комментариях к Законам XII Таблиц – таков комментарий Элия Пета Ката в трех частях: объяснение текста, толкование юристов и исковые формулы.

Более поздние произведения дают обобщение практики, ряд юридических правил – *regulae*, сформулированных Марком Порцием Катонем.

Наконец, появились систематические комментарии по отдельным системам гражданского и преторского права.

Квинт Муций Сцевола (I в. до н.э.) был составителем первого подробного изложения гражданского права в 18 книгах. Рассмотрим систематику контрактов, которую предложил Квинт Муций Сцевола.

«В соответствии с тем, как было заключено какое-либо обязательство, так оно должно быть и исполнено: итак, если мы заключили контракт займа, следует исполнить его, передав вещь, например, если мы заключили контракт словами, то чтобы следовало исполнить обязательство, или передав вещь, или посредством произнесения слов. Если должник взял на себя обязательство, передав вещь, когда исполнил то, что обещал. Равным образом, если заключен контракт купли, или продажи, или найма, то так как (обязательство) можно заключить одним соглашением, то и прекратить можно обратным соглашением» [5].

Данный фрагмент можно условно разделить на две части.

В первой проводится принцип корреспонденции между способом установления обязательства и его прекращением для реальных и вербальных договоров, которые являются для Квинта Муция Сцеволы самостоятельными правовыми явлениями.

Во второй части, текстуально совпадающей с последним предложением, юрист распространяет данный принцип на консенсуальные договоры.

Но вместо прямого указания на соглашение как способ установления и прекращения обязательства из консенсуальных договоров юрист вначале приводит примеры консенсуальных контрактов и только потом выводит правило.

Фрагмент интересен также из-за используемой в нем терминологии. Квинт Муций Сцевола вводит понятие «*contrahere*», означающее установление обязательства в оппозиции к «*solvere*», указывающее на его прекращение.

Юрист, таким образом, делает выбор в пользу относительно нового термина.

Наконец, вместо понятия «*emptio-venditio*» для обозначения купли-продажи Квинт Муций Сцевола говорит «*emptio vel venditio*», то есть «купля или продажа», а найм «*locatio*» полностью лишен своего бинома «*conductio*».

Такое подчеркнутое разграничение внутри купли-продажи может обозначать, что юрист еще не идентифицирует взаимность обязательств, вытекающую из контрактов купли-продажи, где обязанность продавца существует лишь в той мере, в какой существует обязанность покупателя, что выражается семантически через связь двух слов дефисом, то есть «*emptio-venditio*», или купля-продажа.

Из фрагмента следует, что первая систематизация контрактов проводится юристом по способу возникновения обязательства из них. Квинт Муций Сцевола придает «*contrahere*» новое техническое значение действия по установлению обязательства. В то же время контракт остается простым правовым актом.

Он не идентифицирует в нем не только соглашение как необходимое согласование волеизъявлений, но и не видит присущую консенсуальным контрактам взаимность обязательств, рассматривая куплю и продажу как самостоятельные правовые фигуры [6].

Квинт Муций Сцевола в значении источника обязательства использует пакт. Он распространяет запрет устанавливать обязательства в пользу третьих лиц, как в отношении стипуляции («*stipulation*») и дополнительного отношения к манципации («*lex dictum*»), так и в отношении пакта.

Это означает, что за пактом Квинт Муций Сцевола признает способность быть источником обязательства и институтом гражданского права.

Нормативной основой утверждения, прежде всего консенсуальных контрактов в значении источника обязательства, Квинт Муций Сцевола видит принцип добросовестности («*bona fides*»).

Добросовестность стала результатом развития концепции «*fides*», социальной максимы общественных отношений в римском обществе. Присущими добросовестности характеристиками являются ее специально правовой характер и особое значение в судебном процессе.

По мнению юриста, добросовестность сыграла ключевую роль в процессе интеграции консенсуальных соглашений в систему гражданского права. В судебном процессе по доброй совести получили защиту соглашения, имевшие определенное правовое основание.

Следовательно, соглашения, признаваемые по праву народов, через судебное производство по доброй совести и признание их источником обязательства, то есть института гражданского права, становятся универсальными правовыми институтами.

Это же происходит с договором товарищества и опекой, защищаемыми посредством «*iudicia bonae fidei*» и признаваемыми гражданским правом.

Таким образом, Квинт Муций Сцевола считал, что принцип добросовестности приводит к сближению правовых систем «права народов» и «гражданского права» – создавая все предпосылки для формирования единого института контракта как источника обязательства, также являющегося универсальной конструкцией римского правопорядка.

От умения выступать, красноречия юристов часто зависело судебное решение. Примером этого является деятельность знаменитого **Цицерона** (106-43 гг. до н.э.).

В трактате «О законах» Цицерон развивает теорию естественного права («*ius naturale*»), согласно которой существует «естественный закон», общий для людей и богов. С его помощью люди отличают бесправие от права и зло от добра [4].

Этот закон он определяет как «заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что совершать следует, и запрещающий противоположное» [2].

К I веку до нашей эры развитие римского права привело к накоплению многочисленных, никак не систематизированных источников права. Из-за сложности изучения права, досадовал Цицерон, даже некоторые судебные ораторы не разбираются в юридических вопросах [8].

Решением этой проблемы он видел разработку введения в право с использованием философского аппарата для классификации базовых принципов гражданского права, которое позволило бы упорядочить разрозненные определения и превратить право в искусство.

Особого расцвета римская юриспруденция достигла в период принципата (I-III вв. до н.э.), признаваемый как классический.

Именно в эту эпоху право частной собственности, частное право достигли своего высшего развития. Это обусловило широкое развитие деятельности римских юристов.

Классические юристы успешно справились со стоявшими перед ними задачами. На место прежнего словесно-грамматического толкования законов и сделок является толкование «*ex voluntate*», основанное на отыскании воли закона или сторон.

Как говорил **Ювенций Цельз** – «знать законы – это не значит держаться за их слова, но (понимать) их силу и значение (мощь)».

Ему также принадлежит еще одно знаменитое высказывание: «либо я ничего не смыслю в твоём вопросе, либо сам вопрос глуп» [7].

Еще одним из выдающихся классических римских юристов считается **Гай** (II в. – 190 г.), оставивший учебное руководство – Институции [1].

Институции Гая представляют собой систематическое изложение всего римского частного права, как гражданского, так и преторского. Структура Институций Гая предложена на рисунке 3.

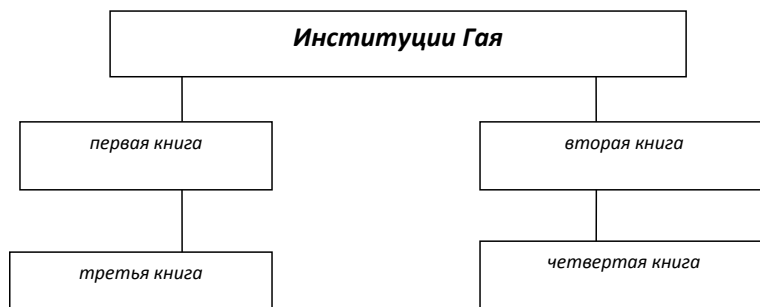

Рисунок 3. «Структура Институций Гая»

В первой книге приводятся положения о свободных и рабах, о свободнорожденных и вольноотпущенниках.

Она начинается с общих сведений о праве. Указываются различия между правом цивильным и правом народов. Перечисляются все источники римского частного права.

Основная масса текста посвящена правовому положению людей, в частности свободных, латинов, перегринов и рабов.

Уделяется внимание делению в праве лиц на самовластных и подвластных, а также различиям в правовом положении подвластных лиц.

Рассматриваются три вида частной власти – *potestas*, *manus* и *mancipium*. Разбираются правовые институты брака, отцовской власти, опеки и попечительства.

Во второй и третьих книгах говорится о различных видах вещей, о сделках вещного оборота, о наследовании и обязательствах.

Рассматриваются такие категории вещей, как *res mancipi* и *res nec mancipi*. Даются характеристики основных терминов, обозначающих собственность – *dominium* и *proprietas*. Сообщаются данные о так называемой «бонитарной собственности» и о *duplex dominium*. Говорится также о сервитутах и *possessio*.

Изложение наследственного права начинается с изложения наследования по завещанию (*ex testamento*).

Последовательно описываются порядок гражданского завещания и преторского *bonorum possessio*, правила подназначения наследника (субституции) и необходимого наследования, завещательные отказы (легатов и фидеикомиссов), а также порядок наследования по закону.

Именно здесь окончательно сформировано Гаем представление об агнатическом родстве.

Далее Гаем осуществлен обзор положений об обязательствах – «*obligatione*». Он делит их по источникам:

- ✓ обязательства из контрактов;
- ✓ обязательства из деликтов.

Здесь же – юридическая характеристика контрактов по четырем группам:

- ✓ реальные контракты;
- ✓ вербальные контракты;
- ✓ литеральные контракты;
- ✓ консенсуальные контракты [3].

Конец третьей книги посвящен обязательствам из деликтов: воровства, повреждения и уничтожения вещей по закону Аквилы.

В четвертой книге рассматриваются виды исков – *«actio»*, подробно описываются юридические средства защиты в гражданском процессе.

Содержатся сведения о легисакционном процессе и о процессе *«per formula»*. Описываются всевозможные иски, используемые в процессе, в том числе известные виндикационный и негаторный, а также сведения об экцепциях и интердиктах [5].

Институции Гая – единственный памятник полной древнеримской научной системы права и драгоценный источник сведений о состоянии римского права на ранних ступенях его развития.

Для римских юридических школ учебник Гая «Институции» служил образцовым пособием при изучении права: систематичность, краткость, ясность и точность изложения, сопровождаемого в трудных местах многочисленными пояснениями в виде примеров из судебной практики, чистота латинского языка и обилие исторических сведений – вот отличительные качества этого учебника.

Также выдающимся римским юристом можно считать **Папиниана** (конец II-III вв.).

Папиниан оставил после себя относительно немного сочинений, большинство из которых он написал в почтенном возрасте [2].

Так, его перу, в частности, принадлежат три сборника по гражданской юриспруденции.

Первый из них назывался «Вопросы» – «*Quaestiones*». В этом сборнике Папиниан развил свою основную правовую доктрину в полемической форме, сталкивая и анализируя различные мнения и взгляды по наиболее трудным аспектам права.

Второй труд, написанный юристом, называется «Мнения» – «*Responsa*». В нем автор, рассматривая выдвигаемые сторонами мотивы и доводы в обоснование своих противоположных позиций, предлагал конкретные решения их требований и притязаний.

Таким образом, если в «Вопросах» этот мастер античной юриспруденции выступал в основном в качестве наставника или преподавателя права, то в «Мнениях» он действовал как судья, разрешающий конкретные споры.

Третий трактат, называвшийся «Дефиниции» – «*Definitiones*», был опубликован в последние годы жизни Папиниана. Основная цель этого произведения состояла в формулировании четких правил и кратких

максим по тем или иным правовым вопросам, которые возникали в практической деятельности судов [8].

Еще одним ярким представителем римской юриспруденции считался **Юлий Павел** (кон. II-III вв.).

Павел написал множество работ по различным вопросам права, которые отличались точностью юридического анализа и энциклопедическим охватом всего предшествующего правового материала.

Наиболее крупными сочинениями юриста являлись:

- ✓ «Комментарий к преторскому эдикту», который содержит не столько комментариев к эдикту, сколько свободное изложение норм преторского права с общими учениями о его институтах;

- ✓ «Трактат о гражданском праве», представляющий самостоятельный очерк права, изложенный по системе Сабина с помощью сочинений и других юристов.

Кроме того, сохранилась значительная часть его «Сентенций», в которых излагались действующие юридические нормы в коротких положениях без обоснования и разъяснения контроверз.

Данное сочинение Павла пользовалось высоким авторитетом, получило для судов силу закона еще при Константине. В Феодосиевом кодексе оно названо – «в высшей степени полным света, совершеннейшим по изложению и справедливейшим по юридическим рассуждениям» [4].

В заключение хочется обратить внимание на литературную деятельность такого римского юриста, как **Домиций Ульпиан** (III в.).

По мнению Ульпиана, «справедливость есть постоянное и вечное стремление воздавать каждому свое». А определение права, в его объективном переводе, – «право есть искусство доброго и справедливого» [9].

Из данной формулы, предложенной юристом, есть указание на то, что право должно быть согласовано со своим этическим масштабом, соответствовать нравственным принципам своего времени и не отставать от него.

Право делится Ульпианом, по природе норм, его составляющих, на три рода:

- ✓ *jus naturale* («естественное право») – обнимает все живые существа;

- ✓ *jus gentium* («право народов») – касается всех людей;

- ✓ *jus civile* («гражданское право») – относится лишь к известному политическому целому [9].

В основание деления права на частное и публичное Ульпиан кладет понятие интереса – «*utilia*»: «что клонится к пользе государства, представляет известный интерес для состояния римского государства, то относится к области публичного, все, что клонится к пользе отдельных людей, – к сфере частного права» [4].

Ярче всего принципы Ульпиана отразились в его знаменитой фор-

муле: «положения права таковы: жить честно, не вредить другому, воздавать каждому за свое» [4].

Юриспруденция, по мнению Ульпиана, есть знание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом.

В своей деятельности римские юристы превосходно сочетали теорию и практику, отлично знали запросы жизни, правовые ситуации и конфликты, обусловленные всепроникающими воздействиями частной собственности.

Они толковали право не по букве, а по смыслу, исходя из практической целесообразности, признания римских граждан равноправными по закону и по справедливости.

Разработанные юристами формулы и определения достигли уровня искусства. Четкость, лаконизм, афористичность правовых понятий поражали современников.

Римские юристы относились к своей деятельности как к своего рода творчеству.

В отличие от ораторов, выступающих в судах за вознаграждение, юрисконсульты Рима давали консультации бесплатно, их удовлетворяли слава, популярность, влияние, которое они приобретали в результате своей деятельности.

Творческие достижения римских юристов, разработавших целый ряд фундаментальных положений юриспруденции как самостоятельной научной дисциплины, продолжают привлекать пристальное внимание и современных исследователей. И это вполне закономерно и естественно уже потому, что многие современные понятия, термины и конструкции гражданского права восходят к римскому частному праву и великолепной деятельности римских юристов.

Примечания:

1. Боголепов Н.П. Учебник истории римского права / Боголепов Н.П. – Электрон. текстовые данные. – М.: Зерцало, 2015. 568 с. [Электронный ресурс] // ЭБС «IPRbooks» // <http://www.iprbookshop.ru/64373.html>

2. Grimm Д.Д. Лекции по догме римского права. М.: Зерцало, 2015. 496 с. [Электронный ресурс] // ЭБС «IPRbooks» // <http://www.iprbookshop.ru/>

3. Ерофеева Д. В. Римское право: учебник. М.: Российская Академия адвокатуры и нотариата, 2015. 330 с. [Электронный ресурс] // ЭБС «IPRbooks» // <http://www.iprbookshop.ru/>

4. Кудинов О.А. Комментарии к источникам римского права. М.: Дашков и К, 2019. 344с. [Электронный ресурс] // ЭБС «IPRbooks» // <http://www.iprbookshop.ru/85375.html>

5. Кудинов О.А. Введение в римское право: учебное пособие. М.:

Дашков и К, 2019. 344 с. [Электронный ресурс] // ЭБС «IPRbooks» // <http://www.iprbookshop.ru/85213.html>

6. Морев М. П. Римское право: учебное пособие (2-е издание). М.: Дашков и К, Ай Пи Эр Медиа, 2017. 720 с. [Электронный ресурс] // ЭБС «IPRbooks» // <http://www.iprbookshop.ru/57164.html>.

7. Морев М. П. Римское право: учебное пособие. М.: Эксмо, 2011. [Электронный ресурс] // ЭБС «IPRbooks» // <http://www.iprbookshop.ru/>

8. Новицкий И. Б. Римское право: учебник для вузов. М.: Зерцало-М, 2015. 256 с. [Электронный ресурс] // ЭБС «IPRbooks» // <http://www.iprbookshop.ru/>

9. Римское частное право: учебник / И. С. Перетерский [и др.]. М.: Зерцало, 2015. 560 с. [Электронный ресурс] // ЭБС «IPRbooks» // <http://www.iprbookshop.ru/52236.html>

В. О. Галуева

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КОМПЕТЕНЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы компетенции Федерального Собрания Российской Федерации как органа законодательной власти, обосновывается его единая компетенция в противовес мнению о раздельной компетенции его палат.

Одним из основных элементов правового статуса любого государственного органа является его компетенция. Федеральное Собрание не является исключением. Однако возникает немало трудностей при определении компетенции этого органа в связи с тем, что палаты заседают совместно лишь в исключительных случаях, а на их совместном заседании не предусматривается возможность принятия каких-либо решений [1].

Конституция РФ не содержит прямых норм, касающихся компетенции Федерального Собрания в целом, определяя круг вопросов регулирования каждой из палат в отдельности.

Однако уже в первых статьях регламентов Государственной Думы и Совета Федерации они позиционируют себя как палаты Федерального Собрания, без совместной деятельности которых невозможно осуществление многих парламентских процедур, в первую очередь – принятия законов.

Кроме того, сама Конституция, определяя полномочия каждой палаты, не определяет их статус как самостоятельных государственных органов, а следовательно и полномочия, принадлежащие каждой палате, являются одновременно общими полномочиями парламента.

Но даже не делая конкретное указание на Федеральное Собрание, в Конституции РФ содержатся статьи, непосредственно подразумевающие его, например, в связи с установлением порядка внесения поправок к гл.3-8 Конституции. Отсюда мы делаем вывод, что общая компетенция парламента образуется не только путем простого сложения полномочий его палат.

Еще одним подтверждением признания наличия общей компетенции Федерального Собрания является норма о ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию.

Таким образом, основываясь на вышеизложенном, можно говорить о компетенции Федерального Собрания как единого государственного органа.

Без определения компетенции не представляется возможным определить цели, содержание, формы и методы деятельности какого-либо органа, в том числе и Федерального Собрания. От объема его компетенции зависит значимость этого органа, а также уровень его влияния на социально-экономические процессы.

Определение понятия «компетенция» содержалось ранее в Законе «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации». Данный закон в 2003 году утратил силу, однако определение, закрепленное в нем, можно считать и на сегодняшний день актуальным, подвергнув его некоторой доработке.

Приведем его: компетенция органа государственной власти – это совокупность полномочий этого органа по предметам ведения, установленным Конституцией РФ и принятыми в соответствии с ней конституциями и уставами субъектов РФ. В это определение было бы необходимым добавить после слова «Конституцией РФ» – федеральными конституционными законами, федеральными законами, а после фразы «уставами субъектов РФ» – а также законами субъектов Федерации. Только в этом случае определение компетенции органа государственной власти можно считать полным.

Сам термин «компетенция» охватывает два структурных элемента: предметы ведения и полномочия. Об этом говорится в трудах многих авторов – В.С. Нерсесянца, О.Е. Кутафина, И.В. Выдрина и других. Под предметами ведения при этом понимаются сферы общественной жизни, в которых действует данный государственный орган, а под полномочиями – права и обязанности этого органа в отношении принятия нормативных актов и осуществления иных действий, которые должны им активно использоваться в своей деятельности.

Компетенция государственных органов обусловлена их предназначением и местом в системе органов государственной власти. Наличие собственной компетенции является одним из основных признаков любого государственного органа. При этом при осуществлении этой

компетенции органы государственной власти могут рассчитывать на принудительную силу государства.

Федеральное Собрание, являясь парламентом России, обладает полной компетенцией в сфере законодательства, что подтверждается и Конституцией РФ. Кроме того, оно выполняет и некоторые контрольные функции, о которых будет сказано в следующей главе.

Т. Я. Хабриева определяет компетенцию российского парламента как совокупность полномочий, посредством которых осуществляются основные функции Федерального Собрания. При этом она считает, что компетенция парламента складывается из компетенций его палат [2].

В связи с тем, что Федеральное Собрание является законодательным органом России, к предметам его ведения отнесены не только вопросы исключительного ведения Российской Федерации, но и совместного ведения Федерации и ее субъектов, по которым требуется законодательное регулирование.

В проекте Федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации» была предпринята попытка определить предмет законодательной работы, которая, по мнению разработчиков, должна была охватить менее половины предметов ведения Российской Федерации, что представляется не вполне обоснованным.

Признание взаимосвязи между предметами ведения РФ и содержанием компетенции Федерального Собрания имеет важное значение. Это определяет диапазон его законодательной деятельности. Кроме того, принимать законы федерального уровня в сферах, обозначенных к регулированию органами власти субъектов Российской Федерации, недопустимо. Это является прямым противоречием Конституции РФ.

Конституционной базой для регулирования законодательной компетенции Федерального Собрания являются статьи 11, 71, 72, 94, 99, 104-108 и 136 Конституции РФ. В ст. 11 право на осуществление государственной власти закреплено именно за Федеральным Собранием, а не его палатами, – это право на принятие федеральных законов.

Статус Федерального Собрания регулируется не только Основным Законом страны, но и законами федерального уровня. В пример можно привести ФЗ «О Правительстве Российской Федерации» – на предмет взаимоотношений Правительства именно с Федеральным Собранием как единым государственным органом. Или послание Президента России, которое направляется также Федеральному Собранию.

Парламент как единый законодательный орган государства выступает и в международных отношениях. Таким он и воспринимается зарубежными парламентами. Кроме того, Федеральное Собрание является единым членом в международных организациях (Межпарламентский союз, Парламентская ассамблея Совета Европы и др.).

Несмотря на все аргументы, компетенция российского парламента не является вполне достаточно определенной. Прежде всего, было

бы целесообразным расширить конституционный статус Федерального Собрания, добавив в его статусную характеристику наряду с законодательным и представительным определением «контрольный» орган государственной власти (что вполне подтверждается его полномочиями).

Кроме того, можно было бы расширить перечень вопросов, рассматриваемых на совместных заседаниях палат российского парламента (например, отчеты Правительства можно было бы представлять не перед Государственной Думой, а на совместном заседании палат Парламента). Это устранило бы все сомнения по поводу единой компетенции Федерального Собрания.

Примечания:

1. Астафичев П. А. Институт народного представительства в современной России. Орел, 2003.

2. Парламентское право России / Под ред. Хабриевой Т. Я. М.: Норма, 2003.

Г. П. Левченко, С. Х. Хаматова

СООТНОШЕНИЕ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ С ИНЫМИ ВИДАМИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

В статье рассматривается соотношение военной службы с иными видами федеральной государственной службы. Автор подчеркивает, что взаимосвязь военной службы с иными видами федеральной государственной службы обеспечивается на основе единства всей системы государственной службы в Российской Федерации, а также единых подходов к принципам построения и функционирования.

Вооруженным Силам Российской Федерации принадлежит важнейшая роль в решении задач обороны и безопасности государства, и тем самым в обеспечении возможности модернизации российского общества на основе принципов демократии и главенства закона.

Военная служба – это вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на воинских должностях или не на воинских должностях в случаях и на условиях, предусмотренных федеральными законами и нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции

по обеспечению обороны и безопасности государства. Таким гражданам присваиваются воинские звания.

В свою очередь, в статье 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» дается определение «военной службы» и указывается на ее особый вид [1]. Согласно Закону субъектами государственной службы могут быть только граждане Российской Федерации, а по Закону о военной службе – как граждане, не имеющие иностранного гражданства или подданства, так и граждане, имеющие гражданство (подданство) иностранного государства, и иностранные граждане.

Учитывая изложенное, можно выделить характерные признаки, которые придают военной службе особый вид, а также установить взаимную связь между военной службой и иными видами федеральной государственной службы.

Статья 6 Федерального закона от 27 июля 2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2] устанавливает взаимосвязь гражданской службы и государственной службы Российской Федерации иных видов. Указанная взаимосвязь обеспечивается на основе единства системы государственной службы Российской Федерации и принципов ее построения и функционирования, а также посредством:

- соотносительности основных условий и размеров оплаты труда, основных государственных социальных гарантий;
- установления ограничений и обязательств при прохождении государственной службы Российской Федерации различных видов;
- учета стажа государственной службы Российской Федерации иных видов при исчислении стажа гражданской службы;
- соотносительности основных условий государственного пенсионного обеспечения граждан, проходивших государственную службу Российской Федерации.

Принцип единства системы государственной службы, установленный Федеральным законом, предусматривает наличие единых подходов к организации государственной службы. Федеральные законы о видах государственной службы обеспечивают реализацию принципов построения и функционирования системы государственной службы.

Правоохранительная служба – вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина. Таким гражданам присваиваются специальные звания и классные чины.

Наиболее общее отличие правоохранительной и военной государственной службы от гражданской государственной службы заключается

ся в предназначении этих видов государственной службы, т.е. в выполняемых ими функциях и задачах [3].

При этом для военной службы характерны следующие признаки:

- специфика выполняемых задач и функций в области обороны и военной безопасности;
- наличие специальных принципов в организации военной службы;
- особые условия службы, нередко сопряженные с риском для жизни и здоровья;
- особые служебные обязанности (обязанности военной службы);
- наличие регулирования военно-служебных отношений через общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации, в том числе Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации, учитывающие особенности должностных функций и условия военной службы;
- особые условия и порядок поступления на военную службу, ее прохождения, присвоения воинских званий, назначения на должности, прекращения службы;
- наличие особого статуса военнослужащих;
- особый порядок привлечения к видам правовой ответственности (прежде всего уголовной, дисциплинарной и материальной);
- специальное обеспечение (денежное довольствие, социальные гарантии, форма, знаки различия и отличия и т.п.).

Как видно, многие из перечисленных отличительных признаков имеют особый характер. Функциональное предназначение отдельных видов государственной службы обуславливает их специфику и отличия военной службы от других видов государственной службы Российской Федерации.

Военная служба имеет ряд существенных различий по отношению к другим видам государственной службы. К числу отличительных функций военной службы от правоохранительной службы следует отнести функции по обеспечению обороны и безопасности государства. Функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина отнесены к правоохранительной службе.

Таким образом, военная служба направлена на обеспечение обороны и безопасности государства, а правоохранительная служба обеспечивает безопасность внутри государства, законность и правопорядок, а также борьбу с преступностью и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Федеральная государственная гражданская служба – профессиональная служебная деятельность граждан на должностях федеральной государственной гражданской службы по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов и лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации.

Так, например, система федеральных органов исполнительной власти установлена Указом Президента Российской Федерации от 21 мая 2012 г. №636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [4]. Отдельно хотелось бы отметить, что полномочия федерального органа исполнительной власти могут осуществляться путем прохождения в нем как военной службы, так и федеральной государственной гражданской службы.

Возвращаясь к четырем направлениям, обеспечивающим взаимосвязь гражданской службы и государственной службы Российской Федерации иных видов, необходимо отметить следующее. Указом Президента РФ от 1 февраля 2005 г. №113 «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим» утверждена таблица соотношения классных чинов федеральной государственной гражданской службы, воинских и специальных званий, классных чинов юстиции, классных чинов прокурорских работников [5]. Отдельно следует отметить, что в случае поступления гражданина на военную службу классный чин государственной гражданской службы Российской Федерации не учитывается при присвоении воинского звания.

Кроме того, для служащих правоохранительных органов, военнослужащих и гражданских служащих установлены единые ограничения и запреты, связанные с противодействием коррупции на государственной службе, и аналогичная система ответственности за их несоблюдение. Данные запреты установлены статьями 17, 18 и 20 Федерального закона от 27 июля 2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» [6]. Ограничения, запреты и обязанности, связанные со службой в полиции и прохождением военной службы, установлены статьей 29 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции» и статьей 27.1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. №76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [7]. Указанные нормы носят отсылочный характер к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также к статьям 17, 18 и 20 Федерального закона от 27 июля 2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Сопоставление систем социальных гарантий отдельных видов государственной службы демонстрирует единые подходы для военной и правоохранительной службы, что объясняется схожими условиями прохождения этих видов государственной службы. Существенные отличия в объеме и характере социальных гарантий, предусмотренных для служащих, проходящих государственную службу различных видов, как правило, не имеют достаточного обоснования.

Что касается соотносительности размеров оплаты труда, то Указом Президента Российской Федерации от 2 августа 2012 г. №1100

«О совершенствовании оплаты труда федеральных государственных гражданских служащих Администрации Президента Российской Федерации» утверждены таблица соотношения должностей федеральной государственной гражданской службы в Администрации Президента Российской Федерации и воинских должностей военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, а также таблица соотношения классов чин федеральной государственной гражданской службы и воинских званий. Пунктом 5 данного Указа предусмотрено, что при повышении (индексации) окладов по воинским должностям военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, и окладов по воинским званиям военнослужащих одновременно и в таком же размере повышаются (индексируются) месячные оклады федеральных государственных гражданских служащих.

Таким образом, взаимосвязь военной службы с иными видами федеральной государственной службы обеспечивается на основе единства всей системы государственной службы в Российской Федерации, а также единых подходов к принципам построения и функционирования.

На протяжении последних нескольких лет соотношение военной службы с иными видами федеральной государственной службы, в части соотносительности основных условий и размеров оплаты труда, основных государственных социальных гарантий; установления ограничений и обязательств при прохождении государственной службы Российской Федерации различных видов; учета стажа государственной службы Российской Федерации иных видов при исчислении стажа гражданской службы; соотносительности основных условий государственного пенсионного обеспечения граждан, проходивших государственную службу Российской Федерации, неуклонно стремится к минимуму, что существенно отражается на особом виде военной службы.

Примечания:

1. Федеральный закон от 28 марта 1998 года №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Российская газета. 1998. 2 апреля.

2. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. 31.07.2004. №162.

3. Корякин В. М., Кудашкин А. В., Фатеев К. В. Военно-административное право (военная администрация). М.: За права военнослужащих, 2008. С. 195.

4. Указ Президента Российской Федерации от 21 мая 2012 г. №636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета. 22.05.2012. №114.

5. Российская газета. 03.02.2005. №20.

6. СЗ РФ. 29.12.2008. №52 (ч. I). Ст. 6228.

7. СЗ РФ. 01.06.1998. №22. Ст. 2331.

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматривается нормативное регулирование законодательного процесса Конституцией РФ, законом, регламентом. Также в статье содержатся положения, которые предлагается законодательно закрепить для достижения эффективности законодательного процесса.

Стремительное развитие правовой сферы российского общества приводит к резкому увеличению объема законодательного массива. Однако само по себе увеличение числа законов не свидетельствует о повышении уровня правового регулирования общественных отношений и укреплении законности. Одной из причин этого является слабое внимание к системе определенных требований, предъявляемых к процессу создания законов.

Нормативное регулирование законодательного процесса Российской Федерации осуществляется Конституцией Российской Федерации и Регламентами палат Федерального Собрания Российской Федерации. Конституция Российской Федерации содержит общие нормы, а регламенты палат Федерального Собрания Российской Федерации их конкретизируют. В Конституции, как правило, закрепляется перечень субъектов законодательного процесса и их законотворческие полномочия. Конституция Российской Федерации существенно расширила диапазон конституционного регулирования в области законотворчества; установила круг лиц и органов, обладающих правом законодательной инициативы; закрепила принципы формирования комитетов и комиссий палат Федерального Собрания для ведения законотворческой работы, процедуру деятельности каждой из палат при осуществлении ими законотворческих полномочий, требуемое большинство, при наличии которого законодательный акт считается принятым, порядок разрешения споров при возникновении разногласий между палатами, сроки подписания закона Президентом, возможность использования им отлагательного «вето» и порядок его преодоления парламентом.

Все вышеперечисленные вопросы, получившие закрепление в Конституции Российской Федерации, получили дальнейшее развитие в Регламентах палат Федерального Собрания Российской Федерации. Регламент играет в законодательном процессе важную роль, так как это – акт саморегуляции парламента, в котором преобладают процессуальные нормы. Регламент является самым распространенным способом правового закрепления процедуры. Для эффективности за-

конодательного процесса необходимо стремиться к наиболее полному отражению процедуры в правовом акте. Юридические процедуры призваны обеспечить деятельность государственных и иных органов и должностных лиц, адекватное применение норм материального права.

Процедуры возникают, если есть потребность нормативного закрепления порядка определенных действий. Сущность процедуры в характере основного общественного отношения, которому она служит.

Исследование общих принципов юридического процесса как комплексной системы обеспечит перенесение навыков уважительного отношения к процедурным правилам и закону, классически отработанных в правосудии вообще, во все другие области государственной деятельности. Последнее положение важно потому, что традиционное процессуальное мышление зиждется на следующем принципе: только судебная деятельность должна осуществляться при строжайшем соблюдении процедурного порядка, а все иные правовые формы могут с ним и не считаться. Традиционное представление о процессе как об исключительно юрисдикционном имеет глубокие исторические корни и подчас выражается в несколько неуважительном отношении к процедуре и ее неукоснительному соблюдению в неюрисдикционных правовых формах [1, с. 5].

Процедуры применяются во внесудебных неюрисдикционных производствах: в законодательстве, выборах депутатов, назначении на должность граждан и т.д. Процедурные правила обращены в первую очередь к органам и учреждениям представительной и исполнительной власти. Если процедура – организующее средство обеспечения нормальной реализации права, она непременно включается в материальное право в виде отдельных статей или даже разделов кодекса. Нередко процедурные правила составляют самостоятельный нормативный акт. Например, регламент.

В некоторых зарубежных государствах нормативное закрепление законодательного процесса, прав и обязанностей субъектов законодательной деятельности содержится в специальном федеральном законе. Например, в Швейцарии кроме регламента парламента был принят федеральный закон, который четко и подробно регулирует законотворческую процедуру, права и обязанности участников законодательного процесса. В Австрии регламенту нижней палаты – Национальному Совету был придан статус федерального закона.

Процессуальная природа деятельности представительного органа по созданию законов требует регламентации этой деятельности правовыми нормами. Регламентация парламентских процедур базируется на определенных концептуальных положениях, призванных обеспечивать единый порядок законодательного процесса, наиболее целесообразную его организацию. Прежде всего это: необходимая преемственность в регламентировании законодательной деятельности, закрепление общепризнанных, выработанных парламентской

практикой законотворческих процедур; всесторонняя и в максимальной степени детальная урегулированность процесса законотворчества; постоянное совершенствование процедурных правил при одновременном сохранении их определенной стабильности. Большое значение для правовой регламентации законодательного процесса имеет установление мер правового воздействия, направленных на обеспечение надлежащего исполнения процессуально-правовых предписаний. Наличие таких правообеспечивающих мер в механизме правового регулирования законодательного процесса повышает авторитет процессуальных норм, позволяет предотвратить попытки манипулирования ими со стороны участников процессуальной деятельности, ограничивает возможности действовать вопреки содержащимся в них предписаниям [2, с. 23].

Порядок принятия регламента свидетельствует о том, что он не отождествляется с законом. Регламент Государственной Думы и Регламент Совета Федерации принимаются палатами не по процедуре принятия законов, и в отличие от законов подписываются не Президентом Российской Федерации, а председателями палат, поэтому вето Президента на них не распространяется.

Большинство субъектов Российской Федерации в качестве правовой процедуры регулирования деятельности парламента также избрали регламент. В то же время отдельные субъекты Федерации демонстрируют возможность другого пути, используя для регламентации порядка деятельности парламента закон о регламенте. Так, в Республике Саха (Якутия) Палата Республики Государственного Собрания сроком на один год принимает регламент своей работы, а по истечении года регламент принимается повторно уже в форме закона. Согласно ст. 130 Конституции Республики Башкортостан процедура принятия законов палатами Государственного собрания и их полномочия определяются республиканским законом (регламентом) [3, с. 25].

Для законодательного органа власти очень важна независимость в осуществлении полномочий в сфере законотворчества. Поэтому в большинстве зарубежных государств регламент закреплен в качестве акта, который обеспечивает работу парламента.

Но как внутренний акт регламент не решает некоторые вопросы законодательного процесса. Как верно отмечает А. И. Абрамова, регламент сориентирован лишь на те нормы, которыми регулируется работа самого законодательного органа, и не имеет регулятивного значения за рамками своего предмета регулирования, т.е. не обладает реальной юридической силой вне стен парламента. Между тем законодательный процесс не сводится к деятельности только законодательного органа, в нем участвуют другие органы, организации, осуществляющие различные действия, связанные с процессом создания закона, например, предоставление материалов и документов учреждениями, ведомствами по запросам парламентских комитетов; подго-

товка заключений на законопроекты Правительством; рассмотрение принятого парламентом закона Президентом и проч. Возникающие в подобных случаях отношения по причине их неурегулированности не приобретают обязательного характера. Это неизбежно влечет за собой несогласованность, несбалансированность действий участвующих в процессе лиц, несоблюдение ими взаимных обязательств и, как следствие – отрицательно сказывается на качестве принимаемых законов, их исполнимости. Требуются особые нормативы, закрепляющие процедуры, которые не могут быть установлены регламентными предписаниями [4, с. 26].

Долгие годы в отечественной юридической теории и практике обосновывается идея о необходимости принятия федерального закона, который наряду с Конституцией и регламентами палат парламента регулировал бы процедуру законотворчества [5, с. 4].

В середине 90-х гг. законопроект «О порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов» был подготовлен и внесен Президентом Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Данный законопроект был отклонен в первом чтении. В процессе доработки законопроект претерпел значительные изменения. В 1997 г. законопроект был снова внесен в Государственную Думу и принят в первом чтении. Подготовка законопроекта ко второму чтению началась в 1997 г. и продолжалась в течение нескольких лет. Несмотря на то, что данный законопроект много раз был предметом обсуждения на парламентских слушаниях, конференциях, идея создания Закона «О порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов» остается не реализованной.

По мнению А. И. Абрамовой, идея создания специализированного акта о законодательном процессе и с юридико-технической, и с содержательной точек зрения представляется нереалистичной. Правила, призванные урегулировать законотворческую процедуру, весьма многообразны и неоднородны по своей природе, некоторые из них основываются на методических приемах, имеют частный характер. Свести такие правила воедино, объединить их в рамках одного закона практически невозможно. По той же причине достаточно сложно выделить собственный предмет регулирования этого Закона, соотносить устанавливаемые им нормы с нормами, закрепленными в регламентах палат Федерального Собрания. Поэтому наиболее предпочтительно, чтобы для регламентации законодательного процесса наряду с регламентными положениями, не дублируя, а лишь дополняя эти положения, устанавливались отдельные специальные нормативы путем закрепления их в обычном федеральном законе [6, с. 28-29].

Нормативные предписания, которые призваны урегулировать законотворческую деятельность, содержат, например, Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. №2-ФКЗ «О Прави-

тельстве Российской Федерации», Федеральный закон от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», Федеральный закон от 8 мая 1994 г. №3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Природа Совета Федерации такова, что позволяет говорить о ее федеративно-государственном характере. Отражая мнение и интересы субъектов Федерации, данная палата получила неофициальный, но вполне заслуженный статус «палаты российских регионов», посредством которого субъекты принимают участие в федеральном законодательстве и управлении страной. В этом суть федеративной составляющей природы Совета Федерации. Другая ее составляющая в том, что Совет Федерации есть государственный орган всей Федерации. Его акты направлены не отдельным субъектам, а всему государству, Российской Федерации в целом. Теоретические аспекты и проблематика нормативного регулирования деятельности Совета Федерации Федерального Собрания России, его место в системе органов государственной власти, определяемое полномочиями и механизмами взаимодействия с иными органами в системе разделения властей в современной правовой действительности России чрезвычайно важны и актуальны.

Все принятые федеральные законы подлежат в течение 5 дней передаче из нижней палаты в Совет Федерации. Федеральный закон считается одобренным этой палатой, если за него проголосовало более половины общего числа членов палаты, либо в течение 14 дней он не был рассмотрен Советом Федерации (ч. 3 и 4 ст. 105 Конституции РФ). Если палата не успела рассмотреть федеральный закон в течение 14 дней, то закон считается одобренным и направляется Президенту РФ для подписания и официального опубликования. Для Государственной Думы не установлен срок рассмотрения законопроектов. Поэтому законопроекты годами могут находиться на рассмотрении в Государственной Думе. Для рассмотрения законопроектов в Совете Федерации установлен короткий срок. По мнению Е. В. Колесникова и Д. В. Пажетных, это конституционное требование и политический императив вполне оправданы. Однако на практике Совет Федерации порой превращается в регистратора поступивших законопроектов, так как он из-за нехватки времени или субъективных факторов не всегда способен выступать в виде барьера (своеобразного «фильтра») для непродуманных или конъюнктурных решений, поступивших из другой палаты [7, с. 62].

Российская практика законодательской работы позволяет говорить о том, что Совет Федерации одобряет практически все федеральные законы, принятые Государственной Думой. Совет Федерации

недостаточно отстаивает позиции субъектов РФ. Такое положение не является оптимальным и не идет на пользу федерализму.

Важным направлением взаимодействия Совета Федерации с субъектами Российской Федерации является поддержка их законодательных инициатив. В этой сфере также недостаточно используется потенциал Совета Федерации.

Решения Государственной Думы об отклонении законодательной инициативы, выдвинутой субъектами Российской Федерации, должны в обязательном порядке направляться в качестве информации в Совет Федерации.

Предлагаем закрепить на законодательном уровне специальный статус законодательных инициатив Совета Федерации (по предметам совместного ведения), который бы обязывал Государственную Думу рассматривать такие законопроекты в первую очередь.

Как верно отмечала А. И. Абрамова еще в далеком 2005 г., имеет смысл дать в законодательстве легальное определение понятия «право законодательной инициативы» [8, с. 30]. Хотя терминологическое словосочетание «законодательная инициатива» достаточно широко используется в литературе и давно употребляется в законотворческой практике, до сих пор отсутствует четкое определение этого понятия.

Важно нормативно закрепить сроки начала и окончания реализации законодательной инициативы. Под началом осуществления права законодательной инициативы следует понимать сам факт внесения законопроекта в Государственную Думу, так как с этого момента ставится вопрос о необходимости принятия данного закона. Соответственно логично было бы признать действия по включению законопроекта в повестку дня заседания Государственной Думы сроком окончания проявления права законодательной инициативы.

Законодательного закрепления в рамках исследуемой проблемы требует также положение, обязывающее законодательный орган производить любые изменения заявленной законодательной инициативы только с согласия ее субъекта. При наличии такого правового положения у субъекта появляется реальная возможность «соучаствовать» в работе над инициативой на всех этапах ее прохождения в законодательном органе [9, с. 33].

Не получили правового урегулирования и согласительные процедуры с субъектами Российской Федерации на законопроекты, принимаемые по предметам совместного ведения Федерации и ее субъектов.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации должны иметь возможность влиять на законотворческий процесс в ходе работы над законопроектом по предметам совместного ведения в Федеральном Собрании Российской Федерации. Основным инструментом такого влияния является их представительство в Совете Федерации. Но ст. 106 Конституции Российской Федерации определя-

ет узкий круг законов, требующих обязательного рассмотрения в Совете Федерации. Если закон по предметам совместного ведения все же рассматривается в Совете Федерации, то у него есть следующие возможности для отражения позиции регионов: проект закона, принятый в первом чтении, Государственная Дума официально рассылает законодательным органам государственной власти регионов и Совету Федерации для изучения и подготовки замечаний и предложений; при несогласии с принятым в третьем чтении и официально поступившим в Совет Федерации из Государственной Думы законом верхняя палата может отклонить его, если там не учтены интересы субъектов Российской Федерации, и попытаться внести в него коррективы.

Учесть при доработке законопроекта позицию регионов на практике достаточно сложно, так как во многом это формальная процедура. Для подготовки замечаний и предложений по проекту закона отводится 30 дней, что, на наш взгляд, недостаточно. Установление более длительного срока позволит органам государственной власти субъекта Федерации не только ознакомиться с поступившим из Государственной Думы законопроектом, а всесторонне проанализировать его, выявить положения, с которыми они не согласны.

В законодательном оформлении нуждается вопрос о том, с какого и по какой момент следует вести исчисление устанавливаемого срока. Это важно потому, что до истечения срока, предусмотренного для предоставления субъектами Федерации поправок к законопроекту, принятому в первом чтении, рассмотрение законопроекта во втором чтении не допускается. На наш взгляд, исчисление этого срока должно вестись с даты фактического получения законопроекта конкретным законодательным (представительным) или исполнительным органом государственной власти субъекта Федерации и до дня отправления каждым из них заключения по законопроекту в Государственную Думу. Если в течение установленного срока от субъекта Федерации не поступит отзыва на поступивший к нему законопроект, это не будет служить препятствием для его последующего рассмотрения.

Также не определен порядок, в соответствии с которым регионы должны работать с текстом законопроекта и оформлять свое решение. Кроме того, замечания и предложения региональных законодательных органов не являются для Государственной Думы обязательными.

Субъект Федерации на поступивший к нему на заключение законопроект может прореагировать следующими способами: одобрить законопроект в том виде, в каком он был представлен Государственной Думой; внести в него изменения, дополнения в виде поправок; предъявить возражения по законопроекту.

Интересна позиция Т. Я. Хабриевой, которая считает, что нецелесообразно запускать процесс согласования, загружать органы власти субъектов Федерации работой по анализу законопроектов, если еще Государственная Дума не рассмотрела даже их концепций [10, с. 101].

Практика законотворческой деятельности показывает, что в процессе первого чтения законопроекта редко используются заключения субъектов Федерации для обоснования проектных положений, так как замечания, которые в них содержатся, носят, как правило, редакционный характер и возражений со стороны депутатов не вызывают.

При обсуждении законопроекта во втором чтении, когда законопроект рассматривается по существу, заключение субъекта Федерации имеет важное значение. Содержащиеся в заключении предложения и замечания направлены на корректировку текста федерального законопроекта. Таким образом, субъект Федерации получил бы возможность влиять на процесс создания будущего закона.

Целесообразно законодательно закрепить, чтобы подготовка отзыва на законопроект осуществлялась законодательным и исполнительными органами государственной власти субъекта Федерации совместно. Считаем, что это бы способствовало формированию ими общей позиции и более тесному сотрудничеству с федеральными органами государственной власти в федеральном законодательном процессе.

Установленных правил недостаточно для того, чтобы формализовать и воплотить в реальную жизнь целостный и эффективный механизм кооперации в процессе согласования законотворчества. Думается, что в Федеральный законопроект «О нормативно-правовых актах РФ» должен быть включен раздел, посвященный условиям и процедуре согласования законотворчества по предметам совместного ведения; роли Совета Федерации в обеспечении эффективности взаимодействия Государственной Думы и субъектов РФ, в процессе согласования законопроектов по предметам совместного ведения. Важно, чтобы представители Совета Федерации обязательно находились в составе согласительных комиссий, созываемых по причине отклонения субъектами Российской Федерации законопроектов в процессе их согласования. На этой стадии Совет Федерации мог бы активнее проводить парламентские слушания по обсуждению принимаемых законопроектов.

Предлагается создавать рабочие группы по законопроектам из числа депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации и экспертов парламента, которые будут работать с законопроектом на всех этапах законодательного процесса. Конкретно предлагается образовать коллегия по согласительным парламентским процедурам Федерального Собрания Российской Федерации. Основной задачей ее должна стать организация согласительных парламентских процедур, подготовка соответствующих нормативных документов. На наш взгляд, важным моментом здесь является то, что согласительная процедура применяется не в конце законотворческого процесса, а с самого его начала и на протяжении всего процесса.

Необходимым представляется законодательно установить прави-

ла, определяющие порядок рассмотрения федеральных законопроектов субъектами Федерации. Решить вопрос о целесообразности обсуждения подготовленного заключения на проект федерального закона непосредственно законодательным органом, а не профильным его комитетом.

Представление законопроектов на отзыв субъекта Федерации создаст необходимые предпосылки для выявления тех проблем, которые могут возникнуть в регионах при применении принимаемого закона. В то же время субъекты Федерации получают представление о будущих правовых нормах, что дает им возможность быстрее к ним адаптироваться. Следует подчеркнуть, что рассматриваемая процедура существенно удлиняет законодательный процесс, не принося иногда желаемого результата. В этой связи возникает насущная потребность для выработки научных подходов ее дальнейшего совершенствования.

Основной вывод по рассматриваемой проблеме включает признание того, что общественные отношения в сфере законотворчества нуждаются в правовой регламентации, предметом которой становится либо регламент, либо закон. Для разграничения этих вопросов необходимо учитывать ту юридическую значимость, которую каждый из названных актов играет при регулировании указанного вида общественных отношений. Так, регламент может содержать правовые предписания, касающиеся только вопросов порядка законотворческой деятельности парламента. Законами же должны регулироваться отношения, возникающие не в самой законотворческой деятельности парламента, а в связи с этой деятельностью. Такие отношения требуют стабильной правовой регламентации, решения, которое рассчитано на длительное время.

Примечания:

1. Горшенев В. М. Теория юридического процесса [Текст]: монография. Харьков, 1985. 192 с.

2. Абрамова А. И. Законодательный процесс в Российской Федерации [Текст]: научно-практическое пособие. М.: Юрист, 2005. 139 с.

3. Абрамова А. И. Законодательный процесс в Российской Федерации [Текст]: научно-практическое пособие. М.: Юрист, 2005. 139 с.

4. Абрамова А. И. Законодательный процесс в Российской Федерации [Текст]: научно-практическое пособие. М.: Юрист, 2005. 139 с.

5. Казьмин И. Ф., Поленина С. В. Закон о законах: проблемы издания и содержания [Текст] / И. Ф. Казьмин, С. В. Поленина // Советское государство и право. 1989. №12. С. 3-9.

6. Абрамова А. И. Законодательный процесс в Российской Федерации [Текст]: научно-практическое пособие. М.: Юрист, 2005. 139 с.

7. Колесников Е. В., Пажетных Д. В. Взаимодействие Государствен-

ной Думы и Совета Федерации в законодательном процессе [Текст] / Е. В. Колесников, Д. В. Пажетных // Конституционное и муниципальное право. 2011. №10. С. 60-64.

8. Абрамова А. И. Законодательный процесс в Российской Федерации [Текст]: научно-практическое пособие. М.: Юрист, 2005. 139 с.

9. Абрамова А. И. Законодательный процесс в Российской Федерации [Текст]: научно-практическое пособие. М.: Юрист, 2005. 139 с.

10. Хабриева Т. Я., Тихомиров Ю. А. Концепции развития российского законодательства [Текст]: монография. М.: ИЗИСП, 2014. 128 с.

А. М. Цалиев

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГАРАНТИИ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются информационные меры обеспечения гарантий прав и свобод личности в условиях информационного общества. Раскрываются нормы конституционного и текущего законодательства, решения Конституционного Суда РФ относительно права личности на информацию и обязанности органов власти по обеспечению данного права, что в конечном итоге способствует реализации других прав и свобод. С учетом исторического опыта министерствам юстиции, образования и науки РФ предлагаются организационно-воспитательные меры по обучению правам и свободам личности, что, безусловно, будет повышать уровень их реализации.

Строительство демократического правового и социального государства актуализирует проблему обеспечения прав и свобод личности. Дополнительный и значительный импульс придает ей становление информационного общества. А оно в условиях научно-технического прогресса является необратимым процессом, как следствие появления и совершенствования новых информационных технологий. Их развитие обуславливает комплекс последствий, выражающихся в смене всей модели развития общества, государства и личности. Возрастание роли и значения информации и информационных технологий, «проявляемое в новых возможностях граждан и государства, неизбежно влечёт за собой формирование информационного общества», отмечают Б. Г. Койбаев и З. Т. Золоева. По их мнению, в условиях мощных информационных потоков государство тоже становится информационным [1].

В частности, государственные органы переходят на оказание услуг в электронной форме, на электронный документооборот, что непосредственным образом влияет на реализацию прав и свобод лично-

сти. Для многих информатизация общественных отношений выступает как несомненное благо, как дополнительный ресурс во взаимоотношениях личности с государством. Но для значительной части общества, не обладающей достаточным уровнем компьютерной грамотности или вовсе не знакомой с ней, информатизация общества создаёт проблемы, затрудняет реализацию прав и защиту законных интересов. И с этим нельзя не согласиться. Безусловно, информационному обществу наряду с положительными характеристиками и достоинствами присущи и негативные последствия. Оно порождает информационное неравенство, когда некоторые люди оказываются отрезанными от информации, как по объективным, так и по субъективным причинам. В результате общество разделяется на тех, кто пользуется информационной средой, и тех, для кого она недоступна. При этом многие люди, особенно представители старших поколений, сознательно относят все информационные технологии к зоне отчуждения и не хотят с ними связываться. Все это, безусловно, будет вести не только к дальнейшему информационному, но и социальному неравенству, поскольку обладающий информацией имеет более широкие возможности в удовлетворении своих потребностей, интересов, защите своих прав и свобод. Чтобы противодействовать этому процессу, органам власти, образовательным учреждениям, институтам гражданского общества необходимо предпринять соответствующие меры по информированию населения о правах, свободах и обязанностях и организовать работу по правовому воспитанию и повышению правосознания, без чего невозможна также, как отмечает С. Р. Чеджемов, работа по развитию правопослушания [2].

В этом плане положительное значение может иметь обеспечение реализации положения п. 19 Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (далее – Основ), утвержденных Президентом РФ в сентябре 2011 г. Здесь говорится, что мерами государственной политики в сфере массовой информации является «распространение в электронных и печатных средствах массовой информации, в эфирном и кабельном вещании теле- и радиоканалов, созданных с государственным участием, в сегменте социальной рекламы, в сети Интернет информационной продукции, содержащей правовую информацию, а также способствующей развитию правовой грамотности и правосознания граждан и пропагандирующей законопослушание, добросовестность в осуществлении прав и выполнении обязанностей, уважительное отношение к правам и охраняемым законом интересам, в том числе в формате постоянных рубрик и тематических передач, специализированных периодических и разовых изданий».

Полагаю, что все сказанное следует иметь в виду, когда рассматривается вопрос об обеспечении гарантии прав и свобод личности с помощью *информационных и организационно-воспитательных мер.*

Признавая несомненный приоритет традиционных мер обеспечения гарантии прав и свобод личности (законодательных, судебных, экономических, социальных), отметим заметное усиление роли и значения *информационных мер обеспечения гарантий прав и свобод личности*, что вполне закономерно в эпоху информационного общества. Именно поэтому на конституционном уровне закрепляется право искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29) и обязанность органов государственной и местной власти обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ч. 2 ст. 24).

Данные конституционные положения корреспондируют не только принципу свободы информации (ч. 5 ст. 29 Конституции РФ), но и праву каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, в том числе и в суде (ст. 45, 46 Конституции РФ). Наряду с этим защита прав и свобод человека и гражданина определяет смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием (ст. 18 Конституции РФ).

Указанные конституционные нормы стали, как отмечает С. А. Авакьян [3], основанием «создания целого блока законов и иных нормативных актов сначала о средствах массовой информации, далее возвышение регулирования до более важного уровня – об организации информирования о публичных делах, затем введение обязанностей включения органов публичной власти в процесс информирования населения, с созданием своих сайтов и размещением на них информации о себе, актах, и делах» [4].

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» разделяет информацию на общедоступную и информацию, доступ к которой может быть ограничен федеральными законами. Однако им не может быть ограничен доступ: к нормативным правовым актам, затрагивающим права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также устанавливающим правовое положение организаций и полномочия государственных органов, органов местного самоуправления; информации о состоянии окружающей среды; информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также об использовании бюджетных средств (кроме сведений, составляющих государственную или служебную тайну); информации, накапливаемой в открытых фондах библиотек, музеев и архивов, а также в государственных, муниципальных и иных информационных системах, созданных или предназначенных для обеспечения граждан и организаций такой информацией; иной информации, недопустимость ограничения доступа к которой установлена законами.

Статья 140 Уголовного кодекса РФ предусматривает уголовную ответственность должностных лиц за неправомерный отказ в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, либо за предоставление гражданину неполной или заведомо ложной информации, если эти деяния причинили вред правам и законным интересам граждан. Статья 237 УК вводит уголовную ответственность за сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей.

В Постановлении от 18 февраля 2000 г. Конституционный Суд РФ сформулировал важные позиции, касающиеся получения информации, непосредственно затрагивающей права и интересы заявителя. Суд, в частности, указал, что право каждого на получение информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы, и корреспондирующая этому праву обязанность органов государственной власти и их должностных лиц предоставить такую информацию не могут быть полностью исключены, что привело бы к недопустимому умалению самого конституционного права. Установленные пределы ограничения должны быть соразмерны и могут быть обусловлены исключительно содержанием информации. Рациональная организация деятельности органов власти не может служить основанием для ограничения этого права. При этом суд не может быть лишен возможности определять, обоснованно ли по существу признание тех или иных сведений не подлежащими распространению.

Таким образом, конституционное и текущее законодательство, Конституционный Суд РФ достаточно подробно и в широком плане обеспечивают гарантии прав личности на информацию, что должно быть присуще демократическому, правовому государству и информационному обществу. Однако все это в полной мере приобретает особую ценность в гражданском обществе и для социально активного человека, чего нет в России. К тому же у нашего народа другой менталитет, он десятилетиями воспитывался в условиях патерналистского государства. И с этим нельзя не считаться, в том числе при обеспечении гарантий прав и свобод.

Для реализации этой задачи важное значение имеют *организационно-воспитательные* меры, под которыми, на мой взгляд, следует понимать объединенные действия с целью правового воспитания и повышения правосознания. Такую работу должны проводить государство, органы власти и органы местного самоуправления, к чему обязывает Конституция Российской Федерации (ст. 2, 18; ч. 1 ст. 45; п. «б» ст. 72; ч. 1 ст. 82; п. «е» ст. 114). Вся работа по правовому воспитанию и повышению правосознания, тем более с учетом исторического опыта, следовало бы организовать и координировать Министерству юстиции России и его управлениям в субъектах Российской Федерации. Указом Президента РФ «О внесении изменений в Положение о Министерстве

юстиции Российской Федерации» скорректированы полномочия вышеназванного Министерства. В частности, за ним закреплена функция по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере оказания бесплатной юридической помощи и правового просвещения населения, а также по координации деятельности органов и организаций, оказывающих юридическую помощь и осуществляющих правовое просвещение населения.

Актуальность такой работы обуславливается тем, что, во-первых, действующая Конституция РФ, конституционное и текущее законодательство в корне поменялись в постсоветский период, в том числе в части прав и свобод личности и способов их защиты. Во-вторых, Совет Европы постоянно «достраивает» европейскую систему защиты прав человека все новыми институтами, знание которых является обязательным для каждого цивилизованного человека. В-третьих, необходимо принять во внимание низкий уровень правосознания наших граждан, что отмечает Председатель Конституционного Суда В. Д. Зорькин. И одной из причин этого министр юстиции России А. Коновалов считает то, что «у нашего народа исторически не сформировалась правовая культура и уважение к закону» [5].

Думается, что статус и полномочия возглавляемого им Министерства представляют ему возможность не только констатировать сегодняшнее бедственное положение, но и организовать работу по правовому воспитанию и повышению правосознания хотя бы на уровне советского периода.

Еще в начале 2000-х годов Е. В. Середа писал, что проблема правового просвещения и образования настолько актуальна, что по остроте и неотложности ее можно сравнить с вопросом ликвидации массовой неграмотности, который стоял перед советской властью и обществом в 20-е годы прошлого столетия [6].

При этом абсолютное большинство россиян (91%) убеждены, что знание законов им необходимо в повседневной жизни, а отвечая на вопрос о том, почему они плохо знают законы, опрошенные говорили об отсутствии «правового ликбеза» [7].

Такая ситуация сложилась вследствие того, что в последние более чем три десятилетия в стране отсутствует специально организованное целенаправленное правовое просвещение и правовая пропаганда как форма правового обучения. В то же время И. Ильин подчеркивал, что единственно верный путь ко всем реформам есть постепенное воспитание правосознания, что является одной из основных задач государственной власти [8].

Вполне очевидно, что человеку, чтобы эффективно защищать свои права и свободы, для начала надо знать о них. Еще Екатерина II в своем «Наказе» (1767 г.) писала о необходимости распространения в народе сведений о действующем законодательстве. В противном случае, по ее мнению, «гражданин будет зависеть от некоторого числа людей,

взявших к себе в хранение законы и толкующих оныя; преступления не столь частыя будут, чем больше людей Уложения читать и разуметь станут; предписать, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно из церковных книг и из тех книг, кои законодательство содержат».

Судя по всему, спустя почти три столетия, Министерство юстиции России усвоило только первое положение и им же руководствуется. Видимо, правы те авторы, которые пишут о том, что чиновник не заинтересован в правовом просвещении и повышении правосознания, поскольку в такой ситуации легче управлять. Напомню, однако, что после принятия в 1918 г. Конституции РСФСР практически сразу же V Всероссийский Съезд Советов поручил Народному комиссариату просвещения РСФСР «ввести во всех без изъяна школах и учебных заведениях Российской республики изучение основных положений Конституции, а равно и их разъяснение и истолкование». Тогда же В. И. Ленин отмечал значение для укрепления законности должного культурного уровня граждан, роль кодификации законодательства «для юридической пропаганды населения» [9].

«Каждый гражданин, – указывал он, – должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законодательства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь» [10].

Спустя десятилетия, в 1966 г. было принято известное Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР об усилении борьбы с преступностью. Оно касалось и правового воспитания граждан. Следствием принятия этого Постановления явилось то, что «центральная и местная печать стала систематически публиковать материалы, широко разъясняющие действующее советское законодательство, права и обязанности граждан, правопорядок, роль и значение органов суда, прокуратуры в деле защиты интересов советского государства и граждан, а также информировать читателей о наиболее важных, имеющих воспитательное значение судебных процессах» [11].

Активную работу по правовому воспитанию стали проводить государственные органы и общественные организации после опубликования Постановления ЦК КПСС от 15 сентября 1970 года «О мерах по улучшению правового воспитания трудящихся». Вновь созданному союзно-республиканскому Министерству юстиции СССР и его органам на местах было поручено возглавить методическое руководство делом правовой пропаганды и разъяснения законодательства. 30 июля 1970 года в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» было указано, что «органы прокуратуры и суда должны всемерно... уделять повседневное внимание пропаганде советских законов и правовому воспитанию населения, особенно молодежи». Конкретную работу по

данному вопросу провели государственные органы на разных уровнях, административные и судебные органы, юридические учреждения, общественные организации. В правовом воспитании свою роль сыграло также Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 декабря 1970 года «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве».

Указанные постановления значительно расширили возможности правового воспитания граждан, поскольку охватывали практически все слои и социальные группы населения, дали возможность дальнейшего развития научных исследований проблем правового воспитания. В совместном решении Комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета национальностей Верховного Совета СССР от 21 сентября 1972 года перед соответствующими ведомствами и научными учреждениями была поставлена задача по расширению исследований проблем правового воспитания населения, эффективности пропаганды законодательства и других средств формирования социалистического правосознания [12].

Но особое внимание заслуживает то, что в Основах законодательства СССР и союзных республик о народном образовании, утвержденных 19 июля 1973 года, правовое воспитание стало рассматриваться в качестве сквозной задачи средней общеобразовательной школы, средних профессионально-технических училищ, средних специальных учебных заведений и высших учебных заведений. Так, в ст. 22 говорилось о правовом воспитании, привитии учащимся уважения к советским законам и правилам социалистического общежития, формировании сознания необходимости их соблюдения. Аналогичные положения применительно к другим образовательным учреждениям приводятся в статьях 32, 40, 46 указанного Закона.

В порядке реализации положений указанных статей на местах развернулась широкомасштабная работа по правовому воспитанию учащихся различных образовательных учреждений. Практика усиления правового воспитания населения была продолжена на XXIV Съезде КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции, в резолюции которой «О правовой реформе» было емко указано: «Формирование социалистического правового государства, реформа политической системы и внедрение новых методов хозяйствования требуют принятия эффективных мер по перестройке правового воспитания населения, организации юридического всеобуча как единой общегосударственной, общепартийной программы, охватывающей все слои трудящихся, все кадры в центре и на местах».

В настоящее время, с учетом актуальности рассматриваемой темы, наряду с правовым воспитанием важнейшее значение приобретает изучение в сфере образования прав и свобод личности и способов их защиты. Так, в системе гуманитарного образования США и стран Западной Европы, на которые мы часто ссылаемся, *обучению правам человека придают первостепенное значение*, и соответствующую

щие дисциплины в рамках правового образования рассматриваются в качестве базовых. В то же время в *Федеральном государственном образовательном стандарте* даже для юристов-специалистов, призванных защищать права и свободы человека, *не предусмотрено изучение прав человека*. Такая ситуация инициирует на некоторых юридических факультетах обучение студентов правам человека в рамках соответствующего спецкурса. Но этого явно недостаточно, поскольку он носит факультативный характер и предназначен для ограниченного контингента студентов. К тому же на изучение прав человека выделяется объем часов по остаточному принципу, хотя в *общей характеристике специалиста*, предусмотренной в Государственном образовательном стандарте Министерства образования и науки РФ, по специальности «юриспруденция» указывается, что юрист должен уметь предпринимать необходимые меры к восстановлению нарушенных прав, обладать принципиальностью и независимостью в обеспечении прав, свобод и законных интересов личности. Для того чтобы эти характеристики могли сформироваться у будущего юриста, необходимо, по мнению Председателя Конституционного Суда В.Д. Зорькина, «решительно обновить стандарты юридического образования», в частности включить в число основных курс «Права человека». Отмечая важность рассматриваемого вопроса, бывший Уполномоченный по правам человека в России О.О. Миронов еще в 2000 г. направил министру общего и профессионального образования Российской Федерации свои предложения о дополнении Федерального компонента стандартов образования вопросами прав и свобод человека, форм и методов их защиты. Однако, как говорится, «воз и ныне там». Можно было бы ожидать, что в Основах будут предусмотрены меры по обучению правам и свободам личности и способам их защиты. Однако в них нет ни одного слова по данной проблеме, хотя согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Их обеспечение Президент В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию от 25 апреля 2015 г. считает критически важным как для развития экономики, так и для общественно-политической жизни России.

С учетом вышеизложенного, а также основываясь на необходимости и возможности заложить нормативные основы обучения в области прав и свобод человека, предлагаю в Федеральном государственном образовательном стандарте предусмотреть:

- 1) обучение всех студентов, независимо от специальности, основам прав и свобод человека, формам и методам их защиты;
- 2) совершенствование содержания и характера юридического образования в направлении приоритета прав человека и способов их защиты;
- 3) профессиональную подготовку специалистов в области защиты прав и свобод человека в рамках юридического образования;
- 4) увеличение объема часов по основным учебным дисциплинам

государственно-правовой специализации с целью обучения студентов вопросам прав и свобод личности и способам их защиты.

Примечания:

1. Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Правовые основы формирования и развития информационного общества в регионе (на примере Республики Северная Осетия – Алания) // СКФУ. Юридические науки. С. 138.

2. Чеджемов С. Р. Правопослушание как результат правовой аккультурации на юге России // Журнал российского права. 2017. №11 (251). С. 25-27.

3. Авакьян С. А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы. М., 2017. С. 22.

4. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации»; Федеральный закон от 13 марта 2006 г. «О рекламе»; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. «Об обеспечении доступа к информации по деятельности судов в Российской Федерации»; Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»; «Федеральная целевая программа» (ФЦП); Государственная программа «Информационное общество» (2011-2020 гг.).

5. См.: Народный контроль закона // Российская газета от 23 июня 2011 г.

6. См.: Середа Е. В. Зачем нужна федеральная целевая программа правового просвещения и правового воспитания в области прав человека и методов их защиты? // Вестник Уполномоченного по правам человека в РФ. 2003. №2. С. 93.

7. См.: Сорокина М. Правовой ликбез // Российская газета. 2008. 19 марта.

8. Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 107.

9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С.58.

10. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С.157.

11. Павлов А. С. Правовое воспитание. М., 1972. С. 29-30.

12. См.: Пропаганда правовых знаний – важная часть коммунистического воспитания советских граждан // Советское государство и право. 1973. №1. С. 18.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ «БЕЛЫХ ВОРОТНИЧКОВ» КАК УГРОЗА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

В настоящей статье исследуются проблемы выявления преступлений, совершенных лицами в процессе их профессиональной деятельности, раскрывается понятие «беловоротничковой» преступности. Анализируются сферы возникновения такой преступности, а также методы борьбы с ней.

Преступления «белых воротничков» в настоящее время являются одним из угрожающих социально-экономических факторов для развития экономики в современной России. Концепция «беловоротничковой» преступности была разработана и введена в научный оборот известным американским криминологом Э.Х. Сатерлендом. Его знаменитая статья «Беловоротничковая преступность» вышла в свет в 1939 г., спровоцировав многочисленные дискуссии, и, как образно отмечает С.М. Иншаков, произвела «эффект разорвавшейся бомбы, осколки которой долетели и до России» [1].

По мнению Э.Х. Сатерленда, «беловоротничковую» преступность составляет совокупность преступлений, «совершенных уважаемыми лицами с высоким социальным статусом в процессе их профессиональной деятельности» [2]. К этой категории преступлений он относил нарушения антимонопольного законодательства; законодательства о рекламе; трудового законодательства; законодательства об авторском праве, изобретениях и торговых марках; разные финансовые и экономические правонарушения; преступления коррупционного и экологического характера, мошенничество, хищения и другие.

Латентность данных видов правонарушений очень высока, ввиду чего они остаются зачастую неотраженными в официальной статистике, а вред, причиняемый обществу преступниками в белых воротничках, огромен. Он в десятки раз превышает материальный ущерб от остальных преступлений. «Беловоротничковая» преступность ставит в опасность все общество и подрывает основы существования самого государства.

«Беловоротничковая» преступность свидетельствует о том, что тот, кто обладает большими возможностями обеспечить себе хорошие условия жизни, способен покушаться на имущество, принадлежащее другим. Что касается потерпевших, то для них последствия «беловоротничковых» преступлений часто куда более страшны, чем последствия кражи или разбоя [3].

Экономическая преступность в современной России официально признана в качестве одной из угроз национальной безопасности, на-

ряду с такими асоциальными явлениями, как терроризм, экстремизм, коррупция и многие другие.

В принципе, каким бы ни было отношение общественности к «беловоротничковой» преступности, ее значительная опасность для общества и государства доказана Э. Сатерлендом еще в середине XIX в. С тех пор данное утверждение не ставится под сомнение ни в одной экономически развитой стране. Несмотря на отсутствие последствий, которые характерны для традиционных уголовно наказуемых деяний: причинение вреда жизни и здоровью человека, прямого имущественного ущерба потерпевшему, вред от экономического преступления негативно отражается на благосостоянии населения страны, сокращает возможности государства обеспечить обороноспособность страны, безопасность своих граждан от внутренних и внешних угроз, реализацию социальных и иных программ и др. По этим причинам защита экономических интересов государства и общества является одной из задач уголовного законодательства всех цивилизованных стран, а некоторые виды экономических уголовно наказуемых деяний в настоящее время приобрели статус преступлений международного характера [4].

Российским обществом, как представляется, опасность экономической преступности в должной мере еще не осознана. Несмотря на нормативное признание данного явления в качестве угрозы национальной безопасности, на практике к лицам, признаваемым виновными в совершении преступлений в сфере экономической деятельности, применяются достаточно мягкие меры уголовно-правового воздействия.

Одной из проблем современной экономики России является незаконное обращение денежных средств хозяйствующими субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, практически во всех секторах экономики.

По оценкам экспертов Центрального банка России, ежегодный объем операций по обналичиванию денежных средств хозяйствующих субъектов исчисляется десятками миллиардов рублей [5]. Незаконный перевод денежных средств субъектов экономической деятельности в наличную форму нарушает требования законодательства о банках и банковской деятельности и при определенных условиях квалифицируется по ст. 172 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) как незаконная банковская деятельность.

В настоящее время все эксперты сходятся во мнении, что основным каналом отмывания преступных доходов выступают банковские системы в лице коммерческих (деловых) банков, которые повсеместно пользуются организованной «беловоротничковой» преступностью в целях перевода и размещения преступных активов за границей и последующей их легализации под видом иностранных инвестиций. Деятельность профессиональных «легализаторов» присутствует во многих сферах экономики, но ключевой остается кредитно-финансовая, а именно банковская, которая служит главным каналом движения

криминальных денежных средств.

3 мая 2017 г. в Генеральной прокуратуре РФ под председательством Генерального прокурора РФ Ю.Я. Чайки состоялось Координационное совещание руководителей правоохранительных органов Российской Федерации, посвященное вопросам борьбы с преступностью в банковской сфере, на котором особо подчеркивалось негативное влияние незаконного вывода денежных средств за рубеж на состояние законности в указанной сфере. Помимо этого, было обращено внимание на отрицательное влияние невысокого уровня взаимодействия между оперативными и следственными подразделениями, а также между правоохранительными и контролирующими органами на эффективность работы по привлечению к ответственности лиц, совершивших преступления в банковской сфере [6].

Общественная опасность незаконной банковской деятельности достаточно велика. Нарушение установленных правил осуществления расчетов в сфере экономической деятельности создает предпосылки для совершения уклонения от уплаты налогов и сборов, уголовно наказуемых деяний в сфере банкротства. Лица, использующие в процессе предпринимательской деятельности «серые схемы» расчетов с контрагентами, неправомерно получают конкурентные преимущества перед законопослушными хозяйствующими субъектами вследствие незаконной налоговой оптимизации и неуплаты комиссионного вознаграждения кредитным организациям за осуществление расчетно-кассового обслуживания. Учитывая всю совокупность негативных последствий, которые могут наступить в результате ослабления государственного финансового контроля в сфере денежного обращения, законодатель вполне справедливо относит к категории тяжких преступлений незаконную банковскую деятельность, совершенную организованной группой (п. «а» ч. 2 ст. 172 УК РФ) и сопряженную с извлечением дохода в особо крупном размере, т.е. на сумму, превышающую 9 млн рублей (п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ).

Анализ данных статистического учета о количестве возбуждаемых уголовных дел по ст. 172 УК РФ, а равно осужденных за совершение данного преступления, свидетельствует об их существенном росте. Если в 2014 г. было зарегистрировано 110 случаев совершения незаконной банковской деятельности, то в 2017 и 2019 гг. аналогичный показатель составил 249 и 225 уголовных дел соответственно [7]. Также растет и количество осужденных за совершение незаконной банковской деятельности: с 73 человек в 2014 г. до 356 граждан в 2019 [8].

Однако даже наличие положительной динамики в части применения ст. 172 УК РФ не свидетельствует о достаточности предпринимаемых уголовно-правовых мер, направленных на обеспечение противодействия незаконному обналичиванию денежных средств. Изученные приговоры по уголовным делам, возбужденным по подп. «а», «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ, свидетельствуют, что к уголовной ответственности при-

влекается незначительное количество граждан, которые использовали достаточно примитивные, легко выявляемые схемы незаконного обращения денежных средств субъектов предпринимательской деятельности в наличную форму. Наиболее распространенный алгоритм совершения незаконной банковской деятельности может быть представлен следующим образом: Нальчикским городским судом в 2018 г. вынесен обвинительный приговор в отношении шести осужденных, которые, действуя в составе организованной группы, совместно с иными не установленными следствием лицами совершили преступление, предусмотренное подп. «а», «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ. Злоумышленники осуществляли обналичивание денежных средств, используя расчетные счета подконтрольных им юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Заинтересованные представители хозяйствующих субъектов перечисляли денежные средства на указанные расчетные счета, после чего участники организованной преступной группы переводили поступившие деньги на свои карточные счета и получали их в наличной форме через банкоматы и микрофинансовые организации города. Таким способом было незаконно переведено в наличную форму свыше 767,9 млн руб., а общий доход от преступной банковской деятельности составил более 30,7 млн рублей [9].

В некоторых случаях лицами, осуществляющими незаконную банковскую деятельность, создается разветвленная система юридических и физических лиц, вовлеченных в процесс осуществления преступной деятельности, но параллельно с этим осуществляющих и законную предпринимательскую деятельность. Сложная структура данной системы, разнообразие видов деятельности входящих в нее хозяйствующих субъектов существенно затрудняет выявление фактов преступного обналичивания денежных средств и установление лиц, причастных к осуществлению противоправной банковской деятельности. Создание, в сущности, системы «нелегального банка» для осуществления обналичивания денежных средств обеспечивает возможность увеличения объемов обналичиваемых денежных средств, равно как и суммы преступного дохода [10].

В указанных обстоятельствах, в целях обеспечения защиты отношений в сфере расчетно-кассовых операций Центральный банк России в 2017 г. выпустил Методические рекомендации по выявлению банковских операций, действительная цель которых заключается в уклонении от уплаты налогов, сборов, таможенных платежей, легализации доходов от преступной деятельности и др. Рекомендации содержат достаточно большой список банковских операций, запрос на совершение которых должен рассматриваться обслуживающей расчетный счет кредитной организацией как повод для проведения дополнительных проверочных мероприятий. Видами сомнительных операций являются: перевод денежных средств за рубеж по авансовым платежам без последующего ввоза товаров на российскую терри-

торию; перевод денежных средств за рубеж по операциям исполнения российскими банками обязательств по собственным векселям; обналичивание денежных средств с использованием депозитных счетов нотариусов и др. [11].

Отсюда, по свидетельству Центрального банка России, в современную систему обналичивания и (или) легализации денежных средств включено значительное количество субъектов предпринимательской деятельности, в том числе банки, нотариусы, юридические лица, зарегистрированные за пределами России, и т.п. Однако обналичивание денежных средств, совершаемое по сложным многоэтапным схемам, с привлечением хозяйствующих субъектов, осуществляющих свою деятельность в различных секторах экономики, а также с участием иностранных юридических лиц, как правило, не является предметом современного уголовного судопроизводства.

Рассматривая вопрос об эффективности предупреждения экономических преступлений, следует помнить, что каждое из них совершается с целью получения материальной выгоды. При этом противоправная деятельность становится оправданной только в тех случаях, когда поступающие от ее осуществления доходы значительно превосходят размеры доходов, получаемых от легально осуществляемой экономической деятельности за аналогичный период времени и при сравнимых или меньших трудозатратах. Поэтому применяемые меры уголовной или иной юридической ответственности должны обеспечить такие личные и (или) имущественные лишения и правоограничения, негативные последствия от которых превзойдут положительное восприятие виновным факта получения незаконной материальной выгоды. Во всех иных случаях лицо, осуществляющее противоправную экономическую деятельность, будет рассматривать применяемые к нему меры юридической ответственности аналогично «кредитам» и «вложениям», которые необходимо осуществить на начальных стадиях бизнес-проекта, чтобы в конечном счете получить прибыль, покрывающую все произведенные расходы.

К сожалению, современная судебная практика привлечения к ответственности за преступления, предусмотренные нормами разд. VIII УК РФ, не воспринимает приведенной догмы экономической теории, а ориентируется на применение, как представляется, чрезмерно мягких мер уголовно-правового воздействия.

В крайне редких случаях суды за незаконную банковскую деятельность, совершенную организованной группой и с извлечением дохода в особо крупном размере, назначают лишение свободы с реальным отбыванием срока в исправительном учреждении, а также применяют дополнительное наказание в виде штрафа.

Примером такого решения является обвинительный приговор от 7 ноября 2018 г., вынесенный Ленинским районным судом г. Кирова по обвинению К., П., Д. и С. в совершении преступления, предусмо-

тренного подп. «а», «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ. Организованная группа под руководством К. совершила незаконные банковские операции для перевода принадлежащих различным хозяйствующим субъектам денежных средств в наличную форму. В результате преступной группой под руководством К. за период с 1 января 2011 г. по 25 мая 2016 г. обналичено денежных средств на общую сумму свыше 399 млн рублей, а извлеченный доход составил свыше 19,7 млн рублей.

При решении вопроса о выборе вида и размера (срока) наказания суд установил применительно к каждому из обвиняемых только смягчающие наказание обстоятельства и ни одного обстоятельства, предусмотренного ст. 63 УК РФ. Несмотря на это, участникам организованной группы П., Д. и Р. назначено лишение свободы: от одного года до одного года и пяти месяцев, а руководителю преступной группы К. – три года лишения свободы со штрафом в размере 650000 рублей, из которых 633000 рублей было у него изъято в процессе производства предварительного следствия. Отбывание лишения свободы всем участникам организованной группы определено в исправительной колонии общего режима [12].

Однако в большинстве случаев суды, несмотря на тяжесть совершенного преступления, предпочитают ограничиться применением лишения свободы условно. Сумма дополнительного наказания – штрафа, иногда назначаемого за незаконную банковскую деятельность, носит символический характер и явно несопоставима с размерами преступно полученных доходов. Именно так была реализована уголовная ответственность по всем приведенным выше уголовным делам. К примеру, Нальчикским городским судом всем представителям организованной группы, признанным виновными в совершении преступления, предусмотренного подп. «а», «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ, назначено лишение свободы на срок от полутора до двух лет, исполнение которого постановлено считать условным [13].

Таким образом, экономико-правовой анализ применяемых уголовно-правовых средств предупреждения незаконной банковской деятельности может свидетельствовать о чрезмерной мягкости применяемых в подавляющем большинстве случаев мер уголовно-правового воздействия, что не обеспечивает предупреждение, а напротив, способствует распространению экономической преступности в современной России. Обеспечить должное предупреждение преступлений «белых воротничков» в результате уголовно-правового воздействия можно только назначением и реальным исполнением наказаний, связанных с изоляцией от общества, и (или) применением основных и дополнительных наказаний имущественного характера, размеры которых существенно превышают сумму доходов от преступной деятельности. Данное утверждение справедливо как в отношении незаконной банковской деятельности, так и в отношении любых других экономических преступлений.

Примечания:

1. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997. С. 172 [Электронный ресурс] // [http:// СПС КонсультантПлюс](http://СПС КонсультантПлюс) (дата обращения: 21.01.2020).

2. Sutherland E.H., Cressey D.K. Criminology; 9th ed. Philadelphia, 1974. P. 40 [Электронный ресурс] // <http:// СПС КонсультантПлюс> (дата обращения: 21.01.2020).

3. Кларк Р. Преступность в США. Замечания по поводу ее природы, причин, предупреждения и контроля. М., 2002. С. 70 [Электронный ресурс] // <http:// СПС КонсультантПлюс> (дата обращения: 21.01.2020).

4. Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбург, 08.11.1990) // СЗ РФ. 2003. №3. Ст. 203; Конвенция о защите финансовых интересов Европейских сообществ от 27 декабря 1995 г. // *Amtsblatt der Europäischen Gemeinschaften*. 1995. №316. С.48-52 [Электронный ресурс] // <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:1995:316:0048:0057:DE:PDF> (дата обращения: 21.01.2020).

5. Тегин М. ЦБ с новой силой берется за борьбу против обнала: Регулятор просит ужесточить контроль за переводом денег // NEWS.ru. 2018. 10 октября. [Электронный ресурс] // <https://news.ru/den-gi/cb-preduprezhdaet-o-riskah-nezakonnoj-obnalichki-cherez-tehnicheskieskierpanii> // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 21.01.2020).

6. Состоялось Координационное совещание, посвященное вопросам борьбы с преступностью в банковской сфере // Прокурор. 2017. №2. С. 63-65 [Электронный ресурс] // <http:// СПС КонсультантПлюс> (дата обращения: 21.01.2020).

7. Сводные годовые отчеты. Форма №491 «Единый отчет о преступности» за 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 гг. [Электронный ресурс] // <http:// Архив Генеральной прокуратуры Российской Федерации> // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 21.01.2020).

8. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2014, 2015, 2016, 2017 и 2018 гг. Форма №10.1 // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс] // <http:// www.cdep.ru> (дата обращения: 20.01.2020).

9. Приговор от 28 сентября 2018 г. по уголовному делу №1-744/2018 // Архив Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики [Электронный ресурс] // <http:// СПС КонсультантПлюс> (дата обращения: 21.01.2020).

10. Приговор от 27 сентября 2018 г. по уголовному делу №1-265/2018 // Архив Промышленного районного суда г. Смоленска Смоленской области [Электронный ресурс] // <http:// СПС КонсультантПлюс> (дата обращения: 21.01.2020).

11. Методические рекомендации Банка России от 21 июля 2017 г.

№18-МР «О подходах к управлению кредитными организациями риском легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма» // Вестник Банка России. 2017. 27 июля [Электронный ресурс] // [http:// СПС КонсультантПлюс](http://спс.консультантплюс.ru) (дата обращения: 21.01.2020).

12. Приговор от 7 ноября 2018 г. по уголовному делу №1-47/2018 (30038) // Архив Ленинского районного суда г. Кирова Кировской области [Электронный ресурс] // [http:// СПС КонсультантПлюс](http://спс.консультантплюс.ru) (дата обращения: 21.01.2020).

13. Приговор от 28 сентября 2018 г. по уголовному делу №1-744/2018 [Электронный ресурс]// [http:// СПС КонсультантПлюс](http://спс.консультантплюс.ru) (дата обращения: 21.01.2020).

Н. В. Чиплакова, Э. Т. Лазарова

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА КАК СУБЪЕКТ
ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
(НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ РЕСПУБЛИКИ
СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ)**

В статье рассматривается деятельность Общественной палаты Республики Северная Осетия – Алания как основного субъекта общественного контроля.

Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» заложил базу для правового регулирования общественных отношений в сфере общественного контроля, вооружил граждан прямым и легитимным инструментом влияния на органы власти через своих представителей в лице субъектов общественного контроля [1].

Общественная палата Республики Северная Осетия – Алания является субъектом общественного контроля. Несмотря на принятие республиканского закона об общественном контроле, а также «рамочный» характер федерального законодательства об основах общественного контроля, основная проблема состоит в том, что нет на федеральном уровне методических рекомендаций по реализации отдельных форм общественного контроля, Общественная палата РСО-Алания самостоятельно разрабатывала инструментарий общественного контроля. Это – формы актов о назначении проверки, о результатах общественной проверки, общественной экспертизы, слушаний и т.д. [2].

Общественная палата РСО-Алания активно участвует в проведении общественной экспертизы федеральных и республиканских законопроектов. За 2018-2019 гг. были подготовлены экспертные заключе-

ния по 13 проектам федеральных законов, рассмотрены 188 проектов республиканского уровня. Однако по-прежнему остается актуальной проблема привлечения к данной работе общественных экспертов, которые могли бы осуществлять эту работу.

В последние годы в правотворческую практику введена процедура оценки регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов и оценки фактического воздействия действующих актов, которая является видом экспертизы. Общественная палата предлагает развивать это направление общественной экспертизы, привлекая квалифицированных специалистов-общественников.

Общественная палата РСО-Алания использовала общественный мониторинг, выбирая его направления, исходя их социальной значимости, проблем, задач, поставленных Президентом РФ, Главой РСО-Алания, иных оснований.

Цели мониторинга – получение объективной информации о состоянии деятельности органов и организаций, аналитическая оценка и выработка рекомендаций по совершенствованию указанной деятельности.

Предметом мониторинга были: состояние дорожной сети РСО-Алания, работы по обеспечению безопасности перевозки школьников на автобусах, реализация избирательных прав граждан в период выборов Президента РФ, на местных выборах в ходе единого дня голосования, деятельность управляющих компаний и т.д.

Другая форма общественного контроля – общественная проверка используется на практике для проверки жалоб и обращений граждан. Проведено за три года 25 выездных проверок. Некоторые проблемы оперативно решались благодаря вмешательству членов Общественной палаты.

В 2017 году впервые была применена форма общественного контроля – общественные слушания. Предметом стало обращение регионального отделения Общероссийского народного фронта в Общественную палату РСО-Алания о создании лесопарковой зеленой зоны в границах муниципального округа г. Владикавказ. Резонансные проекты двух федеральных законов стали предметом двух общественных слушаний в 2018 году.

Это проект ФЗ от 10.04.2018 №438863-7 «О внесении изменений в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в части введения нормы о добровольном изучении родных языков).

К участию был приглашен широкий круг лиц, поступили многочисленные предложения, была принята резолюция следующего содержания, направлены предложения в проект федерального закона.

Изучение в общеобразовательной школе родных языков народов России и государственных языков субъектов Федерации – одно из важнейших достижений российской системы образования. Конституция Российской Федерации (ст. 68) гарантирует всем народам нашего

государства право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. В развитие этих гарантий Федеральным законом от 29.12.2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» установлено, что граждане Российской Федерации имеют право на изучение родного языка в пределах тех возможностей, которые предоставляет система образования, а государство поддерживает право гражданина на национальное самовыражение, культуру, язык, предоставляет возможность изучения родного языка в школе. Каждый гражданин вправе использовать эту возможность, в том числе в такой полиэтнической республике, как Республика Северная Осетия – Алания.

Попытки внести в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» изменений, переводящих государственные языки субъектов Российской Федерации в вариативную часть учебного плана и ставящие их изучение в зависимость от пожеланий родителей, могут негативно отразиться на поликультурных основах российской государственности, языковой и культурной политике современной России, направленной на формирование и укрепление единой гражданской нации.

Обсудив перспективы принятия предлагаемых Государственной Думой Российской Федерации изменений в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», члены Общественной палаты РСО-Алания едины во мнении о том, что изучение осетинского языка формирует национальную идентичность, будущее родной культуры, образования. Изучение языка должно опираться на закон, на новые, эффективные механизмы, стимулирующие повышение интереса к изучению языка, его поддержке и развитию. Необходимо мотивировать граждан к добровольному изучению языка с тем, чтобы знание национального языка было востребовано и престижно.

Для достижения этих целей Общественная палата РСО-Алания вынесла рекомендации:

- инициировать внесение изменений в ФЗ от 29.12.2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», предполагающих восстановление в структуре Федеральных государственных образовательных стандартов национально-регионального компонента, в рамках которого субъекты Федерации имели бы возможность обеспечить изучение государственных языков и культурно-исторических традиций народов Российской Федерации в соответствии с конкретными условиями языковой ситуации в каждом регионе;

- расширить возможности изучения родного языка и обучения на родном языке;

- решить вопрос, связанный с добровольностью изучения национальных языков;

- закрепить обязательность выбора изучения родного языка, который будет сделан родителями или законными представителями не-

совершеннолетнего школьника, либо им самим по достижении совершеннолетия;

– разработать методики, отражающие богатство культуры и традиций, их историческую глубину, используя современные мультимедийные, цифровые и иные инструменты.

Второй резонансный законопроект – ФЗ от 16.06.2018 №489161-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам назначения и выплаты пенсий».

Общественной палатой РСО-Алания по итогам обсуждения проекта Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» были внесены следующие поправки в данный законопроект:

1. Расширить понятие «предпенсионный возраст», разработав дополнительные льготы и социальные гарантии для лиц этой категории. Например, увеличить предпенсионный возраст с двух до пяти лет.

2. Дифференцировать особенности демографии по каждому субъекту Российской Федерации, в том числе продолжительность жизни населения. В зависимости от итогов проведенного анализа скорректировать сроки выхода на пенсию жителей отдельных субъектов Российской Федерации.

3. Рассмотреть возможность увеличения длительности переходного периода, в течение которого будет повышен пенсионный возраст. Например, в полтора раза от сроков, которые предлагает Правительство Российской Федерации.

4. Право досрочного выхода на пенсию предлагаем предоставить женщинам, у которых трое и более детей.

5. Сохранить гарантии социальной справедливости. С этой целью разработать меры законодательной защиты людей «предпенсионного возраста» от необоснованных увольнений и сокращений.

6. Разработать стимулы для участников пенсионной системы:

– в том числе программу профессиональной переподготовки и обучения по актуальным специальностям для пожилых граждан;

– проведение специализированных ярмарок вакансий для желающих устроиться на работу граждан предпенсионного и пенсионного возраста;

– разработать налоговые преференции для предприятий, в штате которых доля сотрудников пенсионного и предпенсионного возраста превышает 10%.

7. Обеспечить широкое информационное сопровождение пенсионной реформы, прозрачной и доступной для жителей страны.

Федеральный закон от 21 июля 2014 г. №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ» относит к субъектам общественного контроля Общественную палату РФ, ОП субъектов РФ, ОП муниципальных образований [3].

В 2018 году настоящим прорывом в развитии общественного контроля и системы общественных палат в регионах стало создание масштабной системы наблюдения на выборах.

В соответствии с ФЗ от 5 декабря 2017 г. №374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О выборах Президента РФ» ОП РФ и ОП регионов получили право направлять на избирательные участки независимых от политических партий наблюдателей за избирательным процессом.

За четыре месяца система общественных палат России провела более 750 мероприятий по стране – форумы наблюдателей, круглые столы, совещания представителей НКО, обучение наблюдателей.

В наблюдении за выборами приняли участие 1866 федеральных, региональных и муниципальных общественных организаций и около 150 тыс. наблюдателей.

Наблюдатели от системы общественных палат были представлены на каждом избирательном участке. Это обеспечило прозрачность выборов, случаев фальсификаций и нарушений было наперечет.

И в Общественной палате Российской Федерации, и в Общественных палатах регионов работали ситуационные центры по общественному наблюдению за выборами Президента [4].

Несущей конструкцией новой системы общественного наблюдения на выборах стали общественные палаты. Проект во многом изменил их вес в регионах. За несколько месяцев был создан новый значимый общественный институт, иницируемый гражданским обществом и подкрепленный новой законодательной базой. Следующим этапом стало развертывание системы общественного наблюдения за выборами регионального уровня.

Президент России В. В. Путин подписал ФЗ №184 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»», позволивший Общественной палате Российской Федерации и региональным общественным палатам направлять наблюдателей в избирательные комиссии на региональных и местных выборах.

Теперь субъекты общественного контроля, федеральная и региональные общественные палаты, а через них любые общественные организации, волонтеры и активные граждане России получили право присутствовать на избирательных участках и осуществлять наблюдение за выборами, которые проходят в стране.

Общественным палатам регионов дано право направлять наблюдателей в избирательные комиссии соответствующего субъекта РФ.

Отметим, что наблюдение за выборами с участием широкой общественности прошло в единый день голосования в субъектах Федерации, 9 сентября 2018 года.

Поступающая информация публиковалась на сайте, в том числе

специальном сайте Общественной палаты «Общественный наблюдатель».

«Позитивный опыт общественного наблюдения, накопленный нами в ходе избирательной кампании на выборах Президента России, в настоящее время переносится и на муниципальный уровень. В полное соответствие с федеральным законодательством приведено и наше, республиканское. Все законодательные нормы выборного процесса четко прописаны. Наша гражданская задача – следить за их соблюдением».

В соответствии с внесенными изменениями в Закон РСО-А «Об Общественной палате РСО-Алания» ОП как субъект общественного контроля имеет право назначать наблюдателей в избирательные комиссии, расположенные на территории республики при проведении выборов.

Объективность результатов, слаженность работы зависят от каждого наблюдателя, присутствующего на избирательном участке.

Подписано Соглашение о сотрудничестве с ЦИК РСО-Алания, создана рабочая группа по организации общественного наблюдения в ходе выборов. Мы обратились к наиболее авторитетным общественным организациям, НКО с предложением направить своих представителей в качестве общественных наблюдателей на предстоящих выборах. Таких – 25.

Порядок назначения наблюдателей утвержден решением Совета.

На сайте Общественной палаты Северной Осетии раздел «Общественное наблюдение на выборах», положение о рабочей группе по мониторингу избирательного процесса, ее состав, порядок назначения Общественной палатой наблюдателей в избирательные комиссии, памятка наблюдателю, информационные материалы для избирателей [5].

Если ранее Общественная палата Российской Федерации и региональные общественные палаты могли заниматься только мониторингом соблюдения избирательных прав граждан, то новое законодательство наделяет нас правом участия в наблюдении за выборами и возможностью назначать наблюдателей из широкого круга общественников. Расширяются контрольные полномочия общественных палат как основного института гражданского общества. Законодательно закрепляются гарантии на обеспечение гласности и открытости при проведении выборов. Обеспечивается открытость избирательного процесса для контроля со стороны институтов гражданского общества, осуществления публичной власти как фактора поддержки доверия между гражданами и государством.

Необходимо отметить, что Общественное наблюдение за выборами становится одним из приоритетных направлений деятельности Общественных палат регионов.

«Самое главное в избирательном процессе – доверие граждан. Мы видим в общественниках союзников. Создание условий для об-

щественного контроля за выборами и привлечение к избирательным процедурам институтов гражданского общества – это ответ на общественный запрос о необходимости повышения прозрачности выборов, восполнить существовавший пробел в независимом наблюдении, придав предстоящей избирательной кампании открытость».

«Когда мы говорим о формировании гражданского общества, нужно понимать, что необходимы время и конкретные поступательные шаги в этом направлении. Неучастие в выборах – это не гражданская позиция. На выборы нужно приходить! Нужно становиться непосредственным участником избирательного процесса, чтобы судить о нем объективно, а не критиковать всех огульно, оставаясь в стороне».

В связи с этим весьма актуально обеспечить надлежащее наблюдение за избирательным процессом на всех его стадиях со стороны общественности. Опыт свидетельствует, что общая атмосфера открытости избирательного процесса, обеспечиваемая в том числе свободным участием общественных наблюдателей в избирательном процессе, повышает уверенность общества в справедливости выборов, повышает электоральную активность.

Исторически сложилось, что наибольшее внимание сосредоточено на самых последних стадиях избирательного процесса – голосовании, установлении итогов голосования и определении результата выборов.

Общественная палата РСО-Алания разработала план информационной работы и сотрудничества с представителями СМИ. Ведь информационное обеспечение выборов играет определяющую роль в процессе политического самоопределения избирателей.

Все это в совокупности позволит обеспечить достижение главной цели общественного контроля на выборах: содействие обеспечению защиты избирательных прав граждан, законности избирательного процесса, а также развитию демократических процедур, справедливому формированию и устойчивому функционированию государственных институтов.

Примечания:

1. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 №212-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) // Российская газета. 23.07.2014. №163.

2. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. №183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» (в ред. от 06.03.2018) // Российская газета. 28.06.2016. №139.

3. Гриб В. В. Общественный контроль: учебник. М.: Издательская группа «Юрист», 2017.

4. Сайт Президента РФ [Электронный ресурс] // <http://www.kremlin.ru/structure/councils> (дата обращения: 06.09.2018).

5. Сайт Общественной палаты Республики Северная Осетия – Алания [Электронный ресурс] // <https://opalania.ru/>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Н. Г. Айдарова

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА АРЕНДЫ И АРЕНДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

В статье рассматривается становление института аренды (найма) со времен римского частного права, этапы становления и развития института аренды в дореволюционной России, а также основные законодательные акты, принятые в период советской власти. Анализируются права и обязанности сторон в договоре аренды.

Важнейшим аспектом исследования теории и практики гражданско-правового регулирования арендных отношений является выяснение историко-правовых особенностей становления и развития института аренды. Поэтапный анализ нормативных правовых актов, определяющих и регламентирующих арендные правоотношения, позволит не только понять объективные причины появления института аренды, но способствовать их совершенствованию.

Следует отметить, что в римском частном праве договор аренды (найм) как самостоятельная разновидность консенсуальных договоров сложился в глубокой древности и на протяжении столетий практически не изменился и определялся как договор *location – conduction*. Неопределенное его название объясняется довольно просто: первоначально основным объектом аренды были домашний скот и рабы.

Все основные разновидности найма вещей были связаны преимущественно с арендой земли, что совершенно естественно было для сельскохозяйственного Древнего Рима. Со временем объект договора, т.е. вещь могла быть как движимой, так и недвижимой, но объект не должен был быть потребляемым, так как здесь усматривалось несоответствие самой договорной конструкции: при таких качествах вещи арендатор не имел возможности вернуть вещь в прежнее состояние.

Цена и срок в договоре найма являлись его существенными условиями. В этой связи следует также отметить, что набор прав и обязанностей сторон данного договора содер­жательно значительных изменений, в сравнении с нынешними реалиями, не претерпел. На тот момент у арендодателя были следующие обязанности: моментальная передача вещи арендатору; обеспечение беспрепятственного пользования переданной вещью в рамках оговоренного сторонами в договоре срока; осуществление в случае необходимости ремонтных работ и др. [1]. По своему правовому статусу арендодатель был схож с продавцом товара, дававшим на данный товар гарантию. Арендодатель же имел следующие обязанности: необходимость внесения оговоренной сторонами арендной платы; использование вещи строго в ее функциональном назначении, оговоренном в соглашении; возврат арендованной вещи в надлежащем состоянии и т.д. Отдельного внимания заслуживает ситуация, при которой арендатор, вовремя не вернувший нанятую вещь, считался ее «захватчиком»: «Если наниматель добросовестно нанятую вещь не возвращает, он принуждается не только к возвращению нанятой вещи, но и к уплате ее стоимости».

Анализируя развитие института аренды в России, следует отметить, что первое упоминание об аренде начинается с истории развития аренды земли. Вместе с тем, некоторые источники указывают на наличие в древнерусском праве норм, установивших процедуры при аренде имущества в виде жилья, земли и иных предметов. Так, Псковская судная грамота содержала в себе норму, в соответствии с которой устанавливалась «возможность подачи иска съемщиком дома или части усадьбы к хозяину» [3]. В другом положении усматривалось, что «подсоседник», то есть наниматель дома или части усадьбы должен был «оплачивать наем своей работой» [4].

Следующий этап развития арендных правоотношений в России связан с изданием Судебников 1497 и 1550 годов. Арендная плата как условие было отражено в Судебнике 1497 года. В отельных нормах Судебника 1550 года устанавливалось следующее положение – обязанность крестьян вносить арендную плату за землю, занятую посевами.

В XVIII веке действовавшее на тот момент законодательство в сфере арендных правоотношений допускало аренду земельного участка под постройку помещения на ней. Указанная норма была установлена Указом императора Петра I от 30 января 1701 года. В общем виде законоположение можно сформулировать следующим образом: «арендатор имел возможность в долгосрочной перспективе заключить договор найма земельного участка с целью постройки на нем сооружения, пользовался им на протяжении всего оговоренного срока, а по его окончании – получал постройку в собственность» [3]. Следует обратить внимание на терминологическую особенность: на тот момент российское законодательство не знало понятия «аренда», вместо него употреблялись понятия «имущественный наем» и «наем вещей».

Согласно историческим справкам, в 30-ые годы XIX века в России «крестьяне арендовали значительные по размеру участки земли, которые могли насчитывать от 60 до 200 десятин помещичьей земли, части из которых они использовали в собственных целях, оставшуюся землю они сдавали в субаренду» [5]. В этой связи необходимо указать на то, что помещик – собственник земельного участка мог воспрепятствовать таким субарендным отношениям: «Хозяин имущества, если не желал его передачи другому лицу, мог включить в договор запрет на субаренду» [4]. Главной особенностью арендных правоотношений в тот период был дифференцированный подход к установлению правомочий субъектов договора – помещика (арендодателя) и крестьянина (арендатора). По сути, законодатель не воспринимал последнего как субъекта, скорее он являлся объектом правоотношения.

Важным этапом в развитии арендных отношений стало проведение в России крестьянской реформы 1861 года. Следствием реформы стало развитие арендных отношений, так как не все крестьяне получили земельные участки в свое владение и были вынуждены её арендовать у помещиков. Как отмечает А. Г. Долгорова, «начиная с 1861 года, в рамках земельных общин крестьяне выступают в качестве носителей прав и обязанностей в отношении земли по законодательству» [6].

Однако дореволюционное гражданское законодательство в области аренды было слабо развитым, поэтому не могло полностью отражать интересы участников арендных отношений.

После победы Октябрьской революции в 1917 году законодательство советского государства отменило частную собственность; не предусматривалась передача земельных участков в аренду, так как право частной собственности на землю не существовало. В то же время, принятый 26 октября 1917 г. Декрет о земле включал отдельные нормы об аренде земли. Согласно Декрету, «все земли провозглашались народным достоянием» [7], но с правом предоставления в аренду лишь отдельным коллективам.

Впервые ГР РФ 1922 года дал определение договора имущественного найма. В соответствии со ст. 152 ГК РФ РСФСР «под договором имущественного найма понимался такой договор, по которому одна сторона (наймодатель) обязуется предоставить другой (нанимателю) имущество во временное пользование за плату» [8]. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года содержал статьи, где говорилось о сроках и условиях аренды земли как основного вида недвижимого имущества.

Принятый в 1922 году Земельный кодекс РСФСР (действовал до 1970 года) и определил аренду земли следующим образом: «право трудовым коллективам передачи земель в аренду на определенных условиях за плату деньгами, продуктами и другими видами вознаграждения». Также предусматривалось, что «в аренду могли передаваться государственные земельные имущества, в том числе городов и поселений городского типа».

В соответствии с Конституцией РСФСР 1937 года, любая аренда была запрещена, так как земли, являющиеся собственностью колхозов, считались исключительно закрепленными за государством и у колхозов находились только в пользовании.

Земельный кодекс 1970 года внес кардинальные изменения в регулирование аренды и арендных отношений в СССР. В частности, в статье 13 ЗК РСФСР было установлено, что на условиях аренды земельные участки предоставляются гражданам РСФСР, иностранным гражданам, лицам без гражданства, юридическим лицам, международным объединениям и организациям с участием советских и иностранных юридических лиц, иностранным государствам. Арендодателями земельных участков являлись соответствующие Советы народных депутатов [9]. Аренда земли у местных Советов народных депутатов могла быть краткосрочной – до пяти лет (для пастбы скота, сенокосения, огородничества, государственных и общественных нужд) и долгосрочной – до пятидесяти лет.

Очевидной закономерностью правового регулирования отношений, связанных с арендой в период советской государственности, было нивелирование роли норм, регламентирующих имущественные правоотношения, в частности норм, касающихся имущественного найма. Данные нормы, ранее установленные на уровне кодифицированного акта (Гражданского кодекса), постепенно исключались и находили свое место в подзаконных актах.

Коренная перестройка системы государственного устройства, происходившая в конце 80-ых – начале 90-ых годов XX века, не могла не повлечь за собой значительный пересмотр законодательного массива государства. Перемены, безусловно, нашли отражение и в законодательных актах, в нормах которых рассматривались отношения, которые устанавливали предоставление имущества во временное владение и пользование, в первую очередь это относилось к аренде.

Актом, предусматривающим совершенствование договора аренды и рассматривающим охрану прав арендаторов, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1989 года «Об аренде и арендных отношениях в СССР». А 23 ноября 1989 г. были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде [10]. Данные законодательные акты предоставили возможности для расширения применения договора аренды. Эти акты устанавливали основания для создания и функционирования арендных предприятий.

С учетом кардинальной смены экономической политики государства в начале 90-ых годов XX века неактуальными стали многие существовавшие в советские годы институты. В частности, предприятия, которые находились в собственности государства, стали применять такие формы деятельности, как арендный подряд и хозяйственный расчет.

Однако в 1990-х годах экономика страны все так же продолжала находиться в глубокой кризисе, что вызывало необходимость изменения управления экономикой страны в целом.

С 1992 года создаются акционерные и иные хозяйственные общества, путем проведения приватизации государственных и муниципальных предприятий. Закон о приватизации устанавливал процесс преобразования предприятий в акционерные общества и арендные предприятия.

В настоящее время основным правовым актом, регулирующим арендные отношения, является часть вторая Гражданского кодекса РФ [11]. Принятый в 1996 году ГК РФ 34 главу посвятил договору аренды, где подробно регламентировал и урегулировал права и обязанности сторон арендных отношений.

Таким образом, развитие правового регулирования института аренды показало, что данный вид отношений имеет довольно долгое и динамичное развитие. С учетом практики развития арендных правоотношений дореволюционного и советского времени следует отметить, что они строились с учетом определенных особенностей экономики России.

Переход к рыночной экономике остро поставил вопрос о преобразовании не только института собственности, но и института аренды, что означало внедрение новых эффективных отношений с соблюдением принципов социальной справедливости, добровольности и эффективности. В настоящее время институт аренды является одним из перспективных направлений в предпринимательской сфере, поэтому необходимо уделить особое внимание совершенствованию законодательства в области арендных отношений.

Примечания:

1. Римское частное право / Под. ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 2005. С. 448-449.
2. Кофанов Л. Л. Обязательственное право в архаическом Риме (VI-IV вв. до н.э.). М.: Юрист, 2010. С. 101-102.
3. Псковская судная грамота 1397 год // Полное собрание законов Российской империи. М.: Юридический центр Пресс, 2010.
4. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. М.: Статут, 1997. 290 с.
5. Памятники русского права. Т. 4. М.: Юриздат, 1954. С. 245.
6. Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 269.
7. Долгоруова А. Г. История аренды земельных участков в России и за рубежом // История государства и права. 2017. №11. С. 37-39.
8. Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Политиздат, 1957. С. 626.

-
9. Романенкова Е. Н. История отечественного государства и права. М.: Проспект, 2011. С. 234.
10. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. №22. Ст. 768 (утратил силу).
11. Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. №25. Ст. 481 (утратил силу).
12. Собрание законодательства РФ. 1996. №5. Ст. 410.

Н. Х. Бузарова

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОРПОРАЦИЙ И ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИХ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы современного правового состояния право- и дееспособности международных корпораций, а также особенности определения национального законодательства таких корпораций.

Соотношение публично-правового и частноправового начал в деятельности международных корпораций (МК) ставит вопрос о необходимости определения их правосубъектности. Признание за международными корпорациями международной правосубъектности означает предоставление им соответствующих прав, наравне с международными организациями. Признание международных корпораций субъектами международного частного права требует определения того объема прав и обязанностей, который предоставляется конкретным государством и которые могут быть отличны друг от друга в разных государствах. Как отмечается в отечественной доктрине, система норм международного частного права специально предназначена для регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом [1]. Государство, обладая суверенитетом, самостоятельно определяет порядок регулирования деятельности других субъектов на своей территории. В отношениях материнской компании МК и государства происходит сочетание публично-правовых и частноправовых методов, поскольку на материнскую компанию распространяется также исключительное право другого государства по регулированию ее деятельности. Устанавливая правовую сферу деятельности для них, государство исходит из своих интересов, поэтому основой таких отношений будет определенное соотношение административно-правовых и гражданско-правовых методов. Отношения МК как участника внутреннего рынка с другими субъектами являются предметом отрасли международного частного права, поскольку всегда присутствует иностранный элемент в этих отношениях. Наличие публично-правового

метода в отношениях с участием МК выделяет их от других субъектов частноправовых отношений. Таким образом, в гражданско-правовых отношениях с их участием они выступают как особые субъекты правового регулирования, и к ним должны применяться особые методы, что позволяет выделить их в подотрасль российского международного частного права – международного корпоративного права, в результате чего представляется возможным решить основное противоречие между функционированием транснациональных корпораций и внутринациональными интересами государств.

При взаимодействии МК с государством возникают так называемые «диагональные» связи, характеризующиеся, с одной стороны, неравенством сторон (МК не имеет суверенитета), с другой стороны, относительной независимостью МК по сравнению с другими субъектами права. Но все же следует отметить, что эти отношения неотделимы друг от друга и могут выражаться в одном и том же действии. Действуя в нескольких странах, материнская компания МК определяет направление и объемы финансовых потоков, направляемых в то или иное государство, что дает ей дополнительные преимущества, где международное разделение труда является одной из составляющих в ее деятельности. Государство не имеет достаточных возможностей для контроля за деятельностью МК в том объеме, который оно имеет в отношении других юридических лиц этого государства. Характер современных международных экономических отношений, их многообразие, а также особая природа действующих в международной сфере субъектов усложняет объект правового регулирования, что обуславливает необходимость системного анализа, поскольку одностороннее рассмотрение не позволяет адекватно отразить всю совокупность возникающих отношений.

Было высказано мнение о необходимости создания международного экономического права. Так, А. Г. Богатырев считает, что предметом экономического публичного права как отрасли национальной правовой системы является, в том числе, связанное с ним инвестиционное, кредитное, налоговое, таможенное и валютное право [2].

По мнению других исследователей, международное экономическое право представляет собой «совокупность принципов и норм, регулирующих отношения между государствами и другими субъектами международного права в области международных экономических соглашений». Исходя из данного понимания международного экономического права, МК не являются субъектами международных экономических отношений как подотрасли международного публичного права, поскольку не обладают международной правосубъектностью. Это означает, что МК в области международных публично-правовых отношений являются объектом регулирования. При рассмотрении правосубъектности МК в рамках международного экономического права, Б. И. Осминин отмечает, что оно, как подотрасль международного пу-

бличного права, должно регулировать не отношения государства и МК, а отношения государств в связи с деятельностью МК. По нашему мнению, позиция А. Г. Богатырева представляется достаточно спорной. Административно-правовые методы, широко используемые в области налогового, таможенного, валютного права, не должны применяться в международных публичных отношениях без согласия на это каждого участника, поскольку это ограничивает их суверенитет. При анализе предмета международного публичного права и отношений в области иностранных инвестиций, являющихся основной деятельностью МК, Н. Г. Доронина отмечает, что «международное публичное право является отраслью, которая способна оказывать воздействие на формирование национального законодательства, на содержание национального права. Однако в основе правового регулирования иностранных инвестиций лежит национальное законодательство, которое включает в себя нормы различных отраслей. Усиление роли норм международного публичного права в регулировании иностранных инвестиций свидетельствует об усилении национально-правового регулирования этой области отношений и об увеличении числа проблем, подлежащих решению на уровне межгосударственных отношений» [3]. Такое утверждение справедливо не только в отношении иностранных инвестиций, оно относится также к валютному, таможенному регулированию.

В Кодексе поведения МК законодатель определяет взаимные права и обязанности МК и государства, но это не означает их равенство и признание МК субъектом международного публичного права. Если государство не согласится с рекомендательными нормами Кодекса поведения МК, то эти нормы не будут действовать на его территории. В то время как несогласие МК никак не может ограничить сферу действия национального законодательства: МК будет всегда действовать в рамках того правового режима, который установлен государством.

Что касается признания за МК правосубъектности в рамках национального права, то возникает вопрос: какая часть деятельности подлежит урегулированию национальным законодательством? Признание субъектом национального права означает признание исключительных прав определенного государства по регулированию деятельности. При определении правосубъектности следует рассмотреть вопрос о возможности признания МК юридическим лицом. В российском гражданском праве юридическими лицами в качестве субъекта права признаются организации, обладающие обособленным имуществом, самостоятельно отвечающие этим имуществом по своим обязательствам и выступающие в гражданском обороте от своего имени [4]. МК обладает юридической множественностью: действует посредством дочерних и зависимых предприятий, являющихся самостоятельными юридическими лицами разной национальности. Именно юридическая множественность является основным препятствием для признания за ними статуса юридического лица. При разрешении этого вопроса

Л. А. Ляликова предлагает отказаться в отношении МК от понятия правосубъектности, отмечая при этом, что «даже если и возможно было бы отдать предпочтение одному из государств, на территории которого находится какое-либо подразделение, то в силу расхождения международного принципа национальной юрисдикции и транснациональной структуры МК это государство не смогло бы охватить в своем регулировании весь комплекс, не вызывая коллизии юрисдикции и не нарушая суверенитета государств, на территории которого располагаются подразделения МК» [5]. Предоставив одному из государств полномочия по регулированию деятельности ТНК, дополнительно требуется определение той ее сферы, в отношении которой одно государство не будет нарушать суверенитет других государств.

Взаимодействие на международном уровне способствует экономической интеграции и усиливает влияние международных организаций на правовую систему стран. Л. А. Лунц отмечал, что «отграничение международного частного права от международного публичного права не носит абсолютного характера» [8]. Характеризуя различие и взаимосвязь международного частного и международного публичного права, М. М. Богуславский отмечает, что «в ряде случаев и международное частное право, и международное публичное право регулируют общий комплекс одних и тех же отношений, но с использованием своих специфических для каждой из этих систем методов» [7]. Тесная связь с международным публичным правом не означает, что международное частное право является его частью. В связи с этим МК следует рассматривать как сложное макроэкономическое явление, обусловленное процессом глобализации мировой экономики. Международная экономическая интеграция, глобализация и международное разделение труда оказывают соответствующее влияние на внутреннее право стран. Деятельность МК как единого экономического субъекта регулируется правом нескольких государств и, соответственно, является объектом регулирования национального права каждого государства, в котором она осуществляется.

Однако, отказывая в признании за ними правосубъектности, производится юридическое разделение единого экономического образования. Многоступенчатая структура, деятельность в нескольких странах, участие в различных отраслях экономического хозяйства обуславливают выделение ТНК как особого субъекта, требующего специального подхода в регулировании их деятельности. Деятельность МК должна быть урегулирована на двух уровнях:

- а) национальном;
- б) международном.

При этом МК, являясь предметом регулирования международного экономического права, не являются его субъектами, поскольку не имеют международной правосубъектности, как это было отмечено выше. Таким образом, основываясь на особых методах правового регулиро-

вания и особенностях субъектов международного и международного частного права, МК следует признать как отношения особых субъектов международного частного права, деятельность которых должна регулироваться комплексным институтом в рамках отрасли международного частного права. Устанавливая правосубъектность, мы не предлагаем признать их субъектами права какого-то конкретного государства. МК участвуют в экономической деятельности нескольких государств, каждое из которых регулирует ту ее часть, которая подпадает под юрисдикцию этого государства. Особая значимость МК в мировом хозяйстве обуславливает необходимость урегулирования их деятельности и на международном уровне, но при этом они выступают лишь объектами правового регулирования. Дальнейшее взаимодействие государств по вопросам деятельности МК позволит решить проблему деятельности МК.

Основным направлением здесь является определение границ, в рамках которых деятельность будет безопасной для государства, а также возможные меры государственного воздействия при их нарушении. В национальном праве следует рассматривать как особые субъекты международного частного права, требующие комплексного правового регулирования в вопросах инвестиционной деятельности в соответствии с требованиями законодательства о конкуренции и налогового законодательства.

Определение национальности как личного закона стоит в ряду тех вопросов, по которым в международном частном праве исследователи не могут прийти к единому мнению. При исследовании данного вопроса следует более подробно рассмотреть правовую категорию «национальности», критерии определения национальности в отношении юридических лиц и их допустимость в отношении. Российской доктриной считается общепризнанным, что термин «национальность» в международном частном праве применяется к юридическим лицам условно и означает принадлежность лица к определенному государству. Л. А. Лунц отмечает, что под национальностью может пониматься также и личный статут организации [8]. По поводу содержания государственной принадлежности не существует единства мнений. Так, А. М. Городисский считает, что она может быть двух видов:

- правовой;
- правовой и политической.

Но правовая принадлежность предполагает подчинение юридического лица определенному правопорядку, а также принятие им на себя обязанностей, что устанавливает политическую связь с данным государством. Определение национальности лица, с одной стороны, позволяет использовать ему меры международно-правовой защиты, а с другой стороны, может повлечь определенные неблагоприятные последствия, применяемые в отношении нерезидентов (налоговые ограничения, запрет заниматься определенными видами деятельности или

на определенных территориях и т.д.). Кроме того, на основе личного закона определяются следующие вопросы: является ли организация юридическим лицом, когда возникает и прекращается его правоспособность, каков ее объем, как создается, реорганизуется и ликвидируется юридическое лицо, какова судьба имущества юридического лица, его филиалов и представительств? Е. А. Дубовицкая утверждает, что категория «национальности» применительно к юридическим лицам является достаточно неточной и заменяется в международном частном праве категорией личного статута или личного закона. Такое смешение понятий в теории послужило основанием для высказываний о том, что «юридические лица не могут иметь личного статута, так как, в отличие от людей, они не только управомочены и обязаны правопорядком, но и вообще созданы таковым». С этой позицией согласиться довольно сложно, поскольку на основе определения личного статута решается целый ряд вопросов относительно правоспособности организации как участника гражданско-правового оборота:

Доктрине и практике известны три критерия определения национальности юридических лиц и их личного закона:

- принцип инкорпорации. Этот критерий применяется в настоящее время в праве Великобритании, США, Индии, Пакистане и т.д.;

- закон местонахождения его административного центра, или теория оседлости. Существует в континентальных государствах Западной Европы – Франция, Германия, Австрия, Бельгия, Люксембург, Швейцария. Как отмечает Б. А. Басистый, в итальянском праве существует несколько критериев определения национальности юридических лиц, одним из основных является закон места нахождения административного центра, а закон инкорпорации **дополняющим**;

- закон основного места деятельности (или теория центра эксплуатации). Этот критерий не получил широкого распространения, поскольку большинство операций осуществляются в административном центре предприятия. Существует в праве развивающихся стран.

Выбор определенного критерия национальности зависит от теоретического понимания сущности юридических лиц. Договорная теория приводит к применению такого критерия национальности, как место инкорпорации, институциональная теория служит теоретическим обоснованием принятия в качестве критерия места оседлости.

Отсутствие в мировой практике единого критерия определения национальности юридических лиц может иметь для компаний неблагоприятные последствия. В практике Европейского суда возникали вопросы, касающиеся определения личного статута юридического лица. Так, английская инвестиционная холдинговая компания намеревалась из налоговых соображений перенести свой центр управления из Англии в Нидерланды. Право Англии и Нидерландов использует при определении национальности юридического лица критерий инкорпорации. Однако английские налоговые органы отказали компании в из-

менении места регистрации. Компания обратилась в Европейский суд, считая, что действия налоговых органов нарушают статью 58 договора о создании Европейского сообщества, в которой закреплена свобода выбора места ведения предпринимательской деятельности наравне с гражданами государств-участников. Для того чтобы компания пользовалась этой свободой, необходимо, чтобы ее уставное место нахождения, центр управления или главный филиал находился внутри Сообщества. В решении 1988 года суд отказал в иске на том основании, что на настоящем этапе развития Сообщества отсутствует гармонизация права государств-участников, и приоритет в этом вопросе следует отдавать национальным законодательствам.

В 1999 году Европейский суд принял решение, которое отличается от позиции, высказанной в вышеназванном деле. Английской компании с ограниченной ответственностью было отказано в регистрации филиала в Дании, поскольку она не осуществляла хозяйственной деятельности в Англии и, по мнению датских властей, собиралась открыть штаб-квартиру в Дании. При этом английская компания не отвечала требованиям датского законодательства к размеру минимального уставного капитала. В своем решении Европейский суд признал отказ в регистрации ограничением свободы выбора места деятельности и, соответственно, нарушением статей 43 и 48 Договора о создании Европейского сообщества.

Из вышеназванных решений Европейского суда следует, что даже в странах, имеющих одинаковый уровень экономического развития и являющихся участниками экономического союза, отсутствуют единые критерии определения национальности юридических лиц. Кроме того, как следует из материалов дела 1988 года, английская компания осуществляла деятельность на территории нескольких государств и, по формальным признакам, может быть признана транснациональной корпорацией. При этом Европейский суд не рассматривал компанию как единое целое, а определил национальность юридически самостоятельного структурного подразделения – головной компании. Таким образом, вопрос определения национальности МК на современном этапе развития международного законодательства не может быть решен. Юридическая множественность позволяет говорить с определенными оговорками лишь о национальности структурных подразделений МК. Эти подразделения не имеют полной экономической и управленческой самостоятельности, поэтому их правовая взаимосвязь с государством отличается от взаимосвязи с национальными юридическими лицами. Мы считаем, что в отношении МК термин «национальность» является еще более условным, чем в отношении других субъектов гражданских отношений, и его использование не имеет достаточных оснований.

Примечания:

1. Международное частное право: учебник для вузов / Под ред. Н. И. Марышевой. М.: Контракт, 2000. С. 10.
2. Богатырев А. Г. Государственно-правовой механизм регулирования инвестиционных отношений (вопросы теории): Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997. С. 45-53.
3. Доронина Н. Г. Правовое регулирование иностранных инвестиций: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1996. С. 78.
4. Гражданское право. Том 1. Учебник / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 5-е изд. М.: «ПБЮЛ Л. В. Рожников», 2004. С. 127.
5. Ляликова Л. А. Транснациональные корпорации в аспекте международного частного права. Москва, 2013. С. 45.
6. Там же.
7. Богуславский М. М. Международное частное право. М.: Юристъ, 2005. С. 125.
8. Лунц Л. А. Курс международного частного права. Особенная часть. М.: Юридическая литература, 1975. С. 41.
9. Городисский А. М. Национальность юридических лиц и международный торговый оборот: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 74.
10. Дубовицкая Е. А. Правоспособность юридических лиц по праву европейских сообществ (практика Европейского суда) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. №12. С. 99.
11. Там же.
12. Там же.

З. А. Бурнацев, А. В. Гагиева

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УСТАВНОГО
КАПИТАЛА АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА**

В статье рассмотрены особенности формирования уставного капитала акционерного общества. В данной статье автор анализирует сущность института акционерного общества, а также исследует особенности формирования уставного капитала акционерного общества. В работе рассмотрена проблема размера уставного капитала, его занижения или завышения, а также проблемы, связанные с механизмом регистрации выпусков акций. Данная тема вызывает научный интерес в связи с распространенностью института акционерных обществ и недостаточным уровнем проработки регулирующих его правовых норм.

Институт акционерного общества в корпоративном праве представляет научный интерес как один из важнейших экономико-юриди-

ческих институтов. Это обусловлено тем, что с организационно-правовой точки зрения акционерное общество для рыночной экономики является самым приемлемым видом предпринимательского объединения, так как наиболее полно обеспечивает функцию концентрации капитала и его последующего использования.

Общеизвестно, что акционерное общество – это коммерческая организация (хозяйственное общество), уставной капитал которой разделен на определенное число акций, участники акционерного общества (акционеры) не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им акций [1].

Следует отметить, что особенности акционерных обществ проявляются в том, что:

1. уставной капитал акционерного общества равен номинальной (первоначальной) стоимости приобретенных акционерами акций;

2. внесение вкладов в уставной капитал общества означает совершение договора купли-продажи акции, одной стороной которого является само общество, а другой – учредитель (акционер) [6].

Что касается размещения акций – общество размещает обыкновенные акции и вправе размещать один или несколько типов привилегированных акций, общая доля которых в уставном капитале не должна превышать 25% [2]. Все акции общества являются бездокументарными. Акционеры вправе отчуждать принадлежащие им акции без согласия других акционеров и общества.

Обыкновенная простая акция – это ценная бумага, удостоверяющая права названного в ней лица на:

а) участие в общем собрании акционеров с правом решающего голоса;

б) получение информации о деятельности общества;

в) получение дивидендов;

г) получение остатка имущества общества при его ликвидации и др.

Привилегированные акции – это особая разновидность долевых ценных бумаг, которые, в отличие от простых акций, обладают специальными правами, но также имеют и ряд специфических ограничений. Важно, что все держатели акций регистрируются в специальном реестре акционеров, это означает, что выпуск акций на предъявителя запрещен.

Федеральный закон «Об акционерных обществах» определил место акционерных обществ в Российской системе юридических лиц. Однако законодатель продолжил работать в этой сфере для того, чтобы существующие нормы лучше удовлетворяли актуальным реалиям. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. №99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» внёс существенные поправки в по-

рядок создания, деятельности и ликвидации юридических лиц. Немаловажные поправки коснулись и акционерных обществ. Закон отменил их деление на открытые и закрытые, а на смену им пришли публичные и непубличные акционерные общества [3].

Институт акционерных обществ развивается и сейчас. Закон от 19.07.2018 №209-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах»», вступивший в силу 19 июля 2018 года, внес поправки, которые коснулись правил о ревизионных комиссиях, общем собрании акционеров, сделках с заинтересованностью, привилегированных акционерах, полномочиях совета директоров [2].

Очевидно, что процесс не завершен, а институт акционерных обществ ещё не принял своей конечной формы. Очевидный вектор развития заключается в выявлении и устранении существующих пробелов или неточностей законодательства для предотвращения проблемных ситуаций и улучшении работы механизма реализации норм права, регулирующих данную сферу общественных отношений.

Порядок формирования уставного капитала устанавливается законодательно. С точки зрения времени существования акционерного общества в формировании уставного капитала условно можно выделить два этапа:

1. формирование уставного капитала при учреждении акционерного общества, когда он создается в качестве начального, и размер которого не может быть ниже установленного минимума;

2. изменения в величине уставного капитала на протяжении всего времени функционирования акционерного общества, когда его можно как увеличивать, так и уменьшать.

Формирование уставного капитала при учреждении акционерного общества. При учреждении акционерного общества уставный капитал определяется на основании учредительного договора, а затем устава общества. Учредителями оговаривается размер уставного капитала, категории и типы акций, подлежащие размещению среди учредителей, размер и порядок их оплаты.

Среди проблем в сфере создания и деятельности акционерных обществ мы выделили проблему минимального размера уставного капитала. В статье 26 Федерального закона от 26.12.1995 №208-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об акционерных обществах» сказано, что минимальный уставный капитал публичного общества должен составлять сто тысяч рублей (100000 руб.). Минимальный уставный капитал непубличного общества должен составлять десять тысяч рублей (10000 руб.) [4].

Минимальный размер уставного капитала невелик, и он не в полной мере обеспечивает функцию защиты кредиторов и, следовательно, не выполняет своей гарантийной функции. Полагаю, что одной из задач российского законодательства должно быть изменение минимального размера уставного капитала в сторону его увеличения.

При этом нужно учитывать, что если законом будет установлен слишком большой размер минимального уставного капитала, то с учетом социальных аспектов он будет являться барьером для учредителей таких компаний.

Увеличение уставного капитала акционерного общества производится путем повышения номинальной стоимости существующих акций, либо путем выпуска дополнительных акций. *Уменьшение уставного капитала акционерного общества* производится путем снижения номинальной стоимости акции, либо сокращения их общего количества.

При завышении размера уставного капитала также иногда используют вариант с внесением в качестве вклада векселя с большим номиналом, который в реальности не будет оплачен. Подобные действия совершаются с целью минимизации имущественной ответственности учредителей хозяйственных обществ. Тут мы согласны с Е. А. Сухановым. Он считает, что экономический риск никуда не исчезает – он просто перекладывается на других участников имущественного оборота, прежде всего на граждан-потребителей [8].

Нужно отметить, что общество может быть публичным или непубличным, что отражается в его уставе и фирменном наименовании. Публичное общество вправе проводить размещение акций и эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в его акции, посредством открытой подписки. Акции непубличного общества и эмиссионные ценные бумаги, конвертируемые в его акции, не могут размещаться посредством открытой подписки или иным образом предлагаться для приобретения неограниченному кругу лиц.

В публичном акционерном обществе не могут быть ограничены количество акций, принадлежащих одному акционеру, их суммарная номинальная стоимость, а также максимальное число голосов, предоставляемых одному акционеру. Уставом публичного акционерного общества не может быть предусмотрена необходимость получения чьего-либо согласия на отчуждение акций этого общества. По общему правилу никому не может быть предоставлено право преимущественного приобретения акций публичного акционерного общества.

Уставом непубличного общества может быть предусмотрено преимущественное право приобретения его акционерами акций, отчуждаемых по возмездным сделкам другими акционерами, по цене предложения третьему лицу или по цене, которая или порядок определения которой установлены уставом общества. В случае отчуждения акций по иным, чем договор купли-продажи, сделкам (мена, отступное и другие) преимущественное право приобретения таких акций может быть предусмотрено уставом непубличного общества только по цене, которая или порядок определения которой установлены уставом общества. Если иное не предусмотрено уставом общества, акционеры пользуются преимущественным правом приобретения отчуждаемых

акций пропорционально количеству акций, принадлежащих каждому из них. Уставом непубличного общества, предусматривающим преимущественное право его акционеров на приобретение отчуждаемых по возмездным сделкам акций, может быть предусмотрено также преимущественное право непубличного общества на приобретение отчуждаемых акций в случае, если его акционеры не использовали свое преимущественное право.

Помимо размера уставного капитала, проблемой является возможность оплаты капитала не только деньгами, но и иными вещами, в том числе имущественными правами. Свое скептическое отношение относительно такого рода формирования уставного капитала высказал Е. А. Суханов, отметив, что возможность оплаты уставного капитала практически любым имуществом, даже с учетом его независимой оценки, не приведет ни к чему, кроме злоупотреблений [7].

Следует также отметить, что все выпуски акций и отчеты об итогах этих выпусков необходимо зарегистрировать в уполномоченных на то государственных органах. При создании акционерного общества выпуск акций необходимо регистрировать в течение месяца с даты регистрации. В других случаях дается три месяца на регистрацию выпуска акций. Не стоит забывать и о том, что акционер становится полноправным собственником принадлежащих ему акций только с момента государственной регистрации соответствующего выпуска акций. То есть акционер вправе распоряжаться своими акциями (продавать или иным образом отчуждать) лишь с момента регистрации отчета об итогах выпуска акций [5].

До государственной регистрации всех выпусков акций и отчетов об итогах их выпусков само общество не вправе изменять размер своего уставного капитала (в том числе привлекать инвестиции путем продажи дополнительно выпускаемых акций) или иным образом изменять структуру своего уставного капитала.

Как отмечалось выше, законодательство об акционерных обществах претерпело существенные изменения. Многие акционерные общества столкнулись со следующей проблемой. Например, акционерное общество решило увеличить размер своего уставного капитала путем увеличения номинальной стоимости акций до вступления в силу Закона 5 марта 1999 года. В устав общества внесены соответствующие изменения. Согласно действовавшему на тот момент законодательству, такое увеличение уставного капитала не признавалось выпуском акций и, соответственно, не требовало специальной регистрации. На сегодняшний день такое увеличение уставного капитала признается выпуском акций большей номинальной стоимости, появившихся путем конвертации в них акций меньшей номинальной стоимости, и такой выпуск требует регистрации.

Возникает проблема: зарегистрировать можно то, что является выпуском, однако акты гражданского законодательства не имеют об-

ратной силы во времени, и, соответственно, описанное увеличение уставного капитала выпуском признать нельзя – а значит, и регистрации оно не подлежит. Продать свои акции акционеру невозможно, ведь номинал продаваемой акции не соответствует зарегистрированным данным.

Другая проблема возникает как следствие несвоевременной регистрации выпусков акций или отсутствия реестра акционеров или неправильного его ведения в обществе.

Акционер приобретает право отчуждения (в том числе продажи) акций, то есть становится полноправным собственником акций с момента регистрации соответствующего выпуска акций, а новый приобретатель акций, выпуск которых зарегистрирован, становится собственником этих акций с момента совершения соответствующей записи в реестре акционеров общества. В то же время акционер, держатель акций, распределенных ему при учреждении акционерного общества, может заключить договор о продаже своих акций до регистрации соответствующего выпуска акций. По закону такая сделка признается недействительной. Однако приобретатель акций, не зная этого, участвует в собраниях акционеров, получает дивиденды и пользуется иными правами как акционер. По закону требуется найти прежнего собственника и расторгнуть сделку. Однако вполне может оказаться, что продавца, являющегося по закону истинным владельцем акций, уже не найти – он сменил место жительства, либо умер, не оставив наследников.

Приобретатель акций собственником не является, а настоящего собственника не найти. Собственником такого бесхозного имущества могло бы стать государство, но зачастую этого не происходит. Проблема усугубляется тем, что решения собраний акционеров, проведенных с участием таких приобретателей акций, если их окажется значительное количество, могут быть признаны недействительными. Как правило, генеральный директор общества назначается собранием, и решение о его назначении тоже может оказаться недействительным. Таким образом, общество может оказаться без руководителя. Решение этих проблем не нашло разрешения в законе, и подобные дела требуют индивидуального рассмотрения в суде.

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

2. Федеральный закон от 26.12.1995 №208-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

3. Федеральный закон от 05.05.2014 №99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

4. Федеральный закон от 08.02.1998 №14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

5. Федеральный закон от 05.03.1999 №46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

6. Качлавова К. Д., Гагиева А. В. Сравнительная характеристика предпринимательской корпорации в США и Акционерного общества в России // Бюллетень Владикавказского института управления. 2017. №53. С. 99-107.

7. Суханов Е. А. Проблемы развития законодательства о коммерческих организациях. // Хозяйство и право. 2002. №5. С. 55 [Электронный ресурс] // <http://www.hozpravo.ru/ru/archive/>

8. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 152. [Электронный ресурс] // ЭБС «IPRbooks» // <http://www.iprbookshop.ru/29318.html>

А. С. Цаллагов, Л. Т. Кокоева

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ДОГОВОРА КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ

В данной статье раскрываются понятие и значение договора коммерческой концессии. Коммерческая концессия является аналогом общепринятому в мировой практике институту франчайзинга, или франшизы (от фр. franchise – льгота). Автор отмечает, что в российской и зарубежной юридической литературе договор коммерческой концессии зачастую относят к договорам лицензионного типа, основываясь на том, что необходимым элементом его предмета является разрешение (лицензия) на использование исключительных прав, и в этом смысле указанный договор является средством их введения в экономический оборот. Данная позиция получила законодательное закрепление в связи с введением с 1 января 2008 г. в ст. 1027 ГК РФ, согласно которому к договору коммерческой концессии соответственно применяются правила разд. VII ГК РФ о лицензионном договоре, если это не противоречит положениям гл. 54 и существу договора коммерческой концессии.

В современном российском гражданском законодательстве под договором коммерческой концессии (п. 1 ст. 1027 ГК РФ) понимается такой договор, по которому одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау).

Понятие «коммерческая концессия» было использовано при подготовке ГК, как наиболее соответствующее по смыслу английскому «franchising». Данное понятие не имеет ничего общего с концессионными и иными аналогичными соглашениями. Как известно, под концессионным договором обычно понимается договор, в соответствии с которым государство на возмездной и срочной основе предоставляет иностранному инвестору исключительное право на осуществление определенной деятельности и передает иностранному инвестору право собственности на продукцию и доход, полученные в результате такой деятельности [1].

В российском законодательстве для регулирования соответствующих правоотношений используется соглашение о разделе продукции, которое отличается от концессионного договора тем, что продукция, полученная в результате осуществления деятельности, разрешенной государством инвестору, распределяется между государством и инвестором на условиях, установленных соглашением о разделе продукции [2].

Что же касается термина «франчайзинг» («франшиза»), то в современных зарубежных правовых порядках он используется для обозначения договоров, одним из основных условий которых является предоставление одним предпринимателем другому разрешения на коммерческое использование комплекса исключительных и иных прав.

В юридической литературе договор коммерческой концессии (так же как и его зарубежные аналоги: франчайзинг и франшиза) нередко относят к договорам лицензионного типа, основываясь на том, что необходимым элементом его предмета является разрешение (лицензия) на использование исключительных прав, и в этом смысле указанный договор является средством их введения в экономический оборот [3].

Как известно, под лицензионным договором понимается такой договор, в соответствии с которым обладатель исключительного права (лицензиар) передает право на использование охраняемого объекта другому лицу (лицензиату), а последний принимает на себя обязанность вносить лицензиару обусловленные договором платежи и осуществлять другие действия, предусмотренные договором [4].

В связи с этим Е. А. Суханов подчеркивает, что договор коммерческой концессии нельзя рассматривать в качестве разновидности лицензионного договора, поскольку, «в отличие от последнего, франчайзинг дает возможность использовать не один определенный объект «интеллектуальной собственности», а комплекс объектов исключительных, а также иных имущественных прав. Кроме того, в лицензионных отношениях фактический изготовитель или услугодатель (лицензиат) всегда обязан так или иначе информировать о себе клиентов – потребителей и не вправе целиком скрываться под фирмой правообладателя (лицензиара)» [4].

О самостоятельном значении договора франчайзинга (франшизы), весьма далеком от обычных лицензионных договоров, свидетельствует и история возникновения данного типа договорных обязательств. Как отмечал Ю. И. Свядосц, договор о франшизе, широко вошедший в практику коммерческой деятельности лишь в 70-е гг. XX в. (хотя он был известен в США уже в 30-х гг. XX в.), первоначально рассматривался западной правовой доктриной как разновидность договора об исключительной продаже товаров, по которому продавец предоставляет покупателю исключительное право продажи товаров, являющихся объектом купли-продажи между ними, на определенной территории или указанной клиентуре. Покупатели по таким договорам призваны выполнять роль звеньев товаропроводящей сети и являются дистрибьютерами [5].

Специфика договора о франшизе, подчеркивал Ю. И. Свядосц, как разновидности договора об исключительной продаже товаров «определяется условиями о коммерческой, технической и организационной помощи привилегированному покупателю продавцом при продаже покупателем товаров и/или оказании услуг третьим лицам... По договору о франшизе продавец обязуется предоставлять покупателю коммерческую информацию о рациональных методах реализации товаров и/или услуг, ведения промысла, составляющих «ноу-хау» поставщика. Использование таких сведений направлено на оказание содействия покупателю в «продвижении» товаров и услуг. На достижение этой же цели направлено и предоставление продавцом на лицензионных началах прав использования объектов промышленной собственности» [5].

М. И. Кулагин также обращал внимание на то, что основной целью использования договора франшизы (для крупных товаропроизводителей) является создание системы распределения товаров. Он писал: «Практически полная зависимость розничного коммерсанта или небольшого предприятия обслуживания может быть установлена при помощи договора франшизы, по которому компания предоставляет другим лицам право использовать определенные торговые знаки, названия, символы для обозначения некоторых видов деятельности, продуктов или услуг... Фактически мелкие коммерсанты являются

служащими, исполняющими указания корпорации. Однако сохранение их формальной самостоятельности выгодно для корпорации по ряду причин. Во-первых, корпорация освобождена по отношению к указанным лицам от соблюдения предписаний законодательства о труде и социальном обеспечении. Во-вторых, она не несет предпринимательского риска, связанного с деятельностью этих мелких коммерсантов. Наконец, иллюзия «независимости» заставляет мелкого коммерсанта трудиться с полной отдачей сил и старания» [6].

Б. И. Пугинский указывает: «Франчайзинг означает систему договорных отношений крупных изготовителей (продавцов) с мелкими фирмами, в которых обязательства по продвижению товара сопровождаются использованием на основе лицензии фирменного наименования или товарного знака головной фирмы, а также соблюдением ее технологий производства и стратегии по сбыту товаров». Он видит недостаток гл. 54 ГК «Коммерческая концессия» как раз в том, что «в ней основное внимание уделено не содействию в реализации товаров, а вопросам лицензионных соглашений. Между тем вопросы лицензионных соглашений – это лишь часть, причем вспомогательная, по отношению к задаче реализации товара» [7].

Представляется, что приведенные здесь доводы относительно цели, значения и экономической сущности договора коммерческой концессии (франчайзинга, франшизы) убедительно свидетельствуют о том, что указанный договор никак не может относиться к лицензионному договору как вид к роду. Напротив, лицензионные обязательства являются лишь одним из элементов предмета договора коммерческой концессии.

Ю.В. Романцом была высказана другая точка зрения, согласно которой договор коммерческой концессии «является договором, входящим в группу обязательств, направленных на передачу объектов гражданских прав во временное пользование...». «Несмотря на то что специфические признаки коммерческой концессии обусловили существенные особенности правовой регламентации, – пишет Ю.В. Романац, – общность направленности является основой для выработки единых подходов и принципов законодательного регулирования. Нормы института коммерческой концессии, так же как и правила о любом договоре, направленном на передачу объектов гражданских прав во временное пользование, регламентируют правовые элементы, связанные с передачей объектов гражданских прав, использованием ими и их возвратом» [8].

Бесспорно, что в правовом регулировании обязательств, возникающих из договора коммерческой концессии, используются отдельные элементы, присущие регламентации правоотношений купли-продажи или имущественного найма, что особенно характерно, например, для правил об обязанности правообладателя передать пользователю техническую и коммерческую документацию, необхо-

димую для осуществления прав, предоставленных по договору коммерческой концессии; норм о субконцессии; положений о сохранении договора коммерческой концессии в силе при перемене сторон. Вместе с тем нельзя не заметить, что правоотношения коммерческой концессии, в отличие от иных гражданско-правовых договоров, объединяемых в категорию договоров, направленных на передачу имущества в собственность, во владение или пользование, не включают в свое содержание такой основной элемент, как собственно передача имущества (традиция) контрагенту. Вместо этого при коммерческой концессии (как, впрочем, и при всяком лицензионном соглашении) речь идет о предоставлении права на использование комплекса исключительных прав. Специфика таких объектов гражданских прав, как результаты интеллектуальной деятельности, состоит в том, что возможность их фактического использования не обусловлена их передачей правообладателем другому лицу, такая возможность имеется у каждого. В юридическом смысле необходимым основанием для использования исключительных прав является получение на то разрешения правообладателя. Очевидно, что предоставление права на использование комплекса исключительных прав не может быть приравнено к передаче в пользование соответствующей вещи, поэтому договор коммерческой концессии не может быть отнесен к категории договоров о передаче объектов гражданских прав в пользование.

В юридической литературе договор коммерческой концессии нередко сравнивается и с договорами поручения, комиссии, агентским договором, договором простого товарищества. Например, по мнению О. А. Городова, все указанные договоры «сближает возможность опосредования сходных общественных отношений по обслуживанию, сбыту товаров, выполнению услуг, которое зиждется на принципах сотрудничества сторон и их равенства. Однако юридическое содержание в названных видах соглашений различно». На взгляд О. А. Городова, это различие проявляется, прежде всего, в предмете договора: если предметом договора коммерческой концессии является комплекс исключительных прав, то предметом договора простого товарищества – соединение вкладов товарищей и их совместные действия для достижения общей цели; предметом агентирования – юридические и иные (фактические) действия, предметом комиссии – одна или несколько сделок, предметом поручения – определенные юридические действия [9].

Г. Е. Авилов усматривает отличие договора коммерческой концессии от договора комиссии и агентского договора в том, что «комиссионер и агент действуют в интересах и по поручению комитента (принципала), оказывая последнему определенные услуги, за что получают от него вознаграждение. При этом сделки, заключенные комиссионером или агентом с третьими лицами, имеют имущественные последствия для комитента или принципала. Иначе стро-

ются отношения сторон по договору коммерческой концессии. Здесь пользователь действует без поручения правообладателя и за свой собственный счет. Он осуществляет самостоятельную предпринимательскую деятельность с использованием средств индивидуализации правообладателя, его ноу-хау и коммерческого опыта, за что выплачивает правообладателю вознаграждение. Таким образом, если дистрибьютер, работающий по агентскому договору, получает от производителя товаров вознаграждение, то дистрибьютер по договору коммерческой концессии сам платит производителю за возможность работать под его фирмой» [10].

В юридической литературе предпринимаются попытки выделить специфические черты коммерческой концессии, отличающие ее и от некоторых иных смежных институтов гражданского права. Так, А. А. Иванов обращает внимание на имеющиеся различия между коммерческой концессией и уступкой права (цессией). Он пишет: «Уступка прав – универсальный институт обязательственного права. В строгом смысле этого слова закон регламентирует уступку лишь требований в обязательствах, причем таких, которые могут существовать в отрыве от личности кредитора (ст. 383 ГК). Переход абсолютных прав данным институтом формально не охватывается. Между тем по договору коммерческой концессии передаются исключительные (абсолютные) права на результаты интеллектуальной деятельности, которые подчас неразрывно связаны с личностью правообладателя» [11].

Думается, однако, что основное отличие коммерческой концессии от уступки прав, которую вряд ли возможно признавать смежным институтом по отношению к договору коммерческой концессии, состоит в том, что при коммерческой концессии не имеет места передача прав (ни обязательственных, ни тем более исключительных), пользователю предоставляется правообладателем право использования комплекса исключительных прав, при этом сами исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности остаются у правообладателя. Выдача лицензии на использование исключительных прав не имеет ничего общего с передачей самих прав на результаты интеллектуальной деятельности. Иными словами, в данном случае отсутствует акт передачи прав, который в обязательственном праве признается уступкой (цессией).

Вместе с тем вполне уместным представляется проведенное А. А. Ивановым сравнение договора коммерческой концессии и договора простого товарищества, поскольку предоставление права на использование исключительных прав может служить и в качестве вклада товарища в общее имущество простого товарищества. Однако в последнем случае, как верно замечает А. А. Иванов, «это право передается для достижения общих целей в рамках многостороннего договора. Все участники договора простого товарищества имеют общие интересы. В то же время договор коммерческой концессии яв-

ляется взаимным (синаллагматическим). Его участники имеют противоположные по направленности интересы; каждый из них стремится к извлечению максимальной выгоды за счет контрагента. Никакого общего имущества в данном случае не образуется» [12].

На несомненное сходство коммерческой концессии и совместной деятельности обращает внимание также Г. Е. Авилов, который подчеркивает, что «для коммерческой концессии свойственно сотрудничество сторон в процессе исполнения договора, так как конечные их интересы во многом совпадают. Поэтому франчайзинг в каком-то смысле можно считать разновидностью совместной деятельности. Однако было бы неправильно рассматривать его в контексте договора о совместной деятельности, также нашедшего свое место в ГК (гл. 55). Помимо других очевидных различий между этими договорами, следует отметить, что характер сотрудничества сторон и его значение в этих договорах далеко не совпадают. Если в договоре о совместной деятельности такое сотрудничество имеет определяющее значение, то в коммерческой концессии оно является лишь одним из элементов и, кроме того, носит неравноправный характер, так как пользователь находится скорее в зависимых, чем в партнерских правоотношениях с правообладателем» [13].

Отмечающееся в юридической литературе стремление российских правоведов обнаружить сходство и установить различия между договором коммерческой концессии и многими другими типами гражданско-правовых договорных обязательств объясняется тем, что указанный договор появился в системе договорных обязательств сравнительно недавно и, как и всякий новый гражданско-правовой договор, он впитал в себя элементы различных договоров. Поэтому при желании в договоре коммерческой концессии можно увидеть отдельные условия, присущие лицензионному договору (предоставление права на использование исключительных прав); договору простого товарищества (сотрудничество правообладателя и пользователя, направленное на достижение общего результата); договору купли-продажи (возмездная передача технической и коммерческой документации); договору комиссии и агентскому договору (совершение пользователем сделок и иных юридических и фактических действий, объективно способствующих удовлетворению интересов правообладателя) и некоторым иным гражданско-правовым договорам.

Вместе с тем, как правильно отмечает Е. А. Суханов, «договор коммерческой концессии (франчайзинг) не относится к числу смешанных (комплексных) договоров в смысле п. 3 ст. 421 ГК. Не является он и разновидностью известных гражданскому праву договоров, на базе которых он развивался. В соответствии с ГК договор коммерческой концессии представляет собой вполне самостоятельный вид гражданско-правового договора...» [14]. Данный вывод имеет то практическое последствие, что при отсутствии среди норм, содержа-

щихся в гл. 54 ГК, специальных правил, регулирующих правоотношения, вытекающие из договора коммерческой концессии, исключается применение каких-либо иных норм, предназначенных для регламентации других договорных обязательств. В этом случае субсидиарно применению подлежат лишь общие положения об обязательствах и договорах.

Договору коммерческой концессии как самостоятельному гражданско-правовому договору (*sui generis*) присущи определенные характерные черты (признаки), отличающие его от иных типов договорных обязательств.

Во-первых, в качестве обеих сторон договора коммерческой концессии (правообладателя и пользователя) могут выступать лишь лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность: коммерческие организации либо индивидуальные предприниматели. Эта особенность субъектного состава договора коммерческой концессии отличает его от всех иных гражданско-правовых договоров, регулируемых Гражданским кодексом Российской Федерации, в том числе и тех из них, которые используются в основном в предпринимательской деятельности, однако при этом возможность участия в них некоммерческих организаций или граждан, не являющихся предпринимателями, не исключается.

Во-вторых, необходимым элементом предмета договора коммерческой концессии является предоставление правообладателем пользователю комплекса исключительных прав. Специфика объекта (исключительные права) отличает договор коммерческой концессии от всякого иного договора, относящегося к категории договоров, направленных на передачу имущества, а комплексный характер исключительных прав – от лицензионных договоров.

В-третьих, по договору коммерческой концессии пользователю предоставляется лишь право использовать соответствующие исключительные права, принадлежащие правообладателю, без их передачи (уступки) контрагенту. Данная особенность отличает договор коммерческой концессии, например, от договора об уступке патента на объекты промышленной собственности, по которому вместе с передачей патента передаются и все исключительные права патентообладателя.

В-четвертых, принципиальное значение имеет цель предоставления пользователю права использовать комплекс исключительных прав, принадлежащих правообладателю. Речь идет не только о том, что права на фирменное наименование правообладателя, на охраняемую коммерческую информацию и на другие объекты исключительных прав в соответствии с договором коммерческой концессии должны использоваться в предпринимательской деятельности пользователя. Это лишь одна сторона проблемы, оттеняющая цель пользователя. Но и правообладатель, заключая договор коммерческой

концессии, также преследует определенную цель, а именно создание производственной, торговой или сбытовой сети для продвижения своих товаров или услуг, расширения рынка их сбыта.

В-пятых, значительной спецификой отличаются содержание договора коммерческой концессии, круг прав и обязанностей сторон этого договора. Правообладатель, наделяя пользователя правом на использование комплекса исключительных прав, должен оказывать пользователю техническое и консультативное содействие, обучать его работников, контролировать качество производимых товаров (работ, услуг). Пользователь, в свою очередь, обязан соблюдать инструкции правообладателя, в том числе указания по вопросам внешнего и внутреннего оформления коммерческих помещений. Данное обстоятельство объясняется целями заключения договора коммерческой концессии: созданием или расширением товаропроизводящей или сбытовой сети правообладателя, а также тем, что пользователь по сути своей и экономическому значению является лишь звеном в такой сети правообладателя.

В-шестых, несмотря на полную экономическую зависимость от правообладателя, пользователь сохраняет юридическую самостоятельность и действует в имущественном обороте от своего имени при условии информирования покупателей (заказчиков) о том, что он использует исключительные права правообладателя.

В-седьмых, особые взаимоотношения, складывающиеся между правообладателем и пользователем, являющимся (в экономическом смысле) одним из звеньев товаропроизводящей сети правообладателя, делают необходимыми специальные правила, исключаящие ситуацию, когда деятельность пользователя способствует ужесточению конкуренции на рынке соответствующих товаров (работ, услуг) либо наносит ущерб интересам правообладателя. Поэтому договор коммерческой концессии может включать в себя условия о различных родах ограничениях деятельности пользователя.

С точки зрения общей характеристики договора коммерческой концессии как самостоятельного гражданско-правового договора он является консенсуальным, поскольку вступление его в силу не связывается с передачей имущества, как это имеет место в отношении реальных договоров; двусторонним, поскольку обе стороны по этому договору имеют как права, так и обязанности; возмездным, поскольку за предоставленное право использовать комплекс исключительных прав правообладателя пользователь должен выплачивать последнему определенное вознаграждение.

В системе гражданско-правовых договоров договор коммерческой концессии может быть отнесен (с некоторыми оговорками) к категории договоров о возмездном оказании услуг. Предоставление пользователю права на использование комплекса исключительных прав, принадлежащих правообладателю, в сочетании с обязанностями

ми последнего передавать пользователю техническую и коммерческую документацию, инструктировать и обучать его работников, оказывать консультационное содействие, действительно представляет собой определенную услугу со стороны правообладателя.

Вместе с тем нельзя не отметить, что отнесение договора коммерческой концессии к категории договоров о возмездном оказании услуг преследует лишь квалификационные цели и продиктовано стремлением определить место этого договора в системе гражданско-правовых договоров (в широком смысле). Данный вывод не может повлечь за собой каких-либо последствий для правоприменительной практики. Такая оговорка необходима, поскольку в соответствии с п. 2 ст. 779 ГК среди договоров о возмездном оказании услуг (перевозка, транспортная экспедиция, банковский вклад, банковский счет, хранение, доверительное управление и др.), к которым не подлежат применению правила, содержащиеся в гл. 39 ГК «Возмездное оказание услуг», не назван договор коммерческой концессии. Однако данное обстоятельство не означает, что положения указанной главы ГК не могут применяться к договору коммерческой концессии.

Нельзя не отметить, что в юридической науке в последние годы предпринимаются небезуспешные попытки выделить особый класс договоров, который предлагается именовать договорами об использовании исключительных прав и ноу-хау. В эту группу договоров предлагается включать, наряду с договорами об уступке патента, лицензионными договорами, договорами о передаче ноу-хау и некоторыми другими типами договоров, также и договор коммерческой концессии. Так, И. А. Зенин пишет: «Договоры об использовании исключительных прав и ноу-хау, взятые вместе, внешне напоминают договоры и купли-продажи, и найма (аренды), и подряда. Нередко они и именуется таковыми, а также договорами доверительного управления, коммерческой концессии и т.д. Иногда их квалифицируют и как договоры особого рода (*sui generis*). На самом деле эти договоры разделяются на ряд самостоятельных типов и видов, образуя сформировавшийся в последние десятилетия во всем мире особый класс договоров об использовании исключительных прав и ноу-хау» [15].

Ни в коем случае не оценивая в целом обоснованность выделения нового класса договоров в рамках традиционной классификации гражданско-правовых договоров (видимо это дело будущего), все же заметим, что предмет договора коммерческой концессии, а также совершенно определенные цели участников этого договора далеко выходят за пределы использования исключительных прав и ноу-хау.

Значение коммерческой концессии (франчайзинга, франшизы) состоит в том, что данная договорная форма является оптимальным средством расширения бизнеса крупных фирм и иных коммерческих организаций-правообладателей, обеспечивающих с помощью этого договора поддержание высоких стандартов соответствующей

предпринимательской деятельности. При этом использование коммерческой концессии (франчайзинга, франшизы) избавляет правообладателя от необходимости открывать филиалы и регистрировать новые юридические лица, нанимать дополнительные контингенты служащих. В то же время коммерческие организации-пользователи вливаются в единую интегрированную систему правообладателя и находятся в полной экономической зависимости от последнего, который имеет возможность контролировать их деятельность. Такая схема взаимоотношений позволяет в довольно короткие сроки создавать разветвленные сети бизнеса правообладателя.

В настоящее время франчайзинговая форма организации бизнеса на Западе имеет весьма широкое распространение. Например, по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в США по модели франшизы организовано более одной трети всей розничной торговли. В Австралии на условиях франшизы работают свыше 90% организаций быстрого обслуживания [16].

Для пользователя франчайзинг имеет то значение, что он значительно снижает степень его предпринимательского риска, поскольку пользователь выступает на рынке «под вывеской» известной фирмы-правообладателя, а также пользуется услугами последней по обучению работников и организации бизнеса. Более того, в своей предпринимательской деятельности пользователь использует не только фирменное наименование, коммерческую информацию правообладателя, но и его деловую репутацию и коммерческий опыт. Все это способствует сокращению производственных затрат и значительно повышает эффективность капиталовложений, а в конечном счете – стабильности положения пользователя на рынке соответствующих товаров и услуг. К примеру, в США после пяти лет деятельности на рынке выживает лишь 23% частных предприятий, а после 10 лет их остается 8 из 100, в то время как среди фирм, работающих на условиях франчайзинга, через пять лет прекращают деятельность только 8 предприятий из 100, а через 10 лет – 10 из 100 [17].

Наконец, для третьих лиц (потребителей) организация работы производителей товаров, работ, услуг на условиях франчайзинга имеет то значение, что при этом обеспечивается соблюдение определенных стандартов, принятых в деятельности правообладателя, в результате чего рынок быстро насыщается высококачественными товарами, работами, услугами.

С другой стороны, франчайзинговые соглашения несут в себе потенциальную опасность нарушения прав потребителей. Как подчеркивает Г. Е. Авилов, «сама идея франчайзинга основана на своеобразной подмене субъекта, когда пользователь выступает в обороте фактически под чужим именем – под именем правообладателя, используя его фирменное наименование и товарные знаки... Если же потребитель покупает товар, произведенный пользователем по до-

говору коммерческой концессии, он чаще всего полагает, что товар произведен если не самим обладателем товарного знака, то хотя бы его дочерней компанией». Эта потенциальная опасность нарушения прав и законных интересов потребителей делает необходимым детальное правовое регулирование договора коммерческой концессии. На обеспечение защиты прав потребителей, в частности, ориентированы содержащиеся в гл. 54 ГК нормы о регистрации договора коммерческой концессии, об обязанности пользователя информировать потребителей и обеспечивать надлежащее качество товаров, работ и услуг, об ответственности правообладателя за нарушение пользователем требований, предъявляемых к качеству товаров, работ и услуг (ст. 1028, 1032, 1034 ГК) [18].

По сфере применения правоотношения коммерческой концессии (франчайзинга, франшизы) охватывают самые различные виды бизнеса. На Западе франчайзинг используется для производства и сбыта товаров (Product Distribution Franchising), для оказания услуг (Business Format Franchising). Обычно выделяют такие виды франчайзинга, как производственный, бытовой, торговый, а также франчайзинг в сфере обслуживания [19].

Основная сфера распространения франчайзинга – автомобильная промышленность и услуги автосервиса, бензозаправочные станции, автошколы, пункты проката, ремонтно-строительные организации, салоны моды и косметических услуг, аптеки, центры профориентации и переподготовки рабочей силы, пункты по оказанию компьютерных услуг, организации бытового обслуживания, предприятия быстрого обслуживания, рестораны, гостиничное хозяйство и др.

Активно развивается концессия и в России. Первым договором коммерческой концессии, по которому пользователю предоставлялось право использовать комплекс исключительных прав правообладателя, зарегистрированным в Патентном ведомстве России в июне 1996 г., стал договор, заключенный между американской компанией «Колгейт-Палмолив» (правообладатель) и российским акционерным обществом «Колгейт-Палмолив» (пользователь). По этому договору наряду с правом использования фирменного наименования правообладателя российскому пользователю было предоставлено право на использование 35 изобретений, семи промышленных образцов в области производства средств гигиены, около 60 товарных знаков, а также технические, технологические и коммерческие ноу-хау [20]. В настоящее время на условиях коммерческой концессии в нашей стране действует большое количество организаций общественного питания (рестораны «Макдоналдс», «Пицца-хат»), отелей («Шератон», «Хилтон»), производителей бытовой техники, модной обуви и одежды и др.

Что касается правового оформления коммерческой концессии (франчайзинга, франшизы), то соответствующие договоры обыч-

но, как отмечает Б. И. Пугинский, «заключаются как двухуровневые. Сама договоренность об исключительной продаже и лицензионное соглашение оформляются в виде рамочного (основного) договора, носящего долгосрочный характер. С учетом его условий заключают отдельные договоры на продажу товара в текущие периоды или реализацию партий товара» [21].

Следует также отметить (как факт), что, несмотря на бурное развитие в последние годы коммерческой концессии, в настоящее время отсутствует какая-либо серьезная судебная практика по разрешению споров, вытекающих из договоров коммерческой концессии.

Примечания:

1. Богуславский М. М. Международное частное право: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 225.

2. Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. «О соглашениях о разделе продукции» // СЗ РФ. 1996. №1. Ст. 18.

3. Гражданское право России. Часть вторая. Обязательственное право: Курс лекций / Отв. ред. О. Н. Садилов. М., 1997. С. 587 (автор – Л. А. Трахтенгерц); Шмиттгофф К. Экспорт: право и практика международной торговли. М., 1993. С. 139.

4. Гражданское право: В 2 т. Том II, полутом 1: Учебник / Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 605 (автор – И. А. Зенин).

5. Гражданское и торговое право капиталистических государств: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1992. С. 385.

6. Кулагин М. И. Избранные труды. М.: Статут, 1997. (Серия «Классика российской цивилистики»). С. 265-266.

7. Пугинский Б. И. Коммерческое право России. М., 2007. С. 217-218.

8. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. М., 2001. С. 362.

9. Коммерческое право: Учебник / А. Ю. Бушев, О. А. Городов, Н. С. Ковалевская и др.; под ред. В. Ф. Попондопуло, В. Ф. Яковлевой. СПб., 1997. С. 415.

10. Авилов Г. Е. Коммерческая концессия (глава 54) // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / Под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. М., 1996. С. 554.

11. Гражданское право: Учебник. Часть II / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 1997. С. 635.

12. Гражданское право: Учебник. Часть II / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. С. 637.

13. Авилов Г. Е. Указ. соч. 2002. С. 553-554.

-
14. Суханов Е. А. Указ. соч. С. 626-627.
 15. Гражданское право: Учебник. В 2 т. Том II, полутом 1. М., 2011. С. 581.
 16. Евдокимова В. Франшиза и договор коммерческой концессии // Хозяйство и право. 1997. №12. С. 113-114.
 17. Новосельцев О. В. Франчайзинг: история развития, правовое регулирование, оценка // Финансовая газета. 1999. Май. №18.
 18. Авилов Г. Е. Указ. соч. М., 2011. С. 52.
 19. Шмиттгофф К. Экспорт: право и практика международной торговли. М., 1993. С. 140; Авилов Г. Е. Указ. соч. С. 551; Суханов Е. А. Указ. соч. С. 624.
 20. Новосельцев О. В. Франчайзинг: история развития, правовое регулирование, оценка (продолжение) // Финансовая газета. 1999. №19. С.28-34.
 21. Пугинский Б. И. Указ. соч. С. 218.

И. С. Абаева, Л. А. Бутаева

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ СЛОГОДЕЛЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается сопоставительное изучение языков (французский и осетинский) в области фонетики, вызывающее большой интерес в научном мире, в целях облегчения усвоения особенностей другого языка. Автор дает сравнение звуковых последовательностей и слогоделения в обоих языках.

В настоящее время важное место занимает сопоставительное изучение систем как родственных, так и генетически неродственных языков. Интерес к сопоставительному изучению языков диктуется самой жизнью, необходимостью практического изучения языков и использования родного языка в целях облегчения усвоения особенностей другого языка.

При сопоставлении любых языков, будь то языки одной группы или разных групп, всегда выявляются, как известно, похожие и непохожие явления, и тот факт имеет не только теоретическое, но и чисто практическое значение.

Не менее важное место занимает, как это отмечается многими исследователями, сопоставительное изучение языков и в области фонетики, «ибо, как известно, и лексические и грамматические факты языка материализуются в его звуковой стороне и существуют только на основе звуков».

Рассматриваемые в данной статье языки относятся к разным ветвям семьи индоевропейских языков.

Французский и Осетинский языки отличаются друг от друга генеалогически и статистически.

Французский язык относится к индоевропейской семье языков (романская группа, галло-романская подгруппа). Развился из народ-

ной латыни и ушел от нее дальше, чем любой другой романский язык. Письменность на основе латинского алфавита.

Осетинский язык относится к иранской группе индоевропейской семьи языков. Письменность на основе русского алфавита.

Фонетическая система французского языка включает 15 гласных, 3 полугласных и 17 согласных звуков – т.е. 35 звуков, тогда как в алфавите всего 26 букв.

В современный осетинский алфавит входит 42 буквы, причем некоторые из них (ё, щ, ь, я и др.) встречаются только в заимствованиях из русского языка. Общее количество фонем – 37, из них 7 гласных, 2 полугласных, остальные согласные.

В фонетическом плане проблема слога и слогоделения является одной из важнейших. В слоге реализуются все фонетические признаки звуков, слог является единицей, связанной с восприятием звучащей речи; так опознавание согласных, прежде всего смычных, основано в значительной мере на характеристике примыкающей к ним части гласного. Само противопоставление гласных и согласных связано с их разной ролью в слоге.

Как и во всех языках, во французском и осетинском языках в сочетаниях гласного с согласным слогаобразующим является гласный.

К специфике французского языка можно отнести слогораздел и словесные границы, т.е. так называемое сцепление – *enchaînement*: когда конечный согласный, которым заканчивается слог при изолированном произнесении слова, объединяется в один слог с начальным гласным последующего слога, несмотря на словесную границу.

Il a mal à la tête [i-la-ma-la-la-‘tet]

C’est une autre affaire [sæ-ty-no-tra-‘fæ:r]

Происходит перераспределение слоговых границ. Иначе говоря, слогаделение в потоке речи при сочетании согласного на границе слова с гласным подчинены тем же законам, что и внутри слова. Тем самым сцепление приводит к стиранию словесных границ в потоке речи. Это отличает французский язык от тех языков, где граница слова так или иначе отмечена.

В определенной степени можно наблюдать элементы сцепления и в осетинском языке.

хæ-ры-нæ-мæ-цæ-рын.

Ху-ра-ны-гу-лди.

Использование сцепления в осетинском и французском языках скорее относится к разным стилям речи. Во французском языке сцепление реализуется даже в достаточно медленном стиле внутри синтагмы, в осетинском же в медленной речи словесные границы вероятнее всего сохраняются. Сцепление во французском языке следует связывать с фонетической несамостоятельностью слова в потоке речи: с отсутствием словесного ударения и тесным объединением слов одной ритмической группы, с тенденцией ослаблять ритмическое ударение и

произносить с одним ударением целую синтагму. В осетинском же сохранение словесного ударения способствует большей фонетической отдельности слова.

Существенно отличает от осетинского языка, как и от многих других, факт присутствия во французском такого явления (правила), как *liason* (связывание).

Liason относится к интереснейшим фонетическим явлениям французского языка. *Liason* – это процесс, состоящий в устранении зияния путем произнесения перед начальным гласным конечного согласного, обычно опускаемого.

Ils ont [il-zō]

Во французском языке при *liason* одновременно осуществляется и сцепление: *ils ont appris* [il-zō-ta-'pri].

Учитывая наиболее распространенные мнения исследователей французского языка, которые сформулировали следующие правила слогоделения, рассмотрим их и попробуем сравнить со слогоделением в осетинском языке.

1. При наличии одного согласного между гласными слоговая граница всегда проходит перед согласным. *Répéter* [re-pe-'te]. Данное правило применимо в осетинском языке тоже. Абон [а-бон]. Рагон [ра-гон].

2. При сочетании любого согласного с полугласным слоговая граница проходит перед сочетанием. *Envoyer* [ã-vva-je]. Если относить [j] и [w] к полугласным в осетинском языке, то граница проходит между полугласным и согласным. Айдæн [Ай-дæн].

3. При сочетании шумных согласных с последующими [r, l] слоговая граница во французском языке проходит перед сочетанием. *Tablette* [ta-blæt]. В осетинском: а-взаг, ко-дта.

4. При сочетании двух одинаковых согласных во французском языке слоговая граница проходит между ними. *Il mourra* [il-mur-ra]. *Illegal* [il-le-gal]. В осетинском языке в данном случае слоговая граница проходит перед согласными [æ-ппæт].

5. В сочетании [r, l] с последующими шумными или сонантами (кроме полугласных) граница проходит внутри сочетания. *Garder* [gar-de]. *Parler* [par-le].

6. В сочетаниях, содержащих носовые смычные, слоговая граница тоже проходит между согласными: *omelette* [om-læt]. *Augmenter* [og-mã-te].

7. В сочетаниях из двух шумных согласных граница слога проходит между согласными. *Optique* [op-tik]. *Budget* [byd-æ].

8. В группах из трех или более согласных с [s] посередине слоговая граница проходит после [s]. *Excuse* [æks-kyz]. *Exploiter* [æks-plwate]. В осетинском: кæрстытæ, тыхстимæ.

Согласно этим правилам можно сделать следующие выводы: в случае СГ-ГС в обоих языках слогоделение происходит по одному и тому

же типу, два или более согласных в осетинском языке уходят всегда в последующий слог, во французском языке при сочетании шумных с последующими [r, b] тоже идут в следующий слог, а в остальных случаях слоговая граница проходит между ними. Удвоенные согласные в осетинском языке остаются в последующем слоге, а во французском языке граница проходит между ними.

Несмотря на разную степень изученности французского и осетинского языков, ученые приходят к единому мнению, что не существует звуковых последовательностей, которые при одном и том же фонемном составе различались бы местом, где проходит граница слога.

Примечания:

1. Соколова В. С. Фонетика французского языка (вопросы теории). М.: Высшая школа, 1983. С. 54-88.

2. Смольянинова М. В. Практическое пособие по фонетике французского языка. М.: Изд-во Московского Университета, 1973. С. 6.

3. Селях А. С., Евчик Н. С. Фонетика французского языка. Минск: Вышэйшая школа, 1986. С. 61.

4. Малышева Н. И. Коррективный фонетический курс французского языка. М.: Просвещение, 1968. С. 102.

5. Барышникова К. К., Колтынина В. Я., Михеева В. Т., Соколова В. С. Вводно-коррективный фонетический курс французского языка. М.: Высшая школа, 1980. С. 19.

6. Delattre P. Tendances de la coupe syllatique en français: Mouton, 1966. P. 150.

7. Chigarevskaia N. Traité de phonétique française. Moscou: Vysšaja škola, 1982. P. 127-132.

8. Grammont M. Traité pratique de prononciation française. P.: Delavrage, 1938. 199 p.

9. Гордина М. В. Фонетика французского языка. Л.: Изд-во Ленинградского Университета, 1973. С. 113-123.

10. Виллер М. А., Гордина М. Б., Белякова Г. А. Фонетика французского языка. Ленинград: Просвещение, 1978. С. 50-54.

11. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Том I. М., Л., 1949.

12. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.

13. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Ч. I. Орджоникидзе, 1965.

14. Исаев М. И. Очерк фонетики осетинского литературного языка. Орджоникидзе, 1959.

15. Бугаева Л. А. Фонематический статус так называемых дифтонгов осетинского языка // Первая Международная научная конференция. «Осетиноведение; история и современность». Владикавказ, 1991.

16. Бутаева Л. А., Калухова Н. С. Двугласные сочетания в немецком и осетинском языках // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ, 2004.

17. Бутаева Л. А. Идентификация морфологически членяемых и нечленяемых дифтонгических сочетаний в осетинском языке // Человек, государство, общество: традиционные проблемы и новые аспекты: Тезисы докладов Межвузовской студенческой научной конференции. Владикавказ, 1999.

18. Бутаева Л. А. Членение на слоги слов с интервокальным скоплением согласных (на материале осетинского языка) // Бюллетень Владикавказского института управления. №17. Владикавказ, 2006.

А. Ю. Базаева, М. И. Гуева, Н. Ю. Туаева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВЛАДИКАВКАЗА: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

История каждого российского города, так или иначе, связана с важными событиями отечественной истории. Но кроме героической истории, интерес представляет тема повседневной жизни города, его жителей, их уклад, деятельность и творчество. В данной статье рассматривается история развития предпринимательства во Владикавказе на рубеже XIX-XX вв., превращение его из небольшой военной крепости в экономический и культурный центр юга России.

Нынешний 2019 год – юбилейный для Владикавказ. Ровно 235 лет тому назад, в апреле 1784 года генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин доложил императрице об основании крепости с символическим названием Владикавказ, которое можно расшифровать как «владей Кавказом». Крепость была заложена у входа в Дарьяльское ущелье на берегу реки Терек для защиты южных границ Российской империи. В Указе императрицы Екатерины II было сказано: «У подножья гор повелеваю я основать город, на назначенном по обозрению моему месте, под именем Владикавказ» [1].

Уже 6 мая 1784 года состоялось освящение Владикавказской крепости, которая с самого начала своего существования играла роль форпоста и имела исключительно значение «служить в числе других укреплений охранным пунктом сообщения России с Грузией» [2]. Долгие десятилетия крепость представляла собой небольшое пограничное поселение, жизнь в котором была подчинена сложной военной обстановке на Кавказе. Но в XIX веке Владикавказ стал активно раз-

виваться. С каждым годом росло «количество промышленного и торгового люда», которые проживали в крепости и рядом с ней, а само поселение стало иметь все большее значение в торговле России с Закавказьем и Персией. Когда ценность Владикавказа как крепости была исчерпана, она превратилась в город. Этот переход был не очень заметен, так как был сохранен военный гарнизон.

В августе 1852 года начальник Военно-Осетинского округа комендант крепости, генерал барон И. А. Вревский докладывал наместнику М. С. Воронцову о «значительном увеличении торгового оборота и указывал на его несоответствие мизерным сборам, взимаемым с торгующих в крепости купцов». Было принято решение об увеличении размеров пошлин. Но по действующему российскому законодательству денежные сборы допускались только в городах, а в крепости, к тому же находящейся за карантинной линией, предписывалась даже беспошлинная торговля. Поэтому в январе 1853 года М. С. Воронцов писал Н. С. Завадовскому, управляющему гражданской частью Ставропольской губернии, которой подчинялась Владикавказская крепость: «Находя полезным возвести Владикавказ на степень города в видах лучшего устройства в нем общественного хозяйства, я, для предварительного испрошения на это высочайшего соизволения, покорнейше прошу ... сообщить мне соображения ваши: каким бы образом полагали вы возможным учредить этот новый город в административном порядке. Какое бы вы думали дать ему внутренне управление (принять во внимание как военное положение, так и безвозездность его) ... одним словом, прошу вас сообщить мне проект тех оснований, на коих бы вы полагали устроить Владикавказ как город ... прошу вас сообщить мне сведения о величине населения, положении промышленности, оборот торговых капиталов, примерную ценность обывательских недвижимых имуществ, примерный баланс городских доходов и расходов и пр.» [3].

В 1859 году проект преобразования крепости в город был направлен в Петербург. Новый наместник России на Кавказе А. И. Барятинский писал Председателю Кавказского комитета: «По мере успехов нашего оружия в крепости Владикавказ начала быстро развиваться торговля, привлекая туда как из Закавказского края, так и из внутренних губерний России разного звания промышленных людей. Находя для себя выгоды свободной торговли, они стали обзаводиться в крепости оседлостью, строя там лавки, заводы и другие промышленные заведения... Чтобы изменить к лучшему положение окружающих Владикавказ покорных нам горских народов, необходимо привлечь к Владикавказскому рынку новые капиталы, которые произведут именно это благодетельное действие, какое всегда и везде являла правильная торговля. Выгодно вознагражденный труд усилит их деятельность. Невозделанные ныне поля их обратятся в богатые нивы. Скотоводство и вообще все отрасли сельского их хозяйства поднимутся. Избыток

произведений труда инородцев еще более убедит их в преимуществах мирной жизни...» [3].

Это обстоятельство, наряду с важнейшей военно-стратегической ролью Владикавказа, повлияло на дальнейшую судьбу крепости. Император Александр II одобрил идею А.И. Барятинского и 31 марта 1860 года подписал Указ о преобразовании крепости в город, в котором подчеркивалось: «В видах развития на Кавказе торговли и промышленности и водворения начал мирной гражданской жизни между покорными горскими племенами, признав полезным, согласно представлению нашего наместника Кавказского, обратить находящуюся на Военно-Грузинской дороге из России в Закавказье, впереди главного хребта Кавказских гор, крепость Владикавказ с прилегающими к ней крепостным форштадтом в город и даровав разные льготы и преимущества лицам, желающим водвориться в сем городе» [4]. А еще через три года Владикавказ стал административным центром созданной в 1863 году Терской области.

Стратегическую значимость Владикавказа подтверждают визиты российских императоров, которые в разные годы побывали здесь. В 1837 г. Николай I отправляется на мятежный Кавказ. После Высочайшего смотра в Тифлисе, военной и административной инспекции гарнизонов, Государь по Военно-Грузинской дороге едет во Владикавказ. По прибытии Николай I на городской площади принял парад гарнизонных войск, перед его взором прошли части боевых полков и батальонов [3].

Император Александр II в сопровождении двух сыновей, Цесаревича Александра Александровича и Великого Князя Владимира Александровича, посетил Кавказ в 1871 году, чтобы «лицезреть, что народы Кавказа живут в мире и согласии и во благо России». Во Владикавказе император произвел смотр частей войск, посетил различные учреждения города, в его честь в городском саду состоялись народные гулянья.

В 1888 г. Александр III отправляется на Кавказ. 17 сентября Царский поезд прибыл в Ростов-на-Дону, и оттуда через Минеральные Воды и станицу Прохладную проследовал во Владикавказ. В поездке с Государем находились Императрица Мария Федоровна и сыновья – Цесаревич Николай Александрович и Великий Князь Георгий Александрович. Во Владикавказе состоялся смотр войск. Царская чета принимала участие в богослужениях в Спасско-Преображенском соборе и церкви Св. Апостолов Петра и Павла, посетила военный госпиталь, городской сад. В честь пребывания Александра III во Владикавказе на привокзальной площади была воздвигнута Триумфальная арка.

Государь Император Николай II побывал во Владикавказе в конце ноября – начале декабря 1914 г. Уже шла Мировая война, в октябре в войну на стороне Тройственного союза вступила Турция, что вызвало открытие Закавказского фронта боевых действий, чем и была обусловлена его поездка на Кавказ [3].

Преобразование Владикавказа в город по времени совпало с промышленным переворотом в России – активный процесс капиталистического развития затронул и окраины Российской империи. Становление и развитие города способствовало активизации ремесленного производства, промышленности, торговли, образования и культуры. Русская культура, носителями которой выступали в первую очередь военнослужащие, развивалась во взаимном влиянии с культурой осетинских жителей.

В начале века основой экономики владикавказского поселения была ремесленная деятельность. В 30-х годах все ремесленники ютились на одной из улиц Владикавказской крепости (Дворянской). Но уже в 1852 году на многих центральных улицах повсюду пестрели вывески ремесленников и мастеровых, среди которых: каретные мастера, столяры, портные, сапожники, кузнецы, часовых и золотых дел мастера, кондитеры, хлебники. В 1864 году было открыто «цеховое ремесленное управление. К этому времени в городе трудились «вольные ремесленники»: 20 портных, 6 сапожников, 16 кузнецов, 2 лудильщика, 1 сдельщик, 1 стекольщик, 4 часовых дел мастера [4].

Деловая жизнь города стала стремительно набирать обороты в середине XIX века. Как писал военный историк крепости, а потом и города, Андрей Андреевич Ракович, во Владикавказе значилось 909 деревянных домов, 25 улиц, обширных площадей – 5, лавок – 125. Городские доходы достигали 2 тысяч рублей – это все сборы с купцов и промышленников за право торговли в крепости, постоянных жителей числилось 3653 обоего пола, из которых семейств нижних чинов – 1439. Владикавказского казачьего полка – 722, разного торгового люда и вообще пришлого элемента 1462 человека [3]. Жители активно занимались разного рода торговлей, перевозкой товаров в Грузию, сельскохозяйственными работами на огородах и сенокосах, традиционными ремеслами, удовлетворявшими каждодневные потребности горцев: изготовлением седел, арб, плотницким и кожевенным делом. Действовали маслобойни, быстро развивалось мукомольное дело – наряду с ручными и ветряными, были мельницы, работавшие с помощью паровых двигателей. К этому периоду можно отнести и зарождение промышленности во Владикавказе – появление первых небольших бондарных, пивоваренных, свечных, мыловаренных, кожевенных, кирпичных заводов с преобладанием ручного труда.

К 1876 году во Владикавказе ремесленной деятельностью занимались 1504 человека, из которых 759 были мастерами, 613 рабочими и 132 учениками. Всего мужского населения. Из них хлебников было 77 человек, булочников – 3, пряничников – 4, кондитеров – 14, мясников – 52, трактирщиков и харчевников – 37, кухмистеров – 29, мельников – 5, колбасников – 6, портных – 142, сапожников – 75, модисток – 15, эпoletчиков – 2, шапочников – 34, перчаточников – 3, печников – 24, каменщиков – 42, столяров – 92, мебельщиков – 26, маляров – 12,

живописцев – 3, кровельщиков – 12, стекольщиков – 12, плотников – 89, бондарей – 16, колесников – 30, пильщиков – 20, каретников – 23, обойщиков – 3, шорников – 3, кузнецов – 41, слесарей – 11, медников – 5, лудильщиков – 12, извозчиков легковых – 220, грузовых – 77, часовщиков – 18, ювелиров – 8, золотых и серебряных дел – 17, золотошвей и галунщиков – 8, оружейник – 1, горшечников – 5, трубочистов – 7, водовозов – 94, седельщиков – 9, ламповщиков – 2, красильщиков – 4, типографщиков – 18, фотографов – 4, переплетчиков – 4, цирюльников – 5, парикмахеров – 7, коновалов – 2, свечников – 3. Только в 1876 году было выдано 82 свидетельства «на мещанские промыслы». Через два года к числу городских ремесленников прибавилось еще 37 трактирщиков и харчевников, 18 типографщиков и 7 трубочистов. Это далеко не полный перечень лиц, занимающихся ремеслом [4].

Постепенно складывались торговые традиции города. На рубеже 40-50-х годов в крепости торговали 9 купцов 2-ой гильдии и 30 купцов 3-ей гильдии, но было уже много «средней руки торговцев, которым принадлежало 125 торговых лавок». А в 1852 году было уже 56 купцов 2-й гильдии. Предметами торговли были бумажные и шелковые ткани, сукно, металлические изделия, галантерея, сахар, чай, кофе, заграничные напитки. За исключением табака, фруктов и кахетинских вин, привозимых из Тифлиса, остальные товары закупались на Нижегородской ярмарке, доставлялись во Владикавказ и оттуда сбывались в ближайšie укрепления [4].

К 1864 г. основное население города составляли «90 семей купцов I и II гильдии и 159 семейств мещан». Недвижимое имущество их помимо домов составляло: мыльные, свечные, кирпично-черепичные, известковые заводы, а также табачные фабрики. В документе того времени указано: «Отпускная торговля, производимая городом, заключается в железе фабричного изделия, красных товарах, турецком табаке, вин разных сортов, внутренняя же состоит в строевом и нестроевом лесе, местной породе нефти, камне местного добывания, муке, кукурузе, картофеле, птице, мехах, коже и тому подобных хозяйственных необходимостей. Годовая цифра оборотов торговли: отпускной – 600 тыс. рублей и внутренней – 200 тыс. рублей серебром...

Особое место в городской жизнедеятельности занимала ярмарочная торговля. В середине 1870-х годов действовало две ярмарки – Константиновская с 20 мая по 28 мая и Михайловская с 8 по 14 ноября, «базары бывают еженедельно по два – во вторник и субботу» [3].

В пореформенное время активно стала развиваться городская промышленность. Первые фабрики и заводы были мелкими предприятиями ремесленного типа, все работы на них производились вручную. В 1852 году в крепости был лишь один пивоваренный завод, два мыловаренных, два свечных, три кожевенных. В 1870-х годах появилось 4 табачные фабрики, 2 водочных и канатно-прядильный завод, винокуренно-пивоваренный и кожевенный заводы, маслобой-

ный завод, канатно-веревочный завод, хлопчатобумажные фабрики, воскопробойный и медоспускательный завод, воскобелительный и свечный заводы, мыльно-свечный завод, водочный завод, 80 кирпично-черепичных заводов, на которых было занято до 1200 рабочих и служащих. В 1874 году в городе было уже 194 промышленных предприятия: 11 салотопенных, 3 скотобойных, 2 вытапливающих воск, 10 свечных, 4 мыловаренных, 6 кожевенных, 2 выделяющих овчину, 64 кирпичных, 37 черепичных, 3 канатных, 3 пивомедоваренных, 2 известковых, 12 горшечных, 5 водочных, 2 табачных, 4 маслобойных и 5 хлопчатобумажных. В 1875 году появилось еще 7 скотобойных предприятий и 7 оптовых складов вина и спирта. В 1876 году количество промышленных предприятий сократилось до 145, стало меньше кирпичных и черепичных заводов (на 12 и 9 соответственно), что связано с возникновением процесса укрупнения предприятий. Вместе с тем увеличилось количество известковых заводов, появились новые фабрики. К 1883 году было построено еще 2 уксусных завода, 2 красильных, 2 лесопильных, 3 завода минеральных вод, 2 конфетных и 1 чугунно-литейный.

В 80-х годах продолжался процесс укрупнения промышленности, вытеснение мелких предприятий более крупными, такими как машинный завод барона Штейнгеля, сахарный завод Прохаско и другие [4].

Вторая половина XIX – начало XX века связаны с высоким уровнем миграции из внутренних губерний России и осетинских горных сел. Владикавказ изначально развивался как полиэтничный город, жизнедеятельность которого формировалась под воздействием различных социально-экономических и политических факторов, важнейшим из которых стало преобразование крепости в город и обретение им статуса областного центра. Быстрому росту и развитию Владикавказа способствовало, прежде всего, его удобное географическое и стратегическое положение, позволяющее контролировать единственный и безопасный путь в Закавказье – Военно-Грузинскую дорогу [5].

Бурный рост города, безусловно, был связан с ростом численности его населения. Разнообразие форм деятельности, которое характеризовало Владикавказ, открывало широкие перспективы и привлекало сюда представителей разных национальностей. Миграционные процессы привели к формированию многочисленных диаспорных и этнических групп. Здесь жили русские, осетины, армяне, грузины, персы, греки, евреи – горские и европейские, поляки, украинцы, татары, немцы, ассирийцы, тавлины, кумыки и другие, которые развивали свои традиционные ремесленные промыслы и активно участвовали в экономической жизни города [4].

Среди евреев было много известных мастеров – портных, часовых дел мастеров, ювелиров, сапожников, столяров, шапочников. Были также жестянщики, переплетчики, веревочники, чемоданщики. Большим спросом у военных пользовался труд эполетчиков.

В городе был армянский ремесленный квартал, где можно было заказать бурки, седла, башлыки, папахи, чувяки, ноговицы, кинжалы. Среди армян было много ювелиров, оружейников, гончаров. Армяне-мужчины занимались традиционной выпечкой хлеба, лаваша. Одним из традиционных ремесел было корзиноплетение.

Проживавшие в городе персы были известными умельцами по изготовлению кирпича, кладке стен, мастерами – штукатурами, сапожниками. Они занимались обработкой металлов, производством напитков, извозом, работали «терщиками» и цирюльниками в персидской бане «Восток» и в других городских банях. Во Владикавказе действовал персидский ковровый цех, где женщины ткали ковры. Известная предпринимательница Нисса Ханум имела каретный двор, конюшню, право на почтовые перевозки Владикавказ-Тифлис. Персы были известны в городе и как водовозы.

Городские грузины занимались выпечкой хлеба, лаваша, изготовлением вина, обработкой дерева, керамическим производством, шили национальную грузинскую и европейскую одежду, извозным промыслом.

Греки занимались во Владикавказе строительством домов, соборов, церквей, устройством улиц, тротуаров, площадей, бульваров. Они воздвигали мосты, берегоукрепительные сооружения и другие объекты.

Русские считались лучшими печниками, плотниками, столярами, кровельщиками, пильщиками.

Немцев-ремесленников было немного, среди них – портные, мастера по традиционному литью свечей из сала, изготовлению одежды, ювелирному делу.

Особую группу ремесленников составляли «мусульмане-серебряки и золотых дел мастера», дагестанцы-лезгины и кумыки. Их изделия продавались во многих магазинах города. Татары шили сбрую, выделывали седла, занимались извозом.

Некоторые ремесла долгое время сохраняли этническую специфику, но цеха становились многонациональными [4]. Важное место в городской инфраструктуре занимал извозный промысел, который также все больше становился интернациональным.

Особое место в городской экономике занимал гостиничный бизнес. Одна из первых гостиниц «Нью-Йорк» была открыта в 1875 году. В 1879 году была открыта старейшая в городе гостиница «Гранд-Отель» на Александровском проспекте. На первом этаже располагались администрация гостиницы и ресторан, на 2-ом – гостиничные номера. Позднее было основано еще 2 филиала – «Гранд-Отель» на Александровского проспекта и в Казбеги. В 1882 году была открыта гостиница «Европа». В начале 1880-х годов была основана гостиница «Бристоль». Здание было построено по инициативе Общественного (Дворянского) собрания Владикавказа для проведения различных культурных меро-

приятий, а со временем часть его была арендована под гостиницу с наличием ночного кафешантана с кордебалетом – редкого по тем временам развлечения.

В 1880-х годах были построены гостиница «Париж» и отель «Империал», который славился роскошным рестораном с европейской и кавказской кухней. Многие горожане были заняты в гостиничном бизнесе, где требовались горничные, швейцары, курьеры, повара, извозчики.

Утверждение капиталистических отношений как господствующей общественно-экономической системы, урбанизационные процессы, буржуазные реформы 60-70-х годов были системообразующими факторами для экономического развития России. Окраины империи активно вовлекались в эти процессы, ставшие для Владикавказа еще и условием становления городской культуры.

Развитие капиталистических отношений в городской экономике шло быстрыми темпами, что в первую очередь нашло отражение в промышленности и торговле, железнодорожном строительстве. Кустарное производство и домашняя промышленность к концу 19 в. постепенно приходили в упадок, так как не могли конкурировать с российской промышленностью [7].

Начало бурному социально-экономическому росту города положило событие огромной социально-экономической важности для всего Северного Кавказа – соединение Владикавказа железнодорожной линией с Москвой и Петербургом. В 1875 г. была открыта Ростовско-Владикавказская железная дорога, которая в 1894 г. была доведена до Каспийского побережья (г. Петровск). Возведение железных дорог оказало большое влияние на промышленное и сельскохозяйственное развитие. Установились прочные экономические связи с центральной Россией, значительно облегчились экспорт и импорт. Прежде развитие промышленности во многом сдерживалось отсутствием удобных путей сообщения. В 90-е годы Владикавказ уже можно назвать промышленным городом империи.

Но если первые промышленные предприятия города имели больше повседневно-бытовое направление: механизированные мельницы, фабрика искусственных минеральных вод, крахмало-паточный, пивоваренный и спиртоводочный заводы, гильзевая и табачная фабрики, то к концу столетия Владикавказ становится важным центром цветной металлургии. В 1896 г. с согласия правительства было учреждено русско-бельгийское «Горнопромышленное и химическое общество «Алагир» с капиталом в 4,5 миллиона рублей, которое на базе полиметаллических месторождений Осетии запускает в 1903 году на северо-восточной окраине города, рядом с железнодорожным вокзалом, крупный серебряноцинковый и цинковый завод. Для обслуживания железной дороги создаются железнодорожные мастерские [4].

Заметно изменился облик города: появились красивые двухэтажные особняки, гостиницы, казенные здания, банки, страховые обще-

ства, роскошные магазины, улицы украшались аллеями и бульварами. Первые владикавказские архитекторы создали вместо хаотичных крепостных кварталов классическую планировку улиц, дополняя их садами и парками. Строительство приняло особенно широкий размах после того, как на юго-восточной окраине города свою первую продукцию выпустил механизированный кирпично-черепичный завод Л. В. Штейнгеля и В. И. Грозмани. Известные предприниматели смогли так организовать производство, что качество кирпича и черепицы славилось далеко за пределами города. Из этого кирпича построены самые интересные архитектурные строения в центре Владикавказа. На каждом кирпиче имеется оттиск с фамилиями владельцев – Штейнгель – Грозмани. Тысяча кирпичей стоила 9 рублей. Для города эта постройка имела, можно сказать, революционное значение: турлучные и деревянные дома, крытые соломой и самодельной черепицей, стали уступать место красивым кирпичным сооружениям.

22 ноября 1863 года в городе был торжественно открыт для движения первый железный мост через Терек – Ольгинский. Мост был изготовлен в Англии в 1860 году и по заказу городских властей доставлен во Владикавказ [5, с. 88-89]. В 1862 г. в городе был открыт первый кабинет для чтения, 16 января 1864 года – первое фотозаведение, а с 1 января 1868 года начала выходить первая газета – «Терские ведомости». В 70-х годах на главной улице был обустроен бульвар, в городе за счет городского бюджета зажигалось 24 фонаря, а на некоторых улицах имелось шоссе. Водопроводов и фонтанов во Владикавказе еще не было.

Первые годы XX века ознаменовались для города открытием и пуском электростанции и электрического трамвая. В 1902 году во Владикавказ прибыли бельгийские и немецкие инженеры, которые приступили к укладке путей на Ольгинском мосту и постройке трамвая. Движение трамваев через мост открылось в 1904 году [6, 136].

С историей Владикавказа связано много имен выдающихся предпринимателей и государственных деятелей, которые оставили о себе великую память в красивейших строениях города, развивали и поддерживали образование, культуру, занимались благотворительностью. Александровский проспект располагал шикарными торговыми домами «Р. Сегаль и сыновья» и «Киракозов и Оганов», престижными магазинами – Гейтена, Ганжумова, Цирина, братьев Туаевых, мебельными магазинами – Крейчи и братьев Маевских, великолепными кондитерскими Фардзинова и Хасиева. В начале XX века в городе была хорошо известна торговая фирма «Коджоянц», где объединились армяне – ювелиры, граверы и чеканщики, изделия которых пользовались широким спросом в городе и за его пределами.

На первом этаже дома Гаджиева, расположенного на углу Александровского проспекта и Базарной улицы, располагался известный в то время писчебумажный торговый дом «Сегаль и С», а на втором – книж-

ный магазин Ильина, имевший при себе библиотеку и кабинет для чтения с широким выбором различной литературы. В этом же здании, со стороны улицы Базарной, обосновался первый в городе электротئاتр «Модерн». Многие из этих зданий сегодня – памятники архитектуры.

Известные купцы и меценаты С. М. Киракозов и Б. Г. Оганов – владельцы товарищества мануфактур – «всего лишь» производили и продавали по всему Кавказу ткани и готовые платья. Когда-то этого было достаточно, чтобы сделать себе имя и солидный капитал. В начале XX века Богдан Григорьевич Оганов был одним из богатейших купцов Владикавказа и «уважаемым членом» городской Думы.

Угол улиц Евдокимовской и Александровского проспекта занимала корпуса табачной фабрики, которая принадлежала Багратиону Вахтангову, отцу известного театрального режиссера Евгения Вахтангова. Багратион Сергеевич в воспоминаниях современников предстает человеком крутого нрава, скуповатым, но сумевшим добиться коммерческого благосостояния – его табачная фабрика процветала.

По инициативе известных меценатов и благотворителей – председателя съезда мировых судей дворянина Владислава Доминиковича Шредерса и Варвары Григорьевны Шредерс – в 1890 году во Владикавказе была открыта женская воскресная школа. Позже Варвара Шредерс была назначена начальницей II женской гимназии. При школе В. Г. Шредерс стала собирать библиотеку художественной литературы, а в 1895 году благодаря ее стараниям и попечению во Владикавказе открылась первая общественная публичная библиотека. Фонд библиотеки первоначально состоял из 50 пожертвованных книг, но к 1911 году он насчитывал уже 7174 книги.

В отличие от многих городов России Владикавказ вырос в предельно сжатые сроки, в относительно короткий период формировалась его инфраструктура, складывалась многонациональная городская культура. Огромный интерес представляет экономическое развитие города, изучение исторического опыта межэтнического общения, ведь полиэтничность была структурообразующей характеристикой Владикавказа. Нам было интересно рассмотреть именно эту страницу истории города, который и сегодня продолжает иметь важное значение геополитического и торгового форпоста юга России.

Примечания:

1. Цаллагов С. Ф. Крепость у подножья гор [Электронный ресурс] // <https://darial-online.ru/20143> (дата обращения: 25.05.2019).

2. <https://tropki.ru/rossiya/severnaya-osetiya/vladikavkaz>.

3. Киреев Ф. Из истории основания крепости Владикавказ [Электронный ресурс] // <http://parliament-osetia.ru> (дата обращения: 11.03.2019).

4. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ: РИО СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2008 [Электронный ресурс] // http://nocss.ru/projects/24/gl1_p1.php (дата обращения: 11.03.2019).

5. Туаева Н.Ю. Социализация детей и юношества в традиционном осетинском обществе (вторая пол. XIX – нач. XX вв.): Дис. ... канд. истор. наук / Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2008.

6. Цаллагов С.Ф. Книга-фотоальбом. Владикавказ – летопись в камне. Владикавказ: дизайн-студия Веста, 2008.

7. Туаева Н.Ю. Способы включения детей и юношества в трудовую деятельность в традиционном осетинском обществе // Бюллетень Владикавказского института управления. Владикавказ, 2008. №24. С. 145-156.

В. В. Кирилова

КОНЦЕПТ «ИМПЕРИЯ» КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Автор рассматривает использование концепта «империя» в ретроспекции и в актуальном политическом дискурсе, в частности его негативные коннотации в дискурсе Холодной войны и, напротив, возможность встраивания в идеологический проект современной России.

Наблюдение над процессами, происходящими в современном политическом дискурсе, позволяет констатировать, что после 2014 года на первые позиции в дискуссиях, происходящих как в медиапространстве, так и в «высокой политике», вышел концепт *империя*, потеснив такие актуальные прежде понятия, как *демократические ценности, права человека, мультикультурализм* и прочие. Возрождение интереса к «имперской» проблематике связано с возвращением Крыма в состав России, которое стало знаковым событием, ознаменовавшим новейшее *собираение земель русских*. К тому же такие ключевые для предыдущего десятилетия концепты, как *демократия* и *мультикультурализм*, уже достаточно скомпрометировали себя, и помещать их на знамя новой холодной войны значило бы ступать на очень зыбкую почву: крах политики мультикультурализма констатировали сами же её идеологи [14], а репутация демократии изрядно подмочена двойными стандартами, и сама система либеральной демократии западного образца переживает сейчас острый кризис, постепенно сводясь к декоруму и системе ритуалов, за которыми скрывается отнюдь не демократическое содержание.

Дискуссии вокруг западной демократии приняли совсем нелюбимый характер, когда, к вящему удовольствию её апологетов, случилась Крымская весна. Она позволила им «замылить» тему, перенеся акцент дискуссий на это событие, которое в публичном пространстве описывается с помощью таких выражений, как *имперские амбиции* и *имперские фантомные боли*.

Чтобы понять, что же инкриминируется России, предлагаю, как советовал Козьма Прутков, посмотреть в корень. Рассмотрим оба определения понятия империя – номинальное (лингвистическое) и реальное (в данном случае политологическое).

ИМПЕРИЯ, империи, жен. (лат. *imperium*, букв. «верховная власть»). Монархическое государство, глава которого носит титул императора [15].

ИМПЕРИЯ – (от лат. *imperium* – власть) 1) монархическое государство, глава которого, как правило, носил титул императора; 2) Империями назывались также государства, имевшие колониальные владения (напр., Британская империя) ... [8].

То есть, как видно из предложенных определений, империя есть не что иное, как способ государственного (или трансгосударственного) устройства, с древнейших времён ставший весьма распространённой практикой во всём мире. Не говоря уже о великих империях древности, таковой была и Британская империя, выходцы из которой теперь ставят в вину России её имперскую ориентацию.

Так откуда же проросла отрицательная коннотация этого термина? Из пресловутого «*Quod licet Jovi, non licet bovi*» – древнейшего из известных постулатов двойных стандартов? Попытаемся разобраться.

Поскольку мы условились называть концептами любые понятия, имеющие расширительную (по сравнению со словарной) и оценочную трактовку, то рассмотрим в качестве таковых концепты *империя зла*, *имперские амбиции* и *имперские фантомные боли*.

Как известно, выражение *империя зла* (англ. «*evil empire*») вошло в оборот и стало политическим клише благодаря президенту США Рональду Рейгану, который употребил его в своём выступлении перед Национальной ассоциацией евангелистов США во Флориде 8 марта 1983 года. Рейган употребил этот оборот в отношении СССР наряду с другими («центр Зла в современном мире», «ось зла»), объясняя правомерность такой оценки принципиальной аморальностью советского режима и выводя из этого тезис о моральном превосходстве США. Эта характеристика стала распространённой фигурой речи периода «холодной войны». Информационное агентство ТАСС в этой связи заявило, что «администрация Рейгана способна думать только в терминах конфронтации и воинственного, безумного антикоммунизма». По данным некоторых источников, автором выражения был спичрайтер президента Энтони Р. Долан. Как бы там ни было, авторство этого концепта исходит из недр рейгановской администрации [1]. Именно тогда

по сути нейтральный термин *империя* был соединён с понятием зла и приобрёл негативную оценку, которая так прочно с ним срослась, что уже более не требуется оснащать данный концепт какими-либо одиозными эпитетами. Здесь имеет место архетипическая модель «лисица и виноград», когда недоступное объявляется непригодным – в данном случае утрата колоний лишает Британию статуса империи, и поэтому он провозглашается недостойным современного демократического государства.

Впрочем, попытки дискредитировать термин *империя* предпринимались и ранее – в частности классиками марксизма-ленинизма. Во второй половине XIX века возник и получил распространение термин *империализм* (франц. *impérialisme*, англ. *imperialism*, нем. *Imperialismus*, от лат. *imperium* – власть, господство), который первоначально обозначал систему управления, основанную преимущественно на военной силе и сопровождающуюся политикой экспансии и установления политического и/или экономического контроля над завоёванными территориями. С 1870-х гг., когда усилилась колониальная экспансия европейских стран и США, термин *империализм* стал использоваться наряду с понятием *колониализм* как его синоним. Начало XX века ознаменовалось появлением в пространстве политического дискурса тезиса об империализме как новой фазе развития капиталистического общества. Оно связано с изданием в 1902 г. английским экономистом Дж. А. Гобсоном его книги «Империализм». Этот тезис был подхвачен и развит теоретиками марксизма для обоснования теории классовой борьбы. В частности, Ленин выделил следующие основные признаки империализма: «1) Концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой степени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 386-387) [3]. Нетрудно заметить, что все эти признаки, в числе прочих, сегодня мы связываем с таким концептом, как *глобализация*, но об этом ниже.

В. И. Ленин, который был не только выдающимся мыслителем, но и незаурядным политическим оратором, умел мастерски подбирать запоминающиеся и броские выражения, и его фраза «империализм есть (1) – монополистический капитализм; (2) – паразитический или загнивающий капитализм; (3) – умирающий капитализм» вошла во все хрестоматии и учебники истории и философии XX века [9].

Как видно из приведённой цитаты, определение *монополистический* не несёт в себе почти никакой оценки или, по крайней мере, она

минимальна и очевидна только для специалистов в области политической экономии. А вот определения *паразитический* и *загнивающий* уже определённы негативны. Они нашли своё отражение в позднейшей советской политической фразеологии (вспомним, в частности, мем конца 70-х – начала 80-х годов об «ароматно загнивающим капитализме»). То есть превращением термина в концепт мы обязаны, пожалуй, именно Ленину.

Однако же параллельно с ним тогда ещё использовался концепт с безусловно положительной коннотацией – *империя, над которой никогда не заходит солнце*, который употреблялся (в различных вариациях) для описания глобальных империй, в частности Британской. В основе смысла данного выражения лежит метафора, которую следует понимать таким образом: эти империи являются настолько обширными, что расположены в нескольких часовых поясах, и поэтому всегда над какой-то частью их территории светит Солнце. Первоначально определение было использовано применительно к Испанской империи XVI-XVII вв., но позже распространилось и на Британскую империю XIX и начала XX века, а со 2-й половины XX века, по мере крушения «старых» империй и распада мировой колониальной системы, фраза стала применяться для характеристики Американского империализма [4]. То есть до определённого периода понятие империя несло в себе исключительно положительную оценку и семантически ассоциировалось со словами *величие, могущество, авторитет* и прочими подобными. Отголоски этой идеологии мы встречаем во многих романах Дж. Голсуорси, в которых слышится естественная и закономерная гордость за Британию. Более того: в сознании британцев важное место занимали идеи мессианства, квинтэссенцией которых стало стихотворение Редьярда Киплинга «Бремя белых» (в другом переводе – «Бремя белого человека»), в основе которого лежит идея о служении, детерминированная цивилизационным превосходством белой расы.

Однако XX век, прошедший под знаменем борьбы с расизмом и колониализмом, внёс свои коррективы, и по мере того, как сами империи лишались атрибутов былого величия, подверглось переоценке само слово *империя*. Поэтому и стало возможным появление концепта *империя зла*, который в прежние времена был бы расценен едва ли не как оксюморон.

В книге «Судьба империи», посвящённой переосмыслению концепции российского государства [11], её авторы утверждают: «Мы обязаны вернуть себе историческое и онтологическое достоинство» [11, с. 17]. По их мнению, это возможно только в результате переосмысления российской истории в контексте истории европейской, а точнее – в истории великих цивилизаций, построенных вокруг средиземноморского ядра. Западным полюсом европейской цивилизации был Рим, Россия же принадлежит к восточной ветви этого родословного древа, проходящей через Византию [11, с. 23]. Ранее, анализи-

руя диалог авторов цитируемой книги, состоявшийся в ходе одного из радиозэфиров, я уже писала о двух типах экспансии, в результате которых сложились два типа империй [10]. В книге они развивают эту идею: «Византия не была империей, стремящейся к завоеванию мира. Она была скорее реализацией аристотелевского проекта Ойкумены средствами более пригодными, нежели поход Александра Великого. Продолжатели этого проекта – мы» [11, с. 23]. Основаниями для подобного вывода служат следующие положения.

Отталкиваясь от постмарксистского тезиса о том, что базовым в историческом процессе является фактор воспроизводства, и любые исторические общности являются его акторами, несущими ответственность за выбор тех моделей общественных отношений и государственных институтов, которые они воспроизводят, авторы постулируют проектный способ воспроизводства, описывая его через концепт *исторической судьбы*. «Мы воспроизводим себя и условия своего существования: наши социальные конструкции, смыслы и самообразы, материальные обстоятельства своей жизни – всё, что подпадает под категорию «общественной практики», – утверждают они и предлагают рассматривать судьбу нации не как некий рок, а как своего рода «задание», проект, укоренённый в прошлом, но устремлённый в будущее: «Таким образом, создать проект и план себя и своего пути означает ответить на вопрос о содержании очередного воспроизводственного цикла и шагов развития» [11, с. 26].

Далее ими вводится в оборот концепт *государство-цивилизация*, которое наделяется признаками универсальности, не зависящей от материала реализации. Следствием этой универсальности является принципиальная экспансивность этого типа государств, то есть их стремление к расширению. Примером такого государства-цивилизации, по мысли авторов, является империя Александра Македонского, которая продемонстрировала возможность экспансии на весь географический мир, объединение ойкумены вокруг одного центра. «С этой версией проекта Аристотель отправил Александра Македонского в первый поход, а римляне доказали принципиальную жизнеспособность и историческую реализуемость такого проекта». Следствием этих процессов стало осознание идеи мирового господства одного государства и борьбы государств за него, на много столетий ставшая доминантой европейского цивилизационного развития [11, с. 72].

Исторически сложились две модели экспансии: англо-саксонская и континентальная. Первая, в силу островного положения Великобритании, осуществлялась главным образом посредством захвата заморских территорий – возможно, этим отчасти объясняется её характер: так как море является естественным препятствием, отделяющим колонию от метрополии, то при таком способе колонизации эксплуатация завоёванных территорий носила особо жестокий характер и была практически безнаказанной. Она часто сопровождалась истреблением

коренного населения и безответственным отношением к природным ресурсам. Россия же расширилась в масштабах своего континента, поэтому освоение новых территорий происходило за счёт ассимиляции населяющих их народов, включения их в Русский мир вместе со всей их культурой и верованиями. «История России – это история всех народов (в общем-то одного русского сверхнарода), вместе создавших и Киевскую Русь, и Российскую Империю, и Советский союз, вместе раздвигавших границы европейской цивилизации». [11, с. 73]. То есть, как бы ни называлось наше государство, оно, по мнению авторов, каждый раз воспроизводило себя как империю.

И здесь как раз вступают в силу двойные стандарты, которые давно стали для «цивилизованного Запада» одним из излюбленных *протоколов*. (Как известно, деятельность любой государственной структуры в США регулируется не сводами законов, так как там действует прецедентное право, а сводом протоколов, предписывающих определённый алгоритм действий для каждой конкретной ситуации). Этот протокол давно следовало бы внести в официальные реестры, так как прецеденты такого рода стали закономерностью внешней политики. Данным протоколом определяется априори, что один и тот же факт может расцениваться как священное право и как тяжкое преступление, в зависимости от субъекта, к которому данный факт относится. Всё это напоминает запрет на ношение одежды жёлтого цвета в Китайской империи, так как этот цвет был символом верховной власти, и для всех, кроме императора считалось преступлением иметь в одежде хотя бы одну жёлтую нить. В силу этого неписаного протокола Россия лишается права быть империей, так как оно узурпировано англосаксами.

Однако отрицательная коннотация термина «имперские амбиции» едва ли возникла на английской почве – вероятнее всего, это дело рук российской прозападной интеллигенции. Дело в том, что именно в русском языке до недавнего времени слово амбиция имело устойчивую отрицательную окраску. Сравните:

Ambition 1) честолюбие, амбиция; 2) стремление, цель, предмет желаний... [12].

АМБИЦИЯ 1. Обострённое самолюбие, а также спесивость, чванство. *Войти (вломиться, удариться) в амбицию* (обидевшись, рассердиться; разг.). 2. Обычно мн. Претензии, притязания на что-н. (неодобр.) *ничем не обоснованные амбиции* [13].

Ambition 1. Честолюбие, властолюбие... 2. [горячее] желание;... стремление быть полезным... [16].

«Примечательно, что в русском языке чуть ли не все слова, указывающие на высокую оценку человеком собственной персоны, окрашены отрицательно: сомнение, апломб, гонор, чванство, спесь, самоуверенность, – пишет И. Левонтина. – Список можно продолжить. Это язык так отражает укорененное в русской культуре представление о том, что гордому человеку следует смиряться. При-

чем на самом-то деле мы понимаем: бывает, что человек трезво оценивает свои силы, готов справиться с задачей и говорит об этом без пустого жеманства, и это хорошо. Однако употребить применительно к такому случаю слово самоуверенность невозможно даже с уточнением в хорошем смысле. Слово нужно разложить на составляющие и переставить в другом порядке, получится: уверенность в себе. Иначе негативную оценку не изгнать» [7]. Автор пишет о трансформации значений привычных слов в современном речевом обиходе. Так, изменение коннотации слова амбиция – ещё, правда, не зафиксированное словарями – связано, по её мнению, с появлением поколения «успешных и амбициозных молодых людей, которые отвечают на вызовы жизни – делают карьеру». Но если посмотреть на ситуацию глубже, то станет понятным, что появление этого нового поколения стало возможным только после смены приоритетов, коррозии старой мировоззренческой парадигмы – и заимствования новой, западной, в рамках которой критериями успеха считаются карьера и уровень потребления. Однако пока преждевременно говорить, что такое понимание слова *амбиция* стало массовым, и поэтому концепт *имперские амбиции* в русском языке по-прежнему носит преимущественно негативный характер.

Это понятие с отрицательной коннотацией получило широкое распространение в последние два десятилетия в связи с курсом на возрождение российского суверенитета, который был крайне негативно воспринят Западом и сторонниками либеральной демократии в самой России. А. Морозов в статье «Имперские амбиции. Быть или не быть?» пишет об этом: «Термин «имперские амбиции» был введён в оборот нашей политической риторики сразу после развала СССР, и его значение уже достаточно хорошо известно. Так же чётко выделяется и обычный контекст, в котором проскальзывает этот термин. «Имперские амбиции», проявляемые русскими, стали, благодаря соответствующему освещению в прессе, чем-то вроде дурного тона, вроде ковыряния в носу или пятна на парадно-выходном мундире. Всё хорошо в этой стране – экономика либерализуется, свобода нравов поощряется, одно плохо – имперские амбиции. ... Любая попытка заговорить о возрождении армии или флота, о независимой экономической базе страны, о необходимости ревизии политического курса натывается на неизменный упрек со стороны либералов – «У вас имперские амбиции!». Любая попытка выйти, пусть даже умозрительно, за пределы того убогого существования, в которое реформы загнали русский народ, чревата обвинениями в этих амбициях, постепенно переходящими в изгнание бесов «русского фашизма»» [2].

Наряду с *имперскими амбициями* используется и концепт *имперские фантомные боли*, отрицательная коннотация которого основана на традиционном обвинении России (ранее – СССР) в стремлении к сохранению и даже расширению сферы своего геополитического господства. После распада СССР у либерально-демократической обще-

ственности как на Западе, так и внутри страны определённое время существовала надежда на окончательный распад *советской империи* как *империи зла*, особенно в свете развёрнутого Б. Ельциным парада суверенитетов. Поэтому последовавший с приходом к власти В. Путина разворот в сторону восстановления национального суверенитета России, укрепление связей с постсоветскими государствами и расширение интеграции вызвали шквал критики в лагере сторонников европеизации и американизации России. Любые интеграционные усилия России в либеральной и Западной прессе провозглашаются *имперскими фантомными болями*. Негативная оценка данного выражения основана на соединении понятия *империя* с медицинским термином *фантомные боли* – это ощущение боли, возникающее в утраченной конечности или в конечности, которая не чувствуется с помощью обычными ощущений. Данное явление практически всегда связано со случаями ампутаций и паралича [5]. Иначе говоря, по мнению оппонентов имперской политики, современный курс на суверенизацию России, расширение и укрепление сферы её геополитического влияния – это страдание по утраченному господству. При этом критика не содержит сколько-нибудь убедительного обоснования, в силу каких же причин то, что хорошо для Америки, является предосудительным для России.

Между тем причины очевидны: Запад не заинтересован в существовании альтернативных центров силы и хочет оставаться единоличным гегемоном в мировой политике. Идеология глобализма – это идеология тотальной власти над миром. Она сегодня доминирует, только теперь это явление носит название не империализма, а глобализации. По мнению авторов книги «Судьба империи», «создана эта идеология – так же как и её практика – вовсе не США, а католической церковью. Вот её краткое выражение: «один Бог, один Мир, одна Церковь, один Папа»» [11, с. 81]. В то время как православие, являющееся базовой религиозной конфессией России, не ставит таких ультимативных целей, но сосуществует с различными религиями при условии, если все они способствуют укреплению духовных основ государства: «Мы не стремимся к прямому господству над миром и сейчас. Мы отвечаем за свою самодостаточность» [11, с. 81-82].

Если оставаться в парадигме проектного мышления, то в качестве проекта следует рассматривать идеологию, сформулированную главным образом в речи – все прочие формы её выражения (изобразительное искусство, музыка и т.д.) вторичны. Как было сказано ранее [10], в языковой форме идеология закреплена посредством определённой системы лексических (концепты, мемы) и синтаксических (идеологемы, лозунги) единиц. К примеру, тезис о том, что мы воспроизводим имперскую форму ментальности, красноречиво демонстрирует семантический параллелизм лозунгов «За Родину, за Сталина!», который впервые был использован в период боёв на озере Хасан в 1938 году, и «за Веру, Царя и Отечество!» периода Первой мировой войны. Когда существует

реальная опасность для страны, солдат поднимает в атаку идея о том, без чего невозможно, по их мнению, существование всего, что им дорого – семьи, родного дома, образа жизни. Поэтому в обоих случаях идея страны как пространства соединяется с идеей лидера нации как гаранта: в первом случае – Родина (традиционно семантически и этимологически связанная с понятием материнства), во втором случае – Отечество. Примечательно, что советское государство мыслилось его создателями как нечто противоположное царской России, но «в сухом остатке» была воспроизведена та же империя, хоть и с другими символами.

В качестве синонима концепту *империя* авторы цитируемой книги используют понятие *континентальное государство*. Они предлагают следующее определение: «Империя – это пространство, пригодное для воспроизводства сверхбиологической популяции масштабов человечества» [11, с. 263]. По их мнению, только континентальное государство правомерно называть империей, так как невозможна полноценная политическая ответственность за заморские территории. В пользу этого утверждения приводятся следующие основания: во-первых, британцы дважды теряли свои заморские владения (первый раз – Северную Америку в 1776 году, второй – Индию в 1947).

Вопрос о том, можно ли считать империей США, остаётся открытым. Они не вполне подпадают под определение в связи с отсутствием сильной централизованной власти, сосредоточенной вокруг лидера: очевидно, что президент Соединённых Штатов не может в полной мере считаться таковым, так как его полномочия существенно ограничены. Кроме того, США – довольно молодое государство, которое создавалось в тот период, когда зашатались многие европейские троны. Поэтому Америка изначально выстраивалась на совсем других принципах, нежели большинство государств Старого Света, а именно «как технический полицейский аппарат, обслуживающий буржуазию, – точно по Фридриху Энгельсу» [11, с. 265]. Поскольку в этой стране не существовало института монархии, то, соответственно, не существовало ни аристократии, ни сохраняемых ею культурных традиций. А значит, и некому (в обоих смыслах этого слова) было передавать эти культурные традиции и нечего было воспроизводить. Главной движущей силой здесь с самого начала была буржуазия, обладающая, в силу указанных причин, неограниченной властью, и своим финансовым успехом, который идеологи либеральной демократии объясняют «эффективностью рыночной экономики», страна в действительности обязана перераспределению мировых ресурсов в свою пользу и тому неотдаваемому долгу, который образовался в связи с использованием доллара как мировой валюты. Этот порядок держится на присвоенной Штатами роли *мирового жандарма*, обслуживающего геополитические интересы правящей олигархии – ведь, по сути, страна находится во власти олигархических кланов, а демократические процедуры в ней давно стали элементами политического шоу.

В частности, *сменяемость власти* – один из главных принципов этой демократии и предмет её гордости – на самом деле обладает сомнительной ценностью. Ведь приходящие к власти через равные временные промежутки президенты, вкупе с их администрациями, ведут себя как временщики, так как любому разумному человеку очевидно, что большую часть предвыборных обещаний невозможно осуществить за столь короткий срок. Поэтому они заняты главным образом тем, чтобы обеспечить себе финансовое и политическое благополучие, «сиюминутный делёж общенациональной прибыли между элитными группами», а все провалы свалить на предыдущую администрацию.

Избираемым и сменяемым руководителям противопоставляется *государь*. Этот концепт авторы распространяют на любого лидера нации, «как бы он ни назывался, – царь, генеральный секретарь или президент». Содержание концепта *государь* включает в себя совсем иную меру ответственности за текущее и будущее благополучие государства, а также известное самоотречение, предполагающее пожизненное служение своему народу, каковой обеспечивает ему всемерную поддержку. Именно такой порядок вещей авторы призывают считать *народовластием*. Причём он не исключает существования традиционных демократических институтов и гражданского общества, осуществляющего контроль над деятельностью власти. Таким, по мнению авторов, должно стать содержание общественного договора, который призван соединить лучшее, что было достигнуто всем предшествующим опытом государственного строительства, одновременно исправив недостатки каждой из ранее существовавших формаций.

В пользу такого проекта приводятся следующие аргументы.

1. Россия является преемницей Византии, бывшей Восточной Римской империи. Она унаследовала не только её идеологию в форме ортодоксального христианства (православия), но и весь комплекс политического устройства и экономических связей.

2. Передача этой традиции произошла в момент падения Византии в 1453 г., когда в России происходило становление Московского русского государства. «Московское государство проектировалось как наследник Восточной империи, как место-время воспроизводства культурных организмов античного и средневекового, но уже христианского мира» [11, с. 327].

3. Символическую роль сыграло принятие Иваном Грозным царского титула (от лат. *Caesar*). Он постулировал принципиальное равенство русского государства с другими державами Европы и Азии и наследование принципиально имперского, то есть многоэтничного и многоконфессионального уклада Московского царства.

4. Нуждается в пересмотре традиционная для нашей исторической науки концепция отношений между Русью и Ордой. Эпоха ордынского владычества на самом деле внесла огромный положительный вклад в утверждение многоконфессионального и многонационального уклада

Российской империи. Сама Орда, будучи многонациональной, поддерживала русскую церковь. Социальный статус её жителей не был обусловлен ни национально-племенным, ни религиозным происхождением, но только личными заслугами. В период вассалитета русские княжества переняли эту традицию после подчинения Казани Москве, в последней были воспроизведены те же принципы [11, с. 328].

5. Логическим завершением оформления России как империи является возникновение концепции (идеологемы) «Москва – третий Рим». Авторы предостерегают от повторения ошибок Византии, элита которой после завоевания турками Константинополя бежала на Запад: хотя она, безусловно, обогатила его культуру, принесла с собой произведения искусства, систему права и подлинные тексты античных философов, но сама была вынуждена ассимилироваться и прекратила существование.

6. Следующим важным этапом становления Российской империи стало принятие Петром I титула императора после его победы над шведами в Северной войне. Приводится цитата самого Петра, которую будет уместно воспроизвести дословно: «Зело желаю, чтобы наш народ прямо узнал, что Господь прошедшею войною и заключением мира нам сделал. Надлежит Бога всей крепостью благодарить; однако, надеясь на мир, не ослабевать в воинском деле, дабы с нами так не случилось, как с монархией греческой. Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который нам Бог кладёт перед очами как внутрь, так и вовне, отчего облегчён будет народ» [11, с. 329-330]. Авторы рассматривают этот период как *первую модернизацию русского проекта*.

7. «Вторая модернизация русского проекта – сталинская». Революция не имела целью построение государства, более того: любая революция, по мнению авторов, противопоставлена государству, является его отрицанием. Большевики не собирались строить новую империю, их целью было разрушение старой. Однако их вожди (Ленин, а вслед за ним и Сталин) довольно быстро поняли, что если не воспроизвести государство, у революции не будет будущего. Поэтому требовалось остановить революционные (разрушительные по сути) процессы. Осуществление этого проекта начал Ленин, но Сталин пошёл ещё дальше, начав выстраивать СССР как империю. При этом была воспроизведена также система управления, в которой роль императора была узурпирована Сталиным, хотя и под другим названием – *вождя*. «Выбирая генсека, партия должна была понимать со всей ответственностью, что выбирает императора, а никакого не председательствующего в коллегиальном органе» [11, с. 333].

8. Эту же роль унаследовал и нынешний Президент России, и в этом факте, по мнению авторов, нет и не может быть ничего предосудительного. Напротив, такое положение главы государства является условием сохранения целостности России и её суверенитета. После 90-х, когда мы были очарованы Западом и слепо пытались перенять

все институты либеральной демократии, наконец наступило отрезвление и понимание того, что Западный способ государственного устройства не является обязательным к исполнению. Более того, он не является единственно возможным. Это осознание отразилось не только на уровне концепции, но и в практике государственного строительства как в России, так и в других странах. Так, даже Китай отошёл от канонов ортодоксальной западной демократии, закрепив за председателем Си пожизненный статус. Исподволь схожие процессы протекают даже в самой Европе, где они выражаются в стремлении сохранять устойчивость власти, оставляя у руля государства испытанных старых лидеров на несколько избирательных сроков. Но вернёмся к источнику, по мнению авторов которого в России отсутствует механизм воспроизводства имперской власти. Для этого необходимо наличие *политического класса*, который из поколения в поколение должен воспроизводить «кадры» для управления государством. В условиях монархии таким классом было дворянство, в СССР также выросла политическая элита, представленная выходцами из семей кадровой партийной *номенклатуры*. В сегодняшней России таким классом пытаются стать влиятельные олигархические группы, каковые по сути и являются правящим классом в Западных демократиях. «Мы погружены в имитационную среду управляемой тотальной демократии (одинаковой для всего мира), которая является лишь ширмой для реальных механизмов власти. Император ограничен влиянием олигархических групп и иностранным влиянием и давлением. Тотальная демократия не может быть другой» [11, с. 334].

Таким образом, авторам представляется целесообразным воспроизводство моделей Российской империи и СССР, представленных лучшими образцами одной и другого.

Как бы там ни было, рассматриваемый концепт является адекватным не только политической реальности, но и отражающей эту реальность парадигме смыслов, которая оформляется в русскоязычном политическом дискурсе.

Примечания:

1. <http://www.presidentreagan.info/speeches/empire.cfm>, Encyclopaedia Britannica Reagan, Ronald W. Presidency > Foreign affairs > Relations with the Soviet Union.

2. http://www.zlev.ru/55_20.htm.

3. https://bigenc.ru/world_history/text/2006454.

4. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/64/Империя>

5. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1161369>.

6. https://ru.wikipedia.org/wiki/Империя,_над_которой_никогда_не_заходит_солнце.

7. <https://www.nkj.ru/archive/articles/11017/> (Наука и жизнь, ЯЗЫК В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН).
8. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2001. 1456с.
9. Ленин В. И. Империализм и раскол социализма // Сочинения. Т. 23. С. 94.
10. Кирилова В. В. Формирование и конкуренция смыслов в политическом дискурсе: монография [текст] / В. В. Кирилова. Владикавказ: Владикавказский институт управления, 2018.
11. Куликов Д. Е. Судьба империи. Русский взгляд на европейскую цивилизацию / Дмитрий Куликов, Тимофей Сергейцев, Искандер Валитов. Москва: Издательство «Э», 2016.
12. Новый англо-русский словарь / В. К. Мюллер, В. Л. Дашевская, А. В. Каплан и др. 5-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1998.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2007.
14. Проблемы мультикультурализма как фактор государственной политики (на примере политического дискурса властной элиты). Гуманитарные и социальные науки. – [Электронный журнал. Режим доступа: <http://hses-online.ru/Actual.html>]. 2012. №4. С. 256-265.
15. Ушаков Д. Н. Толковый словарь. 1935-1940.
16. Французско-русский словарь активного типа / В. Г. Гак, Ж. Триомф, Г. Г. Соколова и др.; под ред. В. Г. Гака и Ж. Триомфа. 3-е изд. М.: Рус.яз., 2000.

Т. А. Омельченко

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ АКУСТИЧЕСКИХ КОЛЕБАНИЙ ОРГАНИЗМОМ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются виды и характеристики акустических явлений, оказывающих различное воздействие на организм человека. Особое внимание автор уделяет методам защиты от вредного воздействия шума, а также приводит примеры положительного влияния музыки на кору головного мозга человека.

Мы существуем в мире звуков. Голоса людей, музыка, шум ветра, рокот моторов и шелест листвы. С помощью речи люди общаются, с помощью слуха получают информацию об окружающем мире

С точки зрения физики, звук – это механические колебания, которые распространяются в упругой среде: воздухе, воде, твёрдом теле

и т.п. Способность человека воспринимать упругие колебания, слушать их отразилась в названии учения о звуке – акустика (от греческого *akustikos* – слуховой, слышимый). Шум довольно распространен в наши дни. Шум – это звук, в котором изменение акустического давления, воспринимаемое ухом, беспорядочно и повторяется через разные промежутки времени. Как и все физические явления, шум имеет и положительные качества, и отрицательные. Человек слушает приятную музыку, чтобы расслабиться, снять усталость, поднять себе настроение. Отсюда можно сказать, что шум оказывает благотворное влияние на нас. Но шум имеет много вредных и опасных для человека свойств.

Виды и характеристики акустического явления

Акустика – наука о звуке, изучающая физическую природу звука и проблемы, связанные с его возникновением, распространением, восприятием и воздействием. Акустика является одним из направлений физики (механики), исследующих упругие колебания и волны от самых низких (условно от 0 Гц) до высоких частот. Звучком называют ощущение, воспринимаемое нашим органом слуха при ударе о барабанную перепонку его звуковых волн, производимых вибрацией упругих тел; волны эти вызывают соответственные вибрационные колебания слуховых нервов. Как такого звука не существует: он вызывается в самом ухе раздражением окончаний слуховых нервов передающимися ему колебаниями звучащего тела. Музыкальный звук ощущается при правильных, равномерных колебаниях барабанной перепонки уха, неправильные и неравномерные вибрации, равно как и смесь разных коротких звуков, производят впечатление шума.

Орган слуха человека различает высокие и низкие звуки. Высокие звуки производятся быстрыми колебаниями, низкие – более медленными. Самый низкий звук, или тон, различаемый еще человеческим ухом, производится 16 колебаниями в секунду. Верхний предел слышимости звука, неодинаковый для различных индивидуумов, лежит между 16000 и 33000 колебаний в секунду. Отношение чисел колебаний двух звуков называется интервалом.

Громкие звуки убивают волосковые клетки, которые передают звуковые колебания в головной мозг:

- шум на дискотеке – долой несколько тысяч клеток;
- 70% неврозов возникают из-за городского шума;
- длительное воздействие повышенного шума приводит к нарушению логики мышления, душевной неуравновешенности, раздражительности;
- постоянное воздействие шума может вызвать заболевания сердечно-сосудистой системы, гипертонию, желудочно-кишечные расстройства.

Шум оказывает вредное воздействие на состояние здоровья человека, особенно на центральную нервную систему, вызывает переутомление, истощение клеток головного мозга. Под его воздействием

возникают: бессонница, быстро развивается утомляемость, понижается внимание, снижается общая работоспособность и производительность труда. При длительном воздействии может способствовать развитию гипертонической болезни.

Жители крупных городов всё чаще страдают от хронических заболеваний в результате воздействия чрезмерного шума. После загрязнения атмосферного воздуха шум признан второй по важности экологической причиной плохого состояния здоровья...

Параметры, характеризующие акустические колебания (шум)

В физике дается понятие звука как колебания частиц в упругих средах, распространяющиеся в форме продольных волн, частота которых лежит в пределах, воспринимаемых человеческим ухом, т.е. в среднем от 16 до 20000 Гц.

Скорость распространения звука (скорость звука) (м/с). В воздухе при температуре 0°C и нормальном атмосферном давлении звук распространяется со скоростью 330м/с, в морской воде – около 1500м/с, в некоторых металлах скорость звука достигает 7000м/с. Упругие волны с частотой меньше 16 Гц называют инфразвуками, а волны, частота которых превышает 20000 Гц, – ультразвуками. Инфразвук и ультразвук обычно человек не слышит. Но мозг реагирует на такие частоты.

Звук может распространяться в газообразной и жидкой среде только в виде продольных волн, а в твердых телах помимо продольных волн возникают также и поперечные волны.

Звуковое давление P (Па) – разность между мгновенным значением полного давления и средним давлением, которое наблюдается в невозмущенной среде. Т.е. это избыточное давление на препятствие, перпендикулярное к направлению волны.

При распространении звука со скоростью звуковой волны происходит перенос энергии, которая характеризуется интенсивностью звука.

Интенсивность звука I (Вт/м²) – это энергия, переносимая звуковой волной в единицу времени, отнесенная к площади поверхности, через которую она распространяется. Для удобства расчетов звуковое давление и интенсивность звука принято характеризовать их логарифмическими значениями – уровнями звукового давления и интенсивности звука.

Единица измерения громкости в логарифмической шкале называется «децибел» – дБ (по имени физика Александра Грэм Белла). По этой шкале каждая последующая ступень звуковой энергии (уровня раздражения) больше предыдущей в 10 раз. Как пример: если интенсивность звука больше в 10, 100, 1000 раз, то по принятой шкале это соответствует увеличению громкости (уровня восприятия) на 1, 2, 3 единицы.

Комфортным и безвредным считается шум мощностью 20-30 дБ – это естественный звуковой фон. [6].

Средний уровень громкости речи – 60 дБ.

Мотор реактивного самолета на расстоянии 25 м производит шум в 120 дБ.

Минимальная интенсивность звуковой волны, вызывающая ощущение звука, называется **порогом слышимости**.

Порог слышимости человеческого уха при частоте звука 1000 Гц принят за основу уровня интенсивности. Это величина $= 10^{-12} \text{ Вт/м}^2$ ($P_0 = 2 \cdot 10^{-5} \text{ Па}$) (у каждого человека порог слышимости разный). Эта величина очень мала.

Интенсивность звука, при которой ухо начинает ощущать давление и боль, называется **порогом болевого ощущения**. Порог болевого ощущения звукового давления – $2 \cdot 10^2 \text{ Па}$.

В качестве порога болевого ощущения принята интенсивность звука 100 Вт/м^2 , соответствующая 140 дБ.

Смертельный для человека уровень шума – 200 дБ (может быть вызван взрывом) [6].

Шум – совокупность звуков различной частоты, беспорядочно меняющихся со временем.

Частотный диапазон шумов:

Низкочастотные до 350 Гц;

Среднечастотные 350-800 Гц;

Высокочастотные выше 800 Гц.

Человеческое ухо наиболее чувствительно к частотам от 1000 до 4000 Гц.

Важной характеристикой, определяющей воздействие шума на человека, является его частота.

Установлены допустимые нормы шума для разного времени суток и классификация, какой уровень шума в децибелах производят те или иные звуки. Таким образом, можно понять, что является безопасным для слуха, а что представляет опасность. По санитарным нормам, допустимым уровнем шума, который не наносит вреда слуху даже при длительном воздействии на слуховой аппарат, принято считать: 55 децибел (дБ) в дневное время и 40 децибел (дБ) ночью. Такие величины нормальны для нашего уха, но, к сожалению, они очень часто нарушаются, особенно в пределах больших городов [1].

Если уровень шума достигает 70-90 децибел (дБ) и продолжается довольно длительное время, то такой шум при длительном воздействии может привести к заболеваниям центральной нервной системы. А длительное воздействие шума уровнем более 100 децибел (дБ) может приводить к существенному снижению слуха вплоть до полной глухоты.

Воздействие акустических явлений на состояние человека

Обычно шум называют «нежелательным звуком», что в известной мере справедливо. Шум в виде нежелательных звуков является постоянным побочным эффектом деятельности человека и работы механиз-

мов. Понятие шума довольно субъективно, т.к. разные люди реагируют на такое воздействие по-разному.

Воздействие шума на человека зависит от уровня шума, его характеристик и спектра, времени воздействия и резонансных явлений. Оно также зависит от состояния здоровья, приспособляемости организма, индивидуальных особенностей человека и других факторов.

Вредное воздействие шума вызывает патологические изменения органа слуха, ухудшает состояние нервной системы и всего организма в целом. Оно отрицательно сказывается на некоторых видах деятельности человека, связанных с изменением определенных ситуаций, длительными работами по управлению и непредвиденным приемом информации, требующими напряжения внимания. Кратковременная умственная и физическая деятельность, в сущности, не зависят от равномерного воздействия шума большой интенсивности или высокой частоты. Кроме того, шум отвлекает внимание человека и, тем самым, отрицательно сказывается в тех случаях, когда необходимо следить за потоком информации или изменениями параметров.

Согласно данным исследований, воздействие сильного шума вызывает следующие психические расстройства: расстройство нервной системы и системы внутренней секреции, изменения инстинкта самосохранения, интеллектуальную дегенерацию и неспособность к самоконтролю, нежелание работать, нарушение уравновешенного состояния, конфликты между рабочими, основанные на психическом раздражении.

Особо сильное влияние шум оказывает на молодые организмы.

Длительное воздействие шума вызывает быструю утомляемость у школьников и студентов, снижается внимание, сосредоточенность и работоспособность, ухудшается настроение, нарушается сон, появляется общая слабость, раздражительность. Многих детей раздражают громкие разговоры, смех, крики, галдеж, звуки игр на компьютере, громкая музыка и т.д. Большинство осознают негативное влияние звука на состояние здоровья. Некоторые соглашались с тем, что шум вызывает усталость после занятий и может стать причиной болезни [6].

Это воздействие относится к проявлению шума во всем диапазоне частот, слышимых человеком (от 16 до 20000 Гц). Но помимо диапазона частот, который «понимается» как слышимый, наш мозг воспринимает и частоты за пределами слышимых. Это ультразвуковые волны и инфразвук. Наибольшую опасность представляет собой именно инфразвук.

Инфразвук

Природу буквально пронизывает инфразвук. Это вызывается многими явлениями, среди которых и резкие перепады давления, и извержения вулканов, и сейсмическая активность, и ураганы, а также многие другие факторы. Многочисленные исследования, проводившиеся над людьми, попавшими в зону действия низкочастотных волн, дали

основания ученым полагать, что инфразвук опасен для человека, для его здоровья. Эти волны провоцируют утрату чувствительности органов, предназначенных для регулировки равновесия тела. В свою очередь, эта утрата является причиной для возникновения ушных болей, повреждений мозга, болей в позвоночнике. Некоторые ученые и психологи считают, что инфразвук – это основная и наиболее серьезная причина психологических расстройств [2].

Инфразвук (от лат. *infra* – ниже, под) – это упругие волны, аналогичные звуковым, но с частотами ниже области слышимых человеком частот. Обычно за верхнюю границу инфразвуковой области принимают частоты 16-25 Гц. Нижняя граница инфразвукового диапазона не определена. Практический интерес могут представлять колебания от десятых и даже сотых долей Гц, т. е. с периодами в десятку секунд. Инфразвук содержится в шуме атмосферы, леса и моря. Источником инфразвуковых колебаний являются гроззовые разряды (гром), а также взрывы и орудийные выстрелы.

В земной коре наблюдаются сотрясения и вибрации инфразвуковых частот от самых разнообразных источников, в том числе от взрывов обвалов и транспортных возбудителей.

Для инфразвука характерно малое поглощение в различных средах, вследствие чего инфразвуковые волны в воздухе, воде и в земной коре могут распространяться на очень далёкие расстояния. Это явление находит практическое применение при определении места сильных взрывов или положения стреляющего орудия. Распространение инфразвука на большие расстояния в море даёт возможность предсказания стихийного бедствия – цунами. Звуки взрывов, содержащие большое количество инфразвуковых частот, применяются для исследования верхних слоев атмосферы, свойств водной среды.

«Голос моря» – это инфразвуковые волны, возникающие над поверхностью моря при сильном ветре, в результате вихреобразования за гребнями волн. Вследствие того, что для инфразвука характерно малое поглощение, он может распространяться на большие расстояния, а поскольку скорость его распространения значительно превышает скорость перемещения области шторма, то «голос моря» может служить для заблаговременного предсказания шторма.

Своеобразными индикаторами шторма являются медузы. На краю «колокола» у медузы расположены примитивные глаза и органы равновесия – слуховые колбочки величиной с булавочную головку. Это и есть «уши» медузы. Они слышат инфразвуки с частотой 8-13 герц. Шторм разыгрывается еще за сотни километров от берега, он придет в эти места примерно часов через 20, а медузы уже слышат его и уходят на глубину [9].

Влияние инфразвука на организм человека

В 1960-х годах прошлого века французский исследователь Гавро, изучавший влияние инфразвука на организм человека, обнаружил, что

инфразвук определенных частот может вызвать у человека тревожность и беспокойство. Он установил, что при колебаниях порядка 6 Гц у добровольцев, участвовавших в опытах, возникает ощущение усталости, потом беспокойства, переходящего в безотчетный ужас. Действие инфразвука может вызвать головные боли, снижение внимания и работоспособности и даже иногда нарушение функции вестибулярного аппарата. По мнению Гавро, при 7 Гц возможен паралич сердца и нервной системы. Фактически инфразвук с частотой 7 Гц смертелен для человека. Длина инфразвуковой волны весьма велика (на частоте 3.5 Гц она равна 100 метрам), проникновение в ткани тела также велико. Образно говоря, человек слышит инфразвук всем телом [6; 9].

Рассмотрим воздействие инфразвука немного подробнее:

Довольно эффективно, в смысле влияния на человека, задействование механического резонанса упругих колебаний с частотами ниже 16 Гц, обычно не воспринимаемыми на слух. Самым опасным здесь считается промежуток от 6 до 9 Гц. Значительные психотронные эффекты сильнее всего выказываются на частоте 7 Гц, которая созвучна с альфа-ритмом природных колебаний мозга, причем любая умственная работа в этом случае делается невозможной, поскольку кажется, что голова вот-вот разорвется на мелкие кусочки. Звук малой интенсивности вызывает тошноту и звон в ушах, а также ухудшение зрения и безотчетный страх. Звук средней интенсивности расстраивает органы пищеварения и мозг, рождая паралич, общую слабость, а иногда слепоту. Упругий мощный инфразвук способен повредить и даже полностью остановить сердце. Обычно неприятные ощущения начинаются с 120 дБ напряженности, травмирующие – со 130 дБ. Инфрачастоты около 12 Гц при силе в 85-110 дБ наводят приступы морской болезни и головокружение, а колебания частотой 15-18 Гц при той же интенсивности внушают чувства беспокойства, неуверенности и, наконец, панического страха

Ритмы, характерные для большинства систем организма человека, лежат в инфразвуковом диапазоне:

- сокращения сердца 1-2 Гц;
- дельта-ритм мозга (состояние сна) 0,5-3,5 Гц;
- альфа-ритм мозга (состояние покоя) 8-13 Гц;
- бета-ритм мозга (умственная работа) 14-35 Гц.

Внутренние органы вибрируют тоже с инфразвуковыми частотами. В инфразвуковом диапазоне находится ритм кишечника [8].

В чем причина опасного воздействия инфразвука на человека?

Медики обратили внимание на опасный резонанс брюшной полости, имеющий место при колебаниях с частотой 4-8 Гц. Физиологическое воздействие инфразвука не ослаблялось даже при некоторых способах ослабить его воздействие.

Легкие и сердце, как всякие объемные резонирующие системы, также склонны к интенсивным колебаниям при совпадении частот их резонансов с частотой инфразвука. Самое малое сопротивление инфразвуку оказывают стенки легких, что, в конце концов, может вызвать их повреждение.

Картина взаимодействия мозга с инфразвуком особенно сложна. Небольшой группе испытуемых было предложено решить несложные задачи сначала при воздействии шума с частотой ниже 15 герц и уровнем примерно 115 дБ, затем при действии алкоголя и, наконец, при действии обоих факторов одновременно. Была установлена аналогия воздействия на человека алкоголя и инфразвукового облучения. При одновременном влиянии этих факторов эффект усиливался, способность к простейшей умственной работе заметно ухудшалась.

В других опытах было установлено, что и мозг может резонировать на определенных частотах. Кроме резонанса мозга как упругоинерционного тела выявилась возможность «перекрестного» эффекта резонанса инфразвука с частотой альфа- и бета-волн, существующих в мозгу каждого человека. Эти биологические волны отчетливо обнаруживаются на энцефалограммах, и по их характеру врачи судят о тех или иных заболеваниях мозга. Высказано предположение о том, что случайная стимуляция биоволн инфразвуком соответствующей частоты может влиять на физиологическое состояние мозга.

В опытах французских акустиков и физиологов по изучению воздействия инфразвука на кровеносные сосуды 42 молодых человека в течение 50 минут подверглись воздействию инфразвука с частотой 7,5 Гц и уровнем 130 дБ. У всех испытуемых возникло заметное увеличение нижнего предела артериального давления. При воздействии инфразвука фиксировались изменения ритма сердечных сокращений и дыхания, ослабление функций зрения и слуха, повышенная утомляемость и другие нарушения [6].

Воздействие низкочастотных колебаний на живые организмы известно давно. Например, некоторые люди, испытавшие подземные толчки при землетрясении, страдали от тошноты. (Это аналогично состоянию, вызываемому колебаниями судна или качелей. Это связано с воздействием на вестибулярный аппарат. Проявляется подобный «эффект» не у всех.) Никола Тесла (фамилия которого теперь обозначает одну из основных единиц измерений, уроженец Сербии) около ста лет тому назад инициировал такой эффект у подопытного, сидящего на вибрирующем стуле. Наблюдаемые результаты относятся к взаимодействию твердых тел, когда колебания передаются человеку через твердую среду. Воздействие колебаний, передаваемых организму от воздушной среды, недостаточно изучено. Раскачать тело, как, например, на качелях, таким способом не удастся [6]. Возможно, что неприятные ощущения возникают при резонансе: совпадении частоты вынужденных колебаний с частотой колебаний каких-либо органов или тканей. В

некоторых публикациях об инфразвуке упоминали его воздействие на психику, проявляющееся как необъяснимый страх. Может быть, в этом также «виноват» резонанс.

В физике резонансом называют увеличение амплитуды колебаний объекта, когда его собственная частота колебаний совпадает с частотой внешнего воздействия. Если таким объектом окажется внутренний орган, кровеносная либо нервная система, то нарушение их функционирования и даже механическое разрушение вполне реально [6].

Если обратиться к истории, то наши предки обращали внимание на случаи нестандартного поведения людей при воздействии на них инфразвуковых частот.

Есть предположение, что ритуальные действия шаманов, сопровождающиеся ударами в барабан или бубен с частотой 120 ударов в минуту (2 Гц), могли ввести людей в неадекватное состояние. Это подтверждалось тем, что при использовании магнитофонной записи шаманского «камлания» через несколько минут люди могли «увидеть» туннель из черных и белых колец. Скорость чередования колец соответствовала ритму ударов [6].

Если вспомнить мифологию («Мифы и легенды древней Греции»), то существует древняя легенда о сиренах, таинственных существах, завлекающих своими песнями мореплавателей на погибель. Вполне вероятно, что легенды недалеко от истины – причиной трагических происшествий на море может стать инфразвук. При слабом воздействии у человека начинается морская болезнь, инфразвук средней степени вызывает более серьезные мозговые нарушения (вплоть до слепоты). Смертельной считается частота инфразвука в 7 Гц – она вызывает, как уже говорилось, сильную вибрацию внутренних органов и мгновенную остановку сердца.

Исследователи – океанографы установили, что во время сильного шторма на гребнях волн генерируется звук, частота которого составляет 6 герц. (Это опасное природное явление – «голос моря»). Возрастание амплитуды волн и усиление ветра придают особую мощь «голосу моря». Инфразвуковая волна способна разогнаться до скорости в 330 метров в секунду. Ураган, её породивший, остаётся далеко позади.

В старых морских рассказах часто упоминается о том, что в открытом океане встречались суда, на которых либо вся команда и пассажиры оказывались мертвыми, каждый на том месте, где он находился, либо вовсе без единого человека – с явными признаками стремительного бегства с них людей (поспешного спуска шлюпок на воду, быстрой, а то даже незаконченной погрузки на них всего необходимого). Без сомнения, команда и пассажиры этих судов пытались спастись от внезапно надвинувшейся на них смерти...

Как проявляется «голос моря»? Экипаж испытывает приступы паники и стремится покинуть судно, корпус корабля вибрирует. Есть примеры массовой гибели команды.

Реально существует много случаев с кораблями, которые находили без единого человека [9].

Известно, что современная рок-музыка, джаз и т.п. обязаны своим происхождением традиционной африканской «музыке». Эта так называемая «музыка» – ни что иное, как элемент ритуальных действий африканских шаманов или коллективных ритуальных действий племени. Большинство мелодий и ритмов рок-музыки взяты непосредственно из практики африканских шаманов. Таким образом, воздействие рок-музыки на слушателя основано на том, что он вводится в состояние, похожее на то, которое переживает шаман во время ритуальных действий. «Сила рока заключена в прерывистых пульсациях, ритмах, вызывающих биопсихическую реакцию организма, способную повлиять на функционирование различных органов. Если ритм кратен полутора ударам в секунду и сопровождается мощным давлением инфразвуковых частот, то способен вызвать у человека экстаз. При ритме же, равном двум ударам в секунду, и на тех же частотах, слушающий впадает в танцевальный транс, который сходен с наркотическим» [6].

Громкая музыка может вызывать привыкание, зависимость и состояние эйфории, это напоминает действие наркотиков, и даже может приводить к состоянию коллективной истерии. Такое же возбуждающее действие оказывают используемые на рок-концертах и дискотеках стробоскопические эффекты – быстрое чередование вспышек яркого света.

Во многих соборах и церквях есть столь длинные органные трубы, что они издают звук частотой менее 20 Гц.

Специфическое воздействие инфразвука на организм человека натолкнуло на мысль создать инфразвуковое оружие. Начало таких разработок было еще в период Второй мировой войны. Инфразвуковое оружие – оружие, использующее в качестве поражающего средства достаточно сильный инфразвук. В зависимости от силы инфразвуквого воздействия результаты могут быть от возникновения у объекта чувства страха, ужаса или паники и психозов на их почве до соматических расстройств (от расстройств зрения до повреждения внутренних органов) [3].

Воздействие психотронного оружия наиболее массивно. В качестве промежуточных каналов используется телевидение и компьютерные системы. Современные компьютерные технологии позволяют преобразовать любой звуковой (музыкальный) файл таким образом, чтобы при прослушивании возникали необходимые спецэффекты: «...звук, закодированный под альфа-ритм, поможет вам расслабиться, звук, закодированный под дельта-ритм, поможет уснуть, под бета-ритм – достигнуть состояния медитации» [3].

Подводя итог всему вышеизложенному, можно коротко выделить следующие тезисы.

- Инфразвук может вселить в человека такие чувства, как тоска, панический страх, ощущение холода, беспокойство, дрожь в позвоночнике.

- Люди, подвергшиеся воздействию инфразвука, испытывают примерно те же ощущения, что и при посещении мест, где происходили встречи с призраками.

- Попадая в резонанс с биоритмами человека, инфразвук особо высокой интенсивности может вызвать мгновенную смерть.

- Низкочастотные звуковые колебания могут быть причиной появления над океаном быстро возникающего и также быстро исчезающего густого («как молоко») тумана.

- Некоторые объясняют феномен Бермудского треугольника именно инфразвуком, который генерируется большими волнами – люди начинают сильно паниковать, становятся неуравновешенными (могут поубивать друг друга).

- Инфразвук может «сдвигать» частоты настройки внутренних органов.

- Инфразвуковые колебания частотой 8-13 Гц хорошо распространяются в воде и проявляются за 10-15 ч до шторма.

Основные источники инфразвуковых волн

Уровень шума зависит от источников звуковых колебаний и отражающих поверхностей в области нахождения объекта.

Развитие промышленного производства и транспорта привело к значительному увеличению источников инфразвука в окружающей среде и возрастанию интенсивности уровня инфразвука [2].

Источник инфразвука	Характерный частотный диапазон инфразвука	Уровни инфразвука
Автомобильный транспорт	Весь спектр инфразвукового диапазона	Снаружи 70-90 дБ, внутри до 120 дБ
Железнодорожный транспорт и трамваи	10-16 Гц	Внутри и снаружи от 85 до 120 дБ
Промышленные установки аэродинамического и ударного действия	8-12 Гц	До 90-105 дБ
Вентиляция промышленных установок и помещений, то же в метрополитене	3-20 Гц	До 75-95 дБ
Реактивные самолеты	Около 20 Гц	Снаружи до 130 дБ

Источников инфразвука очень много. Вероятный механизм воздействия инфразвука на организм человека в настоящее время изучен еще недостаточно, но при этом разработаны некоторые меры, позво-

ляющие каким-либо способом защитить организм от такого воздействия [4].

Способы защиты от шума

Существует математическая модель расчета уровня шума. В зависимости от величины и источника шума применяются и способы его поглощения.

Если без формул – уровень суммарной интенсивности – это десятичный логарифм от суммы каждого из нескольких источников, затухающих в зависимости от направленности и удаления от объекта.

Уровень шума зависит от источников звуковых колебаний и отражающих поверхностей в области нахождения объекта. Исходя из изложенного, основная защита от шума – преградить путь его поступления и уменьшить давление, т.е. поглотить звуковые волны. И этого можно достичь, применяя мягкие, не резонирующие материалы.

Звукопоглощение. Для уменьшения отраженного звука применяют защитные устройства, обладающие большим значением коэффициента звукопоглощения, пористые или резонансные поглотители.

Принцип действия: звуковые волны, попадая на такой материал, приводят воздух в порах и скелет материала в колебательные движения. Пористые поглотители изготавливают из органических и минеральных волокон (древесная масса, кокс, шерсть), стекловолокно, пенопласт. Резонансные поглотители – перфорированный экран, натянутый тканью или мелкой сеткой. Звуковое поглощение может быть достигнуто, если в изолированный объем внести штучный звукопоглотитель (в виде куба).

Звукоизоляция – уменьшение уровня шума с помощью защитного устройства, которое устанавливается между источником и приемником и имеет большую отражающую поверхность или поглощающую способность. Обычно такую роль играют глушители шума, экраны или стенки изолированных объемов. Например: кожух закрывает машины и механизмы, стенки рабочих кабин изготавливают из звукоизолирующего материала. Иногда необходимо применять глушители – по принципу работы глушителя в машине. Простейший глушитель – канал, стенки которого изнутри покрыты звукопоглощающим материалом. Схема глушения с изогнутым трубопроводом.

Как пример: пос. Мизур находится в узком ущелье, ограниченном практически с трех сторон относительно высокими горами, плюс довольно оживленная дорога. Для защиты жилых домов вдоль дороги поставлены высокие защитные щиты из дерева (хороший поглотитель акустических волн). Доски щитов набиты каждая под небольшим углом. Такая конструкция щитов позволяет поглощать звук. Аналогичные конструкции часто устанавливают вдоль оживленных трасс, проходящих сквозь населенные пункты.

Методы защиты от шума

Для того чтобы обезопасить существование человека от вредного

воздействия шума (а особенно в инфразвуковом диапазоне), существуют специальные методы защиты.

Технические методы – это: снижение шума в источнике возникновения и снижение шума на пути распространения. Широкое применение получили акустические средства защиты от шума на пути его распространения:

Организационные: ограничение транспортных потоков, рациональное расположение предприятий, рациональное расположение рабочих мест.

К организационно-техническим методам защиты относят:

- применение малошумных технологических процессов (изменение технологии производства, способа обработки и транспортирования материала и др.);
- оснащение шумных машин средствами дистанционного управления и автоматического контроля;
- применение малошумных машин, изменение конструктивных элементов машин, их сборочных единиц;
- совершенствование технологии и обслуживания машин;
- использование рациональных режимов труда и отдыха работников на шумных предприятиях.

Акустические средства защиты от шума в зависимости от принципа действия классифицируются на:

- средства звукоизоляции (специальные перфорированные щиты из поглощающего материала);
- средства звукопоглощения (мягкие материалы);
- средства виброизоляции (поглотители вибрации – рессоры в машинах);
- средства демпфирования (амортизаторы);
- глушители шума (глушители машин).

Средства индивидуальной защиты человека от шума в зависимости от конструктивного исполнения подразделяются на:

- противозумные наушники, закрывающие ушную раковину снаружи;
- противозумные вкладыши, перекрывающие наружный слуховой проход или прилегающие к нему;
- противозумные шлемы и каски.

Для защиты от инфразвука помимо перечисленных способов применяют еще и специальные технические устройства.

Но в заключение хочется сказать, что звуки в среде нашего существования играют огромную роль, и часто положительную. Без звука человек не может комфортно существовать. Как пример: космонавты при подготовке к полетам признавались, что практически самым сложным испытанием для них были не множественные перегрузки на стен-

дах, а нахождение их в сурдокамере (примерно до 30 дней в абсолютной тишине).

Человек существует в мире звуков, и многие из них несут положительный эффект. Яркий пример – музыка.

Во время прослушивания любой музыки у людей активизируется та часть головного мозга, которая связана со слуховыми центрами. В других случаях может быть задействован эмоциональный центр. По исследованиям нейробиолога Джевазии Шрекенбергер и физика Харви Берда, ритмичная и громкая музыка ослабляет организм человека [6].

Звуки могут использоваться и в терапии. Терапия звуками – это применение музыки в лечебных целях. Еще античным философам, таким как Пифагор, Аристотель, Платон, было известно о звукотерапии, о том, что звуки и музыка способны восстанавливать нарушенную болезнями первоначальную гармонию души. Так, в своём известном произведении «Крейцера соната» Л. Толстой отсылает к особому гипнотизирующему воздействию музыки.

Но самое положительное воздействие оказывают произведения Моцарта. Они активизируют всю кору головного мозга. Ученые считают, что именно в музыке Моцарта есть неповторимое явление – уникальный ритм, который «созвучен» ритму нашей нервной системы. Музыка Моцарта может вызвать такой резонанс в коре головного мозга, который будет колебаться с частотой нашей нервной системы – 20-30 секунд. Проанализировав частотные характеристики других классических композиторов, а также поп-музыку разных годов, ученые составили таблицу, где чаще всего встречается это сочетание волн в 20-30 секунд. И именно Моцарт оказался первым в списке [7].

Знания влияния звуков на подсознание используются, например, в маркетинговых целях. Релаксирующая музыка воссоздает в супермаркете уютную домашнюю атмосферу и принуждает покупателей не торопиться, уделяя массу времени покупкам. В час пик применяется быстрая музыка, которая провоцирует покупателей двигаться намного быстрее. Подобный метод используется в ресторанах, специально обученный менеджер непрерывно следит за посетителями в зале. Если их слишком много, включаются динамичные записи, если же посетителей мало, ставится расслабляющая музыка, для того чтобы подольше удержать в ресторане клиентов [4].

Примечания:

1. Санитарные нормы: СН 2.2.4/2.1.8.583-96 «Физические факторы производственной среды. Физические факторы окружающей природной среды. Инфразвук на рабочих местах, в жилых и общественных помещениях и на территории жилой застройки». – Утверждены Постановлением Госкомсанэпиднадзора РФ от 31.10.1996 г. №52.

2. Жуков А. И., Иванников А. Н., Ларюков А. С., Нюнин Б. Н., Павлов В. И., Фрайман Б. Я. Определение аномально активной зоны вредного действия инфразвуковых шумов в жилых и административных помещениях // Проблемы акустической экологии. Ленинград: Стройиздат, 1990.

3. Антоненчик Н. Н. Оружие на новых физических принципах // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2012. №2. URL:

4. Сокол Г. И. Особенности акустических процессов в инфразвуковом диапазоне частот. Проминь, 2000. 143 с.

5. <https://cyberleninka.ru/article/n/oruzhie-na-novyh-fizicheskikh-printsipah>

6. <https://zdravbud.net/new/vliyanie-shuma-na-organizm-cheloveka>

7. <http://www.refbzd.ru/viewreferat-2626-3.html>

8. <https://psychology.academic.ru>

9. <https://masterok.livejournal.com/697310.html>

Дз. Б. Тотрова

**КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ
ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПРИРОДНО-
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)**

Проблема вычленения лексико-тематических групп и методов их изучения в системной организации языков занимает одно из центральных мест в лингвистических учениях. Данная статья посвящена количественному анализу лексико-тематической группы слов, обозначающей «природно-географические объекты» (на материале французского языка).

Сухопутные природно-географические реалии окружающего мира очень разнообразны. Этим и обусловлен тот факт, что означающая их лексико-тематическая группа многочисленна и неоднородна. Это и создает трудности при отборе членов данного класса лексических единиц. Лексемы, обозначающие сухопутные природно-географические объекты, представляют собой одну из наиболее значительных совокупностей слов, связанных тематической общностью. В силу многообразия сухопутных географических объектов достаточно сложную картину представляют собой и семантические взаимоотношения, слагающиеся между членами лексико-тематической группы, означающей эти объекты во французском языке.

Ассоциативное поле лексем со значением «природно-географические объекты» представляет собой следующую картину в количественном отношении:

ущелье (10 лексем), утес (5 лексем), гора (8 лексем), вершина (7 лексем), оазис (1 лексема), полуостров (2 лексем), мыс (3 лексемы), луг (6 лексем), низменность (1 лексема), перешеек (1 лексема), склон (9 лексем), овраг (8 лексем), хребет (9 лексем), скала (10 лексем), пещера (3 лексем), опушка (5 лексем), горный отрог (5 лексем), полустепь (2 лексем), поле (13 лексем), тайга (1 лексема), холм (15 лексем), лес (35 лексем), возвышенность (11 лексем), остров (4 лексемы), степь (4 лексемы), вулкан (2 лексемы), плоскогорье (2 лексемы), равнина (13 лексем), пустыня (6 лексем).

Учитывая неповторимость каждого географического объекта, уже а priori можно предположить своеобразие лексического состава лексико-тематической группы «природно-географические объекты» французского языка. Мы можем вычленить в лексическом корпусе французского языка следующие лексико-семантические группы, объединенные тематикой «природно-географические объекты»:

Ущелье

Cluse «узкое ущелье, теснина», *col* «узкий проход, ущелье; перевал», *combe* «небольшое ущелье, расселина; ложбинка», *fourche* «узкий горный проход; *Fourches Caudines* «ист. Кавдинское ущелье», *gorge* «узкий проход, ущелье; горловина», *coulair* «геогр. узкая расселина, теснина; ложбина», *creux* «ложбина», *crevasse* «расщелина, расселина», *defile* «ущелье, теснина, дефиле», *pas* «узкий проход, ущелье», *val* «долина; ложбина», *port* «ущелье (в Пиренеях)», *vallon* «небольшая долина, ложбина» [1];

Утес

Falaise «утес», *roc* «скала, утес», *roche* «скала, утес», *rocher* «скала, утес» [1];

Гора

Guyot «гайот», *djebel* «гора (в Северной Африке)», *montagne* «1) гора; 2) *La Montagne* ист. «гора», *montagnette* «обл. разг. горка, небольшая гора», *monticule* «холмик, пригорок, горка», *puu* «гора, возвышенность (в Центральном массиве)», *mesa* «геол. плато, плоскогорье, mesa, столовая гора», *mont* «гора; *Le ~ Blanc* Монблан; *Les ~ s* Альпы», *terrasse* «геральд. холмистая почва; гора» [1];

Холм

Aspre «каменистый холм у подножья горы (в Руссильоне), *butte* «холм, пригорок», (*la Butte*) разг. Монмартр, *colline* «холм»; *la double* ~ поэт. Парнас, *cone* геол. «конический холм»; ~ de volcan вулканический конус; *haut* pl. возвышенность, холмы; *cote* «косогор, подъем дороги; холм; склон»; *coteau* «1) холм, пригорок, 2) косогор, склон, откос»; *drumlin* «друмлины (невысокий продолговатый холм)», *monticule* «холмик; пригорок, горка», *torne* «антроп. небольшой холм», *mound* «археол. тель, жилой холм», *rideau* «бугор, холм, пригорок», *tamelon* «бугор, круглый холм», *vigneau* «обл. холмик с растущими на нем виноградными лозами», *tertre* «холмик, пригорок, бугорок» [1];

Вершина

Ballon «геогр. купол, вершина (в Вогезах)», *cime* «прям., перен., вершина, верхушка, верх», *front* «1) уст. вершина, 2) фас, поверхность; крутой обрыв», *guyot* «геол. гайот, гуйо, подводная плоскогорная вершина», *haut* «pl. возвышенность, холмы», *dome* «геол. округлая куполовидная вершина горы, купол»; *pic* «пик, остроконечная (горная) вершина», *pignon de rocher* «вершина скалы», *sommet d'une montagne* «вершина горы», *faite* «вершина, верх, верхушка; *ligne de* ~ гребень, горный хребет; водораздел», *table* «геол. плита; стол; плоская вершина», *gour* – pl. Каменистые возвышенности (в Сахаре), *coupe* – округлая возвышенность; гряда; гребень (горы), *piton* – пик (горы); зубец, питон, *puu* – гора, возвышенность (в Центральном массиве), *eminence* – возвышенность, бугор, *planeze* «геол. столовая возвышенность (левого плато)» [1];

Оазис

Oasis «1) оазис, 2) перен. оазис, отрадное исключение; светлое пятно» [1];

Полуостров

Peninsule «полуостров», *la Peninsule* «Иберийский полуостров; Испания и Португалия», *presque'ile* «полуостров» [1];

Остров

Atoll коралловый остров, *ile* «остров» *ilot* «островок» *vigie* «островок, отмель, подводный камень (доходящий до поверхности воды)» [1];

Степь

Forest-steppe «лесостепь», *plaine* «равнина; ~ *calcinee* выжженная степь», *veld (t)* «южноафриканская степь, вельд», *steppe* «степь; *art des* ~ s искусство Северного Причерноморья» [1];

Вулкан

Volcan «вулкан», *salse* «сальза, грязевой вулкан» [1];

Плоскогорье

Mesa «геол. Плато, плоскогорье, меса, столовая гора», *plateau* «плоскогорье, плато» [1];

Лес

Bois «лес, роща», *foret* «лес», *foret-galerie* «галерейный лес; густой лес по берегам саванной реки», *supriere* «кипарисовый лес», *perchis* «жердняк, молодой лес», *selva* «сельва (тропический лес)», *mangrove* «мангровые леса», *sapiniere* «пихтовый лес», *segrairie* «лес, находящийся в общем владении», *sylve* «1) экваториальный лес, 2) поэт. лес», *taillis* «лесная поросль; лесосека; ~ *compose*, ~*sous futaie* лес. Средний лес [1];

Возвышенность

Gour «каменистые возвышенности (в Сахаре)» *haut pl* «возвышенность, холмы», *coupe* «округлая возвышенность; гряда; гребень (горы)», *puu* «гора, возвышенность (в Центральном массиве)» *eminence* «возвышенность, бугор», *planeze* «геол. столовая возвышенность (левого плато)» [1];

Мыс

Bec «мыс, коса, выступ», *promontoire* «геогр. Высокий мыс; отрог; выступ», сар «мыс» [1];

Луг

Alpage «альпийский луг», *mouillere* «сырое поле, луг», *noie* «обл. влажный луг, жирная болотистая почва, оставленная на выгон», *pre* «луг», *engagne* «солеросовый луг», *prairie* «1) луг, лужайка, 2) геогр. прерия» [1];

Низменность

Le Bassin pannonien «Паннонская низменность, Среднедунайская низменность» [1];

Перешеек

Isthme «перешеек» [1];

Склон

Abrupt «отвесный крутой склон», *flanc* «откос, склон», *cote* «косогор, подъем дороги; холм; склон», *coteau* «косогор, склон, откос», *revers* «геогр. Тыловой склон; обратный склон (горы)», *soulane* «геол. склон, обращенный к солнцу (в Пиренеях)», *versant* «склон, косогор» [1];

Овраг

Fondriere «рытвина, овраг», *ravin* «овраг; лощина; балка», *ruz* «геол. небольшой овраг, долина (на склоне антиклинали)» [1];

Хребет

Chaîne «хребет, гряда, ~ *de montagne* горная цепь, горный хребет», *chainon* «горный отрог; небольшой хребет», *dos d'ane* «геол. изоклиальная гряда; крутой горный хребет», *epine* «геогр. Основной хребет горной цепи», *faité* «вершина, верх, верхушка», *ligne de* ~ гребень, горный хребет; водораздел [1];

Скала

Cheminee de fee «грибообразная скала; земляная пирамида», *demoiselle* «~ *coiffe* грибообразная скала», *falaise* «прибрежные отвесные скалы, крутой обрывистый берег; утес», *mur* «отвесная скала; крутой спуск», *pinatac* «нунатак (ледниковая скала)», *etoc* «прибрежная, подводная скала (выступающая при отливе)», *roc* «скала, утес», *roche* «скала, утес», *rocher* «скала, утес» [1];

Пещера

Antre «пещера», *caverne* «пещера», *grotte* «грот, пещера» [1];

Опушка

Bord «край, опушка (леса)», *bordure* – ~ *d'un bois* «опушка леса», *oree* «лесная опушка», *lisiere* «край, опушка (леса и т.п.)», *rive* «уст. опушка» [1];

Отрог горы

Branche «*d'une montagne* отрог горы», *chainon* «горный отрог; небольшой хребет», *contrefort* – «отрог горного хребта; контрфорс», *promontire* «геогр. Высокий мыс; отрог; выступ» *Rameau* «горный отрог», *embranchement* «отрог (горной цепи)» [1];

Тайга

Taiga «тайга» [1];

Полустепь

Brousse «чаща, полустепь», *foret-steppe* «лесостепь», *sertao* «сертана (полустепь в Бразилии)» [1];

Равнина

Campragne «поле; равнина», *pays* «*haut* ~ нагорье»; *plat* ~ равнина; равнинная низменная местность, *pediment* педимент, пьедмонт; предгорная скалистая равнина, *lande* «ланды, песчаные равнины»; *repenplaine* f «геол. Пенеплен, предельная равнина», *plaine* «равнина, ~ *calcinée* «выжженная степь»; *plate-forme* – ~ *d'abrasion* образонная равнина [1];

Пустыня

Namada «хамата, гамата (каменистая пустыня в Сахаре)», *desert* «пустыня», *reg* «каменистая пустыня (в Сахаре)», *erg* «эрг, песчаная пустыня (в Сахаре)», *mer перен.* Широкое пространство (чего-либо); ~ *de sable* пески, пустыня; *la ~ de Glace* большой ледник в Альпах [1].

Необходимо отметить, что основным свойством понятия «поле» как первоосновы в формировании им лексико-тематической группы является неоднородность входящих в него лексических единиц, обусловливающих такие его признаки, как взаимопересечение с другими полями, когда члены поля объединены каким-либо одним интегральным признаком, но в то же время взаимно противопоставлены дифференцирующими семантическими приметам. В зависимости от роли, которую они играют в реальном дискурсе определенного языка, они могут относиться либо к ядру поля, либо к его периферии.

Существует определенная взаимосвязь между понятиями «лексико-тематическая группа» и компонентным анализом. Само выражение «лексико-тематическая группа» говорит о том, что той силой, которая объединяет лексические единицы в единое тематическое целое, является их семантика, а точнее семема, являющая собой совокупность минимальных семантических единиц или сем в содержании слова.

Мы выяснили, что любая лексико-тематическая группа неоднородна как в семантическом, так и в стилистическом плане. Компонентный анализ, который выявляет интегральные и дифференциальные семантические признаки в значениях членов лексико-тематической группы, позволяет определить степень семантической близости ее составных лексем. По дифференциальному семантическому признаку многозначная лексическая единица может входить одновременно в несколько лексико-тематических групп. Это относится как к сухопутным природно-географическим объектам, так и к водным природно-географическим объектам. В качестве примера рассмотрим словарное толкование существительного **flot** m. Понятие семы, будучи одним из фундаментальных в семасиологии, обозначает мельчайший компонент в значении слова, оставаясь, вместе с тем, конституентом

семеме. Поскольку сема является элементарной частицей семантики слова, она, казалось бы, не должна подвергаться дальнейшему членению. Однако возникают достаточно сложные ситуации, когда компонентом значения какой-либо лексической единицы оказывается такой элемент, который следует ввести в процесс еще более детального семантического членения. Удачной иллюстрацией в данном случае может послужить подгруппа существительных со значением «ручеек» во французском языке:

Нейтральные слова

Ruisseau m. – petit/ cours d'eau/, affluent d'une rivière/, d'un lac/, d'un étang [2].

Стилистически окрашенные лексемы

Ru m. – vx./ ou région./ Petit/ ruisseau [2].

Platière f. – région./ Ruisseau/ qui traverse une chaussée [2].

Ravine f. – vieilli./ Torrent [2].

Если внимательно посмотреть на французские слова **ruisseau** m. и **platière** f., то обнаружим, что в составе компонентов их значений имеются те элементы, которые являются словами – членами рассматриваемой подгруппы. Их мы и разбиваем повторно на следующие компоненты:

S₁ – écoulement

S₂ – continu

S₃ – de l' eau des fleuves, des rivières, des ruisseaux

S₄ – à forte pente

S₅ – à rives encaissées

S₆ – à débit rapide

S₇ – et irrégulier

S₈ – petit

S₉ – affluent d' une rivière

S₁₀ – d' un lac

S₁₁ – d' un étang

S₁₂ – région.

S₁₃ – qui traverse une chaussée

S₁₄ – vieilli

Таким образом, мы получили сумму семантических признаков, характеризующих существенным образом объекты, выражаемые данными лексемами. Таким образом, семы способны отражать объективные и субъективные свойства предмета, столь важные в формировании интенционала и импликационала как двух существенных частей в содержательно наполнении слова.

Отсутствие или же наличие какого-либо четко очерченного семантического признака в семантической структуре лексической единицы,

а также строгое представление о его речевых стилистических возможностях может сыграть решающую роль в процессе выбора носителем языка слова, необходимого для построения конкретного предложения. Признаки, имеющиеся в толковании одного члена ЛТГ, но отсутствующие в дефиниции другой единицы, называются дифференцирующими. Это теоретическое положение стало в семасиологии аксиоматичным. Проиллюстрируем сказанное следующей таблицей:

	écoulement	Continu	de l'eau des fleu – ves ves, des rivières, des ruisseaux	À forte pente	à ri à rives encaissées	à débit rapide et irrégulier	Petit	affluent d'une rivière, d'un lac, d'un étang	région.	qui traverse une chaussée	Veilli
Ruisseau m.	+	+	+				+	+	+		
Ru m.	+	+	+				+	+	+	+	
Platière f.	+	+	+				+	+	+	+	+
Ravine f.	+	+	+	+	+	+	+				+
Torrent m.	+	+	+	+	+	+	+				

Приведенная таблица свидетельствует о том, что существительные **torrent m.** и **ravine f.** полностью совпадают по семному составу. Единственным дифференциальным компонентом в их значении выступает признак *veilli* у слова **ravine f.**, препятствующий взаимозамене данных лексем в современном французском языке. Слова **ruisseau m.** и **ru m.** оказываются также семантически эквивалентными, если не учитывать, правда, в значении последнего компонент *région*. Что касается слова **platière f.**, то оно отличается от слов **ruisseau m.** и **ru m.** семантическим признаком *qui traverse une chaussée*. Таким образом, выявленные в перечисленных словах дифференциальные признаки, сколь бы минимальны они ни были, могут поставить под сомнение возможность включить эти лексемы в синонимический ряд.

Итак, изложенная информация позволяет констатировать, что семантическое «поле» и строящаяся на его основе ЛТГ, а также компонентный анализ тесно взаимосвязаны. Этот метод позволяет определить степень семантической близости членов ЛТГ способом выявления их интегральных и дифференциальных сем.

Примечания:

1. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. М.: Русский Язык, 2000.
2. Le Petit Robert 1 / Robert P. Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue francaise. Paris, 1992.

А. А. Хугаева, З. О. Моргоева

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ
«ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ», «ГРАЖДАНСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ» И СООТНОШЕНИЯ КАТЕГОРИЙ «ЭТНИЧЕСКОЙ»
И «ГРАЖДАНСКОЙ» ИДЕНТИЧНОСТЕЙ»**

Задача данной статьи – собрать концептуальный пазл и внести ясность в вопрос о том, как мы употребляем понятия «этническая» и «гражданская идентичность».

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятий «этническая идентичность» и «гражданская идентичность» и проводится сопоставление этих понятий с другими значимыми для личности социальными характеристиками.

Идентифицируя окружающий мир, индивид пытается распознать и себя, идентифицировать в полной мере с разных и всевозможных граней. Например, старается узнать в себе принадлежность к определенной национальности, социальному слою, гендеру, религии, психологическому типу и т.д. Из всего многообразия идентичностей, которые могут присутствовать в одном человеке, всегда существуют преобладающие над другими.

Само понятие этничности может быть рассмотрено с двух, антагонистических точек зрения. С одной стороны, оно обозначает принадлежность личности к определенному этносу, с другой – ее отличие от «чужих», других этнических групп по внешним, языковым, культурным и другим признакам.

Изучению идентичности представителей различных этнических общностей, а также трансформациям идентичности в условиях взаимодействия с численно преобладающими этническими группами посвящено немалое количество социологических исследований. В таких исследованиях описывалась система формирования и функционирования гражданской, этнической и региональной идентичностей. Рассматривались негативные и положительные стороны явления (С. А. Арутюнов [3, с. 145]; Т. С. Гузенкова, А. Д. Коростелев [4, с. 247]; А. К. Гучев [5, с. 243]; Л. М. Дробижина [7, с. 145]; Л. М. Дробижина,

А. А. Сусоколов [8, с. 35]; Г. В. Заурбекова [9, с. 51]; В. А. Тишков [19, с. 42]).

«Идентичность – свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям, или отождествление себя с тем или иным человеком как воплощением присущих этим группам или общностям свойств» [17, с. 15].

Обобщенно, идентичность – это чувство субъективное, самоотожествление личности (как осознаваемое, так и неосознаваемое). В то время как идентификация – сумма всех инструментов и процесс, ведущий к достижению этого состояния. Иными словами, если идентификация – это процесс установления связи с группой, территорией и социальным институтом [21], то идентичность – итог этого процесса, отражающий характер связи индивида с определенной социальной категорией – группой.

Индивид практически непрерывно находится в процессе идентификации окружающего мира, присваивая идентичность известным объектам внешней среды. Когда человек сталкивается с чем-то впервые, то путем сравнения определяет знакомые черты, идентифицирует незнакомый объект. Распознать и отсортировать среди неизвестных объектов известный – является обязательной частью научного познания.

В статье «Этническая идентичность: концепция и практика» М. Х. Фарукшин пишет, что идентичность представляет осознание самим индивидом принадлежности к определенной группе, определяет значимость групповой этнической самоидентификации.

Существуют, впрочем, ситуации, когда индивид не определяет себя как носителя определенной культуры. Тем не менее, и в этом случае неизбежна внешняя идентификация этого индивида, как представителя этнической группы, в зависимости от того, видят ли в нем окружающие «своего» или «чужого». И хотя М. Х. Фарукшин отмечает, что «в мире этнической политики имеет значение то, как группа видит себя, а не то, как ее определяют другие» [21, с. 79], формирование и осуществление успешных стратегий межэтнического взаимодействия как на публичном, так и на частном уровнях не могут оставаться нечувствительными к внешней идентификации группы или индивида.

Итак, этническая идентичность – это осознание индивидом самого себя как представителя отдельного этноса, отдельной культуры. Индивид осознает для себя родной язык, культуру, традиции, присущие его этносу, историю, и даже свою государственность как неотъемлемую часть собственной идентификации. Он осознает себя в процессе сопоставления, а иногда и противопоставления своих этнокультурных

ценностей представителям и носителям иной этнической модели самоидентификации.

Принадлежность к этнической группе – это также способ выделить себя, отметить свою непохожесть на многих и повысить свою ценность. В современном мире отличительность занимает одну из главных ниш в иерархии нынешних ценностей. Степень значимости, потребности в этнической принадлежности можно определить через принятые в социальной психологии показатели: «желание оставаться членами группы, уровень внутригрупповой привязанности, степень удовлетворения от участия в группе» [2, с. 434]. Эти индикаторы рассматриваются как этноаффилиативные мотивы в контексте межкультурных отношений. Выраженные этноаффилиативные мотивы свидетельствуют о склонности следовать нормам и ценностям своей этнической группы.

Мотивационный аспект всегда, так или иначе, признавался одним из основополагающих для изучения социальной идентичности. Психологи уделили ее изучению особое внимание. Э. Эриксон психосоциальную идентичность определял как важную личностную потребность индивида, которая влияет на его здоровье, а также внутреннюю стабильность [21, с. 89]. Э. Фромм писал, что под потребностью в идентичности индивида скрывается стремление обрести социальный статус и проявления конформизма [21, с. 101]. В современных теориях потребность в идентичности занимает одно из первых мест по своей значимости среди человеческих потребностей. О. Надлер определяет ее как самую значимую, альтернативой которой является смерть и дезорганизация.

По мере роста межкультурной напряженности этническая идентичность становится важнейшей в структуре интегрированной идентичности. Неудовлетворение этнической идентичности становится скрытой причиной длительных ситуаций межкультурной напряженности, а также насильственных действий по отношению друг к другу. Социальная нестабильность стимулирует необходимость в социальных связях (солидарность, членство определенной группы).

Опираясь на работу Г. У. Солдатовой, постараемся проанализировать проблему потребности в этнической идентичности, а также описать взаимосвязь между «мотивационно-потребностным компонентом этничности и проблемами этнической солидарности» [16, с. 35]. В работе Г. У. Солдатовой исследованы некоторые признаки «этномобилизационных процессов народов Российской Федерации на основе эмпирических показателей этнической солидарности» [16, с. 47].

Г. У. Солдатова выделяет три составляющих этничности: потребность в этнической принадлежности, потребность в позитивной этнической принадлежности и потребность в этнической безопасности [16, с. 58]. Между ними существует тесная взаимосвязь, и они производят следующие мотивы: аффилиативные (мотивы привязанности), статусные (мотивы самоуважения и достоинства) и архетипические (моти-

вы безопасности). Все это составляет мотивационно-потребностный компонент этнической идентичности [14, с. 97].

Очень важным в структуре этнической самоидентификации является эмоционально-оценочный компонент. Чувства, испытываемые индивидом либо группой лиц по отношению к своей этнической группе, отражают динамику образа этнической группы со стороны ее привлекательности либо непривлекательности, что также влияет на характер межэтнических взаимоотношений [14, с. 115; 18, с. 136].

Важной для полноты теоретического анализа проблемы этничности и этнической идентичности представляется проблема сопоставления понятий этничности и класса. При том, что области определения этих терминов, очевидно, не совпадают, их взаимодействие оказывается одним из основополагающих в изучении различных сообществ и социумов.

Согласия по вопросу о том, какому же из этих двух критериев – этничности или классовости – принадлежит ведущая роль в формировании социальной идентичности индивида в современном мире, не наблюдается. Так, Д. Белл считает эти понятия чуть ли не антагонистичными и полагает, что снижение роли классовой составляющей в современном мире связано с ростом роли этнической идентификации [23, с. 9]. Д. Белл видит причины описанных изменений в большем соответствии сущности этнического интересам и жизненным реалиям индивида.

Если мы продолжим эту линию рассуждений, то придем к выводу о необходимости учета при обсуждении проблем межкультурной коммуникации как минимум двух параметров, характеризующих взаимодействующих субъектов (как индивидов, так и группы): этнокультурной принадлежности и позиции в системе социальной стратификации, поскольку каждый из этих параметров по отдельности и в совокупности могут выступать в качестве интегрирующих и дифференцирующих признаков. Заметим, кстати, что особую остроту межгрупповые отношения приобретают, когда разделение по этническому признаку совпадает с разделением по каким-либо критериям, определяющим социальный статус (например, все жители региона одной этнической принадлежности – малообеспеченные, другой – богатые).

Характер связи этнической идентичности с другими представленными в сознании субъекта (индивида или группы) значимыми социальными характеристиками отражает классификация типов этнической идентичности, предложенная Л. М. Дробижевой на основе проведенных ею исследований:

1. Нормальная идентичность – позитивные представления о своей национальности, и соответствующие этому понятию эмоции, чувство достоинства, понятие чести, близость к ближним (доброе отношение), чувство благополучия, защищенности. Сюда относят и «патриотизм», не переходящий в фаворитизм, толерантные установки к «другим» [8, с. 49].

2. Идентичность негативная – противоположность нормальной идентичности, основывается на представлении о себе как нации обиженной, лишенной каких-то жизненных радостей и неспособной к изменению к лучшему, живущей в «кольце врагов», часто сопровождается развитием ксенофобии. Такой идентичности свойственно отсутствие мотивации к достижениям, фобии, подавленность, равнодушное отношение к политике, комплексы неполноценности, ущемленная национальная гордость.

3. Этноцентрическая идентичность – формируется не критическое предпочтение какой-либо этнической группы и самоидентификация индивида с ней. Присутствуют элементы этноизоляционизма, замкнутости, детерминированные религиозными правилами.

4. Этнодоминирующая этничность – отдается предпочтение этнической перед другими видами идентификации (семейной, гражданской, профессиональной). «Права народа» обычно признаются выше «прав человека». Сопровождается такими характеристиками, как чувство превосходства своего народа над остальными, стремление не смешиваться с другими, дискриминационные установки в отношении других этносов.

5. Этнический фанатизм – преобладают этнические интересы и цели, часто воспринимаемые иррационально, в сопровождении агрессивного настроения, готовности и желания идти на жертвы.

6. Этническая индифферентность – индивид абсолютно равнодушно относится к ценностям и культуре своего народа, проблеме собственной этничности, а также и культуре других народов. На него никак не влияет этническая принадлежность, он абсолютно абстрагирован от норм, традиций, уклада жизни собственного этноса. Космополит по натуре и не приемлет никаких этнокультурных ценностей.

7. Амбивалентная этничность – явно не выраженная этническая идентичность, широко распространенная в смешанной этнической среде [6, с. 154].

Таким образом, фактором, значимым для формирования того или иного типа этнической идентичности, может служить статус народа как в отдельной стране, так и в мире в целом. Высокий социальный статус отдельного народа, выдающиеся заслуги отдельных его представителей, как в прошлом, так и в настоящем, порождают чувство гордости за свой народ. Иногда сопровождается чувством превосходства над другими национальностями и желанием их подавить в социально-политическом плане. Низкий социальный статус народа влечет за собой неуверенность, чувство неполноценности, понимание, что принадлежность к этому народу не так престижна, и готовность отказаться от нее [16, с. 112].

Исследователи обращают внимание на такое свойство этнической идентичности, как способность выступать в качестве средства мобилизации в случае ограничения прав, свободы отдельной этнической

группы. В мирное, бесконфликтное время этническая идентичность практически никак не проявляет себя, но резко может заявить о себе в периоды напряженности в межэтнических отношениях и подавления интересов этноса [20, с. 139].

Негативную окраску этническая идентичность приобретает, когда одна этническая группа проявляет стремление к доминированию. Возможности доминирования возрастают, если этническая группа обладает политической автономией.

В Российской этносоциологии этническую идентичность специально на конкретно-социологическом материале стали изучать в последние 20-25 лет. Наиболее интересные выводы были получены в процессе реализации Международного проекта: «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов [13, с. 40]». Среди других республик и областей, в которых проходили исследования, была Северная Осетия – Алания.

Исследование ситуации в республиках Саха (Якутия), Татарстан, Северная Осетия, проведенное американской исследовательницей Донной Барии, которая ссылалась на результаты опроса общественного мнения, привели ее к следующим выводам: «Большинство русских, многие татары, осетины, якуты считали, что национальность имеет важное значение для доступа к хорошей работе и для занятия высоких правительственных постов» [21, с. 76].

Интересно, что идентичности – гражданская, этническая, их основные содержательные смыслы и межэтнические установки, сильно различаются в разных возрастных группах. По данным Европейского социального исследования, в 2006 г. у русской молодежи распространенность российской идентичности была довольно высокой, что нужно было бы толковать как их открытость к межэтническому общению [12, с. 49].

Мнение о возможности переезда в страну представителям иной национальности или расовой принадлежности, отличающихся от большинства населения страны, встречалось у них несколько чаще, чем в других возрастных группах. Соотношение составляло 78% против 68% [10, с. 91].

Значительная этносоциальная активность молодого и среднего поколения приводит к образованию этнических общностей на территории проживания другого этноса. В этом случае межэтнические контакты приобретают конструктивный, взаимовыгодный или деструктивный, отрицательный контакт.

В большинстве упоминавшихся выше работ, в первую очередь зарубежных авторов, речь идет о межгосударственной миграции, предмет же нашего исследования составляет адаптация иноэтнических мигрантов, являющихся гражданами Российской Федерации. Это требует анализа характера отношений между этнической и гражданской идентичностями.

Понятие «государственно-гражданской идентичности» рассматривается в научной работе Л. М. Дробижевой «Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде». Под этим понятием автор подразумевает отождествление индивидом себя как гражданина определенной страны, наличие четкого представления о сообществе страны, в которой живет, понимание интересов этого сообщества, определенные чувства, связанные с гражданской идентичностью (гордость, разочарование и т. д.). Это понятие, по утверждению автора, непривычно и ново для российской научной и публичной сферы. Многие ученые считают, что категория гражданской идентичности – родом из прошлого, в то время как она имеет непосредственную связь с современностью [6, с. 67-68]. В примордиалистской традиции, в рамках которой развивалась советская этнография, под словом «нация» подразумевали этническое сообщество, находящееся на определенной ступени развития, при этом акцент порой смещался на именно этническую сторону этого понятия [11, с. 64-74]. Однако в западной науке – с середины 20 века [1], в отечественной – с несколько более позднего периода, теория этнонации стремительно сдала позиции, и такие термины, как «государственная идентичность», «российская идентичность», используются сегодня как отражающие осознание причастности людей к нации в ее гражданском значении.

Именно использование категории «гражданской идентичности» позволяет нам интегрировать два уровня анализа – публичный и частный, на которых формировались и анализировались подходы к изучению адаптации мигрантов к новым социокультурным условиям.

Принципиальное различие этнической (культурной) и гражданской (политической) идентичностей, их привязанность к разным основаниям акцентируется многими авторами. Одним из первых это разделение сформулировал в своих работах П. Алтер, отнеся к основным компонентам культурной идентичности общность традиций, языка, места проживания, религии, обычаев и исторического прошлого, а политическую национальную идентичность связав с наличием у граждан политического сознания равенства перед законом [22, с. 212-213].

В работах Э. Смита понятие гражданской идентичности было значительно детализировано, в него были включены такие компоненты, как историческая общность территории и институтов, политическое/правовое равенство граждан, общность гражданской культуры и идеологии. Этническая же идентичность была операционализована через выделение следующих компонентов: происхождение, национальная культура, язык, обычаи [27].

При наличии некоторых расхождений в работах разных авторов в определении структуры и основополагающих компонентов этнической и гражданской идентичностей в целом мы наблюдаем достаточно высокую согласованность их теоретических подходов: для концепции гражданской идентичности системообразующим признается аспект

равноправия граждан, для этнической идентичности – аспекты общности территории, языка, религии, традиций, привычек. Также достаточно распространена и позиция, согласно которой ведущая роль этнической идентичности приписывается восточным обществам, а гражданской – западным [25, с. 33].

Впрочем, в конце 1990-х гг. типологизация национальных идентичностей по параметру Восток/Запад была подвергнута критике [29, с. 62]. В результате – расширились теоретические и методологические основания, и возросло число эмпирических исследований, среди которых необходимо особо выделить работы Крейга Калхауна, разбившего положение о характерном для большинства современных государств наличии как этнического, так и гражданского компонентов в структуре национальной идентичности [24, с. 57]. По сути работы Калхауна развивают тезис, высказанный почти на десятилетие ранее Э. Смитом: «Структура любой национальной идентичности содержит и гражданский, и этнический элементы, но в различной степени и в различных формах. В одних случаях доминирующими являются гражданский и территориальный элементы, в других – преобладают этнический и национальный компоненты» [27, с. 208].

В начале 21 в. Стивен Шульман провел исследование, направленное на разработку и реализацию оценки концептов национальной идентичности [26, с. 554-585]. В качестве эмпирической базы были взяты результаты опроса общественного мнения по 23 странам мира, собранные в рамках Международной программы социальных исследований – ISSP – в 1995-1996 гг. Ключевым методологическим основанием работы стало разбиение национальной идентичности на 3 составляющих: гражданская, культурная, этническая. Таким образом, в концепции С. Шульмана национальная идентичность рассматривается как многоуровневая система, включающая этническую, культурную и гражданственную компоненты.

В качестве компонентов гражданской идентичности С. Шульман рассматривает общность территории и гражданства, приверженность определенной системе политических принципов/идеологии, доверие политическим институтам и равенство политических прав, желание быть частью нации.

К компонентам культурной идентичности автор относит язык, религию, традиции.

В качестве основных критериев этнической идентичности называются происхождение и раса.

Привязанность этнической идентичности к расовой принадлежности представляется нам довольно спорным аспектом концепции Шульмана, поскольку, как показывают результаты эмпирических исследований, в частности проведенных на территории нашей страны [15, с. 34], в качестве этноинтегрирующих и этнодифференцирующих признаков самими этнофорами признаются, прежде всего, признаки,

отнесенные Шульманом к характеристикам «культурной идентичности». Однако выделение в рамках национальной идентичности гражданского и культурного компонентов и обоснование возможности и оправданности такого выделения, в том числе и по результатам эмпирических исследований, представляется весьма полезным и перспективным в свете цели и задач нашего эмпирического исследования.

Что касается полученных Шульманом результатов на основании анализа базы ISSP, то они нанесли еще один удар по модели, доминировавшей в западной научной мысли до середины 1990-х гг. Так, Шульманом было установлено, что гражданская идентичность проявляется сильнее в странах Центральной и Восточной Европы, а культурная составляющая во всех странах Запада оказалась значимее, чем принято считать в соответствии с обычной концепцией национальной идентичности. Также было выявлено, что политика мультикультурализма активнее поддерживается государством в транзитных демократиях Центральной и Восточной Европы, а не в странах Запада, как это принято считать (Shulman, 2002). Так, на Западе значительно слабее проявляется стремление сохранить этническое многообразие меньшинств: 6 из 8 стран выступают против такого сохранения. Таким образом, можно заключить, что стандартное разделение национальной идентичности на гражданскую и этническую представляется серьезным упрощением ситуации, граничащим с искажением реальности. Кроме того, необходимо учитывать не только специфику западных и восточных стран, но и внутрирегиональную специфику, связанную с формированием достаточно широкого спектра разнообразных видов идентификации.

Таким образом, в работах Шульмана, во-первых, если не снимается, то, по крайней мере, подвергается серьезным сомнениям считавшаяся до середины 1990-х гг. безусловной оппозиция: Восток – этническая / Запад – гражданская идентичность, во-вторых, этническая и гражданская идентичность рассматриваются как основанные на разных параметрах аспекты единой национальной идентичности.

Трехкомпонентная схема национальной идентичности С. Шульмана предполагает, что в рамках многоуровневой по своему содержанию национальной идентичности, как правило, преобладает какой-либо один из трех ее вариантов так, что остальные два выступают менее значимыми по своему влиянию факторами идентичности.

Принимая во внимание относительную независимость, связанную с ориентацией на разные параметры таких компонентов целостной национальной идентичности, как этнический и гражданский аспекты, мы можем сформулировать предположения о возможных трансформациях этих видов идентичности в процессе адаптации мигрантов к условиям новой социокультурной среды.

Этническая идентичность рассматривается нами в качестве структурного компонента целостной социокультурной идентичности инди-

вида, во-первых, связь когнитивных и эмоциональных компонентов этнической идентичности с представлениями и оценками индивидом социального статуса той общности, с которой он себя идентифицирует, а также с удовлетворенностью собственным социальным и экономическим статусом. Следствием формирования этих представлений и оценок становится развитие соответствующих поведенческих установок, реализующихся, в том числе, в сфере межэтнического взаимодействия: наличие/отсутствие мотивации к достижениям, включенное/равнодушное отношение к политике, установки на интеграцию или этноизоляционизм, равенство/подчинение/превосходство своего народа над остальными, наличие/отсутствие дискриминационных установок в отношении других этнических групп и их представителей и др.

Использование категории «гражданской идентичности» позволяет нам интегрировать публичный и частный уровни анализа проблем адаптации мигрантов к новым социокультурным условиям.

Примечания:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001; Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

2. Андреева, М., 1997; Донцов, М., 1979.

3. Арутюнов С. А. Народы и культура: развитие и взаимодействие. М., 1989.

4. Гузенкова Т. С., Коростелев А. Д. Этнокультурные ценности и ориентации в республиках РФ: сходство и различия // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995.

5. Гучев А. К. Проблемы и задачи кабардинского народа на современном этапе // Хасэ. 1992.

6. Дробижева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // СОЦИС. 2010. №12. С. 49.

7. Дробижева Л. М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе. М., 1994.

8. Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы // Сов. Этнография. 1981.

9. Заурбекова Г. В. Межличностные отношения в межнациональных коллективах и этнокультурные взаимодействия: Автореф. дис.... канд. истор. наук. М., 1987.

10. Крысько В. Г. Этническая психология. М.: Академия, 2008. С. 91.

11. Подробно о развитии соответствующих представлений в отечественной науке см.: Семенов Ю. И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. 2000. №2, С. 64-74.

12. Проект ESS-Россия. Опрос в 150 населенных пунктах во всех

округах РФ, 2400 единиц наблюдения [Электронный ресурс] // <http://www.europeansocialsurvey.org>

13. Проект был реализован под руководством Л. М. Дробичевой в 1993-1996 гг.

14. Сикевич З. В. Национальное самосознание русских. М.: АОЗТ «Механик», 1996.

15. См. обзор: Козлова М. А. Взаимосвязь этнической идентичности, толерантности и личностной зрелости (на примере молодежных групп обских угров и русских): Дисс... канд. истор. наук. М.: ИЭА РАН, 2004.

16. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

17. Сафронова Л. А. О проблемах идентичности // Культура сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2006.

18. Стефаненко Т. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, 1999.

19. Тишков В. А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.

20. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.

21. Фарухшин М. Х. Этническая идентичность: концепт и практика / М. Х. Фарухшин // Ученые записки Казан. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 1. 2010.

22. Alter P. Nationalism / 2 nd Ed. London: Edward Arnold. 1994.

23. Bell, Daniel. «Ethnicity and Social Change» Cabridge: Cambridge University Press. P. 36.

24. Calhoun C. Nationalism. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1997.

25. Ignatieff M. Blood and Beloning: Journeys into the Nationalism. New York: Farrar, Straus, Giroux, 1993

26. Shulman S. Challenging the Civic / Ethnic and West: East Dichotomies in the Study of Nationalism // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. N 5. P. 554-585.

27. Smith A. National Identity. Reno: University of Nevada Press, 1991.

28. Smith A. National Identity. Reno: University of Nevada Press. 1991. P. 13.

29. Yack B. The Myth of the Civil Nation // Theorizing Nationalism, Albany: State University of New York Press, 1999. P. 103-118.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РФ И РСО–А

М. С. Джагаева, С. Г. Рубановская

СИСТЕМА БЮДЖЕТИРОВАНИЯ, ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА РЕЗУЛЬТАТ (БОР), КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА В РСО-АЛАНИЯ

В настоящее время основной проблемой бюджетов регионов, в частности РСО-Алания, является отсутствие планирования и обеспечение результативности (эффективности) бюджетных расходов, наличие высокой доли неэффективных расходов. В целях совершенствования бюджетного процесса в РСО-Алания в сложившейся финансово-экономической ситуации наиболее эффективным инструментом может стать система бюджетирования, ориентированная на результат (БОР), т. е. система организации бюджетного процесса и государственного (муниципального) управления, при которой планирование расходов осуществляется в непосредственной связи с достигаемыми результатами.

Совершенствование бюджетного процесса является актуальной задачей повышения эффективности социально-экономического развития. Поэтому необходимо направить деятельность по совершенствованию бюджетного процесса на решение выявленных в процессе исследования проблем.

Исполнение регионального бюджета является центральной стадией бюджетного процесса, осуществляемого органами государственной власти субъектов РФ. Именно в рамках этой стадии претворяется в жизнь предназначение регионального бюджета, обеспечивается исполнение расходных обязательств субъекта РФ.

Проведем анализ исполнения доходов бюджета Республики Северная Осетия – Алания за период 2014-2016 гг. [1].

Исполнение плана по доходам составило в 2014 г. 105,66%. При

этом исполнение по собственным доходам составило 89,44%, т.е. невыполнение 10,56%, а по безвозмездным поступлениям было перевыполнение плана на 16,7% за счет роста запланированных показателей по поступлениям от других бюджетов бюджетной системы РФ» на 16,0%; по субсидиям – на 211,72%, по безвозмездным поступлениям от государственных (муниципальных) организаций – 238,4%.

В 2015 г. структура исполнения значительно отличалась от структуры в 2014 г. Так, исполнение по доходной части составило 94,8%, т.е. невыполнение 5,2. План по собственным доходам был выполнен на 90,3%, что выше, чем в 2014 г. По безвозмездным поступлениям исполнение составило 97,4%, в то время как в 2014 г. по данному виду доходов наблюдалось перевыполнение запланированных показателей.

Также стоит отметить 100% выполнение по дотациям, однако по субсидиям исполнение составило 96,4%, субвенциям – 96,0%, безвозмездным поступлениям от Фонда ЖКХ – 96,5%.

По остальным статьям также был недобор, в среднем исполнение составило 99%. Таким образом, в 2015 г. показатели исполнения доходной части бюджета ухудшились по сравнению с предыдущим годом.

В 2016 г. исполнение доходной части бюджета составило 99,8%, что значительно выше, чем в 2014-2015 гг. План по собственным доходам был исполнен на 99,9%, что также выше, чем за предыдущие два года, аналогично обстоят дела с безвозмездными поступлениями – 99,8%. При этом исполнение по дотациям – 101,1%, субсидиями – 99,4%, по субвенциям – 95,0%. При сравнении с предыдущими годами становится очевидным, что выросла величина доходной части в стоимостном выражении.

На рис. 1 представлена динамика исполнения доходной части бюджета за 2014-2016 гг. Как видно из графика, за исследуемый период степень исполнения колебалась достаточно значительно. При этом в 2014 г. было перевыполнение на 5,6%, в 2015-2016 гг. – невыполнение на 5,2% и 0,2% соответственно. Тем не менее, динамику можно считать положительной, поскольку выполнение в 2016 г. составило величину на 5% выше, чем в 2015 г., и вплотную приблизилось к 100%.

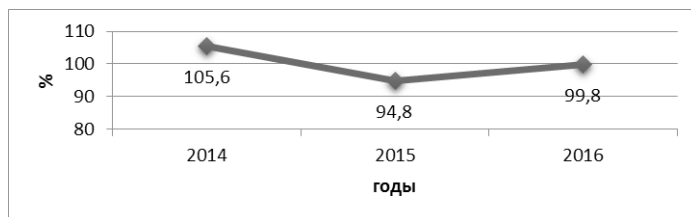

Рис. 1. Динамика исполнения доходной части бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг.

На рис. 2 представлена динамика исполнения доходной части по налоговым и неналоговым доходам и безвозмездным поступлениям.

Как видно из данных рис. 2, исполнение по налоговым и неналоговым доходам бюджета республики за исследуемый период непрерывно растет. При этом в абсолютном выражении прирост составил: в 2015 г. 1,4%, в 2016 г. 33,08. Налицо значительный прирост собственных доходов региона, однако доля безвозмездных поступлений и их величина либо растет (2014 г.), либо снижается: 2015 г. – 4%, 2016 г. – 9,5%, оставаясь в среднем в 2 раза выше величины собственных доходов.

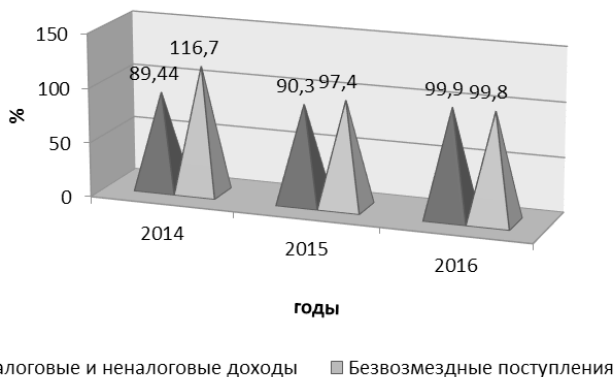

Рис. 2. Динамика исполнения по налоговым и неналоговым доходам и безвозмездным поступлениям в бюджете РСО-Алания за 2014-2016 гг. (составлено авторами)

Кроме этого, обращает внимание недовыполнение по субсидиям бюджетам субъектов Российской Федерации: в 2015 г. – на 3,6%, однако в 2016 г. – всего 0,6%. Достаточно стабильно прирастает величина невыполнения плана по субвенциям. Так, в 2014 г. недобор составил 3,42%, в 2015 г. – 4%, в 2016 г. – 5%.

В табл. 1 представлена динамика структуры доходов бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг. Как видно из данных табл. 1, в состав доходов бюджета РСО-Алания включаются налоговые и неналоговые доходы и безвозмездные поступления. Основными доходообразующими источниками за исследуемый период являлись дотации, субсидии, субвенции, налог на прибыль, налог на доходы физических лиц, акцизные платежи.

Как видно из данных табл. 1, доля налоговых и неналоговых доходов за рассматриваемый период увеличивалась: в 2015 г. на 1,27% по сравнению с 2014 г.; в 2016 г. на 9,16% по отношению к 2015 г.

Таблица 1 – Анализ состава и структуры доходов РСО-Алания за 2014-2016 гг.

Наименование статей	2014		2015		2016	
	тыс. руб.	уд. вес*, %	тыс. руб.	уд. вес*, %	тыс. руб.	уд. вес*, %
Всего доходов	2188001,2	100,0	21404862,2	100,00	22646356,6	100,00
из них:						
Налоговые и неналоговые доходы	7501291,5	34,27	7607571,8	35,54	10124263,2	44,7
из них:						
– налог на прибыль	1219114,9	5,57	918120,8	4,29	1280732,3	5,66
– НДФЛ	3860658,0	17,64	3825341,1	17,87	4035961,8	17,82
– акцизы	1377300,1	6,29	1767007,8	8,26	3666810,9	16,19
– налоги на совокупный доход	59461,8	0,27	61506,4	0,287	63953,9	0,28
– налог на имущество	667818,2	3,05	720532,4	3,37	746672,6	3,3
– налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами	12735,9	0,058	8953,4	0,04	15718,1	0,069
– государственная пошлина	9035,3	0,041	29874,0	0,14	52546,6	0,23
– доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности	23000,9	0,105	35960,3	0,17	38337,0	0,17
– платежи при пользовании природными ресурсами	12297,0	0,056	17220,4	0,08	16112,0	0,071
– доходы от оказания платных услуг (работ) и компенсации затрат государства	6330,7	0,029	5227,4	0,024	1857,0	0,0082
– доходы от продажи материальных и нематериальных активов	105241,5	0,44	61975,7	0,28	1191,9	0,0053
– штрафы, санкции, возмещение ущерба	153035,5	0,7	155440,2	0,73	203665,7	0,9
– прочие	4738,3	0,021	412,00	0,0019	562,6	0,0024

Безвозмездные поступления	14386709,8	65,73	13797290,4	64,46	12522093,4	55,3
Из них:						
– дотации, из них:	9152129,0	41,81	8842188,3	41,31	9519006,7	42,03
– на выравнивание бюджетной обеспеченности	8022731,5	36,65	8100874,0	37,845	7885562,3	34,83
– субсидии	3256978,5	14,88	2670058,1	12,47	769047,6	3,4
– субвенции	1518312,9	6,93	1605903,3	7,5	1715363,4	7,57
– безвозмездные поступления от государственных (муниципальных) организаций	221658,4	1,11	179027,8	0,836	288868,4	1,28
– безвозмездные поступления от негосударственных организаций	24183,0	0,011	28480,0	0,133	25344,9	0,11
– прочие	213448,00	0,989	471632,9	2,2	204462,4	0,9

*Источник: рассчитано автором

Данная тенденция является положительной, поскольку свидетельствует о постепенном снижении дотационности республики. При этом стоит отметить, что доля налога на прибыль выросла на 1,37% к 2015 г. и на 0,09% к 2014 г. Значительный рост продемонстрировали акцизы – прирост в 2016 г. в 2,57 раз по отношению к 2014 г.; государственная пошлина – рост в 5,6 раз.

Как следует из приведенных данных, исполнение по данным статьям остается на высоком уровне. Следовательно, федеральный центр практически полностью, а в 2014 г. с перевыполнением выполняет свои обязательства перед республикой.

За этот же период доля безвозмездных поступлений неуклонно снижалась и достигла 55,3% в 2016 г., что на 9,16% ниже, чем в 2015 г., и на 10,43% меньше показателя в 2014 г. При этом наблюдался небольшой прирост доли дотаций – на 1,3%, однако при этом удельный вес субсидий снизился в 2016 г. по сравнению с 2015 г. в 3,73 раза, и в 4,37 раза по отношению к 2014 г. Доля субвенций осталась практически неизменной, в среднем на уровне 7,5%, остальные статьи не претерпели сколь-нибудь значительных изменений.

В табл. 2 представлена динамика доходов в бюджет РСО-Алания за 2014-2016 гг.

Как следует из данных, приведенных в табл. 2, за рассматриваемый период в структуре доходов произошли следующие изменения:

1. Прирост собственных доходов составил 34,96%, в абсолютном выражении – 758355,4 тыс. руб.

2. Практически все статьи доходов демонстрировали прирост, при этом наибольший – акцизные сборы – в 2,66 раз (2289510,8 тыс. руб.), государственная пошлина – в 5,81 раз (43511,3 тыс. руб.), доходы от использования государственного и муниципального имущества – на 66,67% (15336,1 тыс. руб.).

3. Значительное снижение коснулось доходов от продажи материальных и нематериальных активов – в 88 раз, что в денежном эквиваленте составило 104049,6 тыс. руб., а также статьи «Прочие доходы».

4. Величина безвозмездных поступлений снизилась на 12,96%, или 1864616,4 тыс. руб.

5. Величина субсидий уменьшилась на 76,38%, или 2487930,9 тыс. руб.; перчисления на выравнивание бюджетной обеспеченности снизились на 1,6%, или 134169,2 тыс. руб.

6. На 30,32%, или 67210 тыс. руб. увеличилась сумма безвозмездных поступлений от государственных (муниципальных) организаций.

Проведенный анализ исполнения бюджета РСО-Алания по доходам за период с 2014 по 2016 гг. показал, что основными и наиболее устойчивыми источниками налоговых доходов является: Налог на прибыль, НДФЛ и акцизы. Иные налоговые источники, закрепленные за региональным уровнем на постоянной основе (налог на имущество организаций,

транспортный налог и налог на игорный бизнес), хоть и Таблица 2 – Динамика доходов бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг.

Наименование показателя	Годы			Отклонение 2016 г. к 2014 г.*	
	2014	2015	2016	Абс. откл., тыс. руб.	Относит., %
Всего доходов	21888001,2	21404862,2	22646356,6	758355,4	103,46
из них:					
Налоговые и неналоговые доходы	7501291,5	7607571,8	10124263,2	2622971,7	134,96
из них:					
– налог на прибыль	1219114,9	918120,8	1280732,3	61617,4	105,05
– НДФЛ	3860658,0	3825341,1	4035961,8	175303,8	104,54
– акцизы	1377300,1	1767007,8	3666810,9	2289510,8	266,0
– налоги на совокупный доход	59461,8	61506,4	63953,9	4492,1	107,55
– налог на имущество	667818,2	720532,4	746672,6	78854,4	111,81
– налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами	12735,9	8953,4	15718,1	2982,2	123,42
– государственная пошлина	9035,3	29874,0	52546,6	43511,3	581,0
– доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности	23000,9	35960,3	38337,0	15336,1	166,67
– платежи при пользовании природными ресурсами	12297,0	17220,4	16112,0	3815,0	131,02
– доходы от оказания платных услуг (работ) и компенсации затрат государства	6330,7	5227,4	1857,0	-4473,7	29,33
– доходы от продажи материальных и нематериальных активов	105241,5	61975,7	1191,9	-104049,6	1,13
– штрафы, санкции, возмещение ущерба	153035,5	155440,2	203665,7	50630,2	133,08

– прочие	4738,3	412,00	562,6	-4175,7	11,87
Безвозмездные поступления	14386709,8	13797290,4	12522093,4	-1864616,4	87,04
из них:					
– дотации, из них:	9152129,0	8842188,3	9519006,7	366877,7	4,0
– на выравнивание бюджетной обеспеченности	8022731,5	8100874,0	7888562,3	-134169,2	98,32
– субсидии	3256978,5	2670058,1	769047,6	-2487930,9	23,61
– субвенции	1518312,9	1605903,3	1715363,4	197050,5	112,97
– безвозмездные поступления от государственных (муниципальных) организаций	221658,4	179027,8	288868,4	67210	130,32
– безвозмездные поступления от негосударственных организаций	24183,0	28480,0	25344,9	1161,9	104,8
– прочие	213448,00	471632,9	204462,4	-8985,6	95,79

*Источник: рассчитано автором

имели положительную динамику роста, имеют несущественный удельный вес в структуре доходов регионального бюджета. Неналоговые доходы имели разнонаправленную динамику, но по объемам поступлений существенно отстают от налоговых и безвозмездных поступлений. Таким образом, несмотря на рост исполнения бюджета по доходам, республика остается высокодотационным регионом, где поступления из федерального центра более чем в 2 раза превышают собственные доходы.

Достаточно большое значение для анализа эффективности расходной части имеет динамика исполнения расходов по основным статьям, прежде всего тем, которые имеют непосредственное влияние на уровень социально-экономического развития республики.

Проведен анализ расходов республиканского бюджета по разделам и подразделам, целевым статьям бюджета Республики Северная Осетия – Алания за 2014-2016 год.

В 2014 г. исполнение расходной части составило 99,2%. При этом превысило плановые показатели по ЖКХ – 127,49%, по образованию – 103,6%, культура и кинематография – 101,2%, обслуживание государственного и муниципального долга – 121,32%. Самое низкое исполнение было по статье «национальная оборона» – 91,08%.

В 2015 г. исполнение расходной части бюджета составило 86,1%. По всем статьям расходов в данном году было значительное недовыполнение плановых показателей. Так, наименьшая величина исполнения приходилась на жилищно-коммунальное хозяйство – 49,5%, национальную экономику – 73,6%, физическую культуру и спорт – 57,0%, охрана окружающей среды – 85,4%. Таким образом, показатели по исполнению в 2015 г. значительно меньше аналогичных 2014 года.

В 2016 г. исполнение расходной части составило 90,6%, что на 9% ниже, чем в 2014 г., и на 4,5% выше, чем в 2015 г. Исполнение по ЖКХ составило 76,3%, что значительно выше, чем в 2015 г., так же как и практически по всем статьям расходов по сравнению с 2015 г., кроме национальной экономики, где исполнение уменьшилось и составило 64,7%. При этом в стоимостном выражении величина кассовых расходов в 2015 г. ниже уровня 2014 г. на 6,16%; в 2016 г. – на 3,15% выше, чем в 2015 г., и на 3,2% меньше, чем в 2014 г. Обращает на себя внимание низкое исполнение расходной части бюджета на фоне гораздо больших значений доходной части.

На рис. 3 представлена динамика исполнения расходной части бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг.

Как видно из данных рис. 3, за исследуемый период план по расходной части республики недовыполнялся. Так, выполнение за 2014 г. составило 99,2%, затем в 2015 г. произошло снижение на 13,1% – до 86,1%, а в 2016 г. процент повысился до 90,6%, однако остался на уровне на 8,6% ниже, чем в 2014 г.

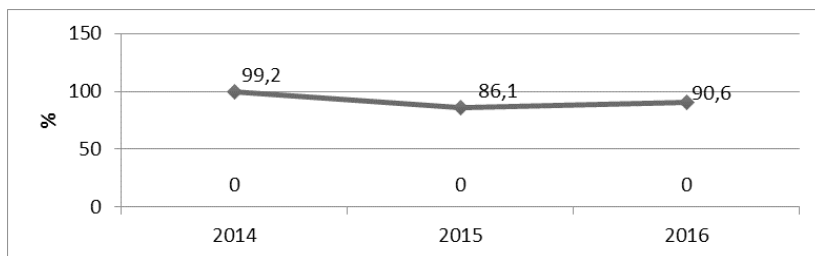

Рисунок 3. Динамика исполнения расходной части бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг.¹

На рис. 4 приведена динамика исполнения расходной части по статьям «Национальная экономика» и «Жилищно-коммунальное хозяйство» бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг.

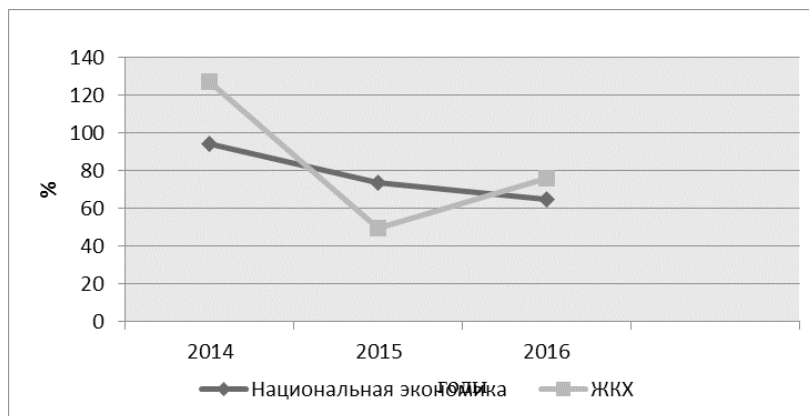

Рисунок 4. Динамика исполнения расходной части по статьям «Национальная экономика» и «Жилищно-коммунальное хозяйство» бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг.¹

Как видно из рис. 4, исполнение по статье «Национальная экономика» за исследуемый период непрерывно снижается. При этом в стоимостном выражении плановые показатели имеют следующую динамику:

1. В 2015 г. падение к уровню 2014 г. более чем на 24%.
2. В 2016 г. рост к уровню 2015 г. составил 48,88%, к 2014 г. – 12,89%.

Таким образом, значительный рост планируемых доходов по данной статье в 2016 г. привел к наименьшему исполнению расходной части за исследуемый период. В части расходов на ЖКХ наблюдаются более резкие колебания. Так, в 2014 г. исполнение составило 127,49%. Это связано со значительным ростом поступлений из бюджет-

та РФ средств на развитие ЖКХ. В 2015 г. исполнение составило всего 49,5%, в 2016 г. – 76,3%.

При этом расходы на ЖКХ не привели к уменьшению убыточных предприятий в отрасли, а отразились только на снижении доли ветхого и аварийного жилья.

На рис. 5 представлена динамика исполнения расходной части по статьям «Образование», «Здравоохранение» и «Социальная политика» бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг.

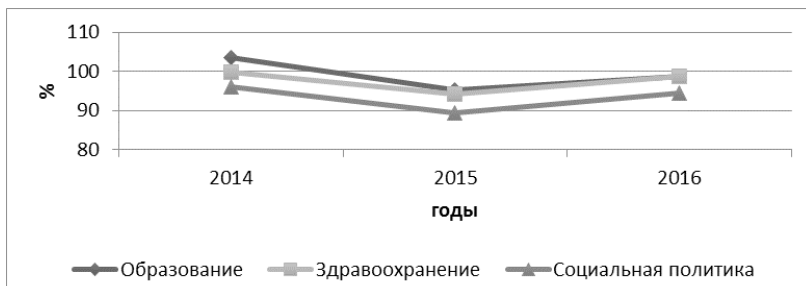

Рисунок 5. Динамика исполнения расходной части по статьям «Образование», «Здравоохранение» и «Социальная политика» бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг.¹

Как видно из данных рис.5, исполнение бюджета по рассматриваемым расходам имело схожую динамику при отличающихся исходных позициях. Так, исполнение в 2014 г. по образованию составило 103,6%, по здравоохранению – 99,83%, а по социальным расходам – 96,0%, то в 2015 г. все три направления резко потеряли в относительном выражении; образование – 8,4%, здравоохранение – 5,63%, социальная политика – 6,8%. В следующем году позиции были несколько восстановлены, однако до уровня 2014 г. не дотянули.

При сравнении динамики показателей уровня жизни с показателями исполнения рассмотренных выше статей республиканского бюджета становится явной слабая взаимосвязь показателей. Так, последние годы уровень рождаемости и смертности в республике снижаются, несмотря на то, каков уровень исполнения статей по соответствующим расходам бюджета.

На рис. 6 представлена динамика исполнения расходной части по статье «Обслуживание государственного и муниципального долга» бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг.

Как следует из данных рис. 6, за исследуемый период республикой уделяется большое внимание решению вопросов долга. Так, в 2014 г. исполнение по данной статье составило 121,32%, в дальнейшем произошло снижение показателя до 99,6% в 2015 г. и 99,7% в 2016 г. Однако при сравнении с плановыми показателями становится очевидным,

что расходы по обслуживанию долга резко сокращены, что, несомненно, отрицательно сказывается на состоянии долга республики.

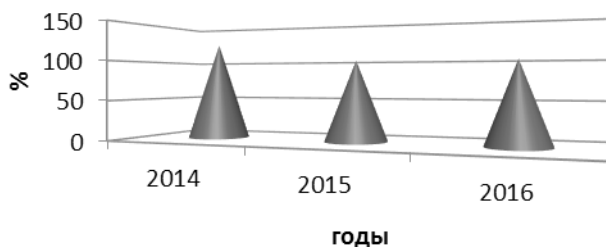

Рисунок 6. Динамика исполнения расходной части по статье «Обслуживание государственного и муниципального долга» бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг.¹

В табл. 3 представлены состав и структура расходов бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг.

Как следует из данных табл. 3, в структуре расходов наибольшая доля приходится на образование (в среднем 29%), здравоохранение (в среднем 22,64%), социальная политика (в среднем 16,54). Доля перечисленных статей расходов колеблется незначительно на протяжении рассматриваемого периода.

Кроме этого, велика доля расходов на национальную экономику (в среднем 10%), жилищно-коммунальное хозяйство (в среднем 4,5%) и физическая культура и спорт (в среднем 2%). Таким образом, можно сделать вывод, что расходная часть бюджета республики имеет социальную направленность.

Как видно из рис. 6, исполнение по налоговым и неналоговым доходам бюджета республики за исследуемый период непрерывно растет.

В табл. 4 приведена динамика доходов бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг.

Как видно из данных, приведенных в табл. 4, за рассматриваемый период общая величина расходов снизилась на 3,2%, или 751462,7 тыс. руб. Снижение произошло за счет сокращения расходов по следующим статьям:

- общегосударственные вопросы – 216485,4 тыс. руб. (на 20,75%);
- национальная экономика – 878289,5 тыс. руб. (на 26,94%);
- охрана окружающей среды – 5226,4 тыс. руб. (на 10,65%);
- образование – 192852,9 тыс. руб. (на 2,88%);
- культура, кинематография – 56580,9 тыс.руб. (на 8,03%);
- социальная политика – 215527,0 тыс. руб. (на 5,45%);
- средства массовой информации – 7358,2 тыс. руб. (на 13,87%);

Таблица 3 – Анализ состава и структуры расходов бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг.

Наименование статей	2014		2015		2016	
	тыс. руб.	уд. вес*, %	тыс. руб.	уд. вес*, %	тыс. руб.	уд. вес*, %
Всего расходов:	23439175,2	100	21993372,6	100	22687712,5	100
Общегосударственные вопросы	1043454,2	4,45	821853,7	3,66	826968,8	3,65
Национальная оборона	8714,7	0,037	8424,2	0,038	10543,2	0,046
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	177922,5	0,76	163401,1	0,74	188759,2	0,83
Национальная экономика	3259938,1	13,91	1819168,2	8,27	2381648,6	10,5
Жилищно-коммунальное хозяйство	781445,3	3,33	1320962,2	6,0	1475602,0	6,5
Охрана окружающей среды	49080,8	0,2	59557,0	0,27	43854,4	0,19
Образование	6689586,7	28,54	6608849,7	30,05	6496733,8	28,64
Культура, кинематография	704221,1	3,0	645843,3	2,94	647640,2	2,85
Здравоохранение	4989391,4	21,28	5210137,7	23,69	5209878,6	22,96
Социальная политика	3956727,6	16,88	3570894,4	16,24	3741200,6	16,49
Физическая культура и спорт	405401,8	1,73	467582,1	2,13	482200,1	2,13
Средства массовой информации	53035,8	0,23	54992,0	0,25	45677,6	0,02
Обслуживание государственного и муниципального долга	511256,2	2,18	429995,4	1,96	168124,1	0,74
Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы Российской Федерации	808999,1	3,45	811711,4	3,69	968881,4	4,27

*Источник: рассчитано автором

Таблица 4. Динамика доходов бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг.

Наименование показателя	Годы			Отклонение 2016 г. к 2014 г. *	
	2014	2015	2016	Абсол., тыс. руб.	Относит. %
Всего расходов:	23439175,2	21993372,6	22687712,5	-751462,7	96,8
Общегосударственные вопросы	1043454,2	821853,7	826968,8	-216485,4	79,25
Национальная оборона	8714,7	8424,2	10543,2	1828,5	120,98
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	177922,5	163401,1	188759,2	10836,7	106,09
Национальная экономика	3259938,1	1819168,2	2381648,6	-878289,5	730,06
Жилищно-коммунальное хозяйство	781445,3	1320962,2	1475602,0	694156,7	188,8
Охрана окружающей среды	49080,8	59557,0	43854,4	-5226,4	89,35
Образование	6689586,7	6608849,7	6496733,8	-192852,9	97,12
Культура, кинематография	704221,1	645843,3	647640,2	-56580,9	91,97
Здравоохранение	4989391,4	5210137,7	5209878,6	220487,2	104,42
Социальная политика	3956727,6	3570894,4	3741200,6	215527,0	94,55
Физическая культура и спорт	405401,8	467582,1	482200,1	76798,3	118,94
Средства массовой информации	53035,8	54992,0	45677,6	-7358,2	86,13
Обслуживание государственного и муниципального долга	511256,2	429995,4	168124,1	-343132,1	32,89
Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы Российской Федерации	808999,1	811711,4	968881,4	159882,3	119,76

* Источник: рассчитано автором

– обслуживание государственного и муниципального долга – 343132,1 тыс. руб. (на 67,11%).

Несмотря на разнонаправленное изменение, преобладающими статьями (табл. 3) остаются статьи расходов социальной направленности.

Для решения проблемы наличия неэффективных расходов и отсутствия четкой привязки затраты-эффект в части бюджетного процесса необходимо внедрение бюджетирования, ориентированного на результат (БОР).

До недавнего времени самой распространенной моделью управления общественными финансами являлась модель постатейного бюджетирования. Однако многолетний опыт использования данной модели в разных странах мира продемонстрировал низкую степень ее эффективности, что приводит к низкому уровню ответственности и инициативности нижнего звена государственного управления, отсутствию заинтересованности в экономии средств [2].

Как было выявлено, в настоящее время основной проблемой бюджетов регионов, в частности РСО-Алания, является отсутствие планирования и обеспечение результативности (эффективности) бюджетных расходов, наличие высокой доли неэффективных расходов. В целях совершенствования бюджетного процесса в РСО-Алания в сложившейся финансово-экономической ситуации наиболее эффективным инструментом может стать система бюджетирования, ориентированного на результат (БОР). В целом под бюджетированием, ориентированным на результат, понимается система организации бюджетного процесса и государственного (муниципального) управления, при которой планирование расходов осуществляется в непосредственной связи с достигаемыми результатами [3]. В теории БОР считается самым сложным способом управления, поскольку включает в себя большую совокупность способов использования исходной информации для принятия управленческих решений [4].

При использовании системы БОР как распорядитель, так и получатель бюджетных средств приобретают большую свободу в использовании средств в рамках поставленных целей для повышения эффективности затрат, т.е. для максимизации результатов при минимуме затрат [5]. В результате, распорядитель бюджетных средств получает возможность перераспределения ресурсов между реализуемыми программами и практически в режиме «онлайн» корректировать процессы в нужном направлении. При условии наличия сэкономленных средств, существует возможность их использования в следующем году [6]. Таким образом, эффективность использования бюджетных средств будет расти, поскольку во главу угла будет поставлено не полное освоение выделенных средств в текущем периоде, а наличие конкретных эффектов.

Как уже было обозначено, БОР имеет определенную систему достоинств по сравнению с моделью постатейного бюджетирования. Преимущества использования БОР для РСО-Алания приведены на рис. 7.

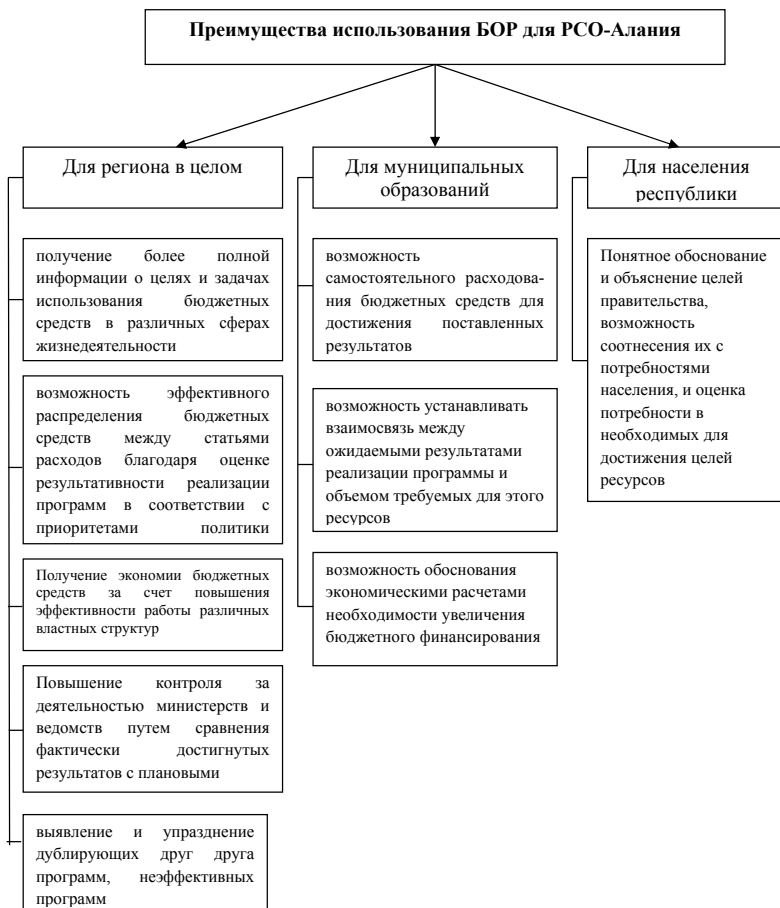

Рисунок 7. Преимущества использования БОР¹

В целом в ходе применения БОР необходимо:

- совершенствовать методы планирования бюджетных расходов в полной привязке к конечному результату;
- вести регулярный учет эффективности бюджетных расходов, в том числе на основе опросов общественного мнения и отзывов жителей;

– осуществлять переход от сметного к программно-целевому финансированию бюджетных учреждений с одновременным расширением их самостоятельности в части распоряжения полученными средствами.

При определении целевых показателей вследствие использования БОР существенной трудностью является обоснование их величины. Для решения проблемы роста величины неналоговых поступлений в основе повышения эффективности бюджетного процесса должны находиться вопросы пополнения и оптимизации структуры доходной части бюджета в части собственных доходов.

Таким образом, в целях повышения уровня эффективности бюджетного процесса в РСО-Алания предлагается внедрение системы бюджетирования, ориентированного на результат (БОР).

Данная система имеет значительные преимущества перед системой постатейного бюджетирования, в том числе в части контроля за исполнением бюджета и целевым использованием средств. Контроль должен проводиться с позиций соответствия достигнутых результатов установленным целям.

При определении целевых показателей вследствие использования БОР существенной трудностью является обоснование их величины. Поскольку РСО-Алания является высоко дотационным регионом, в основе повышения эффективности бюджетного процесса должны находиться вопросы пополнения и оптимизации структуры доходной части бюджета в части собственных доходов.

Примечания:

1. Министерство финансов РСО-Алания. Официальный сайт. [Электронный ресурс] // <http://minfin.alania.gov.ru/> (дата обращения: 05.03.2018).

2. Макашина О. В. Бюджетирование, ориентированное на результат // Вестник ИГЭУ. Вып. 1. 2008. С. 1-5.

3. Домбровский В. В., Домбровский Д. В., Ляшенко Е. А. Динамическая оптимизация инвестиционного портфеля при ограничениях на объемы вложений в финансовые активы // Вестн. Том. гос. ун-та. №2. 2013. С. 130-139 [Электронный ресурс] // <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 06.04.2019).

4. Букина И. С., Черных С. И. Бюджетирование, ориентированное на результат, и новое правовое положение государственных (муниципальных) предприятий. Официальный сайт Института проблем развития науки РАН [Электронный ресурс] // <http://issras.ru/> (дата обращения: 06.04.2019).

5. Токаев Н. Х. Мобилизационные преимущества формирования бездефицитного бюджета региона // Пространство экономики. 2010.

№4-3 [Электронный ресурс] // <https://cyberleninka> (дата обращения: 28.03.2019).

6. Мамедов Д. А., Бобошко В. И. Имущественные налоги – важнейшая статья доходов бюджета региона // Вектор науки ТГУ. 2011. №4 [Электронный ресурс] // <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 29.03.2019).

Б. Р. Каллагов

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ БЛАГОПРИЯТНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА В РСО-АЛАНИЯ

Формирование благоприятного инвестиционного климата и создание высокого рейтинга инвестиционной привлекательности региона является одним из важнейших факторов роста конкурентоспособности субъекта, а также достижение экономического роста.

Действия по достижению инвестиционной привлекательности являются одними из ведущих в документах по стратегическому социально-экономическому развитию территории.

Очевидно, что Россия обладает большими запасами природных ресурсов и хорошим географическим положением. Что касается экономических факторов, то в 2019 году наблюдается снижение инфляции, инфляционных ожиданий населения, определенная стабилизация курса доллара к рублю. Однако основной проблемой, по мнению большинства инвесторов, остается непредсказуемость регулирования экономики. Так, ряд законодательных инициатив могут нанести реальный ущерб инвестиционному климату России. К примеру, в 2019 году инвесторов значительно напугал разработанный законопроект об ограничении доли иностранного владения в значимых интернет-компаниях до 20%. Это привело к массовой распродаже акций компании «Яндекс», которые в моменте падали на 21%.

В последующем ФАС и Правительство РФ выступили против данного законопроекта. В итоге Правительство РФ предложило установить ограничение для голосующих акций на уровне 50% минус 1 акция (вместо 20%), что привело к росту котировки акций «Яндекс» на 10% за день. На текущий момент цена бумаг пока не смогла восстановиться до своего прежнего значения.

Ситуации такого характера существенно снижают привлекательность инвестиционного климата России, поскольку говорят о неопределенности ведения бизнеса в РФ и перекрывают те положительные факторы, которыми обладает государство. Тем не менее, работа по созданию законодательства по защите инвесторов ведется, и предпо-

лагается, что со временем таких ситуаций будет возникать все меньше и меньше, что будет дополнительно стимулировать спрос на российские активы, в особенности среди иностранных инвесторов.

Рисунок 1. Котировка акций Яндекс на Московской Бирже

Спектр мероприятий, реализуемых органами государственной власти для создания благоприятной инвестиционной ситуации, довольно широк и включает в себя значительный объем задач, от регулирования исполнения договорных условий и процедуры ведения предпринимательской деятельности до реализации политики на рынке труда и формирование соответствующей инфраструктуры. На реализацию всех обозначенных задач направлена деятельность инвестиционного маркетинга, который обладает широким спектром средств воздействия, направленных на формирование нужного инвестиционного климата на территории.

Принятый Госдумой проект федерального бюджета на 2020 год впервые решает задачу повышения инвестиционной привлекательности субъектов РФ.

В рамках принятого финансового плана 10 регионов с наименьшей бюджетной обеспеченностью получают дополнительную поддержку. Эти территории получают еще поддержку в виде решения, когда они могут лишь 1 процент направлять на софинансирование в рамках реализации федеральных программ.

Речь идет об Адыгее, Карелии, Калмыкии, Марий Эл, Чувашии, Туве, Республике Алтай, Алтайском крае, а также Курганской и Псковской областях. Не исключено, что по итогам анализа эффективности указанных мер они могут быть распространены и на другие субъекты РФ.

Конкуренция между субъектами Федерации за привлечение инвестиций обостряется с каждым годом: они становятся залогом эконо-

мического роста и одним из основных критериев оценки эффективности работы региональных элит.

Борьба за привлечение инвестиций в субъекты РФ постепенно становится не просто соревнованием ряда амбициозных региональных команд, но и одним из ключевых факторов оценки эффективности местной власти со стороны федерального центра, а потенциально и изменений в системе межбюджетных отношений. Задача довести долю инвестиций в ВВП до 25% к 2024 году (против нынешних 21%) в целях модернизации и технологического обновления реального сектора экономики была поставлена президентом Владимиром Путиным в Послании Федеральному Собранию. Правительство страны считает рост инвестиций одним из основных экономических приоритетов, поскольку более высокое соотношение инвестиций и ВВП будет стимулировать рост основного капитала, что, в свою очередь, должно раскрыть потенциал экономического роста России. Летом 2019 года Правительство утвердило план по наращиванию инвестиционной активности, подготовленный Минэкономразвития: он предполагает как системные меры по улучшению бизнес-климата, так и набор отраслевых мероприятий – собственные планы обязали подготовить и регионы. В конце октября на заседании Правительства перед губернаторами была поставлена цель обеспечить привлечение инвестиций на уровне не менее 27% валового регионального продукта.

Кроме того, объем инвестиций в региональной экономике станет одним из критериев новых правил распределения грантов на общую сумму 45 млрд руб. между регионами за самые высокие показатели губернаторов и региональных команд (в начале декабря их утвердил премьер-министр Дмитрий Медведев). Успехи в привлечении инвестиций также будут учитываться при оценке работы глав регионов.

Инвестиции являются ключевым фактором для устойчивого роста регионов.

В рамках реализации нацпроектов федеральный центр будет активно вкладываться в масштабные инфраструктурные проекты на местах – это будет стимулировать рост в тех регионах, которые получают значительную часть финансирования (например на Дальнем Востоке) за счет устранения узких мест. Это способно обеспечить временный стимул для регионального развития, но в долгосрочной перспективе рост будет устойчивым, только если вырастет инвестиционная активность в частном секторе. Таким образом, активное привлечение регионами инвестиций в инфраструктурные проекты становится одним из залогов исполнения ими целей нацпроектов. Так, по оценке Российского фонда прямых инвестиций, более 50% проектов могут быть реализованы с привлечением институциональных и частных инвесторов в капитал.

В Правительстве неоднократно подчеркивали, что необходимые стимулы и инструменты для привлечения инвестиций у местных вла-

стей есть: например, регионы, продемонстрировавшие по итогам года прирост по сбору федерального налога на прибыль, могут рассчитывать на его возврат. Кроме того, налоговые расходы по льготам, которые Правительство России считает эффективными, учитываются при расчете финансовой помощи со стороны федерального центра, а в 2018 году заработал механизм инвестиционной налоговой льготы, позволяющий регионам предоставлять преференции по налогу на прибыль в части новых инвестиций. Инвесторы же, вложившие в проекты более 1 млрд руб., могут претендовать на заключение специнвестконтрактов (СПИК), предусматривающих не только льготный порядок налогообложения, но и временную защиту от изменений налогового законодательства.

В то же время в исполнительном органе стремятся унифицировать меры поддержки и намерены регулярно проводить их ревизию, чтобы региональная конкуренция не приводила к предоставлению неоправданных преференций, особенно в дотационных субъектах. Начиная с 2020 года все региональные и муниципальные льготы должны вноситься в специальные реестры, а их эффективность и соответствие целевому назначению – оцениваться кураторами из местной администрации.

На фоне унификации налоговых инструментов задача усложняется даже для регионов-лидеров. Если еще недавно небольшое количество регионов имели ряд льгот и преференций, которые позволяли привлечь инвестора на более выгодных, чем у прочих, условиях ведения бизнеса, то сейчас большинство регионов могут предоставить аналогичные правовые и налоговые режимы.

Для иностранных и российских инвесторов благоприятный инвестиционный имидж региона будет зависеть от его географического положения, обеспеченности ресурсами, развитости инфраструктуры и наличия благоприятной регуляторной среды. Об эффективности проводимой региональной инвестиционной политики можно судить в том числе по результатам различных рейтингов.

В 2019 году 69 регионов улучшили интегральный индекс по сравнению с прошлым годом, а 62 демонстрируют устойчивый рост три года подряд.

Системным преимуществом, определяющим интерес инвесторов к региону, чем дальше, тем больше становится наличие квалифицированной рабочей силы. В борьбе за кадры, их подготовку и удержание идет серьезное состязание между управленческими командами регионов. Подтверждением этому служат, например, итоги майского опроса работающих в России американских компаний, подготовленного Американской торговой палатой в партнерстве с компанией EY. Среди компаний, которые планируют расширение своего регионального присутствия (таких оказалось 30%), главным критерием выбора оказалась именно доступность квалифицированных кадров (25%) – этот показатель перевесил соображения.

Впрочем, ключевую роль в привлечении в регионы иностранных инвестиций продолжают играть макроэкономические факторы – хотя у экспертов нет консенсуса, какие именно тренды возобладают. В апреле 2019 года ЦБ заявил, что приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в 2018 году сократился более чем в три раза по сравнению с 2017-м, до \$8,8 млрд (0,5% ВВП), и достиг минимума за последние десять лет (в досанкционном 2013 году он составлял \$69,2 млрд). Несмотря на последующую положительную динамику (в первом квартале 2019-го объем ПИИ вырос до \$11,5 млрд), существенный рост ПИИ выглядит маловероятным, отмечали в Институте экономической политики имени Е. Т. Гайдара. Аналитики компании KPMG, проанализировав динамику сделок слияний и поглощений (M&A), заявляют, что интерес иностранных инвесторов к России восстанавливается, особенно в инновациях и нефтегазовом секторе. Там полагают, что риски, связанные со сложной геополитической обстановкой, компенсируются для иностранного инвестора в России более высокой доходностью и потенциалом роста, и утверждают: с точки зрения прироста прямых иностранных инвестиций 2019 год может стать «лучшим годом после санкций». В KPMG также отмечают рост инвестиционной роли партнеров из Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Японию. Рост интереса азиатских бизнесменов к России подтверждает и торговый представитель РФ в Малайзии Никита Пономаренко.

В таких условиях конкуренция регионов за иностранные вливания должна строиться за счет комплексной инновационно-ориентированной политики территориального развития.

Региональная инвестиционная динамика остается сильно поляризованной даже в условиях общей низкой инвестактивности в стране (плюс 0,6% в первом полугодии 2019 года) – на нее влияют агломерационные и ресурсные конкурентные преимущества, отмечали исследователи из Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара в июньском мониторинге экономической ситуации в России. Так, на долю столичной агломерации пришлось почти 20% всех инвестиций в стране, на Тюменскую область с автономными округами – 14%, на Сибирский ФО – 10%, на Дальний Восток – 8% (против 9% в период подготовки к саммиту АТЭС). Лидерами роста выступили Ямало-Ненецкий АО (23%), Москва и Московская область (19–20%), Сибирь (13%). При этом объем инвестиций сократился в половине регионов. Резкое падение в Южном федеральном округе (минус 27%) было связано с завершением строительства инфраструктуры Крымского моста и, как следствие, снижением инвестиций в Крыму на 40%, а в Краснодарском крае – на 30% (основным инвестором в Крым и Севастополь остается государство, обеспечивающее до 70% всех инвестиций). Негативную динамику в Северо-Западном федеральном округе (минус 9%) обеспечили плохие показатели Санкт-Петербурга (минус 21%). В Приволжском ФО инвестиции сократились незначительно (минус 3%),

отрицательную динамику продемонстрировали две трети регионов, включая Татарстан.

В целом же, по данным Sberbank CIB, 50% роста инвестиций в основную капитал обеспечили собственные средства компаний, тогда как доля иностранных инвестиций составила менее 1% совокупного показателя. За счет банковских кредитов было профинансировано лишь чуть более 10% вложений, что намного ниже, чем в развитых странах (причем региональная диспропорция здесь также заметна: в Уральском федеральном округе на долю кредитных средств пришлось 22,7%, а в Северо-Кавказском – лишь 3,8%).

Если перейдем к более детальному рассмотрению мер по повышению инвестиционной привлекательности Северной Осетии, то отметим, что основные резервы для повышения инвестиционной привлекательности РСО-Алания сосредоточены в:

1. Эффективном использовании современных финансовых институтов.
2. Развитии системы банковского кредитования.
3. Перераспределении свободных средств в основной капитал среди различных сфер экономической деятельности.
4. Привлечении на территорию РСО-Алания иностранного капитала.
5. Сосредоточении сил на развитии внешнеэкономической деятельности республики и установлении долгосрочных связей со странами ближнего и дальнего зарубежья.

Как ранее было отмечено в работе, точками экономического роста региона являются:

- промышленность;
- агропромышленный комплекс;
- индустрия строительных материалов;
- туризм и рекреация;
- энергетика;
- инновационный кластер.

Северная Осетия обладает сырьевой базой для производства строительных материалов, в том числе качественного кирпича. Есть возможности для увеличения добычи доломита и его переработки, что является исходной базой для производства стекла в России. Также преимуществом республики, которое необходимо использовать, является ее географическое положение, наличие двух федеральных дорог, а это открывает возможности для выстраивания эффективной логистической системы и приглашения инвесторов для реализации проектов по транспорту.

Для того чтобы республика больше позиционировала себя как регион открытый и благоприятный для инвестиций, следует активно выходить на различные площадки.

В качестве основных направлений по улучшению инвестиционной привлекательности республики можно выделить:

- организацию на территории региона особых экономических условий для предприятий электронного сектора промышленности;
- формирование промышленного кластера;
- размещение на территории республики производства международных профильных компаний по принципу аутсорсинга;
- вложение средств в организацию производственной деятельности материалов, используемых при механизированной сборке и монтаже строений;

Повышения роли республики в активизации инвестиций можно добиться реализацией следующих направлений:

1. Проработка и постоянное совершенствование, а также актуализация регионального инвестиционного законодательства.
2. Разработка комплекса мероприятий органами региональной власти по стимулированию в виде предоставления льгот субъектам, занимающимся инвестиционной деятельностью.
3. Разработка комплекса мероприятий, направленных на создание благоприятного инвестиционного, культурного имиджа.
4. Привлечение иностранных инвесторов на территорию республики.
5. И немаловажным является создание инвестиционной инфраструктуры.

Необходимо выделить главные проблемы, с которыми сталкивается республика при привлечении инвестиций и факторов, снижающих инвестиционную привлекательность территории:

Во-первых, территориальное расположение республики и закрепившееся мнение, что регион расположен вблизи «горячих точек» Северного Кавказа.

Во-вторых, территориальная отдаленность от главных российских рынков сбыта.

В-третьих, неэффективная деятельность органов региональной власти по информационной и маркетинговой деятельности в области продвижения республиканских инвестиционных проектов. Здесь уместно было бы применение инвестиционного маркетинга. С теоретической точки зрения под инвестиционным маркетингом понимается совокупность мероприятий, направленных на создание производственно-экономических решений в вопросах инвестиций, которые отражают реальные потребности потребителей и потенциальных инвесторов. С практической точки зрения же это представляет собой совместную деятельность маркетинга и деятельности в области инвестиций.

Преимуществом инвестиционного маркетинга является то, что его методическая составляющая и инструментальный состав имеют возможность сформировать круг участников инвестиционного рынка, определить требования и конечные цели субъектов инвестиционной деятельности, найти оптимальное соотношение между инвестиционным спросом и предложением инвестиционных средств.

К методическому составу инвестиционного маркетинга, который может быть применен на территории региона, должны быть отнесены:

1. Последующая опека, данный метод предполагает собой оказание сопровождения инвесторов, которые пришли со своим свободным капиталом на территорию региона. Результатом применения данного метода является формирование длительных и прочных отношений с инвестором, а также оказание ему содействия в решении вопросов, которые могут потенциально возникнуть.

2. Взаимодействие с бизнесом. В рамках данного метода также предполагается работа с бизнесом через специализированные ассоциации, торгово-промышленную палату и т.д. Это является еще одним фактором для устранения разногласий между бизнесом и органами власти.

3. Прямые «продажи» возможным инвесторам. В рамках данного метода возможно выделение определенного сегмента инвесторов, в зависимости от различных квалификационных признаков (страна, сфера деятельности, размер капитала) и проведение нацеленной работы для их привлечения и повышения их заинтересованности во вхождении на рынок.

4. PR-деятельность. Данный метод является достаточно эффективным, но не столь затратным. В него включается публикация статей в бизнес-изданиях, организация встреч журналистов с бизнес-сообществом, освещение мероприятий.

5. Организация конференций и семинаров по разрабатываемой тематике. На данных мероприятиях также происходит встреча с потенциальными инвесторами.

Четвертым негативным фактором является недостаточная активность предприятий республики по разработке инвестиционных проектов и выведению их на рынок.

И в качестве пятого фактора отметим забюрократированность и дороговизну банковских средств.

В качестве основных мероприятий по улучшению инвестиционного климата можно обозначить:

1. Формирование благоприятных административных условий для ведения инвестиционной деятельности:

- создание под руководством Главы республики совета по поддержке инвестиционных проектов;
- работа в режиме реального времени между инвесторами и чиновниками, оперативное решение возникающих вопросов и устранение преград;
- недопущение и предупреждение превышения должностных полномочий надзорными органами.

2. Максимальное сокращение временного отрезка от начала контакта с инвестором до этапа выхода на массовое производство. В рамках данного направления может быть предусмотрено создание

«одного окна» для контакта с инвестором, регистрации предприятия и прохождения всех процедур согласования в органах власти. Введение персоналифицированной ответственности сотрудников за затягивание процедур.

3. Оказание финансовой поддержки со стороны региональных властей: софинансирование, субсидирование банковского процента, выдача государственных гарантий, выдача грантов и т.д.

4. Льготное налогообложение.

5. Создание на территории республики готовых «промышленных площадок», подразумевающее проведение за счет субъекта всех процедур по регистрации земельного участка или собственности, обеспечение необходимой инфраструктурой и коммуникациями.

Создание технопарков и промышленных парков, или стимулирование создания частных парков.

Примечания:

1. Постановление Правительства РСО-Алания «Об утверждении государственной Программы РСО-Алания «Развитие промышленности и пассажирского транспорта РСО-Алания в 2017-2019 годах» от 4 июля 2017 года №267. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/450290281> (дата обращения: 15.12.2019 г.).

2. Доклад Правительства РСО-Алания «Состояние и развитие конкурентной среды в РСО-Алания за 2016 год». Режим доступа: <https://so-alania.fas.gov.ru/> (дата обращения: 15.12.2019 г.).

3. Доклад Правительства РСО-Алания «Состояние и развитие конкурентной среды в РСО-Алания за 2017 год». Режим доступа: <http://www.alania-invest.ru/> (дата обращения: 15.12.2019 г.).

4. Доклад Правительства РСО-Алания «Состояние и развитие конкурентной среды в РСО-Алания за 2018 год». Режим доступа: <http://www.alania-invest.ru/> (дата обращения: 15.12.2019 г.).

5. Абрамов Д. В., Быкова А. А. Проблемы инвестиционной привлекательности ведущих российских регионов и регионов европейских стран // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: Межвузовский сборник научных трудов. 2017. №1. С. 232-236.

6. Алеев Б. Р. Повышение инвестиционной привлекательности регионов России. Евразийский союз ученых. 2018. №4-6 (49). С. 10-12.

7. Бараненко С. П., Бусыгин К. Д. Сущность и экономическое содержание понятий «Инвестиционная активность» и «Инвестиционная привлекательность» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №1-1. С. 133-141.

БЕНЧМАРКИНГ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА В РСО-АЛАНИЯ

Для оптимальной корректировки бюджетного процесса в РСО-Алания предлагается использовать метод бенчмаркинга, заключающийся в приведении структуры бюджета региона к эталонной. Важной особенностью бенчмаркинга является не только ориентированность на результат, но и на эффективные организационные процессы. При этом ориентация идет не только на числовые значения, но и на факторы и методы работы.

Основной сложностью достижения эталонной структуры собственных доходов является существенная нехватка или слабость источников собственных доходов. В связи с необходимостью развития и укрепления базы собственных доходов на первый план выходит задача полной мобилизации доходного потенциала региона с последующим его расширением.

Бюджет региона является формой создания и расходования денежных средств, направленный на обеспечение и успешную реализацию функций органов государственной власти регионов. Концентрация финансовых ресурсов в рамках бюджета имеет целью обеспечение эффективной и целенаправленной реализации финансовой политики государства.

К функциям, которые призвана выполнять бюджетная система региона, относятся:

- повышение качества и уровня жизни населения региона, его разностороннее развитие;
- создание условий и механизмов, обеспечивающих справедливость распределения доходов бюджета между различными категориями населения региона, поддержка незащищенных слоев общества;
- определение точек роста регионального хозяйственно-экономического комплекса региона и выстраивание региональной инвестиционной политики в русле повышения деловой активности, развитие малого и среднего предпринимательства, которое в развитых экономиках является двигателем прогрессивного развития не только стран, но и населения в целом;
- создание режима наибольшего благоприятствования для предпринимательства посредством развития производственной, социальной и экономической инфраструктур на территории региона.

Обычно под эффективностью расходов, в том числе бюджетных, следует понимать отдачу затрат (вложений) в конкретную область (вид

деятельности), заключающуюся в росте производительности труда, а также в соотношении величины достигнутого социально-экономического эффекта с объемом бюджетных средств, затраченных на его получение [1].

К показателям и критериям, характеризующим эффективность затраченных бюджетных средств на уровне региона, можно отнести следующие:

- показатель валового регионального продукта (ВРП), который является ведущим показателем развития макроэкономической ситуации и отражающим общее экономическое состояние конкретного региона. Однако следует учитывать, что для данного показателя характерна многофакторность влияющего аппарата, т.е. как номинальная, так и реальная величина ВРП требует комплексного подхода в процессе оценки и принятия решения по корректировке;

- уровень инфляции. Инфляция часто оказывается самым сильным фактором, влияющим на многие экономические и хозяйственные процессы региона, в том числе и на развитие МСП, занятость населения, налоговые поступления, средние и реальные доходы населения;

- инвестиционная привлекательность. Инвестиционный климат, созданный в регионе, влияет на экономическую и деловую среду, и вследствие этого на величину налоговой базы посредством роста ее величины и устойчивости к внешним воздействиям, в том числе в кризисных ситуациях;

- уровень доходов населения, как реальных, так и номинальных, степень их дифференциации, численность жителей с доходами ниже прожиточного минимума;

- продолжительность жизни и ее качество;

- уровень образования, обеспеченность местами в образовательных учреждениях, уровень доступности образовательных услуг;

- уровень потребления материальных благ и услуг (продуктов питания, жилья, телефонных услуг), обеспеченность домашних хозяйств товарами длительного пользования;

- уровень развития здравоохранения, динамика смертности по основным причинам, в том числе младенческая смертность;

- экологическое состояние окружающей среды, динамика изменения уровня загрязнения почв, воздуха и водных объектов;

- обеспечение равенства возможностей для всех членов общества, уровень и динамика развития малого бизнеса;

- культурная жизнь людей, обеспеченность доступности объектов культуры и искусства.

В табл. 1 представлена динамика общих показателей социально-экономического развития РСО-Алания за период 2014-2016 гг. Одним из базовых показателей является общий и удельный показатель ВРП.

Таблица 1 – Динамика общих показателей социально-экономического развития РСО-Алания за период 2014-2016 гг. [2]

Показатели	Годы			Отклонение за период*	
	2014	2015	2016	Абсол.	От-нос., %
ВРП, млн. руб.	125960,5	126051,2	125498,3	-462,2	99,63
ВРП на душу населения, тыс. руб.	178,762	181,039	201,846	23,084	112,91
Численность населения, в т.ч.	705270	703745	703262	-2008	99,71
– доля населения в трудоспособном возрасте, %	58,0	57,5	56,8	-1,2	97,26
– доля населения в трудоспособном возрасте, %	42,0	42,5	43,2	1,2	102,85
Средняя заработная плата, руб.	20310,6	21266,6	22797,6	2487	112,24
Доля убыточных организаций, %	38,9	57,9	50,0	-11,1	128,53
Прирост, % (к предыдущему году)	6,2	12,7	11,5	x	x
Инвестиции в основной капитал (без бюджетных средств) на душу населения в фактически действовавших ценах, руб.	20733,0	21357,6	22756,2	2023,2	109,75
% к предыдущему году	110,05	103,01	106,55	x	x
Прирост инвестиций в основной капитал (без учета бюджетных средств), % к предыдущему году	4,4	-7,5	0,4	x	x
Коэффициент обновления основных фондов, %	10,4	6,1	19,8	9,4	190,3

*Источник: рассчитано автором

Как видно из данных табл. 1, за исследуемый период величина ВРП как в целом по республике, так и на душу населения изменялась разнонаправленно, с преобладающей тенденцией к уменьшению. При этом в 2014 г. произошло снижение прироста в 3 раза, при этом в среднесрочной перспективе за исследуемый период произошло падение общей величины ВРП на 0,36%, а по удельному показателю – на 12,91%. За этот же период рост заработной платы составил 12,22%, при этом

постепенно снижалась доля населения трудоспособного возраста – на 2,74 за 2014-2016 гг.

Инвестиции в основной капитал на душу населения в стоимостном выражении увеличивались на всем протяжении исследуемого периода, однако скорость прироста значительно колебалась, так, в 2015 г. произошло замедление на 7%, в 2016 г. увеличение на 3%. Однако данный прирост не компенсировал предыдущее падение.

Показатель прироста инвестиций в основной капитал в относительном выражении также изменялся со значительными колебаниями. Так, в 2014 г. инвестиции выросли на 4,4%, в 2015 г. – падение на 7,5%, и затем в 2016 г. – рост на 0,4%. Коэффициент обновления основных фондов, при этом, имеет положительные значения, практически не коррелирующие с изменением прироста инвестиций. Так, наибольшего значения – 19,8% – показатель достиг в 2016 г. на фоне прироста инвестиций на 0,4% и прироста удельного значения на 6,55%.

Кроме вышеперечисленного, к показателям эффективности инвестиций в основной капитал необходимо отнести соотношение числа высокопроизводительных рабочих мест к среднегодовой численности занятого населения. Как видно из данных табл. 1, значения показателя в 2014-2015 гг. прирастало, однако в 2016 г. снизилось. При этом доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем количестве за исследуемый период прирастала в 2014-2015 гг., в 2016 г. снизилась до 3,8%. Удельный вес численности высококвалифицированных работников в общей численности квалифицированных работников в регионе также снизился к уровню 2014 г. на 3%. Таким образом, величина инвестиций в основной капитал и величина ВРП на душу населения не приводят к устойчивому росту эффективности производства. О том же свидетельствует динамика доли убыточных организаций ЖКХ, при этом население практически полностью возмещает затраты за предоставленные жилищно-коммунальные услуги.

В табл. 2 представлена динамика показателей состояния и движения населения РСО-Алания.

Таблица 2 – Показатели состояния и движения населения РСО-Алания за 2014-2016 гг.

Показатели	Годы			Отклонение за период*	
	2014	2015	2016		
				Абсол.,	Относ., %
Среднегодовая численность населения, человек	704624	704507	703504	-1120	99,84
% к предыдущему году	99,9	99,9	99,85		

Ожидаемая продолжительность жизни населения при рождении, лет	73,82	74,20	75,05	1,23	101,66
% к предыдущему году	99,83	100,5	101,15		
Суммарный коэффициент рождаемости, единиц	2,009	1,930	1,891	-0,118	94,12
% к предыдущему году	101,61	96,06	97,97		
Численность умерших на 100 тысяч человек населения	1008,5	1008,8	982,8	-25,7	97,45
% к предыдущему году	102,18	100,03	97,42		
Уровень безработицы в среднем за год, %	8,6	9,3	9,9	1,3	115,11
% к предыдущему году	106,17	108,13	106,4		
Коэффициент миграции, человек на 10 тыс. населения	-27,7	-60,7	-43,2	15,5	155,95
% к предыдущему году	35,42	219,13	71,16		

*Источник: рассчитано автором

Как видно из данных табл. 2, все показатели, кроме ожидаемой продолжительности жизни и уровня безработицы, за исследуемый период снизились. При этом снижение рождаемости происходит более быстрыми темпами, чем снижение смертности, что и отразилось на динамике численности населения. Стоит отметить значительное падение миграционного оттока, что в общем не повлияло на динамику численности населения.

При сравнении динамик общей численности населения и безработицы можно заметить, что численность снижалась в среднем на 0,1% в год, а безработица росла в среднем на 12% в год.

Таким образом, налицо проблемы с естественным приростом населения, а также вопросы безработицы, поскольку при сравнении с показателями табл. 1 можно сделать вывод, что рост инвестиций не приводит к созданию дополнительных рабочих мест.

В табл. 3 представлена динамика показателей уровня жизни населения РСО-Алания за период 2014-2016 гг.

При этом в 2,54 раза вырос коэффициент напряженности на рынке труда, что во многом является следствием роста безработицы.

Достаточно низкой за исследуемый период остается обеспеченность местами в дошкольных образовательных учреждениях – в 2016 г. 508 мест на 1000 детей, что на 13,14% выше уровня 2014 г. Таким образом, примерно 50% детей не обеспечены местами в дошкольных учреждениях.

Таблица 3 – Динамика показателей уровня жизни РСО-Алания за 2013-2016 гг.

Показатели	Годы			Отклонение за период*	
	2014	2015	2016	Аб-сол.,	От-нос., %
Доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума в общей численности населения РСО-Алания, %	12,1	14,1	14,6	2,5	120,66
% к предыдущему году	100,0	116,53	103,55		
Темп прироста (+), снижения (-) реальной среднемесячной заработной платы, в процентах к предыдущему году с учетом индекса потребительских цен, %	1,9	-9,1	-1,6	x	x
Индекс потребительских цен на товары и услуги, %	110,2	113,6	104,8	x	95,09
Коэффициент напряженности на рынке труда, единиц	18,3	23,8	36,6	18,3	200,0
% к предыдущему году	127,08	130,05	153,78		
Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в дошкольных образовательных учреждениях, количество мест на 1000 детей	449	499	508	59	113,14
% к предыдущему году	101,12	111,13	101,8	x	x
Общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на 1 жителя, кв.м.	27,1	27,6	28,0	1,1	103,3
% к предыдущему году	100,74	101,8	101,44		
Доля ветхого и аварийного жилищного фонда в общем объеме жилищного фонда, %	1,9	1,3	1,2	x	63,15
% к предыдущему году	95	68,4	92,3		
Доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, в общей площади жилищного фонда, %	91,3	92,7	92,9	1,6	x

*Источник: рассчитано автором

Положительная динамика за исследуемый период характерна для такого показателя, как доля ветхого и аварийного жилищного фонда в общем объеме жилищного фонда – снижение на 40%. При этом выросла общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на 1

жителя, – 4,08%, при обеспеченности всеми видами благоустройства на уровне 92,9%.

Еще одним из показателей социально-экономического развития является развитие системы малого предпринимательства.

В табл. 4 представлены показатели, характеризующие динамику состояния малого предпринимательства в РСО-Алания.

Таблица 4 – Показатели состояния субъектов малого предпринимательства РСО-Алания за 2014-2016 гг.

Показатели	Годы			Отклонение за период*	
	2014	2015	2016	Абсол.	Отно-сит. %
Количество малых предприятий, ед.	5800	5809	5308	–492	91,51
% к предыдущему году	89,2	100,15	91,37		
Численность занятых на малых предприятиях, тыс. чел.	28,1	26,121	19,327	–8,773	68,77
% к предыдущему году	92,7	92,95	73,99	x	x
Оборот малых предприятий, млрд руб.	40,9	41,4	44,762	3,862	109,44
% к предыдущему году	94,67	101,22	108,1		

*Источник: рассчитано автором

Как следует из данных табл. 4, за исследуемый период количество малых предприятий снизилось на 8,5%. При этом численность занятых за тот же период уменьшилась на 31,23%, т.е. на каждый 1% падения численности предприятий занятость уменьшалась на 3,67%. Таким образом, наблюдается высокая эластичность занятости по количеству предприятий на фоне высокой волатильности их количества. Прирост оборота малых предприятий стабилен за исследуемый период и составил к 2016 г. 109,44% к уровню 2014 г., что свидетельствует об улучшении их состояния, особенно на фоне снижения численности предприятий.

Таким образом, проведенный анализ позволяет охарактеризовать социально-экономическое положение республики как сложное с тенденцией к ухудшению в части эффективности капитальных вложений, занятости населения, естественного движения населения. Достаточно сложная ситуация с обеспеченностью местами в дошкольных образовательных учреждениях, а также с динамикой показателей по малому предпринимательству. Общий фон формирования бюджета РСО-Алания за рассматриваемый период неблагоприятен, что создает допол-

нительные трудности по мобилизации собственных бюджетных доходов и эффективности их использования.

Для повышения бюджетной устойчивости региона необходимо проведение сбалансированной социально-экономической политики, которая заключается не столько в социальной направленности, сколько в обеспечении граждан региона рабочими местами с адекватной сложившемуся положению заработной платой. Это увеличит налогооблагаемую базу и, соответственно, повысит бюджетную независимость республики.

К мероприятиям, направленным на увеличение доходной базы, можно отнести:

1) разделение источников доходов между уровнями бюджетной системы;

2) совершенствование системы оценки эффективности налоговых льгот и их отмена в случае признания неэффективными;

3) применение финансовых инструментов воздействия на организации, имеющие неуплату по налогам и сборам;

4) закрепление нормативов отчислений от отдельных налогов за региональными бюджетами;

5) привлечение инвестиций и расширение доходного потенциала за счет нефинансовых инструментов;

6) внедрение стимулирующих мер для организаций, действующих с применением специальных налоговых режимов;

7) повышение эффективности использования имущества регионов и государства.

8) передача некоторых источников доходов с федерального уровня на региональный с одновременной передачей соответствующих полномочий;

9) увеличение ставок различных налогов.

Можно предположить, что реализация предложенных мероприятий позволит создать условия для роста доходной базы в части собственных доходов, выявить резервы роста региональных бюджетов, обеспечить их сбалансированность и устойчивость, а также создать устойчивую и долговременную финансовую основу социально-экономического развития региона.

Для оптимальной корректировки бюджетного процесса предлагается использовать метод бенчмаркинга, заключающийся в приведении структуры бюджета региона к эталонной. Важной особенностью бенчмаркинга является не только ориентированность на результат, но и на эффективные организационные процессы. Это служит основанием для предположения, что механизм бенчмаркинга может стать эффективным инструментом регулирования бюджетного процесса [3]. При этом ориентация идет не только на числовые значения, но и на факторы и методы работы.

В части формирования доходной части бюджета республики необ-

ходимо рассмотреть структуру собственных доходов бюджета наиболее успешных регионов РФ.

В табл. 5 представлена усредненная структура собственных доходов по регионам-донорам.

Таблица 5 – Усредненная структура собственных регионов-доноров РФ за 2014-2016 гг., %

Наименование	Годы			Средняя величина*, %
	2014	2015	2016	
Налоговые доходы	86,4	83,9	85,1	85,13
Налог на прибыль	31,4	29,1	32,5	31,0
НДФЛ	41,8	41,5	38,3	40,53
Акцизы	1,4	1,3	1,7	1,46
Налог на имущество	6,1	5,8	5,9	5,93
Госпошлина	0,2	0,2	0,2	0,2
Прочие	3,1	6,0	6,5	5,2
Неналоговые доходы	11,4%	11,5%	10,6%	11,16

Источник: Электронный ресурс. Режим доступа http://budget.mos.ru/income_structure (дата обращения 06.04.2018 г.)

*Расчеты автора

Как видно из данных табл. 5, в структуре собственных доходов налоговые доходы составляют в среднем более 85%, а неналоговые – более 10%. Наибольшая доля в общей структуре приходится на НДФЛ (40,53%), налог на прибыль (31,0%) и налог на имущество организаций (5,93%). При этом структура претерпевает незначительные колебания, что может говорить о ее стабилизации и отсутствии необходимости и реальной возможности к значительным изменениям.

Рассмотрим структуру собственных доходов бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг. (табл. 6).

Таблица 6 – Структура собственных доходов бюджета РСО-Алания за 2014-2016 гг., %

Наименование	Годы			Средняя величина, %
	2014	2015	2016	
Налоговые доходы	95,94	96,37	97,42	96,57
Налог на прибыль	16,25	12,07	12,65	13,65
НДФЛ	51,46	50,28	39,86	47,2
Акцизы	18,36	23,22	36,21	25,93
Налог на имущество	8,9	9,47	7,37	8,58
Госпошлина	0,12	0,39	0,51	0,34
Прочие	0,85	0,94	0,82	0,87

Неналоговые доходы	4,06	3,63	2,58	3,42
--------------------	------	------	------	------

Источник: расчеты автора

Как видно из данных табл. 6, в структуре собственных доходов львиная доля приходится на налоговые доходы (96,57%), а на неналоговые доходы всего 3,42%. В то же время в бюджетах передовых регионов неналоговые доходы составляют не менее 10%. Значительно ниже в структуре, по сравнению с данными табл. 5, доля налога на прибыль – 13,65% против 31,0%. Это свидетельствует о недостаточном развитии сектора экономики либо о значительной доле теневой экономики. Значительно выше, чем в передовых регионах, доля акцизов. В первую очередь это обусловлено восстановлением спиртово-водочной отрасли, которая не является передовой по обеспечению занятости населения вследствие высокого уровня автоматизации производственных процессов.

Таким образом, с поправкой на специфику региона можно предложить следующую эталонную структуру собственных доходов бюджета РСО-Алания (табл. 7).

Таблица 7 – Эталонная структура собственных доходов бюджета РСО-Алания

Наименование	Существующая структура, %	Эталонная структура, %
Налоговые доходы	96,57	85,13
Налог на прибыль	13,65	31,0
НДФЛ	47,2	20,58
Акцизы	25,93	25,93
Налог на имущество	8,58	9,93
Госпошлина	0,34	1,2
Прочие	0,87	0,2
Неналоговые доходы	3,42	11,16

Источник: расчеты автора

Основной сложностью достижения эталонной структуры собственных доходов является существенная нехватка или слабость источников собственных доходов. Для экономики региона характерна недостаточная развитость, небольшое количество предприятий, падение показателей развития малого и среднего бизнеса, ухудшение трудового потенциала вследствие ухудшения возрастной структуры населения, а также дефицит высококвалифицированной рабочей силы, что в дальнейшем влияет на величину собственных доходов, а впоследствии и величина вложений в экономику региона. Таким образом, для решения проблемы развития и укрепления базы собственных доходов на пер-

вый план выходит задача полной мобилизации доходного потенциала региона с последующим его расширением.

Под доходным потенциалом обычно понимается максимальный объем финансовых ресурсов, который возможно мобилизовать в бюджет в рамках норм законодательства с целью обеспечения процесса устойчивого социально-экономического развития регионов [4].

На рис. 2 представлена совокупность факторов (точек роста) собственных доходов региона, в частности РСО-Алания, на которые в значительной степени может повлиять социально-экономическая политика самого региона.

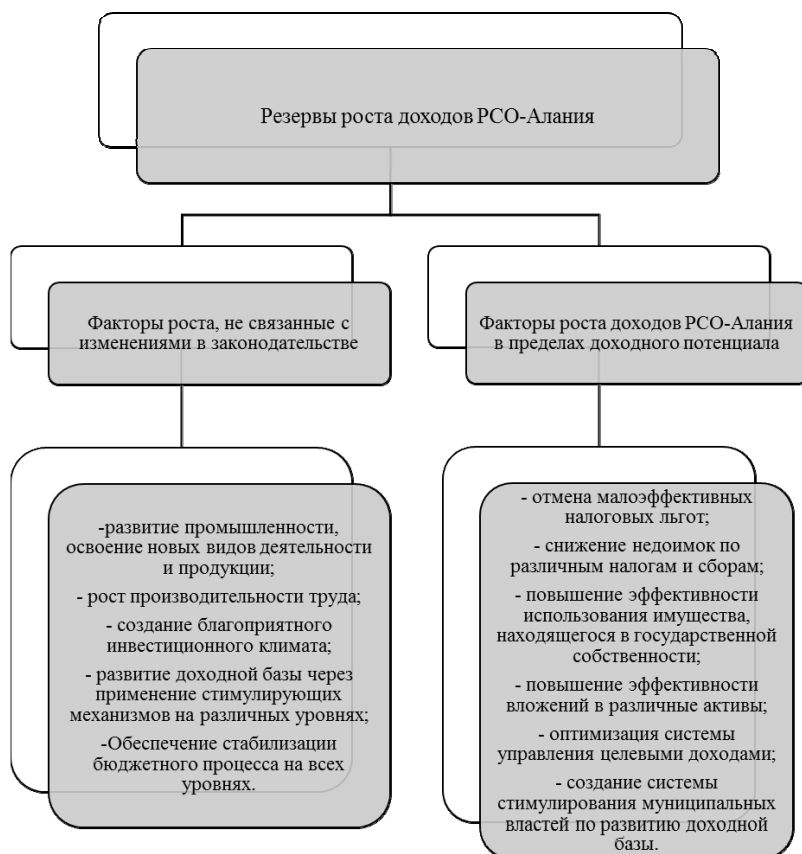

Рисунок 2. Факторы (точки роста) собственных доходов регионов (составлено автором)

При этом необходима помощь со стороны федеральных властей субъектам, поскольку собственными усилиями они вряд ли справятся [5]. На федеральном уровне возможны следующие поддерживающие действия для укрепления собственной доходной базы регионов:

- обеспечение макроэкономической, политической и социальной стабильности, устойчивого всестороннего развития федеральных институтов;

- распределение доходов по различным уровням бюджетной системы, с целью обеспечения необходимого объема финансовых ресурсов для исполнения полномочий региональными властями, увеличение доли целевых ассигнований;

- снижение уровня дифференциации по уровню бюджетной обеспеченности и создание стимулов по развитию доходного потенциала, а именно повышение экономического развития регионов;

- совершенствование федерального законодательства в бюджетной и налоговой сферах, в частности разработка единого подхода в части амортизации имущества в налоговом кодексе и положении о бухгалтерском учете, пересмотр системы уплаты налога на имущество организаций в части базы начисления, а именно отменить практику начисления с остаточной стоимости. Это препятствует своевременному обновлению основных средств, предприятиям выгодно работать на изношенном оборудовании;

- включение стимулирующих мер в нормативы распределения доходов от уплаты налогов [6].

В свою очередь, органы государственной власти субъектов должны направить усилия на мероприятия, обеспечивающие поступление дополнительных доходов в бюджет, таких как:

- повышение инвестиционной привлекательности региона, создание новых производств, реконструкция старых предприятий и, как следствие, создание новых рабочих мест с последующим ростом базы НДСЛ;

- обеспечение борьбы с недоимками по налогам и сборам, а также с элементами теневой экономики;

- оценка эффективности мер налогового стимулирования, отмена неэффективных льгот;

- приведение системы уплаты налогов на имущество на рыночную основу;

- внедрение мер повышения эффективности управления государственной собственностью;

- развитие малого и среднего бизнеса, в том числе за счет расширения практики применения специальных налоговых режимов;

- взаимовыгодное распределение поступлений между региональными и местными бюджетами;

- привлечение дополнительных межбюджетных трансфертов стимулирующего назначения.

Таким образом, рост доходов региональных бюджетов может быть обеспечен целым комплексом мероприятий.

Поскольку одной из проблем бюджета РСО-Алания является недостаточная доля неналоговых доходов, а по эталонной структуре (бенчмаркинг) она должна составлять не менее 10% в структуре собственных доходов, должны быть намечены мероприятия по их увеличению. К таким мероприятиям необходимо отнести:

1. Полная и реальная инвентаризация имущества.
2. Определение перечня имущества, готового к сдаче в аренду для получения доходов в виде арендной платы.
3. Определение ставок арендной платы на уровне рыночных.
4. Выявление простаивающих фондов и принятие решений об их дальнейшей судьбе.
5. Установление перечня имущества, передаваемого в залог или доверительное управление. Расчет величины максимального дохода от его использования.

Таким образом, можно предположить, что реализация предложенных мероприятий позволит создать условия для роста доходной базы в части собственных доходов, выявить резервы роста региональных бюджетов, обеспечить их сбалансированность и устойчивость, а также создать устойчивую и долговременную финансовую основу социально-экономического развития региона.

Выводы.

1. С целью роста доли неналоговых поступлений и оптимизации структуры бюджета необходимо применение механизма бенчмаркинга как современной бизнес-технологии.

2. Решение проблемы развития и укрепления базы собственных доходов возможно на базе инвестиционного потенциала территории, посредством воздействия на него налоговыми, бюджетными и прочими механизмами. При этом необходимо обозначение точек роста собственных доходов региона.

Примечания:

1. Платошечкина С. Ю. «Об оценке эффективности использования государственных расходов» // Официальный сайт Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (НГУ-ЭУ). Режим доступа <https://nsuem.ru/science/publications/> (дата обращения: 16.01.2019).

2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РСО-Алания. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://osetstat.gks.ru/> (дата обращения: 02.03.2018).

3. Кадзаева И. Т. Долговая политика бюджета региона и ее

изменения // Пространство экономики. 2012. №2-2. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 11.04.2019).

4. Домбровский Е. А. Факторы роста доходов региональных бюджетов // Сборник статей III Международной заочной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы экономики и управления». 2012. С. 99-108.

5. Кушхов О. И. Экономические и финансовые аспекты рационализации управления расходами бюджета региона // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2002. №4. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 11.04.2019).

6. Балынин И. В. Финансовое обеспечение социальной сферы в Российской Федерации: ключевые ориентиры, проблемы и пути решения // Экономические исследования. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 11.04.2019).

Д. В. Худжиева, Л. М. Фидарова

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ

В статье анализируются проблемы повышения качества государственных программ как инструмента управления и повышения эффективности расходов федерального бюджета; рассматриваются причины недостижения установленных ключевых показателей и условия, им способствовавшие.

Государственная программа – это система мероприятий (взаимосвязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и национальной безопасности Российской Федерации [1].

Государственная программа является инструментом достижения целей долгосрочной стратегии развития страны. Она позволяет увязать показатели результативности (достижение общественно значимых результатов) и эффективности (рациональное использование ограниченных бюджетных ресурсов).

Любой программный документ – это некая оболочка для управления ресурсами, в т. ч. бюджетными, ориентированными на решение задач, которые ставятся в определенной сфере государственной и муниципальной политики [10].

Однако оформление расходов в программную форму само по

себе не означает выполнение принципа эффективности использования средств бюджета и достижение целей социально-экономической политики [3].

Оценка программ представляет собой аналитический инструмент для измерения непосредственных и конечных эффектов реализации программы, уровня ее результативности и воздействия на регулируемую сферу [9].

Если есть инструмент, существует и потребность в анализе эффективности его применения.

Любая оценка эффективности должна проводиться в двух аспектах: складываться из оценки качества самого инструмента (готов ли он к использованию по методологической базе и по времени) и оценки качества его применения (управления), анализа эффективности его применения.

Выявление эффекта от управления по-прежнему остаётся исключительно сложной прикладной задачей, так как часто трудно установить, достигнут тот или иной результат благодаря деятельности органов управления, независимо от нее или же вопреки ей [8].

Изучать государственные программы необходимо по следующим особо важным направлениям:

1. Анализ системы **целеполагания** государственных программ, в рамках которого проводится оценка согласованности целей, задач, показателей (индикаторов) государственных программ Российской Федерации с актуальными целями и приоритетами, определенными соответствующими стратегиями и иными документами стратегического планирования Российской Федерации и субъекта РФ; анализ **структуры** государственных программ на предмет согласованности целей, задач, показателей (индикаторов) и мероприятий.

2. Анализ **качества планирования системы показателей** государственных программ.

3. Анализ **(оценка) эффективности реализации** государственных программ.

По результатам проведенного анализа состояния государственных программ Российской Федерации по вышеперечисленным направлениям были выявлены общие проблемы программно-подхода.

В части системы целеполагания государственных программ:

1. Отсутствие четкой взаимосвязки целевых показателей многих государственных программ с целями и задачами документов стратегического планирования.

В настоящее время отсутствует полноценная система стратегических документов, которые задавали бы актуальные приоритеты социально-экономического развития и государственной политики в соответствующих сферах реализации соответствующих государственных программ, как того требует Федеральный закон. При этом большинство действующих стратегических документов (Концепция долгосроч-

ного социально-экономического развития на период до 2020 года, отраслевые документы стратегического планирования) утверждены в других макроэкономических и внешнеполитических реалиях и не пересматривались в последние годы ни на предмет приведения их в соответствие с внешними условиями, ни на предмет увязки с заявленными приоритетами государственной политики (например, установленными Указами Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года).

До сих пор не утверждена Стратегия социально-экономического развития Республики Северная Осетия – Алания на период до 2030 года.

Оценка программных расходов федерального бюджета в 2018-2020 гг. [2] свидетельствует о несоответствии структуры расходов федерального бюджета **заявленным приоритетам государственной социально-экономической политики, связанным с ростом человеческого капитала, развитием инфраструктуры и обороноспособностью страны** (таблица 1).

Вызывает обеспокоенность абсолютное сокращение госпрограмм по двум важнейшим для стимулирования экономического роста блокам: «Новое качество жизни» – сокращение на 2,3% в номинальном выражении за три года и на 13,7% в реальном, а также «Инновационное развитие и модернизация экономики» – сокращение на 10,1% в номинальном выражении за три года и на 14% в реальном.

Эту негативную тенденцию усиливает *сокращение как в абсолютном, так и в относительном выражении расходов федерального бюджета на научные исследования и разработки гражданского назначения*. По нашему мнению, это направление расходов федерального бюджета должно стать определяющим, т.к. имеет не только долгосрочный мультипликативный эффект, но и обеспечивает сокращение зависимости экономического развития России от колебания конъюнктурных факторов и повышает ее роль в глобальной экономике.

Определенным новшеством в программном управлении и финансировании бюджетных расходов является выделение пяти приоритетных государственных программ, в отношении которых с 2018 г. реализованы механизмы проектного управления («пилотные» государственные программы). К ним относятся государственные программы «Развитие здравоохранения», «Развитие образования» на 2013-2020 годы», «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», «Развитие транспортной системы» и «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы». Однако оценка объемов их финансирования в 2018-2020 гг. **не подтверждает их приоритетность** для программных расходов федерального бюджета, так как четыре из пяти программ сокращаются за трехлетний период в абсолютном выражении к уровню их финансирования в 2017 г.,

Таблица 1 – Расходы федерального бюджета на реализацию государственных программ Российской Федерации (в млн. руб.)

Наименование	2017 год	2018 год			2019 год			2020 год	
		Закон №362-ФЗ	Законопроект	к закону, %	Закон №459-ФЗ	Законопроект	к закону, %	Законопроект	к Законопроекту на 2019 год, %
1	2	3	4	5=4/3*100	6	7	8=7/6*100	9	10=9/7*100
Расходы на реализацию государственных программ, всего	9331617,7	8841781,6	9108528,7	103,0	8504001,2	8720822,1	102,5	8841977,6	101,4
в том числе по направлениям:									
I. Новое качество жизни (12 программ)	3360140,4	3239408,5	3318168,6	102,4	3135383,6	3195829,3	101,9	3282550,3	102,7
II. Инновационное развитие и модернизация экономики (18 программ), без закрытой части	2301662,5	1978859,6	2158951,6	109,1	1866666,7	2042436,1	109,4	2069673,1	101,3
III. Обеспечение национальной безопасности (1 программа), без закрытой части	2089,8	1536,7	1572,4	102,3	1521,7	1607,3	105,6	1638,5	101,9
IV. Сбалансированное региональное развитие (5 программ)	1007972,0	1011967,5	1077813,2	106,5	971489,3	1041770,7	107,2	1025613,7	98,4

V. Эффективное государство (4 программы), без закрытой части	1645671,0	1757226,6	1665497,9	94,8	1770297,8	1613837,6	91,2	1671574,7	103,6
Расходы на реализацию государственных программ (закрытая часть)	1014082,1	852782,6	886525,0	104,0	758642,2	825341,1	108,8	790927,4	95,8

Таблица 2 – Динамика расходов по «пилотным» госпрограммам

Группы расходов	2017 г.	2018 г.	2019 г. (проект)	2020 г. (проект)	За 2018-2020 гг.
1	2	3	4	5	6
Расходы всего	100	100	100	100	-
Программные расходы, в % к общим расходам	55,5	58,6	53,3	51,5	-
Динамика программных расходов в % к предыдущему году в т.ч. по «пилотным» госпрограммам	100	97,6	95,7	101,4	94,7
Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения»	100	95,0	88,5	127,4	107,1
Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы	100	95,2	100,8	102,3	98,2
Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»	100	84,2	54,6	97,3	44,7
Государственная программа Российской Федерации «Развитие транспортной системы»	100	92,9	93,5	103,8	90,2
Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы	100	91,8	100	100	91,8

а в реальном выражении с учетом инфляции 4% в год (12,5% за трехлетний период) по всем пяти программам будут наблюдаться отрицательные темпы роста (табл. 2).

2. Ряд государственных программ имеют существенные недостатки **структуры**, не удовлетворяющие единым требованиям к структурированию расходов федерального бюджета на основе программно-целевых методов управления. Встречаются отдельные подпрограммы, **дублирующие** направления реализации других подпрограмм.

Встречаются случаи **чрезмерной детализации** структуры государственных программ.

Программы являются **несистемными документами**, т. к. по отдельным государственным программам выявлена несогласованность показателей государственных программ с их задачами, отсутствие синхронизации отдельных подпрограмм и мероприятий, отсутствие увязки целевых индикаторов и выбранных инструментов их достижения. В отдельных государственных программах запланированные мероприятия не отвечают за достижение каких-либо показателей, либо наоборот, запланировано достижение показателя, но мероприятий, которые могли бы привести к данному результату, в государственной программе не предусмотрено, либо запланированы мероприятия, результат реализации которых оценить невозможно.

3. В государственных программах практически не учитываются иные, кроме расходов федерального бюджета, инструменты реализации государственной политики в соответствующих сферах.

В частности, большинство ответственных исполнителей не учитывают влияние на реализацию государственных программ налоговых льгот и иных регулятивных инструментов, не предполагающих выделение бюджетных ассигнований федерального бюджета, либо не приводят в государственных программах информацию о таком влиянии. В то же время объем налоговых расходов либо выпадающих доходов федерального бюджета по иным основаниям (освобождениям) в целом по бюджетной системе составляет порядка 2 триллионов рублей.

А между тем, налоговые льготы, освобождения и преференции по налогам, сборам и иным платежам, предусмотренные действующим законодательством, являются недополученными бюджетной системой финансовыми ресурсами, то есть налоговыми и неналоговыми расходами, служащими альтернативой прямым бюджетным расходам.

Кроме того, налоговые расходы зачастую устанавливаются и применяются без ограничения срока действия, в то время как прямые бюджетные расходы ограничиваются периодом действия соответствующего закона о бюджете, либо государственной программы. Такая практика создает предпосылки для снижения эффективности мер государственной политики, недооценки фактических объемов поддержки того или иного направления, неоптимального распределения

дефицитных бюджетных ресурсов и, в конечном итоге, ведет к прямым потерям общественного благосостояния.

В части качества планирования системы целевых показателей (индикаторов) государственных программ:

4. Показатели государственных программ не позволяют реально оценить достижение запланированных результатов государственной политики в соответствующих сферах реализации государственных программ, т.к. показатели и их значения устанавливаются непосредственно ответственными исполнителями, что позволяет им выбирать наиболее достигаемые показатели, не зависящие от качества реализации государственной программы, а также задавать «комфортные» значения данных индикаторов, которые наверняка будут перевыполнены. То есть одно и то же ведомство является одновременно разработчиком, исполнителем и оценщиком государственной программы. В этом случае сложно обеспечить независимость и объективность оценки государственных программ, так как ведомства заинтересованы в результатах оценки.

5. Индикаторы **не имеют управленческого смысла**, т. к. программами не предусматриваются ни ответственность за недостижение целевых индикаторов, ни корректирующие действия при различных сценариях развития плановых мероприятий.

Результаты оценки эффективности государственных программ практически не используются при их корректировке в рамках последующих бюджетных циклов и в бюджетном планировании. Может быть предусмотрено увеличение бюджетных ассигнований по отдельным программам при низкой эффективности или низком исполнении государственных программ. По ряду госпрограмм при существенном сокращении бюджетных ассигнований на реализацию госпрограмм цели, задачи, ожидаемые результаты не изменяются, что свидетельствует об отсутствии влияния расходов на качественные характеристики госпрограмм.

Однако следует понимать, что если результаты оценки эффективности государственных программ не будут использоваться на практике, если по результатам оценки не будут приниматься решения о доработке государственных программ, об изменении перечня мероприятий или объема финансирования, оценка эффективности государственных программ не станет реальным работающим механизмом, встроенным в бюджетный процесс.

В части оценки эффективности реализации государственных программ:

6. Общие сложности оценки эффективности расходов бюджета Федерации заключаются в том, что **в самой своей природе управление расходами бюджета содержит предпосылки к неэффективности.**

Во-первых, это – *отсутствие угрозы банкротства* для органов государственной власти и организаций, учредителями которых они явля-

ются, по сравнению с коммерческим (корпоративным) сектором. Возможность банкротства – важный стимул к повышению эффективности управления, действенный механизм защиты от некавалифицированных управляющих и неэффективных собственников. Наличие процедуры банкротства ограничивает предельный размер потерь, на который может пойти управляющий, и который готов понести собственник. В государственном секторе такой механизм отсутствует, и должностные лица органов государственной власти, как и руководители учреждений, финансируемых за счет средств бюджета, как правило, могут быть уверены, что любые потери будут возмещены, и никаких негативных последствий ни для учреждения, ни для них их действия не повлекут.

Во-вторых, это – *ограничение конкуренции*. Дело в том, что действие рыночных механизмов, побуждающих экономических агентов к рациональному поведению – снижению издержек, максимизации прибыли, базируется на наличии конкуренции. В государственном секторе конкуренция, как правило, отсутствует. Совершенная конкуренция предполагает невозможность диктовать рынку цены, тогда как в государственном секторе цена, установленная государством за предоставляемые блага исходя из понесенных издержек, является единственной существующей. Таким образом, отсутствие конкуренции также является мощным фактором, дестимулирующим эффективное управление расходами бюджета.

В-третьих, в государственном секторе чаще всего *отсутствует мотивация государственных служащих и работников государственных учреждений* к эффективному управлению государственными ресурсами. Их заработная плата не связана с результатами их деятельности, в большинстве случаев им гарантируется сохранение работы и должности даже при неблагоприятной экономической конъюнктуре или трудном финансовом положении, в котором оказалось учреждение в результате их деятельности.

В-четвертых, существенную сложность для обеспечения эффективности управления расходами бюджета субъекта Федерации могут также представлять *несоответствие приоритетов социально-экономической политики, определенных федеральными органами власти и органами власти субъекта Федерации, а также ограничения, налагаемые федеральным законодательством на действия органов власти субъектов Федерации в области управления расходами их бюджета* [4].

В-пятых, согласно теории чистых или рациональных политических бизнес-циклов, *существенные институциональные ограничения на спрос на оценку эффективности государственных программ* (бюджетных расходов) могут накладывать электоральные циклы [5].

Если говорить об оценке эффективности государственных программ, в начале электорального цикла спрос на оценку может быть относительно низким в силу того, что новые программы только начинают

реализовываться, и должно пройти некоторое время, прежде чем будут достигнуты определенные результаты, и появится смысл в оценке эффективности. Смена власти в результате выборов может сделать неактуальной оценку эффективности программ, проводившихся предшественниками политиков, пришедших к власти. Похожая ситуация может возникнуть и в конце цикла, если набор реализуемых политических мер меняется (в сторону удовлетворения запросов потенциальных избирателей).

Кроме того, политики могут быть не заинтересованы в получении результатов оценки эффективности проводимых программ перед выборами, если есть риск, что результаты будут негативными. Ограничения на спрос на оценку эффективности государственной политики накладывает также отсутствие влияния на положение государственных служащих результатов оценки.

7. К общим сложностям оценки эффективности реализации государственных программ относится трудоемкость (сложность) *учета всех результатов реализации программы; оценка планируемого вклада результатов государственной программы в социально-экономическое развитие и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации; измерение её воздействия на регулируемую сферу.*

Образуется несколько видов эффектов, которые необходимо учитывать при оценке эффективности государственных программ: экономический (включая бюджетный и коммерческий), социальный, научно-технический, экологический. Важно оценить эффект для каждого участника программ. Возникают сложности оценки синергетического эффекта их взаимодействия.

В зависимости от сферы реализации государственной программы может приводиться оценка влияния программы на макроэкономические, демографические, социальные показатели, в том числе оценка дополнительного прироста рабочих мест; ускорения темпов роста производства и роста производительности труда; изменения параметров качества жизни населения; финансово-экономических последствий реализации государственной программы, в том числе динамика поступлений доходов бюджетной системы.

Важным представляется определить, могли бы другие меры обеспечить более высокую эффективность государственной поддержки. Поэтому одним из ключевых вопросов оценки эффективности государственных программ в зарубежных исследованиях является оценка показателя дополненности.

Показатель дополненности отражает разницу между социально-экономическим развитием с учетом реализации государственной программы и социально-экономическим развитием в условиях отсутствия государственного вмешательства. Например, получил бы поддержанный в рамках программы проект частное финансирование при отсутствии бюджетного финансирования? Ответ на данный вопрос не

может быть однозначным, так как на повышение инвестиционной активности могут влиять разнообразные внутренние и внешние факторы. Поэтому трудно оценить, какая часть результатов программы получена за счет реализации программных мероприятий, а какая часть результатов была достигнута за счет влияния независимых факторов. В этой связи измерение показателя дополненности остается крайне сложной, но важной с методической точки зрения проблемой. В соответствии с подходом ОЭСР выделяется три вида показателей дополненности [12].

Дополненность ресурсов характеризует степень, в которой регулирующее вмешательство обеспечивает привлечение дополнительных ресурсов или просто замещает ресурсы, которые могли быть получены из других источников (рынок, собственные ресурсы предприятия и т.д.).

Дополненность результатов характеризует ту часть конечных результатов программы, которая не могла быть получена без регулирующего вмешательства. Например, для определения перспективных макроэкономических эффектов от реализации государственных программ региональной направленности предлагается использовать метод сопоставления предполагаемых результатов от реализации программы, представленных целевыми индикаторами программы, с некоторым гипотетическим инерционным вариантом, описывающим развитие страны и программного региона в долгосрочной перспективе, в предположении, что программа не реализуется. Разница между заданными целевыми показателями программы и прогнозируемыми показателями инерционного варианта условно считается оценкой макроэкономического эффекта.

Или, например, в медицинской практике объектом анализа становятся те медицинские затраты, которые могли бы быть понесены, если анализируемое управленческое воздействие, рассматриваемое в рамках программы, не состоялось. Речь идет о ситуации следующего рода: если лечение заболевания A стоит X у.е., то предупреждение этого заболевания позволит избежать затрат, равных X у.е. Сэкономленная в результате воздействия в целях предупреждения заболевания A сумма, равная X у.е., и есть выгода от программы, которая является таким воздействием [7].

Эффект от реализации программы может быть не только явным и доступным для количественного измерения (получение дополнительного финансирования), но и скрытым (развитие кооперационных связей). Причем именно эти скрытые, трудно поддающиеся однозначному измерению эффекты могут быть наиболее значимыми. Их характеризует поведенческая дополненность – изменение поведения объекта управления после регулирующего вмешательства.

8. Кроме множества результатов реализации программы, имеет место значительное распределение эффекта во времени. Эффект от реализации проекта по созданию объекта инновационной инфра-

структуры может появиться через десятилетие после создания объекта. При оценке государственных программ в области инновационного развития возрастает необходимость оценки долгосрочных эффектов от их реализации.

9. Отсутствие единого методического подхода, позволяющего оценить эффективность бюджетных расходов в рамках государственных программ.

Методики оценки эффективности реализации программ, применяемые на федеральном и на региональном уровнях, различаются между собой и даже в чем-то противоречат друг другу [11].

Помимо различий в составе критериев, используемых для оценки эффективности реализации государственных программ регионального уровня, отмечаются и различия в интерпретации результатов оценки.

Нами была предпринята попытка оценить эффективность государственных программ, реализуемых в РСО-А, по методикам других регионов, включающим в себя критерии, не используемые в методике РСО-А, а именно: соответствие целей стратегии развития региона и приоритетам государственной политики; качество управления; привлечение средств из внебюджетных источников; бюджетная и экономическая эффективность; достижение целевых показателей; участие населения; описание рисков и внешних факторов; полнота использования средств; степень выполнения мероприятий; открытость и публичность данных [6].

Оценка производилась по методикам Владимирской области, Республики Татарстан и Ханты-Мансийского автономного округа.

В РСО-Алания все программы, несмотря на разные цели и задачи, оцениваются одинаково. Оценка эффективности государственной программы определяется по 1 критерию – степени достижения целей и задач государственной программы в зависимости от конечных результатов (по сути – оценка результативности) и рассчитывается из соотношения числа фактически достигнутых целевых показателей (индикаторов) к числу запланированных государственной программой целевых показателей (индикаторов).

Оценивались 3 государственные программы: «Развитие образования», «Развитие здравоохранения», «Социальное развитие Республики Северная Осетия – Алания». Данный выбор обусловлен тем, что все три программы имеют социальную направленность, занимают значительный удельный вес (в сумме 69%) в структуре расходов республиканского бюджета, имеют тенденцию увеличения объемов финансирования, а также непосредственно влияют на благосостояние и уровень жизни населения РСО-А.

По методике РСО-А все они имеют средний уровень эффективности. Оценив их эффективность по методикам, применяемым во Владимирской области, Республике Татарстан и Ханты-Мансийском автономном округе, эффективность оказалась ниже.

Оценка государственных программ РСО-А разными методиками позволила выявить недостаточную объективность методики оценки эффективности реализации государственных программ, применяемой в РСО-А, и доказала необходимость ее совершенствования.

Примечания:

1. «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации». [Постановление Правительства РФ от 2 августа 2010 г. №588] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс»: Законодательство: Версия Проф. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 10.05.2019).

2. Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» от 05.12.2017 №362-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс»: Законодательство: Версия Проф. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2019).

3. Белогорцева Ю.А. Методические аспекты оценки эффективности государственных программ // Вестник Евразийской науки. 2018. №3. Т. 10.

4. Борщевский Г.А. Инструменты оценки реализации государственных программ Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67.

5. Бухтиярова Т. И., Коротина Н. Ю., Первых П. А. Оценка исполнения государственных программ как инструмент повышения эффективности расходов бюджетов // Социум и власть. 2018. №3 (71). С. 38-43.

6. Гоманова Т. К. Региональные особенности оценки эффективности государственных программ: финансовый аспект // Вопросы управления. 2018. №7.

7. Добролюбова Е. И. Методические проблемы оценки эффективности государственных программ // Региональная экономика. Юг России. 2017. № 1.

8. Зайцев В. Е. Оценка государственных программ Российской Федерации: новые вызовы // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. №67.

9. Комаева Л. Э., Фидарова Л. М. Программно-целевое бюджетирование: Учебное пособие. Владикавказ, 2017. 225 с.

10. Комаева Л. Э., Мардеян Н. А., Фидарова Л. М. Анализ реализации программно-целевого бюджета в Российской Федерации // Фундаментальные исследования. 2016. №9. С. 358-362.

11. Марголин А. Пути совершенствования методов оценки эффективности государственных программ // Экономическая политика. 2018. Т. 13. №6. С. 54-81.

12. Шаркова А. В. Проблемы оценки эффективности государственных решений в области инновационного развития // Проблемы модернизации и перехода к инновационной экономике. 2017. №5.

Н. А. Мардеян, Б. Б. Сокаева, А. В. Черная

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ СУБЪЕКТОВ РФ

В статье рассмотрены основные направления и конкретные меры оптимизации расходов бюджетов в современных условиях.

Современные тенденции развития межбюджетных отношений в Российской Федерации свидетельствуют, с одной стороны, о расширении спектра задач, решаемых за счет средств региональных бюджетов, с другой – об усилении уровня дифференциации социально-экономического пространства страны.

Стимулирование развития экономического потенциала субъектов Российской Федерации и повышение эффективности управления государственными и муниципальными финансами планируется осуществлять по следующим направлениям:

- предоставление субъектам Российской Федерации грантов за достижение наивысших темпов роста налогового потенциала в объеме по 20 млрд. рублей ежегодно;
- предоставление дотаций в целях стимулирования роста налогового потенциала по налогу на прибыль организаций;
- использование стимулирующих механизмов, содержащихся в методике распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, в том числе исключение из налогового потенциала налоговых льгот, введение которых обеспечивает бюджеты субъектов Российской Федерации дополнительными налоговыми поступлениями.

Необходимо выработать предложения о внесении изменений в законодательство Российской Федерации, предусматривающих исключение (минимизацию) установления на федеральном уровне требований (правил, норм, нормативов, стандартов), предопределяющих объемы расходов региональных и местных бюджетов на реализацию расходных полномочий.

Формирование и реализация бюджетной политики на региональном и местном уровнях в 2019-2021 годы осуществляется в условиях совершенствования подходов к организации межбюджетных отношений, направленного на расширение бюджетных полномочий субъек-

ектов Российской Федерации и муниципальных районов (городских округов с внутригородским делением), уточнение форм, порядков и условий предоставления межбюджетных трансфертов, уточнение положений, связанных с ограничениями по организации бюджетного процесса на муниципальном уровне, контролем за их исполнением и применением мер к нарушающим такие ограничения муниципалитетам, что найдет отражение в подготовленных Минфином России поправках в Бюджетный кодекс, в проекте новой редакции Бюджетного кодекса.

Расширение бюджетных полномочий субъектов Российской Федерации и муниципальных районов (городских округов с внутригородским делением) предусматривает возможность установления единых нормативов отчислений в бюджеты соответствующих видов муниципальных образований от отдельных неналоговых платежей, создаст условия для расширения доходной базы местных бюджетов, позволит учитывать данные неналоговые поступления при взимании «отрицательных» трансфертов и при выравнивании бюджетной обеспеченности в составе доходного потенциала бюджетов муниципалитетов [1].

Реализация мер по повышению эффективности государственных расходов будет осуществляться в соответствии с Концепцией повышения эффективности бюджетных расходов на период 2019-2024 годов. Это предполагает развитие механизмов мониторинга реализации государственных программ, интеграцию в них национальных проектов (программ), внедрение системы управления налоговыми расходами и увязку всех существующих и внедряемых инструментов повышения эффективности бюджетных расходов.

Неотъемлемым условием эффективной реализации обозначенной бюджетной политики является обеспечение широкого вовлечения граждан в процедуры обсуждения и принятия бюджетных решений, общественного контроля их эффективности и результативности.

Объем налоговых и неналоговых доходов на субфедеральном уровне будет сохраняться на стабильном уровне по отношению к ВВП за счет принятия дополнительных мер, направленных на увеличение собственных доходов регионов в целях реализации поставленных задач. Указанные меры призваны решить задачи, поставленные в Указе №204, а также компенсировать выпадающие доходы регионов от исключения движимого имущества из объектов обложения налогом на имущество организаций.

Расходы консолидированных бюджетов субъектов в 2019-2021 годах прогнозируются с сокращением прироста к предыдущему году в 2019 году с 7% до 4% в 2021 году. Объем расходов консолидированных бюджетов субъектов в процентах к ВВП в 2019-2021 годах сократится с 11,8% в 2019 году до уровня 11,5% в 2021 году.

**Таблица 1 – Параметры консолидированных бюджетов субъектов
2019-2021 годах, млрд. руб.**

Показатель	2019	2020	2021
Доходы	12338,5	12980,2	13605,8
%% ВВП	11,7	11,7	11,5
Расходы	12495,2	13099,2	13638,6
%% ВВП	11,8	11,8	11,5
Дефицит	-156,6	-119,0	-32,8
%% ВВП	< 0,1	< 0,1	< 0,1

При планировании объема расходных обязательств консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации учитывается оценка исполнения в 2018 году, уточненный прогноз макроэкономических показателей социально-экономического развития и следующие факторы:

- повышение оплаты труда работников в сфере образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания в соответствии с указами Президента Российской Федерации и принятыми региональными планами мероприятий («дорожными картами») по развитию отраслей социальной сферы с учетом достижения целевых показателей повышения оплаты труда работников бюджетной сферы в 2018 году, в 2019-2021 годах сохранение достигнутых в 2018 году соотношений;
- индексация фондов оплаты труда категорий работников бюджетной сферы, которые не попадают под действие указов Президента Российской Федерации;
- повышение уровня минимального размера оплаты труда до величины прожиточного минимума трудоспособного населения;
- ежегодная индексация на уровень инфляции расходов на социальное обеспечение населения;
- ежегодное изменение объемов целевых межбюджетных трансфертов, предоставляемых из федерального бюджета.

Дефицит консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации будет постепенно сокращаться. Источниками финансирования дефицита бюджетов субъектов в рассматриваемом периоде будут являться ценные бумаги, кредиты от кредитных организаций, изменение остатков средств на счетах по учету средств бюджетов субъектов и прочие источники финансирования [2].

Начиная с 2010 года в Российской Федерации осуществляется масштабная реформа системы управления общественными финансами, ключевыми направлениями которой являются: внедрение механизмов обеспечения долгосрочной устойчивости бюджетной системы; формирование бюджетной политики на основании и во взаимосвязи с показателями государственных программ Российской Федерации;

совершенствование системы финансового обеспечения оказания государственных услуг; совершенствование финансовых взаимоотношений с субъектами Российской Федерации; развитие систем внутреннего финансового контроля и аудита, а также внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля; обеспечение конкурентной и прозрачной системы закупок для обеспечения государственных (муниципальных) нужд; формирование единого информационного контура системы управления общественными финансами; повышение открытости и прозрачности бюджетного процесса.

Создана надежная основа в рамках проводимой работы по повышению эффективности бюджетных расходов, которая, как и все предыдущие, будет реализована, в том числе, с использованием передового международного опыта. Наряду с указанными и уже реализуемыми в Российской Федерации направлениями, нуждающимися в дальнейшем совершенствовании, отличительными особенностями лучшей зарубежной практики управления общественными финансами являются: внедрение и постоянное проведение обзоров бюджетных расходов; участие граждан в бюджетном процессе; развитие системы долгосрочного (стратегического) планирования бюджетных инвестиций; повышение полноты и качества финансовой отчетности государственного сектора; цифровизация системы государственного управления и бюджетного процесса [3].

В целях повышения эффективности управления государственными финансами сформирована Концепция повышения эффективности бюджетных расходов. Реализация предлагаемых в Концепции мер создаст организационные и правовые предпосылки для повышения эффективности бюджетных расходов.

В соответствии с данной концепцией, разработанной с использованием международного опыта, предлагаются следующие меры:

1. Обзоры бюджетных расходов как основа повышения их эффективности.

Под обзорами бюджетных расходов понимается систематический анализ базовых (постоянных) расходов бюджета, направленный на определение и сравнение различных вариантов экономии бюджетных средств, выбор и практическую реализацию наиболее приемлемого из них.

Целью проведения обзоров бюджетных расходов является не оптимизация бюджетных расходов сама по себе, а высвобождение недостаточно эффективно используемых ресурсов для их перенаправления на решение приоритетных задач.

Существенно и то, что обзоры бюджетных расходов не заканчиваются разработкой предложений в части мер экономии, а подразумевают обязательную имплементацию этих предложений (или их части) при формировании федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на очередной фи-

нансовый год и плановый период (по возможности также при внесении изменений в указанные бюджеты).

1. Совершенствование системы государственных программ и внедрение принципов проектного управления.

Ряд следующих нерешенных проблем пока не позволяет считать государственные программы полноценным инструментом организации проектной деятельности органов исполнительной власти, а также инструментом повышения эффективности бюджетных расходов:

- государственные программы в большинстве случаев рассматриваются разработчиками исключительно как инструмент бюджетного планирования, в результате чего за пределами государственных программ остаются вопросы координации деятельности в соответствующих сферах государственных компаний и иных юридических лиц, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований;

- система целей, показателей (индикаторов) и ожидаемых результатов государственных программ в ряде случаев не отражает актуальных стратегических приоритетов социально-экономического развития и не дает возможности реальной оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти и используемых ими бюджетных ассигнований;

- сложившиеся процедуры формирования, внесения изменений, мониторинга, подготовки и представления отчетности о реализации государственных программ чрезмерно усложнены ввиду избыточного количества участников ряда государственных программ, наличия излишних этапов согласования, а также необоснованных требований к детализации представляемых материалов при отсутствии в дальнейшем какого-либо использования подавляющего большинства содержащейся в них информации;

- оценка эффективности государственных программ носит формальный характер, единая методика такой оценки до настоящего времени нормативным правовым актом не установлена, а результаты оценки в дальнейшей работе по соответствующим государственным программам не применяются;

- отсутствие возможности маневрирования финансовыми ресурсами между структурными элементами государственных программ, что, в свою очередь, ставит под сомнение значение государственных программ как управленческого инструмента.

Попытка частичного решения указанных проблем предпринята в 2017-2018 годах в рамках перевода отдельных (пилотных) государственных программ на механизмы проектного управления.

Дальнейшее совершенствование системы государственных программ должно учитывать результаты такого анализа, а также включать следующие направления:

- приведение перечня и структуры государственных программ в соответствие со сферами и приоритетами государственной политики,

а не со сложившейся системой и структурой федеральных органов исполнительной власти;

- обеспечение полноценной интеграции в государственные программы мероприятий федеральных целевых программ за счет прекращения реализации последних в течение 2019-2020 годов;

- консолидация бюджетных расходов, направленных на реализацию государственной политики в конкретных сферах и влияющих на достижение запланированных результатов, в соответствующих государственных программах;

- минимизация количества участников государственных программ;

- нормативное правовое закрепление критериев отнесения расходов к государственным программам и непрограммным направлениям деятельности;

- включение в государственные программы и входящие в их состав проекты и процессы механизмов координации с государственными программами субъектов Российской Федерации и программами деятельности (программами развития, инвестиционными программами) юридических лиц;

- разработка таких инструментов реализации межпрограммных направлений социально-экономической политики, которые бы обеспечили эффективную координацию относящихся к таким направлениям, но реализуемых в составе различных государственных программ мероприятий, не нарушая при этом целостность системы управления соответствующими программами;

2. Формирование системы управления налоговыми расходами.

Одним из инструментов государственной (муниципальной) поддержки физических и юридических лиц в соответствии с приоритетами социально-экономической политики является предоставление льгот и преференций по налогам, сборам и иным платежам в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации. Источником финансового обеспечения подобных мер, так же как и в случае прямых бюджетных расходов, является бюджет, а сами льготы и преференции такого рода являются по своей сути налоговыми расходами.

Под налоговыми расходами понимаются выпадающие доходы бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, обусловленные налоговыми льготами, освобождениями и иными преференциями по налогам, сборам, таможенным платежам, страховым взносам на обязательное социальное страхование, предусмотренными в качестве мер государственной (муниципальной) поддержки в соответствии с целями государственных (муниципальных) программ и (или) целями социально-экономической политики, не относящимися к государственным (муниципальным) программам.

3. Эффективные процедуры планирования и современные технологии исполнения бюджета.

Развитие современных технологий исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации неразрывно связано с развитием казначейского обслуживания и созданием системы казначейских платежей. Основная цель проводимой работы – переход к функционированию единого казначейского счета.

4. Совершенствование системы закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд

К настоящему времени в Российской Федерации в целом сформирована прозрачная система закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд, предусматривающая единые правила закупок, централизованное размещение в единой информационной системе в сфере закупок всей информации о закупках, открытый доступ к участию в закупках. При этом действующие механизмы контрактной системы позволяют своевременно предотвращать нарушения, затрагивающие как общественные интересы, так и интересы поставщиков (подрядчиков, исполнителей) на любой стадии закупочного цикла (от планирования до исполнения контракта).

Для эффективного функционирования и развития контрактной системы необходимы системные меры по устранению ряда существенных недостатков и ограничений. Одним из ключевых положений Федерального закона о контрактной системе является организация закупок на основе каталога товаров, работ, услуг, предусматривающего унификацию наименований и требований к объектам закупок исходя из описания стандартизированных потребностей заказчиков, а не конкретных обращающихся на рынке товаров. Такой каталог должен содержать типовые объекты и (или) группы закупок, что позволяет предложить к поставке взаимозаменяемые товары (услуги) [4].

Для совершенствования определения объемов средств, предоставляемых на реализацию полномочий субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, планируется совершенствование методики определения расчетного объема расходных обязательств субъектов Российской Федерации и муниципальных образований на финансовое обеспечение реализации этих полномочий в целях учета особенностей их реализации в субъектах Российской Федерации.

Кроме того, необходимо осуществлять мониторинг исполнения принятых субъектами Российской Федерации обязательств, установленных в соглашениях о предоставлении бюджетам субъектов Российской Федерации бюджетных кредитов, в рамках проведенной в 2017 году реструктуризации задолженности бюджетов субъектов Российской Федерации по бюджетным кредитам, предоставленным из федерального бюджета.

Также предполагается осуществление контроля за обеспечением проведения субъектами Российской Федерации взвешенной долговой политики, в том числе реализация мер, направленных на сниже-

ние долговой нагрузки бюджетов субъектов Российской Федерации, и реализация планов мероприятий по оздоровлению государственных финансов субъекта Российской Федерации.

Вместе с тем необходимо обеспечить дальнейший рост предсказуемости и прозрачности межбюджетных трансфертов, распределение межбюджетных трансфертов не только на очередной финансовый год, но и на плановый период, создать условия, обеспечивающие абсолютную прозрачность в отношениях между федеральным центром и регионами.

В рамках повышения уровня предсказуемости предоставления межбюджетных трансфертов из федерального бюджета и эффективности их использования при утверждении федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период планируется обеспечить преимущественное распределение межбюджетных трансфертов федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период и доведение указанных средств до субъектов Российской Федерации в начале финансового года, а также сокращение количества целевых межбюджетных трансфертов при одновременном повышении самостоятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации в выборе способов достижения поставленных целей при использовании целевых межбюджетных трансфертов.

В целях оптимизации количества субсидий (исходя из необходимости объединения предоставляемых на одинаковые или близкие цели межбюджетных трансфертов), создания дополнительных стимулов для их получения при одновременном повышении самостоятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации в выборе способов достижения поставленных целей следует продолжить работу по укрупнению субсидий.

В первоочередном порядке необходимо обеспечить стимулирование субъектов Российской Федерации и муниципальных образований к межрегиональной кооперации и интеграции (в том числе путем введения «горизонтальных» межбюджетных трансфертов) [5].

Таким образом, реализация предусмотренных мер повышения эффективности бюджетных расходов создаст организационные и правовые предпосылки для повышения эффективности управления государственными финансами.

Примечания:

1. Караева Т. А., Мардеян Н. А. Перераспределения внутренних финансовых ресурсов с ориентацией их использования в рамках российской экономики // *Фундаментальные проблемы науки: сборник статей Международной научно-практической конференции* / Отв. ред.: Сукиасян А. А. Владикавказ, 2015. С. 50-52.

2. Караева Т. А., Мардеян Н. А. Некоторые аспекты бюджетной политики РФ при выходе из кризисных ситуаций // Современное состояние и перспективы развития научной мысли: сборник статей Международной научно-практической конференции / Отв. ред.: Сукиасян А. А. Владикавказ, 2015. С. 34-36.

3. Гюева Д. И., Мардеян Н. А. Современные особенности использования программно-целевого управления, проблем реализации федеральных и региональных целевых программ в РФ // Образование: традиции и инновации: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Владикавказ, 2015. С. 340-344.

4. Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019-2024 годах. URL: www.minfin.ru/ru/

5. Бюджетный прогноз Российской Федерации на период до 2036 года. URL: <https://www.minfin.ru/ru/>

А. Р. Баликоева, А. В. Гагиева

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ

В статье рассматривается понятие неосновательного обогащения с точки зрения континентального, римского и англо-саксонского права; исследуется природа неосновательного обогащения и его соотношение с несправедливым обогащением.

Формально-юридическое понятие неосновательного обогащения характеризуется отсутствием основания для получения выгоды и восходит к римскому понятию *condictio* (кондикционный иск). На основе принципа добросовестности в обязательственном праве, предполагающего эквивалентность обмена, можно сформировать более широкое понятие обогащения, характеризующееся получением выгоды без встречного предоставления. Такая трактовка обогащения восходит к римскому понятию *action de in rem verso* (версионный иск). Правовая система России в целом находится в процессе формирования, и знание о версионных исках будет полезно для российских юристов. С появлением в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) общего принципа добросовестности [7] также можно поразмышлять о его влиянии на применение правил о неосновательном обогащении.

Один из ключевых элементов для понимания неосновательного обогащения заключается в противоречии между типами неправильно перераспределения благ, которые служат основанием для заявления требования о реституции. И в континентальном, и в общем праве

эти требования обычно именуется как иски из неосновательного или несправедливого обогащения. Эти термины подчеркивают тот факт, что в некоторых случаях передачи материальных благ отсутствует некий признак, который позволит применить к ним нормы и принципы обязательственного права. Они подразумевают, что элементами, отсутствие которых открывает возможность реституции, являются «справедливость» и «основательность».

Хотя некоторые авторы отмечали, что неосновательное и несправедливое обогащение расставляют акценты на различных элементах одного и того же иска, эти два термина все равно рассматриваются как синонимы [8].

Ф. Жилио же указывает, что неосновательное обогащение до настоящего времени представляет собой не единый институт, а набор исков [9]. А.Л. Маковский, в свою очередь, именует проблему генеральной кондикцией: если есть общие условия удовлетворения иска из обогащения, то правопрядок признает генеральную кондикцию; если общих условий нет, то в правопрядке имеется набор исков из обогащения, условия удовлетворения которых разнятся [11].

Неосновательное обогащение и несправедливое обогащение не идентичны по своему значению. Несправедливое обогащение относится к понятию справедливости в юридических сделках, которое в известной степени не зависит исключительно от строгого права. Неосновательное обогащение связано с отсутствием основания. «Справедливость» и «добросовестность» нелегко вписываются в аналитические конструкции, которые характерны для аргументации в гражданском праве, поскольку являются слишком общими категориями. Правовые системы континентального права предпочитают идею «юридического формализма», ибо она связана с конкретными юридическими условиями, отсутствие которых приводит к требованию о реституции. Нормы о возврате обогащения в общем праве имеют значительно менее продолжительную историю, а терминологический аппарат стал складываться только в последнее время. Системный анализ неосновательного и несправедливого обогащения в английском праве становится тем более важным, поскольку может быть более точным, чем в системах континентального права, обремененных длительной традицией в этом вопросе.

Тщательная оценка исков о неосновательном и несправедливом обогащении ведет к значительным системным последствиям. Правовые институты могут быть правильно поняты только тогда, когда они анализируются в надлежащем контексте. Некорректный системный анализ влияет на правоприменение [10].

«Неосновательное обогащение» и «несправедливое обогащение» нельзя считать одним правовым институтом, полагая, будто эти понятия различаются лишь семантически. На самом деле между ними субстанциальное различие. Оно отражает принципиальное деление реституционных исков: наряду с более традиционным иском, основан-

ным на отсутствии правового обоснования передачи материальных благ, дается второй иск о несправедливом обогащении, когда передача материальных благ идет вразрез с принципами справедливости. Называя обогащение неосновательным или несправедливым, система права указывает на два различных иска, сосуществующие в рамках одного института обогащения. Эти иски, имеющие различные задачи, цели и реквизиты, представлены во многих европейских правовых системах. Сравнение с некоторыми из них будет способствовать более детальному изучению английского права.

Анализ основан на следующих предпосылках: а) реституция как следствие обогащения – это общая черта континентального и общего права; б) основные реституционные модели, принятые в рассматриваемых правовых системах, восходят к римскому праву; в) система гражданского права и система общего права используют сходные реституционные модели [9].

Что же понимается под неосновательным обогащением в российской правовой действительности?! Современный гражданский оборот основывается на возмездности и эквивалентности экономических отношений, складывающихся между его участниками. Несоблюдение данных принципов может повлечь возникновение у одной из сторон неосновательного обогащения, которое подлежит возврату.

Получив товар или результат работ от своего контрагента, участник оборота должен произвести за него оплату или иное встречное исполнение. При этом форма оплаты не обязательно должна быть денежная. В силу принципа свободы договора это могут быть встречная передача товаров (мена), выполнение работ или оказание услуг, уступка имущественного права и т.д. [1].

Если один участник оборота получил имущественное предоставление от своего контрагента, но со своей стороны ничего ему не предоставил, то он считается неосновательно обогатившимся за его счет. Неосновательное обогащение составляет в данном случае сумма полученной им оплаты, которая может быть взыскана по правилам главы 60 ГК РФ.

Однако это возможно при условии, что договор, в рамках которого стороны должны были обменяться эквивалентными имущественными благами (например, передача товара в собственность за деньги), был расторгнут или прекратил свое действие. До тех пор, пока договор сохраняет свое действие, имеется возможность исполнения предусмотренных им обязательств.

Поэтому, если договор сохраняет свое действие, оснований расценивать уплаченные денежные средства без встречного предоставления в качестве неосновательного обогащения не имеется, поскольку в качестве неосновательно полученного имущества может рассматриваться только тогда, когда оно было передано без предусмотренных для этого законом или сделкой оснований.

Для возникновения обязательств из неосновательного обогащения (кондикционных обязательств) необходимо, во-первых, чтобы обогащение одного лица (приобретателя (ответчика)) произошло за счет другого (потерпевшего (истца)) и, во-вторых, чтобы такое обогащение произошло при отсутствии к тому законных оснований или последующем их отпадении. При этом не имеет значения, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения обогатившегося, самого потерпевшего или третьих лиц, либо произошло помимо их воли. Субъектами кондикционных обязательств выступают приобретатель – лицо, неосновательно обогатившееся, и потерпевший – лицо, за счет которого произошло обогащение.

Согласно ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без оснований, установленных законом, иными правовыми актами или сделкой, приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных в ст. 1109 ГК РФ [2].

Согласно правовой позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 29.01.2013 № 11524/12 [6], основания возникновения неосновательного обогащения могут быть разными: требование о возврате ранее исполненного при расторжении договора, требование о возврате ошибочно исполненного по договору, требование о возврате предоставленного при незаключенности договора, требование о возврате ошибочно перечисленных денежных средств при отсутствии каких-либо отношений между сторонами и т.п. Вместе с тем Президиум ВАС РФ указал, что применительно к конкретным обстоятельствам спора, а именно когда исходя из платежных документов усматривается, что основаниями платежа являлись конкретные правоотношения, именно истец должен доказать, что правоотношения, указанные в качестве оснований платежа, не являются такими основаниями.

При прекращении договора, если одна из сторон получит то, что ей причиталось, при этом свои обязательства перед контрагентом не выполнит, он вправе ставить вопрос о взыскании неосновательного обогащения. Например, покупатель, оплативший 5 партий товара и получивший только 2, вправе требовать возврата уплаченной стоимости за оставшиеся 3 партии [3].

По правилам о неосновательном обогащении можно вернуть следующие виды имущества, неосновательно приобретенного или сбереженного третьим лицом:

- излишне уплаченные или ошибочно перечисленные деньги;
- невозвращенную часть цены при расторжении неисполненного контракта;
- понесенные инвестором затраты по реставрации объекта недвижимости в случае расторжения инвестиционного контракта при

отсутствии его вины и встречного исполнения со стороны его контрагента – собственника объекта [5];

– стоимость незаконно добытых объектов животного мира, их части и выработанной из них продукции, поскольку в отсутствие предусмотренного законом разрешения на их добычу (вылов) они составляют неосновательное обогащение добывшего их лица [4] и др.

Таким образом, неосновательное обогащение не сводится к событию, действию, состоянию или юридическому составу и может рассматриваться как специфический сложный юридический факт, самостоятельность и место которого в системе юридических фактов обусловлены присущей ему системой особых признаков факта:

- 1) приобретение либо сбережение имущества;
- 2) за счет другой стороны;
- 3) без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований.

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 №51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 26.01.1996 №14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. №5. Ст. 4.

3. Постановление Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 №35 «О последствиях расторжения договора»// Вестник ВАС РФ». №8. Август, 2014.

4. Постановление Пленума ВС РФ от 18.10.2012 №21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №12. Декабрь, 2012.

5. Постановление Президиума ВАС РФ от 25.03.2014 №10614/13 по делу №А40-149844/10-155-1212 // СПС Консультант плюс.

6. Постановление Президиума ВАС РФ от 29.01.2013 №11524/12 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. №7.

7. Гагиева А. В. Конституционный принцип свободы экономической деятельности и его реализация посредством саморегулирования // Экономика и предпринимательство. 2016. №11-4 (76). С. 29-32.

8. Дамбаров С. Д. Основания возникновения и объекты кондикционных обязательств: Дис.... канд. юрид. наук. М., 2007.

9. Жилио Ф. Системный подход к «несправедливому» и «неосновательному» обогащению // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. №12. С. 146-176.

10. Луценко С. И. Договорные отношения и неосновательное обогащение: дифференциация правовых категорий // Современное право. 2018. №9. С. 43-47.

11. Маковский А.Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения // Гражданский кодекс РФ. Часть 2. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель. М., 1996. С. 598.

З. И. Бзаров, Л. Т. Кокоева

ПРЕКРАЩЕНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ С РУКОВОДИТЕЛЕМ ОРГАНИЗАЦИИ: ОСНОВАНИЯ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ

В данной статье авторы раскрывают основания прекращения трудовых отношений с руководителем с организации. Авторы, на основании норм Трудового кодекса, отмечают юридические гарантии данного проблемного вопроса.

Конвенция МОТ №158 «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» 1982 г. предусматривает, что основания прекращения трудовых отношений должны быть связаны со способностями или поведением работника или вызваны производственной необходимостью предприятия, учреждения или службы.

В рамках обсуждения истинной природы отношений с участием руководителя организации в качестве оснований прекращения труда руководителя назывались юридические факты различной отраслевой принадлежности. Например, В. В. Долинская на этот счет писала: «Основаниями освобождения руководителя организации от должности могут являться как факты и составы, предусмотренные ГК, так и иной отраслевой природы (например, предусмотренные трудовым, акционерным, банковским законодательством)». Эта точка зрения свидетельствует о том, что автор на первый план выдвигает закрепленные ГК РФ основания прекращения договора с руководителем.

В этой связи заметим, что после вступления в силу ТК РФ, ясно определившего истинную правовую сущность труда руководителя организации, выглядят весьма спорными и совершенно неубедительными продолжающиеся рассуждения о возможности увольнения данной категории работников по каким-либо основаниям, не являющимся основаниями прекращения трудового договора (трудового правоотношения) [1]. При этом руководитель организации может быть уволен как по общим основаниям с соблюдением общих правил, установленных для прекращения трудового договора с любыми работниками организации, так и по специальным основаниям, адресованным именно данной группе специальных субъектов трудового права России, в том числе по основаниям, установленным непосредственно в трудовом договоре.

Следует признать, что в рамках существующего правового регулирования труда руководитель организации формально (юридически) является самым незащищенным работником организации, который может быть уволен в любой момент и практически без каких-либо материальных или процессуальных трудностей.

Объектом настоящего исследования являются специальные основания и специальные правила прекращения трудового договора с руководителями организаций, а также некоторые особенности применения в отношении данной категории работников общих оснований и правил увольнения с работы. Собственно специальные основания увольнения руководителей организации предусмотрены ст. 81 ТК РФ:

- смена собственника имущества организации (ст. 75 ТК РФ);
- принятие необоснованного решения руководителем организации, повлекшего за собой нарушение сохранности имущества, неправомерное его использование или иной ущерб имуществу организации;
- однократное грубое нарушение руководителем организации своих трудовых обязанностей;
- предусмотренные трудовым договором с руководителем организации;
- другие случаи, установленные Кодексом и иными федеральными законами (например, прекращение трудового договора с руководителем государственного или муниципального вуза по достижении предельного возраста).

Помимо указанных выше оснований, трудовой договор с руководителем организации прекращается по следующим основаниям, предусмотренным ст. 278ТКРФ:

1) в связи с отстранением от должности руководителя организации – должника в соответствии с законодательством о несостоятельности (банкротстве);

2) в связи с принятием уполномоченным органом юридического лица, либо собственником имущества организации, либо уполномоченным собственником лицом (органом) решения о прекращении трудового договора.

Решение о прекращении трудового договора по указанному основанию в отношении руководителя унитарного предприятия принимается уполномоченным собственником унитарного предприятия органом в порядке, установленном Правительством РФ;

3) по иным основаниям, предусмотренным трудовым договором. Сразу отметим, что хотя ст. 278 ТК РФ должна предусматривать основания, отличные от установленных ст. 81 ТК РФ, п. 3 фактически дублирует норму п. 13 ст. 81 ТК РФ, что является совершенно излишним. С целью устранения этого дублирования необходимо исключить п. 13 ст. 81 ТК РФ, а также не распространять данное основание на членов коллегиального исполнительного органа организации, поскольку член

совета директоров ни фактически, ни юридически полномочиями директора не обладает.

Общие основания прекращения трудового договора, имеющие особенности реализации применительно к руководителям:

- истечение срока трудового договора;
- инициатива руководителя организации (собственное желание);
- обстоятельства, не зависящие от воли сторон трудового договора (смерть, признание безвестно отсутствующим или умершим).

В последние годы все чаще встречаются и примеры увольнения руководителей организации по основаниям п.п. 2, 3 ст. 81 ТК РФ – сокращение штатов организации и несоответствие занимаемой должности.

Руководитель организации вполне может быть уволен по сокращению штатов организации, если такое решение принято собственником, представителем собственника данной организации. Это нельзя рассматривать как прекращение деятельности организации (ликвидацию организации), если управление ею передано в установленном порядке управляющему (индивидуальному предпринимателю) или управляющей организации.

Полагаем, что при этом не имеет значения момент заключения договора на управление организацией: до издания приказа об увольнении руководителя организации или после этого. Идеальным вариантом является издание этих актов в один день. Так, например, К., оспаривая законность увольнения с должности директора «Саратовской региональной общественной организации инвалидов», в исковом заявлении ссылался на то, что договор на доверительное управление обществом с другой коммерческой организацией был заключен спустя месяц после его увольнения по п. 2 ст. 81 ТК РФ. Данное обстоятельство признано судом несостоятельным, и в иске о восстановлении на работе ему было отказано [1].

Увольнение руководителя по п. 2 ст. 81 ТК РФ производится с соблюдением общих процедурных правил и условий увольнения и никаких специфических особенностей в данном случае не имеет.

Руководитель организации, как и любой другой работник, может быть уволен в случае несоответствия занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации (п. 3 ст. 81 ТК РФ). ТК РФ не дает определение аттестации, хотя и закрепляет ее правовые последствия, а также указывает, что в состав аттестационной комиссии в обязательном порядке включается представитель выборного органа первичной профсоюзной организации (ст. 82 ТК РФ). Порядок аттестации должен быть в обязательном порядке единообразно урегулирован либо в законодательстве, а на основе централизованных норм – локальными актами работодателя.

В настоящее время порядок проведения аттестации руководителей организаций регулируется различными нормативными правовыми

актами. Так, Постановлением Правительства РФ от 16 марта 2000 г. №234 (с изм. и доп.) утверждено Положение о проведении аттестации руководителей федеральных государственных унитарных предприятий и определен срок для проведения аттестации – один раз в три года. Постановлением Правительства РФ от 3 декабря 2004 г. №739 «О полномочиях федеральных органов исполнительной власти по осуществлению прав собственника имущества федерального государственного унитарного предприятия» [2] установлено, что при проведении аттестации руководителей федеральных государственных унитарных предприятий, подведомственных федеральным органам исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент РФ или Правительство РФ, образование аттестационных комиссий осуществляют указанные органы. В отношении федеральных государственных унитарных предприятий, подведомственных федеральным органам исполнительной власти, находящихся в ведении федеральных министерств, указанные комиссии создаются соответствующими министерствами (п. 4). Целями аттестации руководителей предприятий являются: объективная оценка деятельности руководителей предприятий и определение их соответствия занимаемой должности; оказание содействия в повышении эффективности работы предприятий; стимулирование профессионального роста руководителей предприятий. В результате аттестации руководителю предприятия дается одна из следующих оценок: соответствует занимаемой должности; не соответствует занимаемой должности.

В указанных выше случаях локальные положения о проведении аттестации могут не разрабатываться, а если они и существуют, то должны соответствовать централизованным правилам. Ухудшение положения руководителя или ограничение его прав такими локальными положениями не допускается. Поскольку сейчас общий порядок не установлен, а специальные централизованные правила установлены лишь для отдельных категорий руководителей, порядок аттестации, полагаем, обязательно должен устанавливаться работодателем (собственником, представителем собственника) самостоятельно с соблюдением общих правил трудового права. В литературе существует мнение, что в настоящее время аттестация работников, включая руководителей, должна проводиться по общим правилам, которые были установлены ранее актами бывшего СССР, в том числе Положением о порядке проведения аттестации руководящих, инженерно-технических работников и других специалистов предприятий и организаций промышленности, строительства, сельского хозяйства, транспорта и связи, утвержденное Постановлением ГКНТ СССР и Госкомтруда СССР от 5 октября 1973 г. №470/267 [3].

В настоящее время, учитывая установленные нормами ТК РФ самостоятельность работодателей в установлении правил аттестации, при отсутствии специальных норм в законодательстве для данного

случая аттестации указанное выше Положение и аналогичные источники трудового права СССР и РФ могут быть использованы лишь как акты рекомендательного характера.

Руководитель организации относится к тем категориям работников, для которых смена собственника организации является основанием для расторжения с ним трудового договора. При смене собственника имущества организации новый собственник не позднее трех месяцев со дня возникновения у него права собственности имеет право расторгнуть трудовой договор с руководителем организации (ст. 75 ТК РФ). Такое основание прекращения трудового договора с руководителем закреплено в п. 4 ст. 81 ТК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 17 марта 2004 г. №2 (в ред. от 28.12.2006 г.) указал, что увольнение по п. 4 ст. 81 ТК РФ допустимо лишь в случае смены собственника имущества организации в целом. Указанные лица не могут быть уволены по данному основанию при изменении подведомственности (подчиненности) организации, если при этом не произошла смена собственника имущества организации (п. 32). Важно учитывать, что учредители (акционеры) по российскому законодательству собственниками коммерческой организации не являются, а право собственности предоставляется самому юридическому лицу. Под сменой собственника имущества организации следует понимать переход (передачу) права собственности на имущество организации от одного лица к другому лицу или другим лицам, в частности, при приватизации государственного или муниципального имущества, т.е. при отчуждении имущества, находящегося в собственности РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, в собственность физических и (или) юридических лиц; при обращении имущества, находящегося в собственности организации, в государственную собственность; при передаче государственных предприятий в муниципальную собственность; при передаче федерального государственного предприятия в собственность субъекта РФ и наоборот. Изменение состава участников (акционеров) не может служить основанием для прекращения трудового договора с руководителем по п. 4 ст. 81 ТК РФ, так как в этом случае собственником имущества хозяйственного товарищества или общества по-прежнему остается само товарищество или общество. На практике обычно ошибочно под сменой собственника имущества организации понимается замена участника в ООО, переход контрольного пакета акций к иному лицу и т.д. Такие факты основания увольнения руководителя не образуют.

В юридической литературе высказана точка зрения, что «смена собственника имущества организации в целом, как правило, с неизбежностью влечет за собой прекращение деятельности юридического лица в форме ликвидации или реорганизации». При таком подходе возникает вопрос об обоснованности ч. 1 ст. 75 ТК РФ и п. 4 ст. 81 ТК РФ [4]. Безусловно, права Е. А. Ершова, полагающая, что «если согла-

ситься, что смена собственника юридического лица влечет за собой его прекращение в форме реорганизации или ликвидации, а также возможность создания другого юридического лица, то возникает вопрос о законности продолжения трудовых отношений руководителя организации, прекратившей свою деятельность, исключенной из реестра юридических лиц, в другом юридическом лице в течение трех месяцев». Приведя правовую аргументацию, Е. А. Ершова предлагает исключить части 1-4 из статьи 75, а пункт 4 – из статьи 81 ТК РФ.

Приведенная точка зрения заслуживает внимания, поскольку на самом деле переход прав собственности от государства к муниципальному образованию или смена организационно-правовой формы организации – это, по существу, смена работодателя, и, может быть, имеет смысл установить в трудовом законодательстве случаи, когда смена собственника не влечет прекращения деятельности работодателя, и только в этих случаях применять указанную выше норму, поскольку в противном случае о сохранении трудовых отношений с работниками, включая руководителя, говорить не приходится.

На наш взгляд, необходимо дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. (в ред. 28.12.2006 г.) следующими разъяснениями. Реорганизация организаций не может быть основанием для прекращения трудовых договоров с рядовыми работниками, т.к. при всех формах реорганизации имеет место правопреемство прав и обязанностей. Руководители организаций могут быть уволены по п. 2 ст. 81 ТК РФ, если реорганизация организации происходит в форме присоединения или слияния; в остальных случаях реорганизации, если происходит смена собственника имущества, по п. 4 ст. 81 ТК РФ; если же собственник имущества прежний (реорганизация происходит в форме выделения, разделения), то увольнение руководителя по данному основанию не допускается.

При расторжении трудового договора с руководителем организации по п. 4 ст. 81 ТК РФ новый собственник обязан выплатить увольняемому компенсацию в размере не ниже трех средних месячных заработков. Такая гарантия руководителю организации предусмотрена ст. 181 ТК РФ и выплачивается независимо от того, была ли ее выплата предусмотрена трудовым договором. Увольнение руководителя организации по специальным основаниям, предусмотренным п.п. 9-10 ст. 81 ТК РФ, в соответствии со ст. 192 ТК РФ является мерой дисциплинарного взыскания. Привлечение руководителя к дисциплинарной ответственности осуществляется с применением общих правил, установленных ст. ст. 192 и 193 ТК РФ. Основанием для применения дисциплинарного взыскания является дисциплинарный проступок, под которым понимается противоправное виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником трудовых обязанностей. Это может быть нарушение требований законодательства, обязательств по трудовому договору, правил внутреннего трудового распорядка,

должностных инструкций, приказов и др. Необходимо учитывать, что для руководителей организаций установлены некоторые запреты и ограничения, нарушение которых может быть основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности. Факт дисциплинарного проступка руководителя необходимо зафиксировать документально, т.е. должен быть составлен соответствующий акт, подписанный уполномоченным представителем органа управления организации. Таким документом может быть и акт независимой проверки деятельности предприятия, устанавливающий факт невыполнения руководителем своих обязанностей, например заключение сделки, угрожающей деятельности организации. Руководитель организации не должен нести ответственность за отрицательные последствия, которые вызваны неправомерными действиями органов, уполномоченных давать обязательные для исполнения указания, если отрицательные последствия были вызваны выполнением руководителем таких указаний.

На практике возникает вопрос: кто применяет взыскания по отношению к самому руководителю? Для определения субъекта, обладающего дисциплинарными полномочиями относительно руководителя организации, необходимо установить, какая организация или орган выступает в качестве работодателя по отношению к руководителю, и какой субъект (должностное лицо, орган) реализует работодательскую правосубъектность организации в отношениях с руководителем. При этом прежде всего следует исходить из положений уставных документов. Функции по применению мер ответственности к руководителю организации выполняют те органы или лица, которые принимали решение о назначении (избрании) руководителя на должность. Безусловно, права С. Ю. Головина, утверждая, что в уставе организации и трудовом договоре с руководителем следует точно указывать конкретных лиц (органы), которые вправе осуществлять полномочия работодателя по отношению к директору, а также уточнить объем их прав в сфере дисциплинарной ответственности [5].

Думаем, что таким органом, безусловно, является собрание акционеров, участников в коммерческой организации, от имени которых может выступать, например, председатель совета директоров или иной уполномоченное собранием лицо; в некоммерческих организациях это орган, уполномоченный собственником.

Расторжение трудового договора по п. 9 ст. 81 ТК РФ допустимо при условии, что руководителем было принято необоснованное решение, которое повлекло за собой нарушение сохранности имущества, неправомерное его использование или иной ущерб имуществу организации. При решении вопроса об ответственности руководителя организации по данному основанию необходимо установить наличие причинной связи между принятым решением и возникшими последствиями, так как само по себе необоснованное управленческое решение не может быть основанием увольнения. Согласимся с мнением

Т. Ю. Коршуновой, что необходимо установить, действовал ли руководитель в пределах нормального производственно-хозяйственного риска, обусловливаемого обычаями делового оборота в данной сфере, или нет, поскольку только так можно оценить обоснованность принятия того или иного решения. В. Н. Толкунова считала, что «данное основание для увольнения неприменимо, когда вред, предотвращенный руководителем, больше вреда причиненного». Таким образом, при увольнении по указанному выше основанию употребляется один из критериев, применяемых для определения крайней необходимости или нормального хозяйственного риска, освобождающих от материальной ответственности (ст. 239 ТК РФ). Подобная аналогия в этом случае, по мнению Н. Л. Лютова, вполне уместна. Представляется, что категория нормального хозяйственного риска как основания для освобождения от материальной ответственности должна применяться и при увольнении руководителя организации по п. 9 ст. 81 ТК РФ. Данная категория, как критерий обоснованности увольнения руководителя организации, может быть заимствована из пункта 5 Постановления №52 Пленума Верховного Суда РФ от 16.11.2006 года «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю» [6]: к нормальному хозяйственному риску могут быть отнесены действия работника, соответствующие современным знаниям и опыту, когда поставленная цель не могла быть достигнута иначе, работник надлежащим образом выполнил возложенные на него должностные обязанности, проявил определенную степень заботливости и осмотрительности, принял меры для предотвращения ущерба, и объектом риска являлись материальные ценности, а не жизнь и здоровье людей. Неблагоприятными экономическими последствиями, дающими право на увольнение по п. 9 ст. 81 ТК РФ, могут быть гибель, порча, уничтожение, уменьшение имущества, несоответствующее целям юридического лица использование, иной ущерб, например уплата штрафов за нарушение административного, трудового, налогового законодательства. Решая вопрос о том, являлось ли принятое решение необоснованным, необходимо учитывать, наступили ли названные неблагоприятные последствия именно в результате принятия этого решения, и можно ли было их избежать в случае принятия другого решения.

При этом если работодатель не представит доказательства, подтверждающие наступление неблагоприятных последствий, указанных в пункте 9 части первой статьи 81 ТК РФ, увольнение по данному основанию не может быть признано законным (ч. 2 п. 48 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. №2 (в ред. 28.12.2006 г.)).

Поскольку в настоящее время отсутствует практика применения п. 9 ст. 81 ТК РФ, то целесообразность существования данного основания весьма сомнительна. Во-первых, значительные трудности в

доказывании вызывает понятие «необоснованное решение»: критерии обоснованности, разумности, оправданности, своевременности, достаточности и любых других управленческих решений находят, как правило, за пределами объективной измеримости и относятся в большей степени к области судебного усмотрения; во-вторых, это основание вряд ли будет использовано именно в отношении руководителя, который гораздо проще может быть уволен по другим основаниям; в-третьих, неудачна формулировка закона, из которой не понятно, должны ли решения руководителя привести к ущербу, или достаточно неправомерного использования имущества? [7].

Полагаем, что законодателю имеет смысл либо уточнить в нормах п. 9 ст. 81 ТК РФ усмотренческую категорию «необоснованное решение», либо исключить данное основание из Трудового кодекса РФ. Другая специальная норма о расторжении трудового договора с руководителем организации предусмотрена п. 10 ст. 81 ТК РФ – однократное грубое нарушение трудовых обязанностей. Это традиционное для трудового права РФ основание увольнения. Аналогичное основание содержалось ранее в п. 1 ст. 254 КЗоТ РФ. Перечень грубых нарушений в ТК РФ отсутствует, из чего следует, что работодатель вправе самостоятельно определить, относится ли допущенное руководителем организации нарушение к грубым и достаточным для увольнения. В ряде случаев данное понятие имеет пояснения в законе.

Например, в соответствии с Указом Президента РФ от 19 января 1996 г. №66 «О мерах по обеспечению своевременности выплаты заработной платы за счет бюджетов всех уровней, пенсий и иных социальных выплат» руководители ГУП, допустившие задержку выплаты заработной платы в связи с неэффективной работой, размещением денежных средств на депозитных счетах банков, осуществлением выплат со счетов предприятия на цели, не связанные с покрытием задолженности по налоговым и другим обязательным платежам, подлежат увольнению за однократное грубое нарушение своих обязанностей. В то же время руководитель вправе обжаловать увольнение в случае злоупотребления работодателем своими правами. Поскольку в данном случае понятие грубого нарушения является оценочным, в судебной практике в качестве грубого нарушения трудовых обязанностей расценивается неисполнение возложенных трудовым договором обязанностей, которое могло повлечь причинение вреда здоровью работников либо причинение имущественного ущерба организации (п. 49 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. (в ред. 28.12.2006 г.)). При этом должна учитываться и степень опасности проступка по его нематериальным последствиям, например, пострадал ли имидж организации. К однократным грубым нарушениям, на наш взгляд, следует относить нарушение обязанности руководителя информировать работодателя о занятии оплачиваемых должностей, участии в капитале другой организации, о заинтересованности

в сделке (такие и аналогичные им обязанности мы рассматриваем как трудовые обязанности руководителя, поскольку они составляют его трудовую функцию и возложены на него законом и (или) трудовым договором). Учитывая особый характер трудовой правосубъектности руководителя организации и его особый (специальный) правовой статус, а также то, что в трудовую функцию такого работника входит исполнение всего комплекса установленных законом или договором функций по организации труда и управлению трудом в организации, считаем, что нарушение руководителем организации любых обязанностей, адресованных ему законом или договором о труде, является нарушением трудовых обязанностей, и даже в том случае, когда речь идет об обеспечении определенного уровня рентабельности предприятия или совершении сделок с имуществом организации работодателя.

Примечания:

1. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Саратовской области от 15 сентября 2015 г. по делу №37-1022/2015. ГАРАНТ.РУ:<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/137088846>

2. БНА СССР. 1974. №1.

3. Ершова Е. А. Расторжение трудового договора по пунктам 4 и 5 статьи 81 ТК РФ // Трудовое право. 2005. №5. С. 77.

4. Головина С. Ю. Ответственность руководителя организации по ТК РФ // Справочник кадровика. 2005. №7. С. 35.

5. Бюл. ВС РФ. 2007. №1.

6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001. №197-ФЗ (ред. от 01.04.2019).

С. Н. Каргинов, И. Т. Варзиева

ОСНОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В представленной статье рассмотрены вопросы основания конституционно-правовой ответственности Президента РФ за неисполнение им своих обязанностей.

На сегодняшний день Конституцией РФ установлено не так много оснований для привлечения главы государства к ответственности, при этом они касаются лишь случаев совершения Президентом РФ престу-

пления, и нет ни одного, влекущего ответственность за неисполнение им обязанностей.

В частности, Президент РФ может быть подвергнут процедуре импичмента (отрешения от должности) за измену или совершение иного тяжкого преступления (ст. 93 Конституции РФ). Еще одним основанием привлечения к ответственности является признание Конституционным Судом РФ неконституционным и утратившим силу нормативного акта Президента РФ (ч. 2 и 6 ст. 125 Конституции РФ). Каких-либо иных оснований для привлечения Президента РФ к ответственности нет. Да и основание отрешения от должности, предложенное ныне действующей Конституцией РФ, вряд ли заслуживает одобрения. Налицо сужение ответственности Президента РФ по сравнению с прежней российской Конституцией, которая предусматривала отрешение Президента от должности в случае нарушения Конституции, законов РФ и данной им присяги (ст. 121.10 Конституции (Основного Закона) РСФСР) [1]. На сегодняшний день Президент РФ не подвергнут ответственности не только за неисполнение своих конституционных обязанностей, но и даже за прямое нарушение Конституции РФ, что является предметом самого пристального внимания большинства ученых: «На то обстоятельство, что в действиях федерального Президента РФ могут быть и имеются отступления от действующих законов, указывает практика решений Конституционного Суда РФ... Обращает на себя внимание и тот факт, что Президент РФ, являющийся по Конституции гарантом прав и свобод человека и гражданина (ст. 80), не несет конституционно-правовой ответственности не только за неисполнение им своих обязанностей в этой части, но и за то, что его указами данные права могут быть нарушены» [2].

Как показывает мировая практика, даже не имея и трети полномочий, которыми наделен Президент РФ, главы зарубежных государств подлежат ответственности не только за государственную измену и совершение иных тяжких преступлений, но и за ряд иных противоправных действий.

Можно привести следующие основания конституционной ответственности президентов, за которые может последовать в качестве конституционно-правовой санкции лишение полномочий [3]:

1) нарушение конституции или закона (Греция, ФРГ, Польша, Италия);

2) неисполнение (ненадлежащее исполнение) конституционных обязанностей (Иран, Монголия);

3) совершение государственной измены или другого деяния (преступления), несовместимого с дальнейшим осуществлением президентских полномочий (США, Ирландия, Чешская Республика, Польша, Франция);

4) отклонение, принесение с оговоркой, нарушение присяги (Италия, Литва, Таджикистан, Монголия);

- 5) нарушение требований о несовместимости (Венгрия);
- 6) некомпетентное осуществление полномочий (Иран);
- 7) нарушение порядка выезда за пределы страны (Португалия, Ирландия);
- 8) инициирование референдума по роспуску парламента, если по итогам народного голосования роспуск не поддержан избирателями (Латвия).

Представляется необходимым увеличить перечень оснований, санкцией которых будет являться отрешение Президента РФ от должности. Нужно учитывать принцип: чем существеннее полномочия, тем больший должен быть контроль за их реализацией. Однако и ныне действующее положение об отрешении от должности Президента РФ заслуживает немало критических замечаний, и не только по причине невключения в качестве основания ответственности за нарушение Конституции РФ.

Весьма странным выглядит ныне предусмотренное основание отрешения Президента РФ от должности по причине того, что в качестве преступлений, за совершение которых можно лишиться соответствующего статуса, предусмотрены наряду с государственной изменой лишь тяжкие преступления, хотя Уголовный кодекс РФ предусматривает еще и такую группу преступлений, как особо тяжкие (ст. 15). Представляется, следуя буквальной формулировке Закона, что на данный момент, кроме государственной измены, ни за одно тяжкое преступление Президент РФ не может быть привлечен к ответственности. Данное положение Конституции РФ не только имеет ограничительный характер, но и определяет ответственность за менее существенные наказания, исключая ответственность за более суровые.

Н. М. Колосова полагает, что для урегулирования вопросов, связанных с отрешением Президента РФ от должности, необходимо определить возможность повторного выдвижения обвинения; слова «обвинение в совершении иного тяжкого преступления» в ст. 93 Конституции РФ заменить на слова «обвинение во всех уголовных преступлениях» [4].

По мнению А. Л. Сергеева, следует разделять понятия «государственная измена» и «тяжкое преступление» как основания ответственности Президента РФ от одноименных уголовно-правовых категорий и закрепить в Федеральном законе о конституционной ответственности определение указанных терминов [5]. Вряд ли можно согласиться с двояким пониманием одних и тех же юридических терминов. Необходимо четко определить, что следует подразумевать под соответствующими понятиями, это не вызывает сомнения.

А. А. Кондрашев также считает неоправданной неотвеченность Президента РФ за преступления небольшой и средней тяжести, так как это нарушает один из базовых конституционных принципов – принцип равенства граждан перед законом и судом [6]. По мнению ученого, в

«Конституции РФ и в федеральном уголовно-процессуальном законодательстве необходимо закрепить основания и порядок привлечения к уголовной ответственности Президента как за совершение уголовных преступлений, так и за нарушение Конституции, неисполнение решений Конституционного Суда РФ или иных федеральных судов» [7].

Также неверным является использование в ст. 93 Конституции РФ словосочетания «Президент Российской Федерации может быть отрешен», за ряд преступлений подобная санкция должна быть безусловной.

Недостатком предложенной Конституцией РФ процедуры отрешения от должности Президента РФ является не только громоздкий характер такой процедуры, но и отсутствие точно указанных сроков принятия решения Конституционным Судом РФ. Полномочие Верховного Суда РФ о даче заключения, подтверждающего наличие признаков преступления, вообще никаким законом не прописано, о нем лишь упоминается в Конституции РФ.

Вполне логичной была бы процедура, в соответствии с которой достаточно было бы обвинения двух палат парламента для отрешения Президента РФ от должности, как, например, в Италии, Польше, США. После отрешения от должности лицо, занимавшее должность Президента РФ, должно подлежать уголовной ответственности за преступление, в совершении которого оно было обвинено. А дело отрешенного от должности главы государства должно рассматриваться высшей судебной инстанцией страны (Верховным Судом РФ – в связи с совершением Президентом РФ уголовного преступления; Конституционным Судом РФ – если Президентом РФ был совершен конституционный деликт). Причем вовсе не обязательно формировать специальные органы судебного контроля, как предлагает сделать Н. М. Колосова [8], достаточно уравновесить порядок назначения судей Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. По аналогии с мировой практикой кандидатуры судей должны представлять нижняя палата парламента, верхняя палата парламента (если она получит иной порядок формирования, прямого или опосредованного избрания народом) и Президент – в равной степени. Также необходимо четко обозначить критерии совершения аморального поступка как одного из оснований досрочного прекращения полномочий судьи, чтобы обеспечить независимость и самостоятельность судьи при решении тех или иных вопросов.

В качестве основания отрешения от должности Президента РФ нужно установить совершение главой государства государственной измены, иного тяжкого или особо тяжкого преступления, а также иных деяний, которые являются несовместимыми со статусом главы государства. То есть основанием отрешения от должности должно стать не совершение преступлений, а совершение деяний, несовместимых со статусом главы государства, ведь посредством отрешения от должности лицо привлекается к конституционно-правовой ответственности,

но это не означает (по крайней мере, думается, не должно означать), что глава государства, совершивший преступление, избежит уголовной ответственности за него, утратив лишь должность. Таким образом, отрешение от должности должно следовать в случае совершения поступка, несовместимого с данной должностью, будь то преступление или иное нарушение Конституции РФ. Тем самым основание ответственности Президента РФ из уголовно-правового должно видоизмениться в конституционно-правовой деликт.

Учеными-конституционалистами для обеспечения деятельности Президента РФ предусматривается введение ряда мер и установление соответствующих оснований конституционных деликтов, в частности предлагается «урегулировать законодательным путем вопрос о тех рамках, в пределах которых Президент РФ вправе издавать указы, а также предусмотреть его ответственность за нарушение принципа верховенства законов в Российской Федерации» [9]; предусмотреть ответственность за нарушение конституционных обязанностей Президента РФ и злоупотребление правами [10].

Для формулирования конституционных деликтов необходимо в первую очередь выделить те обязанности, неисполнение (ненадлежащее исполнение) которых должно влечь ответственность. Н. М. Колосова считает, что Конституция РФ не говорит ни об одной обязанности Президента РФ прямо. Единственное, что можно отметить, по ее словам, так это слова клятвы. При условии замены в ч. 1 ст. 82 Конституции РФ слов «клянусь» на «обязуюсь» получаются следующие обязанности Президента РФ [11]:

- 1) обязанность уважать и охранять права и свободы человека и гражданина;
- 2) обязанность соблюдать и защищать Конституцию РФ;
- 3) обязанность защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства;
- 4) обязанность верно служить народу.

Анализируя обязанности-клятвы, Н. М. Колосова приходит к выводу о том, что данные обязанности в большей степени имеют абстрактный характер [12].

Однако обязанности Президента РФ все же Конституцией РФ закреплены, так как определен перечень действий, которые Президент РФ осуществляет, следовательно, обладает и обязанностью по их исполнению. К тому же придание словам клятвы статуса обязанностей весьма условно. Текст клятвы может служить основанием ответственности только при прямом закреплении санкций за нарушение клятвы (чего Конституцией РФ не предусмотрено), да и текст клятвы вряд ли носит конкретный характер, смысл и предназначение клятвы иные, чем у оснований ответственности.

Деликты о конституционно-правовой ответственности Президента РФ должны строиться на основе обозначения неисполнения наиболее

важных его обязанностей и быть закреплены в специальном законе о конституционно-правовой ответственности (как нам видится, при внесении соответствующих изменений в Конституцию РФ его статус должен быть обозначен как федерального конституционного закона).

На основе имеющихся обязанностей Президента РФ, как в Конституции РФ, так и в других актах законодательного характера, можно сконструировать следующие деликты.

Принятие указов и распоряжений, не соответствующих Конституции РФ, влечет признание Конституционным Судом РФ нормативного акта Президента РФ не соответствующим Конституции РФ и утратившим силу.

Принятие указов и распоряжений, не соответствующих закону, влечет признание судом акта Президента РФ недействующим.

Принятие Президентом РФ акта, противоречащего Конституции РФ и (или) законам и повлекшего за собой массовые и грубые нарушения прав и свобод человека и гражданина, угрозу единству и территориальной целостности РФ, национальной безопасности РФ и ее обороноспособности, единству правового и экономического пространства РФ, влечет признание данного акта Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции РФ и утратившим силу или соответствующим судом недействующим, а также возмещение причиненного ущерба в полном объеме за счет средств федерального бюджета.

Неисполнение обязанности по подписанию и (или) обнародованию федерального конституционного закона, федерального закона влечет вынесение предупреждения Государственной Думой о недолжном выполнении обязанностей. Данный деликт не умаляет право вето Президента РФ, воспользоваться которым он может на основании предписаний Конституции РФ (аналогичное правило относится и к двум последующим деликтам).

Неоднократное (три и более раз в течение шести месяцев) неисполнение обязанности по подписанию и (или) обнародованию федерального конституционного закона, федерального закона влечет вынесение предупреждения Государственной Думой о неконституционности (незаконности) деятельности Президента РФ.

Грубое неоднократное (шесть и более раз в течение десяти месяцев) неисполнение обязанности по подписанию и (или) обнародованию федерального конституционного закона, федерального закона, в том числе неисполнение повторного требования о подписании закона, является основанием для отрешения Президента РФ от должности.

Роспуск Государственной Думы по иным основаниям, чем предусмотрено в Конституции РФ, является основанием для отрешения Президента РФ от должности.

Назначение Председателя Правительства РФ без согласия Государственной Думы (кроме случая, когда трижды после представления разных кандидатур Президентом РФ Государственная Дума откажет

в согласии на назначение Председателя Правительства РФ) является основанием для отрешения Президента РФ от должности.

Неисполнение обязанности по назначению или представлению кандидатур для назначения, отрешения от должности, если соответствующее полномочие установлено Конституцией РФ или федеральным конституционным законом, федеральным законом, влечет вынесение предупреждения Советом Федерации или Государственной Думой о недолжном выполнении обязанностей. Данная обязанность установлена как Конституцией РФ (ст. 83, 128, 129), так и рядом федеральных конституционных законов (например, о Правительстве РФ, об арбитражных судах в РФ, о Конституционном Суде РФ), федеральных законов (например, о прокуратуре РФ, о Счетной палате РФ, о Центральном банке РФ (Банке России)).

Нарушение порядка назначения референдума или выборов, если соответствующая обязанность входит в полномочие Президента РФ в соответствии с Конституцией РФ или федеральным конституционным законом, федеральным законом, влечет вынесение предупреждения Советом Федерации или Государственной Думой о недолжном выполнении обязанностей.

Непринятие необходимых мер по введению и (или) информированию о введении военного или чрезвычайного положения, обеспечению его действия, установленных Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, влечет вынесение предупреждения Советом Федерации или Государственной Думой о недолжном выполнении обязанностей.

Непринятие необходимых мер по введению и (или) информированию о введении военного или чрезвычайного положения, обеспечению его действия, установленных Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, повлекшее несогласованность действий органов государственной власти и (или) массовые беспорядки, иные тяжкие последствия, влечет вынесение предупреждения Государственной Думой о неконституционности (незаконности) деятельности Президента РФ. В случае невозможности принятия решения Государственной Думой (ропуск, перерыв в работе сессии и по иным причинам невозможности собраться на заседание) соответствующее решение принимает Совет Федерации.

Нарушение условий освобождения от должности высших должностных лиц РФ (Генерального прокурора РФ, министров и других лиц) влечет вынесение предупреждения Советом Федерации или Государственной Думой о недолжном выполнении обязанностей.

Неисполнение обязанностей, связанных с участием Президента РФ в процедуре принятия в РФ и (или) образования в ее составе нового субъекта РФ, установленных Федеральным конституционным законом о порядке принятия в РФ и образования в ее составе нового субъекта РФ, влечет вынесение предупреждения Советом Федера-

ции или Государственной Думой о недолжном выполнении обязанностей.

Неисполнение решения Конституционного Суда РФ, в том числе и по поводу приведения нормативно-правовых актов Президента РФ в соответствие с Конституцией РФ в связи с вынесением решения Конституционным Судом РФ о несоответствии Конституции РФ федерального закона (если указ развивает нормы такого закона), влечет вынесение предупреждения Советом Федерации или Государственной Думой о недолжном выполнении обязанностей.

Сопровождение деятельности Президента РФ публичными религиозными обрядами и церемониями (данный запрет установлен Федеральным законом о свободе совести и о религиозных объединениях) влечет вынесение предупреждения Советом Федерации или Государственной Думой о недолжном выполнении обязанностей.

Неисполнение обязанности Президента РФ по подписанию договора о разграничении полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта РФ или внесению проекта федерального закона об утверждении договора о разграничении полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта РФ в соответствии с Федеральным законом об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ влечет вынесение предупреждения Советом Федерации или Государственной Думой о недолжном выполнении обязанностей.

Нарушение Президентом РФ порядка и оснований, установленных Федеральным законом об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ для принятия Президентом РФ решения о возложении полномочий органа государственной власти субъекта РФ на федеральные органы государственной власти в связи с чрезвычайными обстоятельствами, препятствующими формированию соответствующих органов государственной власти субъекта РФ, влечет вынесение предупреждения Советом Федерации или Государственной Думой о недолжном выполнении обязанностей.

Нарушение Президентом РФ оснований и сроков внесения предупреждения высшему должностному лицу субъекта РФ (руководителю высшего исполнительного органа субъекта РФ) или отрешения от должности высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа субъекта РФ) или временного отстранения от должности высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа субъекта РФ), установленных Федеральным законом об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, влечет вынесение предупреждения

Советом Федерации или Государственной Думой о недолжном выполнении обязанностей.

Примечания:

1. Авдеенкова М. П., Дмитриев Ю. А. Конституционное право в Российской Федерации: Курс лекций: В 9 т. Т. 1: Основы теории конституционного права. М., 2005. С. 309.

2. Авдеенкова М. П., Дмитриев Ю. А. Указ. соч. С. 314.

3. Виноградов В. А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. М., 2000. С. 161-166; Институты конституционного права иностранных государств. М., 2002. С. 173, 194 и др.

4. Колосова Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М., 2000. С. 42-43. Аналогичное мнение и у О. В. Гороховцева. См.: Гороховцев О. В. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

5. См.: Сергеев А. Л. Указ. соч. С. 12.

6. Кондрашев А. А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. М., 2006. С. 111.

7. Кондрашев А. А. Указ. соч. С. 112.

8. Колосова Н. М. Указ. соч. С. 100.

9. Кутафин О. Е. Истоchnики конституционного права Российской Федерации. М., 2002. С. 99.

10. Колосова Н. М. Указ. соч. С. 70-72.

11. Колосова Н. М. Указ. соч. С. 70.

12. Колосова Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации. С. 70-72.

С. Х. Хаматова, Б. В. Цамакаев

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУР ПРОВЕДЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В статье рассматриваются правовые основы охраны общественного порядка при проведении собраний, митингов, демонстраций и пикетирования. Автор уделяет пристальное внимание процедуре организации массовых публичных мероприятий. В статье особо

отмечается, что при осуществлении административно-правовой охраны общественного порядка в условиях массовых мероприятий крайне необходимо использование методов ненасильственного решения возможных конфликтов, создание системы мер, способствующих согласованию интересов, выработке взаимоприемлемых и конструктивных решений.

Вызвавшие большой общественный резонанс события на улицах и площадях ряда крупнейших городов нашей страны в последние годы с особой силой высветили системную проблему реализации на практике права граждан собираться мирно и без оружия, как это предусмотрено ст. 31 Конституции Российской Федерации.

Участие граждан в различных публичных мероприятиях – одна из форм реализации их прав и свобод, закрепленная в Конституции РФ. Как отмечается в научной литературе, право граждан на проведение публичных мероприятий относится к числу неотъемлемых и основополагающих функциональных элементов демократического общества [1]. В процессе участия в таких мероприятиях граждане имеют возможность проявить личную и групповую инициативу, выразить отношение к тому или иному политическому, социальному или другому событию, явлению, потребовать от компетентных органов решения тех или иных вопросов.

Публичное мероприятие – это открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан РФ, политических партий, других общественных и религиозных объединений. Целью публичного мероприятия является свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики.

К процедурам организации публичного мероприятия относятся:

- оповещение возможных участников публичного мероприятия и подача уведомления о проведении публичного мероприятия в соответствующий орган исполнительной власти субъекта РФ или орган местного самоуправления;
- проведение предварительной агитации;
- изготовление и распространение средств наглядной агитации;
- другие действия, не противоречащие законодательству РФ, совершаемые в целях подготовки и проведения публичного мероприятия.

Федеральный закон от 19 июня 2004 г. «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [2] предусматривает, что для органа власти единственным порядком общения с организатором

публичного мероприятия до его проведения является процедура приема уведомления об этом. В этой связи именно процедура уведомления используется некоторыми представителями власти для произвольного ограничения права граждан на мирные публичные мероприятия.

Данный Федеральный закон обязывает организатора публичного мероприятия не ранее 15 и не позднее 10 дней до дня его проведения подать уведомление об этом (ч. 1 ст. 7). Уведомление о пикетировании группой лиц подается не позднее чем за три дня до его проведения. Практика подтверждает, что такие сроки достаточны для эффективной реализации конституционного права на мирные собрания, отвечают требованию соразмерности и выступают в качестве процедурной гарантии как для организаторов публичного мероприятия, так и для органов власти.

Уведомление должно содержать полную информацию о цели, форме, месте проведения и маршрутах движения участников, о дате, времени начала и окончания мероприятия и т.д. Закон не предполагает возможности отказа в приеме уведомления, в том числе даже составленного неверно или не содержащего полной информации о мероприятии.

Согласно п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 12 вышеуказанного Закона орган власти должен документально подтвердить получение уведомления о проведении публичного мероприятия и в трехдневный срок довести до сведения его организатора обоснованные предложения об изменении места и (или) времени мероприятия, а также об устранении несоответствия уведомления о нем требованиям закона. Следует согласиться с тем, что Закон не предоставляет органу власти права не принять уведомление о проведении публичного мероприятия. Имеют место ситуации, когда законодательство в субъектах РФ содержит в себе предписания об «отказе в принятии уведомления» [3].

В соответствии с Федеральным законом уведомление о проведении публичного мероприятия может подаваться как в орган исполнительной власти субъекта РФ, так и в орган местного самоуправления. Нормативные акты субъектов РФ вводят правовые основания для такой дифференциации. Как правило, уведомление о проведении мирного собрания подается в орган местного самоуправления муниципального образования. При этом, однако, в большинстве регионов Российской Федерации структурное подразделение или должностное лицо в органе местного самоуправления, уполномоченное осуществлять прием, учет и рассмотрение уведомлений, не определено нормативно и назначается распоряжением руководителя соответствующей местной администрации по его усмотрению.

Уведомление подается в администрацию субъекта РФ, если публичное мероприятие проводится на территории, непосредственно прилегающей к зданиям, в которых размещаются государственные органы субъекта РФ.

Общее требование о содержании уведомления закреплено в ст. 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Согласно Закону в уведомлении о проведении публичного мероприятия указываются:

- цель публичного мероприятия;
- форма публичного мероприятия;
- место (места) проведения публичного мероприятия, маршруты движения участников;
- дата, время начала и окончания публичного мероприятия; предполагаемое количество участников публичного мероприятия;
- формы и методы обеспечения организатором публичного мероприятия общественного порядка, организации медицинской помощи, намерение использовать звукоусиливающие технические средства при проведении публичного мероприятия; фамилия, имя, отчество либо наименование организатора публичного мероприятия, сведения о его месте жительства или пребывания либо о месте нахождения и номер телефона;
- фамилии, имена и отчества лиц, уполномоченных организатором публичного мероприятия выполнять распорядительные функции по организации и проведению публичного мероприятия; дата подачи уведомления о проведении публичного мероприятия.

Некоторые субъекты РФ установили дополнительные требования. В Ульяновской области установлена норма сбора подписей и образец прилагаемого к уведомлению подписного листа.

Кроме того, Федеральный закон от 19 июня 2004 г. «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» предусматривает процедуры согласования уведомлений о проведении публичных мероприятий. Процедура согласования уведомлений о проведении публичных мероприятий также предусматривает принятие ряда актов применения норм административного права.

Согласно Закону органы власти вправе обратиться к организаторам публичного мероприятия с предложением об изменении места и времени его проведения. Основания для подобного предложения Закон не конкретизирует, говоря лишь о том, что они должны быть мотивированными (ч. 5 ст. 5) или обоснованными (п. 2 ч. 1 ст. 12). Подобное положение дел позволяет администрации снижать социальную значимость публичного мероприятия.

Как отмечает уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, публичное мероприятие, перенесенное на отдаленную городскую окраину или на стадион, во многом перестает быть публичным и, следовательно, теряет свой смысл. Предложение об изменении места или времени публичного мероприятия должно быть не только мотивированным, но и равноценным, то есть позволять его участникам действительно привлечь внимание общества к своей точке зрения или к своим требованиям.

Федеральный закон предоставляет органам власти право предлагать организаторам публичного мероприятия изменить только его время и место. Напротив, право органов власти предлагать организаторам публичного мероприятия изменить его форму, например, провести митинг вместо демонстрации или шествия, указанный Федеральный закон не предусматривает. В связи с этим явочным порядком введенная в последнее время органами исполнительной власти ряда субъектов РФ практика «согласования» формы проведения публичного мероприятия носит, по мнению уполномоченного, не правовой, а сугубо политический характер.

Чрезвычайно острой в правоприменительной практике остается проблема соблюдения органами власти установленных Законом сроков рассмотрения уведомлений о проведении публичного мероприятия. В принципе, нарушение этих сроков, очевидно, позволяет поставить вопрос о наличии в действиях должностных лиц состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 5.38 КоАП РФ.

Как показывает практика, уведомление о проведении массовой акции органом исполнительной власти не принимается в случаях, если:

- акция противоречит принципам Декларации прав и свобод человека и гражданина, общепринятым нормам общественной морали и нравственности;

- в уведомлении отсутствуют обязательства уполномоченных (организаторов) обеспечивать соблюдение общественного порядка, а также если они или уполномочившие их организации неоднократно не выполняли взятые обязательства по ранее проводившимся массовым акциям;

- акция совпадает по форме, месту, времени, но противоположна по направленности и целям другой массовой акции, уведомление о которой в установленные сроки подано ранее либо одновременно;

- акция создает реальную угрозу нормальному функционированию предприятий и учреждений;

- создается необходимость прекращения работы пассажирского и железнодорожного транспорта из-за невозможности изменения маршрута его движения.

В случае возникновения разногласий между органом исполнительной власти и организатором публичного мероприятия по месту и времени ее проведения, руководители органов внутренних дел привлекаются к участию в согласительных совещаниях по выработке возможных вариантов решения. Отказ в принятии исполнительным органом власти уведомления о проведении массовой акции может быть обжалован в вышестоящий орган исполнительной власти или суд.

Основы охраны общественного порядка при проведении собраний, митингов, демонстраций и пикетирования закреплены в целом

ряде законодательных и иных нормативных правовых актов. В частности, Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. «Об оружии» [4] определяет, что на территории Российской Федерации запрещается ношение гражданами оружия при проведении митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования и других массовых публичных мероприятий (ст. 6).

Согласно Закону РФ от 7 февраля 2011 г. «О полиции» [5], сотруднику полиции запрещается применять специальные средства при пресечении незаконных собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований ненасильственного характера, которые не нарушают общественный порядок, работу транспорта, средств связи и организаций (ст. 22).

Необходимо особо отметить, что при осуществлении административно-правовой охраны общественного порядка в условиях массовых мероприятий крайне необходимо использование методов ненасильственного решения возможных конфликтов, создание системы мер, способствующих согласованию интересов, выработке взаимоприемлемых, конструктивных решений [6].

Кроме вышеназванных нормативных правовых актов, режим общественного порядка в ходе проведения публичных мероприятий обеспечивают предписания КоАП РФ, Приказа МВД России от 13 апреля 1993 г. №166 «О совершенствовании организации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности» [7], а также Приказа МВД России от 29 января 2008 г. №80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности» [8].

Однако следует отметить, что, несмотря на наличие целого ряда законодательных актов, предписания которых направлены на охрану общественного порядка при проведении публичных мероприятий, в настоящее время явно недостает нормативных правовых актов, регламентирующих непосредственно деятельность органов внутренних дел по вопросам, связанным с обеспечением охраны общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых публичных мероприятий.

Примечания:

1. Лейбо Ю. И., Толстопятенко Г. П., Экштайн К. А. Права и свободы человека и гражданина. М., 2000. С. 188.

2. Федеральный закон от 19.06.2004 №54-ФЗ (ред. 11.10.2018) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Звягин М. М. Административно-правовая охрана общественного порядка при проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий

и пикетирований в Российской Федерации: Дис.... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 152.

4. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О соблюдении на территории Российской Федерации конституционного права на мирные собрания» // Российская газета. 2007. 28 июня.

5. Звягин М. М. Административно-правовая охрана общественного порядка при проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в Российской Федерации: Дис.... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 157.

6. Собрание законодательства РФ. 1996. №51. Ст. 5681.

7. Федеральный закон от 7.02.2011 г. №3-ФЗ «О полиции» (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. 2011. №7. Ст. 900.

8. Кравцов В. М. Административно-правовая охрана общественного порядка при проведении собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 20.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. №195-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Бюллетень текущего законодательства МВД России. Вып. 4. Ч. II. М., 1993.

11. Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. №27.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

А. З. Казиев, Л. Х. Караева

СЛОЖНОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассматриваются сложности выявления латентной преступности. Дана классификация общих и специальных методов исследования латентной преступности.

Наличие латентной преступности вызывает ряд негативных последствий. В частности, нарушается принцип неотвратимости наказания, создается обстановка безнаказанности, появляется мотивация совершения новых преступлений. В результате латентизации нарушенные преступными посягательствами общественные отношения или не восстанавливаются вообще, либо восстанавливаются с опозданием. Факты несвоевременного реагирования уполномоченных государственных структур на совершенные преступления, становясь известными населению, снижают доверие к правоохранительной деятельности. Все это вместе взятое влияет на борьбу с преступностью, на процессы построения в стране правового, демократического государства.

Перечисленные обстоятельства вместе со сложной криминогенной обстановкой в нашем обществе обусловили необходимость проведения актуального многоаспектного исследования проблем латентной преступности.

Семантическое происхождение термина «латентный» (от лат. *latentis*) означает скрытый, невидимый, то есть тот, который не проявляет себя видимыми признаками. В международном значении латентный признак явления преступности чаще всего обозначается выражением «dark side», или «темная сторона преступности», или «nonreported crimes», то есть «преступления, о которых не было сообщено полиции» [1].

Иногда считают, что к числу латентных принадлежат преступления, скрытые от одного из органов, которым по закону предоставлено право расследовать или рассматривать дела о совершении общественно опасных деяний. Однако одного факта сокрытия преступления от соответствующего правоохранительного органа, некоторые ученые считают, далеко не достаточно, чтобы относить его к числу латентных. Поэтому более правильно рассматривать латентную преступность как совокупность фактически совершенных преступлений, которые, однако, не были обнаружены или в результате других обстоятельств не стали известными правоохранительным и судебным органам.

Н. С. Волкова, Р. А. Саяхов считают, что не может быть единого правового понятия латентной преступности. По своей природе она имеет тройкое содержание: криминологическое, криминалистическое и уголовно-процессуальное. Латентная преступность в криминологическом аспекте (вышеупомянутом) – это совокупность не обнаруженных и не включенных в статистическую отчетность преступлений. Под латентной преступностью в криминалистическом смысле понимают не обнаруженные и не раскрытые преступления. Латентную преступность в уголовно-процессуальном смысле составляют те преступления, совершение которых не повлекло за собой возникновение юридических последствий – нарушение и разрешение уголовного дела в порядке уголовного судопроизводства [2].

Подобный взгляд на латентную преступность лишен весомых оснований. Выделение ее криминалистического значения и уголовно-процессуального содержания не соответствует ее истинной природе. Так называемое криминалистическое его значение выступает как предпосылка латентности (преступление не выявлено, не раскрыто), а уголовно-процессуальное ее содержание – результат потерь в работе органов уголовной юстиции (совершенное преступление не привело к юридическим последствиям). Кроме того, следует иметь в виду, что криминалистическая и уголовно-процессуальная стороны латентной преступности могут быть применены только к отдельным элементам преступности (конкретным преступлениям) и не характеризуют преступность вообще как социальное явление. Поэтому латентная преступность – понятие сугубо криминологическое. Она охватывает определенную часть преступности, то есть явление, которое отнесено к предмету криминологии и не входит в предмет криминалистики и уголовного процесса.

Для выявления латентной преступности используют общие и специальные методы. К общим методам относятся: выявление общественного мнения о состоянии латентной преступности; экспертная оценка при опросе специалистов; изучение документов правоохранительных органов, финансово-ревизионного контроля, медицинских учреждений и др. Специальные методы – это, в частности: ана-

лиз динамических рядов преступлений; исследование периода от их совершения к раскрытию и принятию санкций; экстраполяция; системно-структурный анализ и тому подобное. Четкое выявление объективных и субъективных обстоятельств каждого преступления способствует осуществлению необходимых мероприятий по ослаблению таких явлений в будущем [3]. Латентную преступность необходимо выявлять, чтобы: владеть информацией о реальном состоянии преступности на территории обслуживания; определять истинную структуру преступности; иметь четкое представление о тенденциях в динамике преступности; определять размер ущерба, причиненного государству и гражданам; выявлять обстоятельства, порождающие преступность, и определять пути их устранения; прогнозировать и планировать борьбу с преступностью. Традиционно борьба с преступностью строится без принятия во внимание латентной преступности, а чтобы достичь определенных успехов, необходимо учитывать ее состояние [4].

Эффективное противодействие преступности требует познания реальных масштабов преступности в области, городе, районе, отдельных населенных пунктах, криминологической характеристики отдельных ее видов и лиц, совершивших преступления, разработки соответствующих программ противодействия преступности с сочетанием усилий всех субъектов такого противодействия. Полагаться на официальные статистические данные о состоянии преступности нельзя, поскольку она не отражает реальной картины. Официальная статистика отражает не столько состояние преступности, сколько состояние его регистрации в стране. Латентная преступность существенно искажает статистические данные о криминологической ситуации, реальное состояние, структуру, характер, динамику преступности, о размере и характере причиненного вреда; уменьшает степень достоверности прогнозов; препятствует реализации принципа неотвратимости ответственности; подрывает авторитет правоохранительных органов; препятствует эффективному противодействию росту преступности; снижает антикриминальную активность граждан; негативно влияет на экономическую жизнь страны [5].

Для выявления уровня латентности преступности и отдельных видов преступлений разработаны и используются общие и специальные методы.

К общим методам относятся: выявление общественного мнения о состоянии латентной преступности, в том числе выявление лиц, пострадавших от преступлений, о чем сообщали в правоохранительные органы, но не получили предусмотренного законом реагирования; экспертная оценка при опросе специалистов (специалистов); изучение документов правоохранительных органов, материалов финансово-ревизионного контроля, учетов медицинских учреждений и др.

К специальным методам, которые применяются прокурорами и учеными, относится анализ деятельности правоохранительных органов по реагированию на информацию о преступлениях, их расследование, рассмотрение дел о них и тому подобное.

Еще одна классификация методов исследования латентной преступности – способ разработки, а именно социологии и криминологии.

К первой группе относятся: наблюдение, опрос, социометрическая методика и техника, анализ экспертных оценок, контент-анализ материалов прессы, сопоставление анализа статистических показателей и тому подобное.

Наблюдение – наиболее распространенный метод сбора криминологической информации путем непосредственного восприятия и регистрации значимых явлений, процессов и событий. Это, в частности, статистическая регистрация преступности, регистрация отдельных преступлений и тому подобное. Наиболее доступным видом наблюдения считается непосредственное наблюдение.

Одной из острейших проблем современности, влияющей на все стороны общественной жизни и создающей угрозу проведению экономических преобразований, фактором социальной дестабилизации является устойчивый рост преступных проявлений, увеличение в структуре преступности доли тяжких и особо тяжких преступлений, а также разрастание организованной преступности. Такое положение дел повышает усилия правоохранительных органов, направленные на обеспечение контроля над преступностью и ее предупреждение. Однако необходимой предпосылкой для этого служит знание подлинных масштабов преступности, оперирование показателями фактического ее состояния, а не только той части, которая нашла отражение в официальных данных криминальной статистики [6].

Оперативно-следственные методы исследования латентной преступности охватывают совокупность методов, которые применяются главным образом в оперативной, следственной и надзорной деятельности правоохранительных органов, а именно методы: обзор виктимизации, анализ динамических статистических рядов соответствующих видов преступлений, по сравнению с данными об активизации работы правоохранительных органов в период наблюдения, криминологический эксперимент и др.

Реализация указанных и других мероприятий, несомненно, будет способствовать достоверности, полноте и надежности данных об объеме латентной преступности.

Значительным предупредительным потенциалом по противодействию латентности преступлений имеют также такие институты уголовного права, как освобождение от ответственности и наказания, условное осуждение (ст.73 УК РФ), помилование (ст.85 УК РФ), назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст.64 УК РФ) и т.п.

К примеру, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием лица (ст.75 УК РФ) (добровольная явка с повинной, способствование раскрытию преступления, возмещение причиненного вреда) позволяет, во-первых, выявить сам факт совершения преступления (например, при добровольной явке с повинной), и, во-вторых, раскрыть само преступление, тем самым утрачивается искусственно-латентный характер этого преступления. То есть необходимость наличия этого основания освобождения от уголовной ответственности является бесспорной [7].

Другое дело, что данный институт уголовного права в последние годы стал неоправданно интенсивно применяться на практике. Необоснованно широкое применение статьи 75 УК РФ на практике, по нашему мнению, может привести и приводит к самодетерминации преступности и к утрате предупредительного потенциала самой буквы уголовного закона.

В силу этого, мы считаем, что уполномоченные лица должны прекращать уголовные дела по деятельному раскаянию только в исключительных случаях, когда исходя из уголовного дела явно видно, что виновное лицо более не нарушит уголовный закон, и оно в полной мере деятельно раскаялось в своем поступке. Кроме того, следует изменить статью 75 УК РФ и предусмотреть в ней определенные ограничения, которые позволили бы прекратить такое частое использование основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Например, в силу того, что освобождение от уголовной ответственности является в какой-то степени актом гуманного отношения государства к лицу, совершившему преступление, то можно предусмотреть в ст.75 УК РФ правило, по которому никто не может быть освобожден от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием дважды за совершение аналогичных преступлений (тождественных и однородных) вне зависимости от наличия или отсутствия судимости за прошлые преступные деяния [8].

Итак, в заключение следует отметить, что латентная преступность представляет собой совокупность лиц и совершенных ими в конкретном регионе и в конкретный период времени преступных деяний, не зафиксированных в уголовной статистике.

Важную роль в практике латентности играет оперативно-розыскная профилактика. В данном случае оперативно-розыскные мероприятия используются не в качестве средства, обеспечивающего привлечение лица к уголовной ответственности, а наоборот, в целях недопущения наступления условий привлечения к ней; первоочередная направленность оперативно-профилактических мероприятий на недопущение совершения преступлений, а не правонарушений в целом.

Примечания:

1. Гаглоев, А. А. Латентная преступность и использование ее показателей в деятельности органов внутренних дел // Экономика, социология и право. 2016. №3. С. 53-56.

2. Волкова Н. С., Саляхов Р. А. Латентная преступность как угроза нормального функционирования общества // Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4-х частях. 2016. С. 202-204.

3. Иншаков С. М. Латентная преступность как показатель эффективности уголовной политики // Российский следователь. 2017. №14. С. 162.

4. Волкова Н. С., Саляхов Р. А. Латентная преступность как угроза нормального функционирования общества // Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4-х частях. 2016. С. 202-204.

5. Давыдов Я. В. Криминология: Конспект лекций. М.: Приор-издат, 2015. С. 25.

6. Вишневецкая И. Н., Мамаева М. А., Иночкина С. В. Проблемы латентной преступности // Сборник статей XX Международной научно-практической конференции: в 2 ч.. 2018. С. 170-172.

7. Черноусов М. М., Цветков Г. С. Исследование латентной преступности: теоретические и практические аспекты // Наука, образование и культура. 2018. №3 (27). С. 30-39.

8. Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. М., 2015. С. 114.

М. А. Малиева

**СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В статье анализируются причины высокой латентности преступлений в сфере предпринимательской деятельности в России. Указываются недостатки в уголовном законодательстве, относящиеся к сфере предпринимательской деятельности. Рассматриваются специальные меры предупреждения преступной деятельности в данной сфере.

Одними лишь общесоциальными мерами оказать эффективное противодействие любому виду преступности, в том числе и преступлениям в сфере предпринимательской деятельности, невозможно,

в связи с чем всегда существует необходимость в определении действенных специальных мер предупреждения.

Представляется, что в сфере специального предупреждения преступлений в сфере предпринимательства необходимо принятие следующих мер:

- вести работу по совершенствованию системы правоохранительных и контролирующих органов. Для этого мы полагаем необходимым совершенствовать управленческую деятельность, которая должна включать в себя принятие мер по оптимизации кадрового состава, распределение численности лиц, специализирующихся на том или ином направлении, в зависимости от его сложности, задач и целей. Для этого мы полагаем необходимым сокращать штатную численность тех подразделений и органов, результаты деятельности которых могут быть достигнуты и меньшим количеством сотрудников, перераспределяя высвободившиеся резервы на иные направления. Такая оптимизация позволит усилить работу по предупреждению преступлений без излишних материальных затрат, что особенно ценно в условиях достаточно напряженной экономической ситуации в стране;

- использовать активно положительный опыт других государств, а также международный опыт по предупреждению преступлений в сфере экономической деятельности, а также в сфере осуществления предпринимательства;

- налаживать и укреплять международное сотрудничество по профилактике предпринимательской преступности, а также с отдельными зарубежными государствами, что особенно необходимо в случае оседания денежных средств, полученных в ходе преступной деятельности в сфере предпринимательства за рубежом;

- искоренять коррупцию в органах государственной власти и правоохранительных органах, позволяющую в настоящее время в интересах одних предпринимателей подавлять либо полностью уничтожать бизнес других, в том числе и путем безосновательного привлечения лиц к административной и уголовной ответственности;

- максимально полно использовать имеющийся потенциал у органов местной власти при планировании конкретных мероприятий по предупреждению преступлений в сфере предпринимательской деятельности, а также при реализации таких мероприятий;

- повысить материальную обеспеченность сотрудников правоохранительных органов, которыми осуществляется предупредительная деятельность, а также деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере предпринимательства, с целью исключения желания таких сотрудников повышать свое благосостояние путем задействия в коррупционных схемах;

- продолжать реформировать правовую базу, регулирующую предпринимательские отношения, обеспечивающую привлечение к

ответственности за совершение преступлений в сфере предпринимательства.

Одним из эффективных направлений борьбы с преступлениями в сфере предпринимательской деятельности выступает уголовно-правовое направление, ведь именно в соответствии с нормами уголовного законодательства те или иные деяния признаются преступными, именно уголовное право устанавливает конкретные санкции за совершение тех или иных деяний.

При этом установление уголовно-правовых запретов в сфере предпринимательской деятельности не имеет самоцелью привлечение к ответственности лиц, нарушивших закон.

Напротив, главная задача уголовно-правовых норм, регулирующих предпринимательские правоотношения, – обеспечение защиты прав тех лиц, которые пострадали от незаконных действий других.

К сожалению, действующая уголовно-правовая система запретов в сфере предпринимательской деятельности в нашей стране не может рассматриваться как эффективная, поскольку вступает в противоречие с иными отраслями права. В результате возникают различные коллизии, действенного и единообразного решения которых не существует до настоящего времени.

Так, к примеру, некоторые легальные гражданско-правовые отношения, «разрешенные» гражданским законодательством, оказались криминализованы в силу включения в УК РФ определенных норм.

Таким образом, в действующем уголовном законодательстве нашей страны явно прослеживается искусственная криминализация действительности гражданско-правовых, а не уголовно-правовых отношений.

Очевидно, что такая уголовная политика государства приводит к тому, что ограничивается возможность защиты прав предпринимателей гражданско-правовыми способами, а также к росту коррупционных проявлений, находящих свое выражение в рейдерских захватах, уничтожении малого и среднего бизнеса в угоду конкурентам и, как следствие, к монополизации в сфере предпринимательской деятельности.

Таким образом, мы считаем возможным выделить следующие недостатки в уголовном законодательстве нашей страны:

- несогласованность, а порой и явное противоречие уголовно-правовых норм нормам, содержащимся в законодательстве других отраслей права;
- излишне широкая криминализация деяний в экономической сфере в целом и в сфере предпринимательской деятельности в частности;
- противоречие уголовно-правовых норм нормам Конституции Российской Федерации, гарантирующим свободу экономической деятельности и равенство перед законом;

– противоречие уголовно-правовых норм нормам международного законодательства в сфере регулирования предпринимательской деятельности.

Действующий УК РФ не содержит отдельной главы, посвященной предпринимательским преступлениям, нормы, регламентирующие правоотношения в указанной сфере, включены в главу, посвященную экономическим преступлениям в целом.

При этом анализ глав, включенных в раздел VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики», дает возможность утверждать, что законодатель излишне широко трактует понятие экономических преступлений, относя к кругу таких деяний составы, которые в действительности достаточно трудно рассматривать в качестве экономических.

К примеру, по нашему мнению, такие насильственные хищения, как грабёж и разбой, а уж тем более такой состав, как угон, вообще не предусматривающий цели хищения, рассматриваться в качестве преступлений в сфере экономики могут лишь с огромной натяжкой.

Фактически можно сделать вывод о том, что законодатель неоправданно отождествляет понятия экономической и предпринимательской деятельности, в то время как второе понятие гораздо более узкое. Такая позиция законодателя создает существенные трудности при определении объекта рассматриваемых нами преступлений. Необходимо четко понимать и закрепить на законодательном уровне тот факт, что предпринимательская деятельность – это лишь часть экономической деятельности, что должно найти свое отражение в выделении норм, устанавливающих ответственность за преступления в сфере экономической деятельности в отдельную главу УК РФ, таким образом разрешив проблему определения в них непосредственного объекта.

Статистические данные о совершении экономических преступлений свидетельствуют о достаточной распространенности данного вида, что, по нашему мнению, свидетельствует о неэффективности существующих уголовно-правовых запретов в данной сфере и в сфере предпринимательской деятельности в частности.

При этом такие данные не обладают достаточной точностью в силу того, что отражают лишь состояние преступности в сфере экономики, не выделяя отдельно преступления в сфере предпринимательской деятельности. Общеизвестно, что учет статистических данных имеет существенное значение для составления представления о состоянии преступности определенного вида, прогнозирования совершения таких преступлений и, соответственно, их предупреждения.

Все это говорит о насущной необходимости пересмотра системы учета преступности данного вида. А с учетом того, что предпринимательские преступления в последнее время вызывают достаточно серьезную озабоченность, необходимо предусмотреть и отдельный учет преступности данного вида.

При этом мы уже отмечали, что данному виду преступлений свойственен высокий уровень латентности, в связи с чем это также должно учитываться при анализе состояния преступности данного вида.

Разрабатывая меры по предупреждению и борьбе с преступностью, в особенности в сфере предпринимательской деятельности, необходимо не только уделять внимание данным о количественных показателях преступности, но и последствиям такой преступности, масштабам ее влияния на криминальную ситуацию в стране в целом. В настоящее время данные проблемы осознаются не только исследователями в сфере уголовного права и криминологии и правоприменительными работниками, но и представителями власти.

Так, встречаясь с предпринимателями Пензенской области 14 июля 2018 года, В. В. Путин отметил, что для развития предпринимательства в нашей стране необходима соответствующая программа, пропагандирующая предпринимательство, при этом содержащая не только положения о позитивных моментах такой деятельности, но и о том, что это «огромный и тяжелый труд» [1].

Приходится с сожалением констатировать, что в настоящее время наша страна находится на одном из последних мест по уровню предпринимательской активности в мире [2].

Полагаем, что сложившаяся ситуация стала возможной не по причине экономического кризиса, поскольку наблюдения свидетельствуют о том, что Россия уже достаточно давно стабильно находится на указанной позиции. При этом можно отметить, что развитие вновь появившегося бизнеса (15%) составляет малую долю среди всего предпринимательства, значительная часть предпринимательской активности представлена лицами, осуществляющими такую деятельность достаточно давно (33%).

Опрос населения страны свидетельствует о том, что граждане в большинстве своем рассматривают условия для создания своего бизнеса в России как неблагоприятные, так считает более 70% населения страны.

В то же время, говоря о множестве негативных факторов в сфере осуществления предпринимательской деятельности, полагаем необходимым также уделить внимание и позитивным.

Так, например, в последние годы явно прослеживается стремление властей модернизировать экономику страны, реформировать уголовное законодательство путем его гуманизации по отношению к преступлениям в сфере экономики. И такая позиция законодателя нам представляется вполне верной в силу того, что в настоящее время криминализировано слишком много деяний в рассматриваемой сфере, большинство из которых, к примеру, уголовным законодательством европейских стран преступлениями не признаются [3].

Представляется, что в настоящее время именно гуманизация уголовного, а также и уголовно-процессуального законодательства

является насущной потребностью нашего государства и общества, поскольку иным образом стимулировать граждан к занятию предпринимательской деятельностью, развитию бизнеса на благо не только себя, но и всей страны, вряд ли возможно. Риск оказаться привлеченным к уголовной ответственности за добросовестное ведение бизнеса и возможность быть подвергнутым применению суровых санкций не способствует развитию желания у граждан, хоть и обладающих определенной экономической активностью, способностью к ведению бизнеса, определенными чертами характера, позволяющими успешно осуществлять предпринимательскую деятельность, открывать свое дело.

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что санкции за совершенные преступления в сфере экономической деятельности и предпринимательские преступления в частности в нашем государстве излишне суровы. Представляется, что такой суровый вид наказания, как лишение свободы, не должен применяться за совершение преступлений в сфере предпринимательства. А учитывая свойства личности граждан, совершающих преступления экономической категории, более действенными представляются меры экономического и психологического воздействия.

Таким образом, мы считаем, что система предупреждения преступлений в сфере предпринимательской деятельности не должна ограничиваться учетом лишь экономической и политической составляющих.

Для того чтобы специальное предупреждение преступности рассматриваемого вида было эффективным, требуется с привлечением соответствующих специалистов, исследователей в области экономики, социологии, криминологии, виктимологии, а также практических работников, в обязанности которых входит предупреждение преступности, проводить глубокий и всесторонний анализ проблем, возникающих в сфере профилактики преступлений, связанных с предпринимательством, учитывать причины совершения таких преступлений как в целом, так и в каждом конкретном случае.

Только таким путем возможно достичь целей по искоренению преступности в сфере предпринимательской деятельности.

Примечания:

1. http://my-trust.ru/golosa_desyatiletija/1045/ (дата обращения: 12.02.2019).
2. <http://www.i-regions.org/association/news/spotlight/855/> (дата обращения: 12.02.2019).
3. Гармаш А. М. Реформирование 22 главы Уголовного кодекса РФ как один из путей предупреждения преступности в предпринимательской деятельности // Общество и право. 2012. №3.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХУЛИГАНСТВО И ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ

В статье с позиций анализа действующего уголовного законодательства, регламентирующего привлечение к уголовной ответственности за хулиганство и преступления, совершенные из хулиганских побуждений, на основе отечественных научных публикаций рассматриваются проблемные аспекты классификации указанных преступлений и их отграничения от смежных составов преступлений.

Проблемы обеспечения общественного порядка, в том числе борьбы с хулиганством и иными преступлениями, совершенными из хулиганских побуждений, неоднократно служили предметом научных исследований. В том числе проблемы отграничения хулиганства от смежных составов рассматривались такими учеными, как Ю. В. Голик [1, с. 162-166], О. В. Журкина [3, с. 40-44], В. Г. Павлов [6, с. 175-189], В. Д. Тапилина [7, с. 139-146], К. В. Шалаева [8, с. 60-63] и др.

Состав такого преступления, как хулиганство, законодательно закреплён в ст. 213 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [9, с. 2954]. Необходимо отметить, что в УК РФ российским законодателем в ряде норм было введено в качестве квалифицирующего признака наличие у виновного лица хулиганских побуждений, характеризующих в таком случае субъективную сторону совершенного преступления.

В настоящее время сложилась определенная категория преступлений, а именно преступления, совершенные из хулиганских побуждений. Существующее разнообразие форм хулиганства обуславливает необходимость рассмотрения вопросов, связанных с отграничением преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, от смежных составов. Материалы судебной и следственной практики демонстрируют, что решение этого вопроса практически постоянно вызывает у правоприменителей затруднения.

В связи с проблемами квалификации составов хулиганства и преступления, совершенные из хулиганских побуждений, неизбежно возникающими на практике, Верховный Суд РФ 15.11.2007 года вынес Постановление Пленума №45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [10, с.19-24]. Оно применяется судами на практике уже более 10 лет.

Однако и данное разъяснение высшей судебной инстанции не решило всех проблем и до сих пор при квалификации хулиганства на практике нередко возникают спорные ситуации, которые требуют бо-

лее детального и глубокого анализа обстоятельств совершения преступления. Указанное связано с тем, что в результате совершения хулиганства действиями виновного лица может быть причинен также вред и иным охраняемым уголовным законом интересам. В частности, в результате действий виновного лица могут пострадать случайные прохожие, или вред может быть причинен имуществу.

Из содержания п.12 вышеназванного Постановления Пленума Верховного Суда РФ следует, что в качестве критерия хулиганских побуждений указывается отсутствие повода для действий виновного лица либо использование незначительного повода. Сам факт грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, не указывается в данном разъяснении высшей судебной инстанции в качестве критерия, характеризующего хулиганские побуждения. В то же время в научной среде существует мнение, что любое совершаемое преступление выражает неуважение виновного лица к обществу и нарушает установленный общественный порядок [4, с. 92].

Кроме того, результаты анализа современной судебной практики приводят к выводу об отсутствии у судов единого понимания и, как следствие, формирования правильного толкования квалифицирующего признака «из хулиганских побуждений», что вызвано спецификой оценочного характера исследуемого признака [2, с. 20].

Также в научной среде имеется мнение, что одним из основных критериев отграничения хулиганства от преступлений против личности выступает объект преступного посягательства. Объектом хулиганства является непосредственно общественный порядок, который представляет собой совокупность норм и правил поведения в обществе, обеспечивающих нормальные условия жизнедеятельности граждан, а также нормальную работу юридических лиц и транспорта. Преступления против личности в первую очередь направлены против прав, свобод и законных интересов конкретного человека, например его жизни и здоровья [3, с. 40-44].

При этом в судебной практике нередко возникают ситуации, когда при сходных обстоятельствах суд различным образом квалифицирует действия виновного лица. Аналогичные вопросы возникают при разграничении преступлений против личности, совершенных из хулиганских побуждений, и непосредственно хулиганства. В некоторых случаях суд квалифицирует действия виновного лица по совокупности п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ и п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ либо исключительно по п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ. В связи с чем можно констатировать, что в судебной практике отсутствует единообразное применение норм УК РФ при разграничении состава преступления хулиганства и преступлений против личности, совершенных из хулиганских побуждений.

Представляется, что в судебной практике прежде всего вызывает затруднения отграничение хулиганства от преступлений против лич-

ности, совершенных из хулиганских побуждений. Ошибки в квалификации действий виновного вызваны различными обстоятельствами, в том числе и недостатками законодательного регулирования, сложившейся практикой применения, а также множественностью оценочных критериев, характеризующих состав хулиганства и хулиганские побуждения [5, с. 26-29].

Помимо ряда составов преступлений против личности такое преступление, как хулиганство, имеет некоторые точки соприкосновения с таким составом преступления, как умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ), относящимся к преступлениям против собственности. Довольно часто на практике возникают ситуации, когда в результате действий виновного лица при совершении хулиганства может быть повреждено либо уничтожено имущество, принадлежащее третьим лицам. Кроме того, ч. 2 ст. 167 УК РФ предусматривает, что данное преступление может быть совершено из хулиганских побуждений.

При разграничении указанных составов необходимо учитывать различие в объектах преступных посягательств. При совершении хулиганства объектом преступления выступает общественный порядок, а при умышленном уничтожении или повреждении имущества преступление посягает в первую очередь на отношения собственности. Исходя из содержания п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 года №45 можно сделать вывод о том, что разграничение хулиганства и преступлений против собственности необходимо одновременно проводить по нескольким критериям. В первую очередь такое разграничение следует проводить по объекту преступного посягательства, поскольку хулиганство посягает на общественный порядок, тогда как преступления против собственности посягают непосредственно на отношения собственности.

Кроме того, имеются определенные различия в реализации объективной стороны преступления. Так, хулиганство всегда выражает явное неуважение к обществу, а именно зачастую совершается публично, в то время как преступления против собственности не содержат указанного признака. Характерным для преступления, совершенного из хулиганского побуждения, является направленность данного деяния против общества [2, с. 20].

Существенные отличия можно заметить и в установлении субъективной стороны преступлений, так как при совершении хулиганства виновное лицо имеет умысел грубо нарушить общественный порядок, а в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, умысел виновного направлен именно на уничтожение или повреждение чужого имущества. Указанное позволяет четко разграничить составы преступлений по их субъективной стороне.

Подводя итог, можно констатировать, что недопустимо делать вывод о совершении преступного деяния из хулиганских побуждений

исключительно на основании отсутствия каких-либо иных мотивов, поскольку рассматриваемое побуждение имеет свое содержание и отличительные особенности. При этом для правильной квалификации и разграничения хулиганства и преступлений, совершенных из хулиганских побуждений, необходимо учитывать различие в объектах преступных посягательств, особенности объективной стороны, а также специфику субъективной стороны рассматриваемых преступлений.

Примечания:

1. Голик Ю. В. Ответственность за хулиганство: изменения в законодательстве // *Lex russica*. 2017. №8. С. 162-166.
2. Гостькова Д. Ж. Хулиганские побуждения в преступлениях против жизни и здоровья // *Уголовное право*. 2018. №2. С. 20-24.
3. Журкина О. В. Проблемы отграничения хулиганства от смежных составов преступлений // *Российский судья*. 2018. №10. С. 40-44.
4. Колунтаева Н. Н. Объективные признаки преступлений, совершенных из хулиганских побуждений // *Человек: преступление и наказание*. 2012. №1. С. 91-94.
5. Куприянов Е. И. Хулиганство – преступление, переходящее на личность // *Российский следователь*. 2013. №8. С. 26-29.
6. Павлов В. Г. Ответственность за хулиганство в уголовном законодательстве зарубежных стран // *Ленинградский юридический журнал*. 2017. №3. С. 175-189.
7. Тапилина В. Д. Ответственность за хулиганство в РФ: проблемы теории и практики применения // *Аллея науки*. 2016. №3. С. 139-146.
8. Шалаева К. В. Отграничение преступлений, совершенных из хулиганских побуждений, от смежных составов преступлений // *Сборник научных статей участников II Всероссийской научно-практической конференции*. Вятский государственный университет. 2017. С. 60-63.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // *Собрание законодательства РФ*. 1996. №25. С. 2954.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 №45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2017. №11. С. 19-24.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ СТ. 295 УК РФ

В данной статье предпринята попытка научно-правового анализа ст. 295 УК РФ, а также рассматриваются вопросы разграничения ст. 295 УК РФ и смежных с ней составов.

Провозглашая права и свободы человека высшей ценностью, Конституция Российской Федерации устанавливает, что признание, соблюдение и защита этих прав и свобод является главной обязанностью государства. Наличие независимой, сильной, самостоятельной системы правосудия является неотъемлемым элементом правового государства, коим является Российская Федерация, согласно ст. 1 Конституции РФ. Законность судебных решений, эффективность правовой и карательной функций – это по-прежнему те основные задачи, которые необходимо решить в рамках проведения судебно-правовой реформы.

Уголовное законодательство за последние три десятилетия претерпело кардинальные изменения в области регулирования системы преступлений против правосудия. Это произошло в рамках всеобщей реформы законодательства, а также в связи с изменением политико-экономического курса государства за эти годы (переход к рыночной экономике, демократизация общества и так далее).

Первоначально система преступлений против правосудия была законодательно закреплена в Уголовном уложении Российской Империи в 1903 году. В первых же уголовных кодексах Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, а именно в УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г., преступления против правосудия в отдельную качественно однородную группу не выделяли. Однако спустя десятилетия они снова были объединены и закреплены в отдельной главе УК РСФСР 1960 г. В ныне действующем уголовном законе данному виду преступлений посвящена глава 31.

Так что же такое «преступление против правосудия»? На мой взгляд, наиболее подходящим является следующее определение: преступление против правосудия – это умышленное преступное деяние (действие или бездействие), направленное на подрыв нормально-го (штатного) функционирования суда и других органов и лиц, участвующих в отправлении правосудия.

В зависимости от субъекта, по мнению Е. А. Смирнова, преступления против правосудия классифицируются следующим образом:

1) преступления, совершаемые должностными лицами, осуществляющими правосудие;

2) преступления, совершаемые другими участниками уголовного и гражданского процесса;

3) преступления, совершаемые арестованными, осужденными и их пособниками [1].

Ш. С. Рашковская утверждает, что классифицировать преступления данного вида достаточно на две группы:

1) преступления, которые совершаются должностными лицами правоохранительных органов;

2) преступления, которые совершаются иными лицами [2].

В свою очередь, А. Сахаров и Н. Носкова наиболее рациональной считают следующую классификацию:

1) преступления, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов;

2) преступления, совершаемые гражданами;

3) преступления, совершаемые лицами, отбывающими наказание [3].

Мы считаем, что ни одна из вышеперечисленных групп не вызывает абсолютного доверия, так как порождает много вопросов. Например, зачем выделять в отдельную группу преступления против правосудия, совершаемые арестованными, осужденными и их пособниками, если это никак не влияет на квалификацию преступления по той или иной статье, содержащейся в главе 31 УК РФ? Поэтому предложенные виды классификаций несколько надуманы, и они не отвечают требованиям теории уголовного права. Разграничивая по этим признакам, мы не получаем «отмычки» ни в каком из проблемных вопросов по данным статьям уголовного закона.

Что касается квалификации преступлений против правосудия, то субъектом тут выступает вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Объектом преступления является правосудие, которое в широком смысле подразумевает как деятельность судов, так и деятельность других правоохранительных органов, содействующих им в отправлении правосудия.

Субъективная сторона этих преступлений характеризуется лишь умышленной виной, а умысел бывает, как правило, прямым. Он направлен на то, что причинением, например, смерти правоохранителю тот или иной виновный воспрепятствует осуществлению правосудия.

Общественная опасность заключается в подрыве государственной власти путем умаления ее авторитета, а также утраты веры в беспристрастность правосудия.

Одним из основных элементов укрепления и повышения авторитета правосудия является ее правовая защищенность. Ведущую роль в обеспечении функций правосудия, а также законных интересов лиц, участвующих в отправлении правосудия, играет уголовное право. И, возможно, именно поэтому в последние десятилетия одним из приоритетных направлений в теории уголовного права стало исследование правосудия как объекта уголовно-правовой охраны.

Относительно небогатая судебная практика уголовно-правовой охраны лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, как самостоятельного объекта, не позволила сформулировать четкие алгоритмы применения соответствующих правовых норм, поэтому квалификация предусмотренных ими преступлений представляет собой немалую сложность. Именно этими обстоятельствами обусловлена необходимость более глубокого теоретического исследования уголовно-правовых норм в части посягательств на независимость и неприкосновенность судьи, следователя, присяжного заседателя и иных лиц, участвующих в отправлении правосудия.

В рамках данной статьи будут раскрыты особенности и выявлены проблемные аспекты ст. 295 УК РФ, которые представляются очень важными.

Специфическое мнение по вопросам основного непосредственного объекта преступного посягательства высказывает Председатель Верховного суда РСО-А в 1999-2011 годах Тамерлан Кимович Агузаров, который считает, что таковым является конституционный принцип неприкосновенности судей. Однако диспозиция ст. 295 УК РФ в качестве потерпевших называет и сотрудников правоохранительных органов (в частности прокурора, следователя). По мнению Агузарова, эти потенциальные потерпевшие от посягательства на жизнь охраняются ст. 317 УК РФ [4]. Охраняемая уголовным законом процессуальная деятельность сотрудников при подобном подходе нивелируется.

Впервые толкование понятия «посягательство» было дано в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 03.07.1963 г. «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников». Согласно этому документу под посягательством принято понимать как убийство, так и покушение на убийство [5]. Соответственно по ст. 295 УК РФ оконченное преступление квалифицируется так же, как и неоконченное по не зависящим от виновного обстоятельствам.

К. Н. Харисов отмечал, что ст. 295 УК РФ должна состоять из двух частей: первая предусматривала бы покушение на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, а вторая – оконченное убийство. Соответственно и санкции, по его мнению, должны быть разными [6]. Эта точка зрения не совсем рациональна, если смотреть на нее сквозь призму вышеназванного постановления.

Некоторые авторы утверждают, что необходимо наделить отягчающими признаками данный состав преступления. Например, С. Ф. Милюков предлагает в качестве таковых:

- 1) совершение деяния по найму;
- 2) совершение его организованной группой;
- 3) в отношении двух или более лиц [7].

При введении названных отягчающих обстоятельств, в соответ-

ствии с положениями уголовного закона ужесточить санкцию не представляется возможным, поэтому подобное предложение не будет эффективным.

В теории уголовного права существует мнение Л. В. Брусницына о том, что если государство возлагает на должностное лицо исполнение обязанностей, непосредственно связанных с возникновением для него опасности, оно же в должной мере обязано обеспечить безопасность этого лица, усилив правовые средства ее обеспечения [8]. Это, в свою очередь, частично объясняет тот факт, что наказание, предусмотренное ст. 295 УК РФ, строже, чем наказание, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Квалифицируя преступные деяния по данному составу, уполномоченные на то должностные лица должны уделять особое внимание доказыванию намерения виновного не столько лишить жизни потерпевшего, сколько помешать отправлению правосудия этим лицом. Следует отметить, что правоохранители могут стать объектами посягательств (потерпевшими) в бытовой ссоре из хулиганских побуждений, из-за национальной, расовой, конфессиональной принадлежности; в этом случае ст. 295 УК РФ не требуется. Это значит, что при квалификации деяния по данной статье должна, очевидно, проследиваться связь действий виновного с деятельностью судьи, прокурора, следователя и иных лиц, участвующих в отправлении правосудия. Скажем, брат преступника, осужденного по ч. 1 ст. 162 УК РФ, решает отомстить следователю – он убивает последнего. Налицо, казалось бы, состав ст. 295 УК РФ, хотя есть одно но: следователь перестал быть должностным лицом по данному делу, и воспрепятствовать его законной, правомерной деятельности уже невозможно.

При анализе данной темы возникает и следующий вопрос: как быть, если преступник совершил убийство двух или более лиц? Ответ очевиден – данное общественно опасное деяние будет квалифицироваться по ст. 295 УК РФ, хотя ее диспозиция не предусматривает убийства двух и более лиц. Но в то же время не допускается квалификация этого преступления по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ как «двойное» убийство и по ст. 295 УК РФ, так как это прямое нарушение принципа справедливости (не допускается за одно и то же преступление дважды привлекать к ответственности).

Некоторые правоведы считают, что преступления, предусмотренные ст. 295 УК РФ, сродни тем, которые совершаются по мотивам религиозной, расовой, национальной вражды. Однако с этим сложно согласиться, поскольку рассматриваемое в данной статье уголовное закона общественно опасное деяние предусматривает не столько посягательство на жизнь прокурора, следователя, присяжного заседателя и так далее, сколько на их правомерную деятельность, стремясь проявить противодействие ей. И даже посягая на близких лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование, кото-

рые не выполняют подобные функции, виновный основной и главной целью ставит воспрепятствование отправлению правосудия.

В связи с тем, что «под осуществлением служебной деятельности следует понимать действия лица, входящие в круг его обязанностей, вытекающих из трудового договора (контракта) с государственными, муниципальными, частными и иными зарегистрированными в установленном порядке предприятиями и организациями независимо от формы собственности, с предпринимателями, деятельность которых не противоречит действующему законодательству» [9], представляется возможным исключить из числа потерпевших эксперта, специалиста, судебного пристава и судебного исполнителя, которые не участвуют непосредственно в отправлении правосудия, а равно их близких, так как их уголовно-правовая защита в полной мере обеспечивается п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ («убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга»).

Примечания:

1. Смирнов Е. А. Преступления против социалистического правосудия. М., 1959. С. 12.

2. Рашковская Ш. С. Преступления против правосудия. М.: Зерцало, 2006. С. 16.

3. Сахаров А., Носкова Н. Преступления против правосудия // Соц. законность. 1987. №11. С. 46.

4. Агузаров Т. К. Уголовно-правовое обеспечение независимости и неприкосновенности судей: Дис. ... канд. юрид. Наук. Москва, 2003. 156 с.

5. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.07.1963 г. «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников».

6. Харисов К. Н. Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законотворчества: Дис. ... канд. юрид. Наук. Казань, 2008. 259 с.

7. Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. С. 268; см.: он же. Преступления против правосудия. СПб., 2016.

8. Брусницын Л. В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: Дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2009. 520 с.

9. Постановление Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве».

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Э. И. Бучукури, О. А. Владычкина

ПРОБЛЕМАТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ОБЫЧАЯ В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В данной статье рассматривается современное законодательство и судебная практика в части применения обычая как источника гражданского права. Поднимаются спорные вопросы порядка и правил применения обычая судами при рассмотрении и разрешении споров. В представленном исследовании детально рассматривается проблематика отсутствия интереса вышестоящих судов к вопросам применения обычаев, что влечет неоднообразное применение нижестоящими судами положений статьи 5 Гражданского кодекса. Также к дискуссии предлагается вопрос о необходимости доказывания обычая как факта, по тому или иному спору. В работе рассматриваются различные подходы судов к указанному аспекту и различный результат того или иного способа применения обычая в качестве источника гражданского права.

В соответствии с изменениями, вступившими в силу 1 марта 2013 года, источником гражданского права выступает не обычай делового оборота, а просто обычай, без указания конкретной сферы деятельности, в которой он складывается и применяется. Данная норма закреплена в ст. 5 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе» [1].

Здесь стоит отметить, что была расширена сфера применения обычая – «в какой-либо предпринимательской или иной деятельности». Нельзя не отметить, что после внесения изменений в рассма-

триваемую статью Гражданского кодекса, Пленум Верховного суда РФ вполне ожидаемо делает свой ход. В первую очередь, в пунктах 4-5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №6, Пленума ВАС РФ №8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» появляется пометка «не применяется» со ссылкой на новое Постановление Пленума ВС РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», как ожидалось, должно было более полно и доступно раскрыть те спорные вопросы относительно применения обычая как источника гражданского права, на которые не дает ответ ни ГК РФ, ни совместное Постановление Пленумов высших ВС РФ и ВАС РФ. Однако пункт 2 Постановления №25 являет собой симбиоз положений Гражданского кодекса и пунктов 4-5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №6, Пленума ВАС РФ №8 от 01.07.1996 и выглядит следующим образом: «Под обычаем, который в силу статьи 5 ГК РФ может быть применен судом при разрешении гражданско-правового спора, следует понимать не предусмотренное законодательством, но сложившееся, то есть достаточно определенное в своем содержании, широко применяемое правило поведения при установлении и осуществлении гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей не только в предпринимательской, но и иной деятельности, например, определение гражданами порядка пользования общим имуществом, исполнение тех или иных обязательств.

Подлежит применению обычай, как зафиксированный в каком-либо документе (опубликованный в печати, изложенный в решении суда по конкретному делу, содержащему сходные обстоятельства, засвидетельствованный Торгово-промышленной палатой Российской Федерации), так и существующий независимо от такой фиксации. Доказать существование обычая должна сторона, которая на него ссылается (статья 56 ГПК РФ, статья 65 АПК РФ).

Согласно пункту 2 статьи 5 ГК РФ обычаи, противоречащие основным началам гражданского законодательства, а также обязательным для участников соответствующего отношения положениям законов, иных правовых актов или договору, не применяются [2].

Таким образом, ряд вопросов относительно правил и порядка применения обычая в качестве источника права остается не разрешенным, при этом нельзя не отметить факт отсутствия исследовательского интереса к данным вопросам. На сегодняшний день не существует ни одного обзора судебной практики в части применения обычаев, который бы четко выражал правовые позиции высших судов. Ни в одном из постановлений Пленума как Верховного суда РФ, так и Высшего Арбитражного суда РФ не сформулировано ни одной правовой позиции по вопросам применения гражданско-процессуального законодатель-

ства, касающимся правильного и единообразного применения обычаев делового оборота при рассмотрении и разрешении гражданских дел, что не может не вызывать удивление при наличии бурно развивающейся судебной практики применения данных обычаев в судах субъектов РФ и федеральных судах округов. Полагаем, что именно по этой причине ни один процессуальный вопрос, который должен бы возникнуть у судей в случаях конкретного применения обычаев делового оборота при разрешении гражданско-правовых споров, не нашел своего отражения при вынесении судебных решений, чтобы законодатель и правоприменитель наконец-то обратили внимание на данную проблему, поскольку она в дальнейшем может привести к тому, что практически вся судебная практика будет фактически находиться в «теневом секторе».

Говоря о проблеме отсутствия обзора судебной практики в части применения обычаев именно высших судов, считаем принципиальным указать на следующий факт. В одном специализированном юридическом издании, рассчитанном на практическое применение действующего законодательства России, а теперь и в информационно-правовом портале «Гарант» опубликована «Энциклопедия судебной практики. Обычай», автор которой утверждает, что ему удалось собрать полный сборник обычаев делового оборота России. Проведя анализ данного документа, мы выявили, что указанные в нем положения действительно отвечают на большинство острых вопросов применения обычаев, однако нельзя не подчеркнуть, что данные положения сформулированы в основном в решениях судов округов, краев, республик и так далее. Позиций высших судов в энциклопедии также не наблюдается.

Также некоторое непонимание с нашей стороны вызвало положение Постановления Пленума Верховного Суда №25 о том, что доказывать существование обычая должна сторона, которая на него ссылается. Понятие «обычай», закрепленное в ст. 5 ГК России, по нашему мнению, не требует, чтобы указанные в ней признаки, позволяющие установить наличие действующего в предпринимательской или иной сфере обычая, служили предметом доказывания как фактические обстоятельства, поскольку обычай признается государством источником гражданского права.

Традиция доказывать каждый из признаков правового обычая была предложена К. И. Малышевым еще в середине XIX в., когда только начиналось собирание и исследование правовых обычаев разных народов, населяющих Российскую империю, в целях их практического применения в тех случаях, когда официальное законодательство было либо неприемлемым, либо его применение у данных народов не считалось обязательным. По этой причине для ряда территорий Российской империи принимались положения, которые давали населению выбор либо рассматривать и разрешать споры в судах по нормам официаль-

ного законодательства, либо разрешать эти споры по обычаям, принятым в быту (крестьяне, казаки, коренные и малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока и др.). В частности, правительством Российской империи неоднократно принимало положения, в которых прямо было санкционировано самостоятельное отправление правосудия станичными судами [3].

С тех пор наука далеко не продвинулась, и в современных научных теоретических публикациях, и в профессиональных комментариях к действующему Гражданскому кодексу РФ воспроизводятся те же самые аргументы, которые обязывают ту или иную сторону доказать наличие указанных в ст. 5 ГК РФ признаков, характеризующих правило поведения, признаваемое обычаем: а) сложившегося, то есть устойчивого и достаточно определенного в своем содержании; б) широко применяемого; в) не предусмотренного законодательством; г) в какой-либо предпринимательской или иной деятельности; д) независимость от фиксации в каком-либо документе.

Судебная практика свидетельствует о том, что стороны достаточно часто прибегают к доказыванию наличия обычая делового оборота, регулирующего спорное правоотношение. Вместе с тем и перед сторонами, и перед арбитражным судом в этом случае встает вопрос: как доказать соответствие того или иного правила поведения признакам обычая делового оборота, какими средствами доказывания из предусмотренных в процессуальном законодательстве воспользоваться для этого. Однако наша позиция основана на том, что если законодатель признает обычай в качестве источника гражданского права, то доказывать существование обычая в той или иной ситуации равносильно тому, что сторонам придется доказывать наличие объективно существующей нормы, прямо прописанной в Гражданском кодексе.

Как справедливо пишет О. В. Зиновьева, «сущность той части рассмотрения дела в судебном заседании, которая носит название судебного следствия, состоит в установлении имевших место быть фактов в регрессном аспекте, то есть уже свершившихся в прошлом, в то время как перед доказывающей обычай делового оборота стороне стоит противоположная задача – доказать, что обычай делового оборота существует, вторая сторона должна была им руководствоваться (но не руководствовалась), то есть не совершила в прошлом никаких активных действий. Это означает, что решение вопроса – является ли то или иное правило поведения обычаем делового оборота – остаётся за рамками предмета доказывания, поскольку относится в большей степени к источнику права» [4].

Согласно ч. 2 ст. 65 АПК РФ, обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, определяются арбитражным судом на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле, в соответствии с подлежащими применению нормами материального права [5].

Обычай делового оборота сам по себе является нормой материального права, подлежащей применению в конкретном деле, вследствие чего доказыванию вообще не подлежит.

Суд должен самостоятельно применять нормы материального права, регулирующие спорное правоотношение. В любом гражданском деле суд самостоятельно определяет те нормы, которыми он будет руководствоваться при вынесении решения. Сложно представить себе ситуацию, когда судья до вынесения решения обязывает стороны определить закон, подлежащий применению, и обязывает же стороны доказать, что этот закон действует именно с тем содержанием, которое приводится заинтересованным лицом.

Поскольку обычай делового оборота – источник права, наряду с нормативными правовыми актами, суд обязан знать и применять обычай самостоятельно. Однако такие ситуации, когда суд изначально убеждён, что то или иное правило является в данной области предпринимательской деятельности именно обычаем делового оборота, а не частным случаем, чрезвычайно редки.

Следовательно, суду может быть неизвестно существование конкретного обычая делового оборота (вследствие чего судья может не основывать на таком обычае свое решение по делу), а сторона, ссылающаяся на обычай делового оборота, не уполномочена доказывать его существование и содержание (поскольку обычай – это правовая норма).

В целях разрешения указанного противоречия следует обратиться к ст. 65 АПК РФ, согласно которой «каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений». В данном случае расширительное толкование термина «обстоятельства» как любой информации, имеющей отношение к делу и способствующей его правильному разрешению, позволяет отнести существование обычая делового оборота в какой-либо области предпринимательской деятельности именно к обстоятельствам.

Если же придерживаться такой трактовки, то заинтересованная сторона, ссылаясь на существование обычая делового оборота, вправе использовать для этого все предоставленные арбитражным процессуальным законодательством способы доказывания, а именно – свидетельскими показаниями, объяснениями лиц, участвующих в деле, заключением экспертизы, вещественными доказательствами, письменными доказательствами.

Интересно, что судебная-арбитражная практика исходит из того, что если сторона не докажет существование сложившегося обычая делового оборота, то отсутствуют правовые основания для применения обычая делового оборота при разрешении спора. В частности, к такому выводу пришел Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате РФ еще в 1998 г. [6].

Следует также помнить, что неприменение арбитражным судом обычая делового оборота (т.е. неприменение материальной нормы, регулирующей спорное правоотношение) влечет отмену вынесенного решения вышестоящей инстанцией, что следует из положений п. 4 ч. 1 ст. 270 АПК РФ.

С другой стороны, если не считать обычаи делового оборота нормативными источниками права, а относить их к доказательствам, необходимым для восполнения пробелов официального законодательства, то современная судебная практика явным образом демонстрирует нам применение обычая делового оборота по аналогии закона, а не вместо него, как это в форме альтернативы было предусмотрено еще в Российской империи.

Аналогии обычая никогда не существовало и существовать не может, хотя такой вывод можно сделать из действующего гражданского и гражданского процессуального законодательства. То есть если опубликованные в специальной литературе подборки судебной и судебно-арбитражной практики, о которых мы говорили выше, признать законной и обоснованной практикой, которая приветствуется и которой не создаются никакие препятствия, то можно сделать вывод и о появлении в нашей судебной системе прецедентной практики.

В связи с этим сразу возникает следующая проблема. Если признать, что каждым таким решением санкционируется применение обычая делового оборота, то возникает вопрос о том, какое значение будет иметь определение судьбы возникшего спора при будущем рассмотрении и разрешении подобных гражданско-правовых споров. Судя по сложившейся и складывающейся судебной практике, установление наличия самого обычая и признание его сложившимся, без процедуры его доказывания, распределения бремени доказывания и точного перечисления относимых и допустимых доказательств при этом позволяет нам предположить, что обычай делового оборота следует отнести к одному из видов фактов, не требующих доказывания. Доктрине гражданского процесса известны следующие виды фактов, освобождающих сторону от необходимости доказывания: общеизвестные и преюдициальные факты. Можно ли отнести обычаи делового оборота к общеизвестным фактам? На наш взгляд, нет, поскольку к категории общеизвестных фактов, как правило, относятся события, но никак к ним нельзя отнести обычай как источник права, так как в противном случае мы не сможем признать его источником права.

К преюдициальным фактам обычаи делового оборота также не относятся, так как преюдициальное значение имеют решения, в которых устанавливаются обстоятельства по спору между конкретными сторонами, которые не могут быть применены при разрешении других споров с другим субъектным составом.

Касаемо проблемы доказывания обычая как факта, стоит указать, что ее актуальность состоит по большей степени в том, что судебная

практика показала отсутствие единообразного подхода к вопросу целесообразности доказывания обычая при рассмотрении споров у самих судов.

К примеру, в решении Арбитражного суда Краснодарского края от 19 октября 2018 г. по делу №А32-52116/2017, в котором Общество с ограниченной ответственностью «НТЦ «ГеоПроект-Юг» обратилось в Арбитражный суд Краснодарского края с исковым заявлением о взыскании с Общества с ограниченной ответственностью «АК «Аэротех» 93633 руб. 53 коп. убытков [7].

Суд установил, что Министерство строительства, архитектуры и дорожного хозяйства Краснодарского края и общество с ограниченной ответственностью «НТЦ ГеоПроект-Юг» заключили государственный контракт №25 от 10 апреля 2015 г., по условиям которого общество с ограниченной ответственностью «НТЦ ГеоПроект-Юг» приняло на себя обязательство выполнить следующие работы: «Разработка проектной и рабочей документации по объекту: «Замена водопропускной трубы на автомобильной дороге г. Майком-г. Туапсе», км 88+864 в Туапсинском районе.

Согласно пункту 2.1 договора общая стоимость работ составляет 1346962 руб., НДС не предусмотрен. Цена контракта является твердой и определяется на весь срок исполнения контракта, изменению не подлежит, за исключением случаев, предусмотренных действующим законодательством РФ.

В соответствии с пунктом 6 Контракта общество с ограниченной ответственностью «НТЦ ГеоПроект-Юг» предоставляет заказчику по накладной для приемки документации по соответствующему этапу или в целом, прилагая к ней акт о приемке выполненных работ. Заказчик в срок до 15 дней со дня получения от подрядчика документации (за исключением документации, содержащей сводный сметный расчет, которая подлежит рассмотрению заказчиком в срок до 45 дней) рассматривает представленные материалы и направляет их, в случае необходимости, на государственную экспертизу, после прохождения которой подрядчику направляется подписанный акт о приемке выполненных работ (при получении положительного заключения государственной экспертизы) или мотивированный отказ от приемки работ.

Во исполнение подписанного контракта, обществом с ограниченной ответственностью «НТЦ ГеоПроект-Юг» был заключен договор №125/2-СИ с обществом с ограниченной ответственностью «АК «Аэротех» от 13 апреля 2015 г. на выполнение работ по объекту: «Замена водопропускной трубы на автомобильной дороге г. Майкоп – г. Туапсе, км 88+864 в Туапсинском районе». Раздел: «Инженерно-геодезические изыскания» и Раздел: «Инженерно-геологические изыскания» (далее – Договор).

Согласно пункту 2.1 договора стоимость определена сводной сме-

той на инженерные изыскания в размере 510011 руб., в том числе 18% – 77798 руб.

В соответствии с пунктом 4.4.9 договора субподрядчик согласовывает результат указанных в разделе 1 договора работ с подрядчиком, заказчиком, со всеми необходимыми службами и заинтересованными организациями, в том числе и со службами Госнаadzора.

Истец в адрес ответчика направил письмо от 21.12.2016 г. о невыполнении работ по договору №125-2-Си от 13 апреля 2015 г., в котором указал, что не может согласовать и подписать исполнительную смету, так как она не согласована с Министерством строительства, архитектуры и дорожного хозяйства Краснодарского края.

Кроме этого в письме указал, что в связи с соглашением о расторжении к государственному контракту №125 от 10.04.2015 г. направляет соглашение о расторжении к договору №125-2-СИ от 13 апреля 2015 г. в части невыполненных изыскательских работ.

Стороны подписали соглашение о расторжении от 24.11.2015 г. к договору №125-2-СИ от 13 апреля 2015 г.

В соответствии с пунктом 1.2 Соглашения от 24.11.2015, Стороны согласились, что на момент подписания настоящего Соглашения Субподрядчик выполнил, а Подрядчик принял выполненные работы на общую сумму 229467,00 рублей, в том числе НДС 18% – 45681,00 рублей, что подтверждается Актом сдачи-приемки работ №41 от 23 декабря 2015 года. В соответствии с которыми, работы выполнены полностью и в срок. Заказчик претензий по объему, качеству и срокам выполнения работ не имеет.

Министерство строительства, архитектуры и дорожного хозяйства Краснодарского края и общество с ограниченной ответственностью «НТЦ ГеоПроект-Юг» подписали соглашение о расторжении к государственному контракту от 07 декабря 2015 г.

Согласно пункту 1.1 соглашения в связи с исключением невыполненных проектно-изыскательских работ стороны пришли к соглашению расторгнуть договор.

В соответствии с пунктом 1.2 соглашения подрядчик выполнил работы на сумму 956887 руб., НДС не предусмотрен.

Министерство строительства, архитектуры и дорожного хозяйства Краснодарского края и общество с ограниченной ответственностью «НТЦ ГеоПроект-Юг» подписали акт сверки взаимных расчетов за период с 10.04.2015 г. по 24.11.2015 г., из которого усматривается задолженность Министерства строительства, архитектуры и дорожного хозяйства Краснодарского края в пользу общества с ограниченной ответственностью «НТЦ ГеоПроект-Юг» 956887 руб.

Министерство строительства, архитектуры и дорожного хозяйства Краснодарского края направило в адрес общества с ограниченной ответственностью «НТЦ ГеоПроект-Юг» претензию о взыскании штрафа, в котором Министерство указало, что ГАУ «Краснодаркрайгосэксперт-

тиза» были выданы отрицательные заключения экспертизы №23-1-3-3-0330-16 по проектной документации и результатам инженерных изысканий и №23-2-7-0275-16 по проверке достоверности определения сметной стоимости по объекту «Замена водопропускной трубы на автомобильной дороге г. Майкоп – г. Туапсе, км 88+864 в Туапсинском районе» и предложило в добровольном порядке оплатить штраф в размере 134696 руб. 20 коп.

В соответствии с пунктом 8.1.3. Договора №125-2-СИ в случае возврата Заказчиком или экспертными органами документации на доработку по вине Субподрядчика, Подрядчик вправе взыскать с Субподрядчика штраф в размере, установленном настоящим Договором.

За неисполнение или ненадлежащее исполнение Субподрядчиком обязательств, предусмотренных настоящим Договором, Субподрядчик несет ответственность в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и настоящим Договором.

За неисполнение или ненадлежащее исполнение Подрядчиком обязательств, предусмотренных Договором, размер штрафа устанавливается в размере 10 (десять) процентов цены Договора (п. 8.3 Договора).

Согласно пункту 7.2 Договора при обнаружении недостатков в документации Субподрядчик по требованию Подрядчика обязан безвозмездно переделать документацию, а также возместить Подрядчику причиненные убытки, если законом или настоящим Договором не установлено иное.

23 декабря 2016 года ГАУ КК «Краснодаркрайгосэкспертиза» Заказчику выдано Отрицательное заключение №23-1-3-3-0330-16 по Объекту капитального строительства «Замена водопропускной трубы на автомобильной дороге г. Майкоп-г. Туапсе, км 88+864 в Туапсинском районе».

Заказчик (Министерство транспорта и дорожного хозяйства Краснодарского края) по получению Отрицательного заключения экспертизы направило в адрес ООО «НТЦ «ГеоПроект-Юг» претензию на сумму 134696,20 рублей.

Истец оплатил указанную сумму платежным поручением №77 от 03.03.2017.

Вышеуказанное Отрицательное заключение экспертизы в разделе 4.1. «Выводы о соответствии результатов инженерных изысканий» содержит перечень невыполненных требований (замечаний) по разделам «Инженерно-геодезические изыскания» и «Инженерно-геологические изыскания».

Истец полагает, что по причине ненадлежащего исполнения обязательств Ответчиком было выдано Отрицательное заключение экспертизы по результатам инженерных изысканий. Из 55 неотработанных замечаний государственной экспертизы Ответчиком осталось неотработанными 33 замечания, то есть 60% от общего числа.

По причине некачественного выполнения Ответчиком работ по Договору Истец 05.05.2017 заключил с ГАУ КК «Краснодаркрайгосэкспертиза» Договор №121 на проведение повторной государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий.

За проведение повторной экспертизы истцом было оплачено 106144 руб. 72 коп., что подтверждается платежными поручениями №178 от 18.05.2017 г. на сумму 86144 руб. 72 коп., №190 от 30.05.2017 г. на сумму 20000 руб.

Истец направлял в адрес Ответчика претензию №51/17 от 11.09.2017 г. с требованием о возмещении стоимости оплаченных денежных средств за повторную экспертизу.

Данная претензия оставлена Ответчиком без удовлетворения, что послужило основанием для обращения Истца в суд с настоящим исковым заявлением.

Далее суд указывает следующее: «Ответчик возражает против удовлетворения исковых требований, ссылаясь на электронную переписку, подтверждающую предоставление ответчиком дополнительных документов для устранения замечаний экспертизы №23-2-7-0275-16 от 23 декабря 2016 года по разделам «Инженерно-геодезические изыскания» и «Инженерно-геологические изыскания», свидетельствующие о надлежащем выполнении Ответчиком своих обязательств по Договору.

В соответствии с п.1 ст. 5 Гражданского кодекса Российской Федерации обычаем делового оборота признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе. Использование электронной почты в отсутствие соответствующего указания в договоре (отсутствие договора, оказание услуг по факту) можно расценить как обычай делового оборота, тем более доказательств того, что Истец возражал против такого обмена информацией, в материалах дела не имеется.

Из материалов дела и представленных суду пояснений свидетеля Пронина С.А. следует, что переписка по электронной почте была двусторонней. Следовательно, уполномоченный представитель истца ГИП Пронин С.А. совершал конклюдентные действия, свидетельствующие об одобрении выбора электронной почты как способа обмена информацией с Ответчиком и за пределами действия Договора». Данное положение указывает на мнение суда об отсутствии необходимости доказывания обычая, так как суд, рассмотрев материалы дела, справедливо и объективно признал обычаем использование электронной почты.

Другая рассмотренная нами судебная практика показывает иную сторону, демонстрируя неумение судов определить, является ли опре-

деленный факт обычаем, или нет. Такое положение современного правосудия ставит под вопрос объективность выносимых решений, так как при условии возложения бремени доказывания обычая на стороны и незнании действующих правовых обычаев судом создается опасность неверного разрешения спора. Здесь играет роль личностный фактор, оценочный, а также менталитет той местности, где рассматривается спор, ведь в любом правоотношении существуют некоторые нюансы, выходящие за рамки регламентированных законом и договором.

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, видим целесообразным подчеркнуть, что вопросы применения обычая в качестве источника гражданского права должны быть причислены к перечню актуальных и, как следствие, в скором времени разрешены вышестоящими судами. На сегодняшний день видится необходимым наличие постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации, регламентирующего детально и подробно правила и порядок применения судами и самими гражданами обычаев.

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019). Ст. 5.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

3. Положение об общественном управлении в казачьих войсках от 13 мая 1870 г., Положение об общественном управлении станиц казачьих войск от 3 июня 1891 г.

4. Зиновьева О. В. Обычаи делового оборота в российской медицинской предпринимательской практике и специфика их доказывания в гражданском процессе [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.onegroup.ru/obychai_delovogo_oborota_v_rossiysk.

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (ред. от 25.12.2018). Ч. 2. Ст. 65.

6. Решение Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ от 25 июня 1998 г. по делу №478/1996. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

7. Решение Арбитражного суда Краснодарского края (АС Краснодарского края) от 19 октября 2018 г. по делу №А32-52116/2017.

ВЫДЕЛЕНИЕ И РАЗДЕЛЕНИЕ КАК ФОРМЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В статье рассматриваются вопросы о двух формах реорганизации: выделение и разделение. Такие формы реорганизации, как разделение и выделение, являются наиболее проблемными. В зависимости от того, какую из них выберет компания, зависит длительность самой процедуры и оформление документации. Указанные виды реорганизации направлены на разукрупнение (деконцентрацию) юридических лиц и создание новых субъектов.

Гражданское законодательство предусматривает возможность создания юридических лиц не только путем их учреждения «с нуля», но и путем реорганизации. В настоящее время реорганизация юридических лиц получила огромное практическое применение не только как возможность создания крупных корпораций, но и как вариант «дробления» корпораций на более мелкие юридические лица, которые отвечают всем требованиям, предусмотренным законом при их создании на основе уже существующих обществ. Именно для этих целей законодатель предусмотрел пять форм реорганизации юридических лиц, такие как: присоединение, слияние, выделение, разделение и преобразование (ст. 57 ГК РФ).

Основные положения реорганизации юридических лиц в форме выделения и разделения закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), в Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ об ООО), в Федеральном законе «Об акционерных обществах» (далее – ФЗ об АО), в Федеральном законе «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [1-4]. До настоящего времени не разработан единый нормативный акт, который бы регламентировал проведение процедуры реорганизации юридических лиц от начала ее проведения и до момента завершения. Реорганизация юридических лиц может проводиться как в принудительном, так и добровольном порядке.

Добровольная реорганизация юридического лица проводится: 1) по решению его учредителей (участников) либо органа юридического лица, уполномоченного на то учредительными документами (п. 1 ст. 57, п. 2 ст. 61, п. 1 ст. 68 ГК РФ) [1]; 2) в акционерных обществах по решению общего собрания акционеров, принимаемого по предложению совета директоров (наблюдательного совета) (ст. 57-60, 104 ГК РФ, ст. 15-20 Закона об АО) [3].

В качестве оснований принудительной ликвидации юридических лиц выступают: 1) допущение грубых нарушений закона при создании организации, если эти нарушения носят неустранимый характер; 2) осуществление юридическим лицом деятельности без надлежащего разрешения (лицензии); 3) осуществление деятельности, запрещенной законом, либо с иными неоднократными или грубыми нарушениями закона или иных правовых актов [15].

В п. 1 ст. 19 Закона об АО реорганизация в форме выделения определяется как создание одного или нескольких юридических лиц с передачей части прав и обязанностей реорганизуемой организации без прекращения последнего. Разделение – это прекращение юридического лица, при котором все его права и обязанности переходят к вновь созданным юридическим лицам (п. 1 ст. 18 Закона об АО) [3].

При проведении реорганизации акционерных обществ следует учитывать такие важные требования, как: а) решение о реорганизации принимается только по предложению совета директоров, если иное не установлено уставом общества; б) решение о реорганизации принимается общим собранием акционеров большинством в три четверти голосов акционеров – владельцев голосующих акций, принимающих участие в общем собрании акционеров, причем при решении вопроса о реорганизации акционеры – владельцы привилегированных акций участвуют в общем собрании акционеров с правом голоса. Также на собрании определяется порядок конвертации акций реорганизуемого общества в акции создаваемых обществ, в случае выделения решение о конвертации акций реорганизуемого общества в акции общества, образуемого путем выделения, о приобретении акций создаваемого общества самим реорганизуемым обществом, а также утверждение разделительного баланса. Но и в первом, и во втором случае общество-учредитель или реорганизуемое общество должны утвердить устав вновь возникшего общества.

Если решение о реорганизации общества в форме выделения и разделения предусматривает конвертацию акций реорганизуемого общества в акции создаваемого общества или распределение акций создаваемого общества среди акционеров реорганизуемого общества, каждый акционер реорганизуемого общества, голосовавший против или не принимавший участия в голосовании по вопросу о реорганизации общества, должен получить акции каждого общества, создаваемого в результате выделения, предоставляющие те же права, что и акции, принадлежащие ему в реорганизуемом обществе, пропорционально числу принадлежащих ему акций этого общества [6].

При выделении из состава общества одного или нескольких обществ к каждому из них переходит часть прав и обязанностей реорганизованного в форме выделения общества в соответствии с разделительным балансом.

В результате выделения могут образоваться организации только той организационно-правовой формы, какую имеет реорганизуемое общество.

Общее собрание акционеров реорганизуемого в форме разделения общества по вопросу о реорганизации общества в форме разделения принимает решение о реорганизации общества, которое должно содержать:

1. Наименование, сведения о месте нахождения каждого общества, создаваемого путем реорганизации в форме разделения;

2. Порядок и условия разделения;

3. Порядок конвертации акций реорганизуемого общества в акции каждого создаваемого общества и соотношение (коэффициент) конвертации акций таких обществ;

4. Список членов ревизионной комиссии или указание о ревизоре каждого создаваемого общества;

5. Список членов коллегиального исполнительного органа каждого создаваемого общества, если уставом соответствующего создаваемого общества предусмотрено наличие коллегиального исполнительного органа и его образование отнесено к компетенции общего собрания акционеров;

6. Указание о лице, осуществляющем функции единоличного исполнительного органа каждого создаваемого общества;

7. Указание об утверждении разделительного баланса с приложением разделительного баланса;

8. Указание об утверждении устава каждого создаваемого общества с приложением устава каждого создаваемого общества;

9. Наименование, сведения о месте нахождения регистратора каждого создаваемого общества, если в соответствии с федеральным законом ведение реестра акционеров этого общества должно осуществляться регистратором.

Решение о реорганизации в форме разделения может содержать указание об аудиторе общества, создаваемого путем реорганизации в форме разделения, о регистраторе создаваемого общества, указание о передаче полномочий единоличного исполнительного органа создаваемого общества управляющей организации или управляющему, иные данные.

Избрание совета директоров (наблюдательного совета) каждого общества, создаваемого путем реорганизации в форме разделения, осуществляется акционерами реорганизуемого общества, среди которых в соответствии с решением о реорганизации общества должны быть размещены обыкновенные акции соответствующего создаваемого общества, а также акционерами – владельцами привилегированных акций реорганизуемого общества, среди которых в соответствии с решением о реорганизации общества должны быть размещены привилегированные акции соответствующего создаваемого общества [9].

Разделение характеризуется следующим:

- на основе имущества одного юридического лица создаются две или несколько организаций;
- реорганизуемая организация прекращает свое существование, при этом принадлежащие ей права и обязанности переходят к созданным в результате такой реорганизации юридическим лицам на основании разделительного баланса [5].

Именно разделительный баланс должен содержать положения о правопреемстве по всем обязательствам реорганизованного юридического лица в отношении всех его кредиторов и должников, включая и обязательства, оспариваемые сторонами.

Необходимо отметить, что правопреемство при реорганизации в форме выделения не может быть отнесено к сингулярному преемству или к преемству в отдельных правах и обязанностях. Это универсальное правопреемство, которое следует рассматривать на отрезке от юридического лица, существовавшего до реорганизации, к юридическому лицу, появившемуся в результате проведения реорганизации, а также ко всем выделенным юридическим лицам [13].

М. Н. Илюшина считает, что при проведении реорганизации в форме выделения происходит сингулярное правопреемство, так как реорганизованное юридическое лицо сохраняет за собой часть прав и обязанностей, а выделяемой организации может быть передана определенная совокупность как прав, так и обязанностей [10].

О значении разделительного баланса говорит и судебная практика, которая указывает на тот факт, что отсутствие разделительного баланса означает отсутствие правопреемства и возможность привлечения как реорганизованного юридического лица, так и вновь созданных юридических лиц в качестве соответчиков по обязательствам реорганизованного юридического лица, или несоблюдение требований о наличии разделительного баланса приводило к недостижению правового результата реорганизации [7]. Так, суд вынес решение, что при непредставлении вновь созданными обществами вместе с учредительными документами передаточного акта или разделительного баланса, а также отсутствии в документах положений о правопреемстве по обязательствам реорганизованного юридического лица уполномоченный орган вправе отказать в государственной регистрации вновь возникших юридических лиц [11].

Судебной практикой разделительный баланс признавался недействительным, так как нарушал права акционеров, что ставит под сомнение проведение процедуры реорганизации [12].

Реорганизация в форме разделения считается завершенной с момента государственной регистрации последнего из вновь возникших юридических лиц (а реорганизованное – прекратившим свою деятельность). Реорганизация в форме выделения – с момента государствен-

ной регистрации последнего из вновь возникших юридических лиц [14].

Таким образом, при проведении реорганизации в форме разделения одна организация прекращает свою деятельность и на ее базе создается несколько новых юридических лиц, а при выделении на базе структурных единиц основной организации образуются новые юридические лица, но сама она продолжает существовать.

Проведение реорганизации в форме выделения и разделения характеризуется наличием универсального правопреемства. Объем передаваемых прав и обязательств реорганизуемых юридических лиц определяется на основании разделительного баланса, который также должен определять наличие правопреемника по всем его обязательствам.

Основными же документами при проведении реорганизации в форме разделения и выделения являются: решение компетентного органа о реорганизации, разделительный баланс, учредительные документы новых юридических лиц, изменения и дополнения в учредительные документы существующих или новая редакция таких документов, акт государственной регистрации [8].

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. (ред. от 03.08.2018) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. Ст. 330; Российская газета. 2009. 13 февраля.

2. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. (с изм. от 23.04.2018 г.) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. №7. Ст. 785; Российская газета. 2008. 7 мая.

3. Федеральный закон от 26.12.1995 г. №208 – ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об акционерных обществах» // Справочно-правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс] / Компания «Консультант плюс» (дата обращения: 20.03.2019 г.).

4. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. (с изм. и доп. от 27.12.2018 г.) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №33; часть 1. Ст. 3431.

5. Бараненков В. В. Значение института юридического лица в современном российском праве и перспективы его совершенствования [Текст] // Юрист. №8. 2006. С. 24.

6. Бараненков В. В. Системно-структурный анализ института юридического лица [Текст] // Юрист. 2006. №9. С. 22.

7. Бондарев А. К., Троценко, С. А. Интересы кредиторов при правопреемстве юридических лиц [Текст] // Законодательство. 2007.

8. Вагайцева Т. В. Правопреемство при реорганизации юридических лиц [Текст] // Нотариус. 2008. №4.
9. Жданов Д. В. Правопреемство в отношении налогов при реорганизации акционерных обществ [Текст] // Законодательство. 2006. №2.
10. Илюшина М. Н. Проблемы правопреемства при реорганизации юридических лиц [Текст] // Закон. 2006. №9.
11. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под. ред. О. Н. Садикова. [Текст]. М: «Инфа- М», 2008.
12. Комментарий к Федеральному закону «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [Текст] / Под ред. Б. М. Гонгалю и П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2006.
13. Телюкина М. В. Реорганизация как способ прекращения деятельности юридических лиц [Текст] // Законодательство. 2008. №1. С. 21.
14. Толстой Ю. К. Реорганизация и ликвидация юридических лиц в российском праве [Текст] // Государство и право. 2007. №10. С. 62.
15. Черджиев Т. Ч., Гагиева А. В. Источники и особенности процесса организации антимонопольного регулирования // Бюллетень Владикавказского института управления. 2017. №51. С. 181-192.

А. С. Дряева, Н. Х. Бузарова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЕВРОПЕЙСКОМ СООБЩЕСТВЕ

В настоящей статье приводится краткая характеристика основных Директив ЕС в указанной сфере, рассматриваются наиболее общие правила консолидации национального и международного корпоративного законодательства, а также анализируются некоторые перспективы его дальнейшего развития.

Создание единого европейского экономического пространства было запланировано десятилетия назад, и с момента введения в действие «Программы единого внутреннего рынка» 1985 года Сообщество проявляет особую активность в области частного права (главным образом в том, что касается права компаний, договоров, защиты прав потребителей, трудовых отношений, промышленной собственности и авторского права). Большинство ученых сходятся во мнении, что «последние три с половиной десятилетия отмечены определенной гармонизацией европейского акционерного права в результате выполнения директив Европейского Сообщества» [1].

Базой механизма правового регулирования экономической жизни Сообщества изначально служил и продолжает свое действие в части, не противоречащей принятым впоследствии правовым актам, Римский договор о ЕЭС [2] (ст. 52-58 о праве на поселение и о деятельности компаний и физических лиц на территории Сообщества, анти-монопольные ст. 85-86, ст. 90-92 о государственных предприятиях и субсидиях).

Созданию и становлению единой экономики общеевропейского рынка способствовало, прежде всего, «право на поселение», суть которого заключается в предоставлении национального режима гражданам и компаниям государств – членов Сообщества и запрещении по отношению к ним какой-либо дискриминации, которое в дальнейшем было дополнено и более детально разработано через принятие Сообществом соответствующих директив. С помощью полномочий ЕС по координации норм корпоративного права государств-участников в интересах участников компаний и третьих лиц через принятие директив удалось преодолеть кризис унификации европейского права и достигнуть наиболее оптимального способа дальнейшего развития единого акционерного законодательства.

Первоначально корпоративное право Европы зарождалось и формировалось в рамках Римского договора, определившего основные принципы, которые по сей день служат неким фундаментом для его дальнейшего развития. Среди таких базовых положений необходимо отметить следующие:

- постепенная отмена ограничений в допуске компаний на всей территории Общего рынка к осуществлению постоянной экономической деятельности, включая создание филиалов, дочерних компаний и других правовых форм деловой активности, а также запрет дискриминации граждан стран Сообщества с точки зрения их участия в капитале компаний в смысле статьи 58 Договора [3];

- определение основных требований к компаниям для возможности осуществления ими деятельности на Общем рынке, среди которых указывается обязанность «преследовать цели извлечения прибыли» и наличие необходимой правосубъектности. При этом правосубъектность изначально трактовалась широко, обозначая главные характеристики компании в общем смысле через основные атрибуты – имущественная обособленность, организационное единство и способность выступать в гражданском и хозяйственном обороте от своего имени. А выражение «цель извлечения прибыли» трактуется как «забота об избежании убытков» или эффективное и небезвозмездное осуществление экономической деятельности. Подобная трактовка понятий «правосубъектность» и «цели извлечения прибыли» позволила значительно расширить круг субъектов, пользующихся преимуществами права на поселение в Сообществе. С одной стороны, к их числу стали относиться те хозяйственные организации, преследующие цели из-

влечения прибыли, которые обладают правосубъектностью фактически, но не являются юридическими лицами согласно национальному законодательству, как, например, полное товарищество в ФРГ или «партнершип» английского права, с другой – организации, экономическая деятельность которых не основная их цель. Это могли быть научно-исследовательские центры, лишь помогающие связанным с ними предприятиям осуществлять хозяйственные функции. Следовательно, решающее значение приобретает сам факт участия в хозяйственной деятельности, понимаемой расширительно, что может максимально содействовать конечной цели Сообщества – созданию единого экономического пространства.

Однако отсутствие четких и единых норм, определяющих «национальность» компаний, привело к появлению определенной дискриминации в отношении компаний, создаваемых в соответствии с критерием административного центра. В результате возникла необходимость в преодолении этой недоработки, что привело к подтверждению и доминированию принципа равенства и недискриминации в отношении компаний государств-членов и физических лиц, работающих в этих компаниях, включая также их руководящие органы, над «правом на поселение» [4].

Следует также обратить внимание, что создатели Римского договора о ЕЭС, провозгласившего образование общеевропейского рынка, не уделили особого внимания разработке правового механизма регулирования деловых операций и сделок, совершению которых этот договор призван способствовать. Он не предусматривал никаких мер в отношении гармонизации и унификации договорного права, не касался и проблем международного частного права, а лишь призывал в статье 293, абзац 4, государства-члены в целях обеспечения интересов их граждан «вступать, по мере необходимости, в переговоры по упрощению формальностей, ограничивающих взаимное признание и выполнение решений национальных судов, трибуналов и арбитражей». Как можно судить уже по первым словам фразы («по мере необходимости»), это предписание не заменяет других положений Договора, регламентирующих деятельность Сообщества, а скорее дополняет их [5]. Право, создаваемое на основе статьи 293 посредством заключения международных конвенций между государствами-членами, формально не является правом ЕС, имеет международно-правовую природу и в литературе государств-членов носит название «сопутствующее право». Трудности, вызываемые таким положением, заставили Сообщество трансформировать, в частности, Брюссельскую конвенцию в Регламент вторичного права ЕС в марте 2002 года. Само Сообщество признает и указывает, что проблема гармонизации и унификации коллизионного права является предметом межправительственных переговоров государств-членов и не входит в сферу его компетенции.

Сообщество активно занималось проблемой коллизий права в течение многих лет. Большое число директив содержат коллизийные нормы, цель которых – защитить правовую структуру внутреннего рынка от выбора сторон в пользу закона третьей страны. Например, сложные и всеобъемлющие коллизийные нормы по страховым договорам служат содержанием директив второго и третьего поколения в области страхования, принятых Сообществом на основании статей 47 и 55 Договора о ЕС для того, чтобы обеспечить свободу создания коммерческих предприятий и предоставления услуг на всей территории Сообщества.

Таким образом, для того чтобы нормы Римского договора получили возможность действительной реализации в отношении компаний, предусмотрена необходимость принятия Советом и Комиссией соответствующих директив, которые, по сути, и выполняют функцию координации и сближения норм законодательств государств-членов Сообщества.

Первая Директива, принятая еще в марте 1968 года, регулировала проблемы гласности конститутивных актов компаний, действительности их обязательств в отношении третьих лиц, а также указывала причины признания компаний недействительными. Однако на сегодняшний день многие положения указанной Директивы сильно устарели и нуждаются в доработке. С учетом всего этого, Комиссией был представлен проект Директивы о внесении изменений в Директиву о публикации. Предложенные изменения направлены на то, чтобы позволить компаниям и государствам-участникам использовать в процессе публикации современные технические средства, что приведет к упрощению публикации и облегчению доступа к информации о компаниях. Кроме того, для облегчения доступа к информации о компаниях из других государств-участников, проект дает компаниям возможность публиковать документы и сведения не только на языках своего государства, но и на любом официальном языке Сообщества или на ином языке, если компания этого пожелает. Есть и иные изменения, предусмотренные проектом. Они направлены на приведение Первой Директивы в соответствие с изменившимися обстоятельствами: с одной стороны, необходимо охватить новые организационно-правовые формы, не указанные в Первой Директиве, а с другой – в тексте необходимо отразить те правовые акты ЕС о бухгалтерской отчетности, которые были приняты после 1968 года. Одиннадцатая Директива «О филиалах» [6], которая дополняет Директиву о публикациях, с 1989 года регулирует проблемные вопросы, связанные с правилами о публикации определенных документов и сведений филиалами иностранных компаний. Она также распространяется на филиалы компаний, имеющих форму АО, ООО или командитного товарищества на акциях и находящихся в других государствах ЕС или в третьих государствах. Данная директива также должна быть приведена в соответствие с требованиями времени.

Следует отметить, что первоначально среди некоторых разработчиков директив существовало преувеличенно оптимистичное мнение о том, что существует вероятность обойтись «одной объемистой директивой, охватывающей все материи корпоративного права». Действительность показала, что проблемы гармонизации и унификации корпоративного права ЕС решить не так просто. Также пришлось учитывать тот факт, что вступающие в Союз новые государства обладают такими особенностями национального законодательства, которые не всегда возможно соединить в европейском контексте общего плана. Наглядным примером явилась Вторая Директива «О капитале» [7], принятая после вступления в ЕЭС трех новых государств-участников (Дании, Великобритании и Ирландии) в 1976 году. Она распространила свое влияние только на акционерные общества, акции которых подлежат свободному обращению, поскольку закрепляет континентальную систему твердого капитала, абсолютно чуждую праву Великобритании и Ирландии.

Третья и Шестая Директивы ЕС регулируют соответственно слияние и разделение национальных акционерных обществ, не затрагивая слияния АО из разных государств ЕС. Главный принцип таких операций заключается в универсальном правопреемстве без ликвидации первоначально существующих компаний, что служит гарантией для кредиторов и всех других третьих лиц, с которыми эти компании вступили в обязательственные отношения. Четвертая Директива «О годовой отчетности» координирует национальные нормы о годовой финансовой отчетности и распространяется на хозяйственные общества (АО, ООО, командитное товарищество на акциях), а также на такое атипичное товарищество, как немецкое «GMbH&Co». Седьмая Директива «О консолидированной отчетности» была принята в 1983 г. с целью гармонизировать нормы об отчетности групп компаний (консолидированная отчетность).

Существование требования об обязательной проверке финансовой отчетности в Четвертой и Седьмой Директивах предопределило принятие в 1984 году Восьмой Директивы, которая регулирует квалификационные требования, предъявляемые к лицам (аудиторам и аудиторским фирмам), осуществляющим проверку.

Двенадцатая Директива «Об ООО одного лица» (1989 год) обязала все государства-участники предусмотреть в национальном праве правовую конструкцию общества с ограниченной ответственностью, имеющее единственного участника. Несмотря на то, что Двенадцатая Директива распространяется на общества с ограниченной ответственностью, если государство-участник разрешает акционерные общества одного лица, то оно обязано применять правила Директивы и к таким обществам (ст. 6 Директивы). То есть данная Директива также имеет определенное значение для корпоративного права ЕС.

Помимо действующих директив в сфере корпоративного (акционерного) права ЕС имеется ряд проектов, которые находятся на раз-

ных стадиях разработки и имеют разные шансы на принятие. Некоторые из этих проектов были предложены еще в 80-х годах, другие носят современный характер.

Очень важной проблемой, препятствующей принятию некоторых директив, к примеру директив об интернациональных слияниях и о переносе места нахождения компании, является вопрос участия работников в управлении компанией. Данная тема относится скорее к трудовому, а не к корпоративному праву и рассматривается государствами-участниками очень по-разному. Поэтому в ряде случаев возникают препятствия для функционирования единого европейского корпоративного права: при переносе уставного места нахождения компании в другое государство-участник, при слиянии с иностранной компанией, при создании и переносе места нахождения наднациональных компаний (Европейское Акционерное Общество). Дело в том, что смена применимого национального права включает в себя, в том числе, и смену трудового права.

Для пояснения приведем следующий пример: законодательство Германии наделяет работников правом иметь своих представителей в органах компаний, причем при увеличении числа работников пропорционально увеличивается число их представителей в наблюдательном совете. С другой стороны, Великобритания, к примеру, такого права вообще не предусматривает, и если немецкая компания решит перенести уставное местонахождение именно в это государство, то в результате начнет действовать английское трудовое право, а работники потеряют право быть представленными в органах управления компании. Таким образом, положение работников значительно ухудшится, что неприемлемо для германских профсоюзов и национального права Германии в целом. Хотя высказывались и опасения относительно того, что свобода интернациональных перемещений и слияний приведет к «массовому бегству» немецких компаний в более либеральные правовые порядки с целью избавиться от немецкой модели участия работников. С другой стороны, возможное сохранение немецкой модели участия работников при интернациональных перемещениях и слияниях компаний не выгодно для работодателей государств с более либеральным в данном отношении законодательством.

Наиболее приемлемым ответом на данный вопрос стало принятие специальной директивы в рамках Статута Европейского акционерного общества. Найденный с помощью этой директивы способ решения подобных проблем предполагается использовать в дальнейшей работе над проектами директив об интернациональных слияниях и о переносе места нахождения компаний в рамках ЕЭС.

Помимо процесса унификации национального права различных государств внутри Европейского Союза в области корпоративного права, уже давно предпринимаются попытки формирования единого правового механизма, выражающиеся в создании новой наднацио-

нальной организационно-правовой формы юридического лица в рамках ЕС. Речь идет о создании публичной акционерной Европейской Компании с ограниченной ответственностью (Societas Europaea). Такая форма юридического лица планировалась десятилетиями ранее (третий проект устава Европейской Компании (ЕК) был представлен к декабрю 1989 года). Но только сегодня можно говорить о действительном вступлении в жизнь этой новой организационно-правовой формы. Положение «О Статуте Европейской Компании» [8], принятое в октябре 2001 года, предусматривает ряд новелл в области акционерного права, которые могут разрешить многие вопросы, возникающие в процессе создания единого европейского права в данной области. В частности, как указывалось ранее, в Положении найдена наиболее оптимальная модель участия работников в управлении компанией, а также рассмотрена проблема смены места нахождения юридического лица и выбора уровня системы управления компанией. В то же время следует обратить внимание на тот факт, что указанное Положение не является всеобъемлющим документом и многие вопросы оставляет на разрешение национальным законодательствам. Однако такой момент сложно назвать упущением со стороны разработчиков Положения, поскольку те аспекты, которые данным актом не затронуты, уже урегулированы через принятие соответствующих директив, рассмотренных ранее. Следует также отметить, что Положение, в отличие от директив, не требует имплементации и имеет прямую силу на территории стран ЕС.

Подводя итоги, можно выделить некоторые общие тенденции дальнейшего развития корпоративного права ЕС.

Дальнейшее формирование корпоративного права Европейских сообществ должно происходить на фоне общеевропейских тенденций сближения национальных законодательств стран ЕС путем их постепенной унификации и кодификации.

Для более успешного внедрения норм корпоративного права ЕС на национальном уровне государств-участниц с положительной стороны показывает себя проведение предварительных процедур согласования, что в дальнейшем может оказать существенное влияние для выработки оптимального подхода к интегрированию европейского экономического пространства и его перехода на новый уровень.

Улучшение эффективности рынка должно происходить путем проведения политико-технократических решений через национализацию стратегических отраслей промышленности, экономическое планирование, корпоративную саморегуляцию и административную регуляцию.

Внедрение многих правовых норм наблюдается в рамках тенденции доминирования общеевропейского права по отношению к национальным законодательствам государств-участниц, а также продолжения «заражения права через экономику», т.е. возникновения перво-

начально экономических отношений с их последующим юридическим закреплением.

Проведение единой антимонопольной политики и развитие конкурентного права благоприятствует расширению влияния корпоративного права ЕС на компании третьих стран.

Таким образом, корпоративное право ЕС становится определенным эталоном мирового качества, что может быть полезно для решения аналогичных правовых проблем другими экономическими союзами и отдельными государствами, в том числе и Россией.

Примечания:

1. Афанасьева Е. Г., Долгих М. Г. Общее и особенное в зарубежном акционерном праве // Закон. 2004. №9. С. 94.

2. Кадлец М. В. Корпоративное право Европейского Союза: от общих принципов до Устава Европейской компании // Международное публичное и частное право. 2005. №6. С. 38.

3. Согласно этой статье, под компаниями понимаются компании гражданского и торгового права, в том числе кооперативные товарищества и другие юридические лица публичного и частного права, за исключением компаний, которые не преследуют целей извлечения прибыли.

4. См. подробнее: Юмашев Ю. М. Основные тенденции развития акционерного права ЕС // Государство и право. 1992. №6. С. 37.

5. Беликова К. М., Иншакова А. О. Директивы ЕС как универсальное средство гармонизации для создания режима публичности и открытости деятельности компаний // Евразийский юридический журнал. 2010. №7 (26). С. 33.

6. Директива 77/Ф1/ЕС Совета от 13 декабря 1976 года для координации защитных предписаний, которые в государствах-участниках адресованы компаниям в смысле абз. 2 ст. 58 Договора в интересах участников компаний и третьих лиц в отношении создания акционерного общества, а также сохранения и изменения размера его капитала, с целью достижения равноценности этих предписаний // Вестник ЕС. №26. С. 1.

7. Там же.

8. <http://www.lawfirm.ru/comments/index.php?id=3762> (дата обращения: 16.04.2019).

ЗАРУБЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ФОРМЫ

Выбор той или иной организационно-правовой формы организации, участвующей в хозяйственном обороте, обуславливает ответственность и правомочность ее участников (акционеров, пайщиков и другое), формы отчетности, порядок налогообложения получаемой прибыли, структуру органов управления, порядок ликвидации и другие аспекты. Настоящая статья посвящена анализу особенностей организационно-правовых форм по законодательству Франции, Великобритании, Финляндии, Соединенных Штатов Америки.

Постоянно растущие и развивающиеся экономические связи, как между отдельными странами, так и между участниками в рамках одной страны, становятся предпосылками создания новых форм ведения бизнеса. Актуальность темы исследования обусловлена резко возросшим интересом российских граждан к ведению бизнеса за рубежом, в частности, очень часто проблемы возникают на стадии выбора той или иной организационно-правовой формы предпринимательской деятельности [1].

Каждая коммерческая организация (фирма), участвующая в хозяйственном обороте, образуется в определенной организационно-правовой форме и действует в рамках норм гражданского и торгового права соответствующего государства, регулирующего ее деловые взаимоотношения с контрагентами. Организационно-правовая форма фирмы определяет ответственность и правомочность ее участников (акционеров, пайщиков и другое), формы отчетности, порядок налогообложения получаемой прибыли, структуру органов управления, порядок ликвидации и другие аспекты [2].

Организационно-правовые формы зарубежья значительно отличаются одна от другой в разных странах. Их отличия можно проследить с помощью определенных характеристик и особенностей, а вот главные принципы данных форм практически идентичны. В этой статье можно ознакомиться с зарубежными организационно-правовыми формами на примере таких мощных государств, как Франция, Великобритания, Финляндия, Соединенные Штаты Америки.

По классификации Всемирного банка и МБPP «Doing Business 2013» (DB), Франция находится на 25-м месте в рейтинге по показателю легкости открытия бизнеса среди 185 исследовавшихся стран мира. Среди стран-соседей Франции – это лучший показатель (кроме Великобритании – 19-е место): Бельгия – 36-е, Германия – 98-е, Италия – 77-е, Испания – 133-е, Швейцария – 85-е. Торговля продоволь-

ственными товарами во Франции регулируется правилами свободного рынка. Продажи как внутри страны, так и при экспортно-импортных операциях осуществляются без каких-либо количественных ограничений. Исключением является оборот алкогольной продукции, для распространения которой юридическое лицо должно обладать специальным разрешением на этот вид деятельности.

Во Франции существует множество организационно-правовых форм предприятий, но можно выделить 3 основные категории юридических статусов компаний:

- индивидуальные предприятия. Составляют 85% всех предприятий во Франции. Такие предприятия являются собственностью одного лица;

- гражданские товарищества или общества (SC), не преследуют коммерческих целей. Эта категория предприятий включает: гражданские общества по сооружению или приобретению недвижимости (SCI); объединения лиц некоторых свободных профессий (SCP) и гражданские общества по пользованию материальными средствами (SCM), которые не позволяют осуществлять какую-либо деятельность, а образуются для совместного пользования участниками – представителями свободных профессий – различными материальными средствами (помещения, оборудование, персонал и т.д.). Гражданские товарищества объединяют прежде всего ремесленников, представителей свободных профессий, сельскохозяйственных производителей, могущих быть членами одной семьи. Такие товарищества могут быть созданы двумя участниками, минимальный размер уставного капитала не предусмотрен;

- торговые компании, осуществляющие коммерческую деятельность, включают: единоличные предприятия с ограниченной ответственностью (EURL), общества с ограниченной ответственностью, ООО (SARL) и акционерные общества, АО (SA).

Следует отметить, что различные французские источники дают различные классификации компаний, могущих относиться к торговым. Словарь французского частного права в определении понятия торговых обществ дает достаточно полный перечень основных форм таких компаний, включающий:

- акционерные общества;
- акционерные общества упрощенного типа;
- общества с ограниченной ответственностью;
- единоличные общества с ограниченной ответственностью;
- сельскохозяйственное общество с ограниченной ответственностью;
- полное товарищество;
- простое коммандитное товарищество и коммандитное акционерное общество;
- европейское общество.

Торговые (коммерческие) компании. Любое создаваемое во Франции торговое общество, независимо от формы, должно быть зарегистрировано в Реестре торговли и обществ (RCS), входящем в компетенцию торгового суда (Tribunal de commerce). Торговые суды представлены по всей территории континентальной Франции, кроме Эльзаса и Мозеля, где в силу местного законодательства торговые споры разрешаются в судах высокой инстанции (Tribunal de grande instance), в числе которых суды торговых палат под председательством магистрата.

Все Реестры торговли и обществ находятся в ведении Национального регистра торговли и обществ (Registre national du commerce et des sociétés – Euridile), входящего в структуру Национального института промышленной собственности (INPI) Франции.

В канцеляриях торговых судов (Greffes du tribunal de commerce) можно получить необходимые сведения о любом торговом обществе, в т.ч. свидетельство о том, находится или не находится предприятие в стадии банкротства.

Действует общедоступный интернет-портал Реестра торговли и обществ канцелярии торгового суда «Инфогрефф» (Infogreffe) [3].

По всем вопросам регистрации предприятий следует обращаться в Центр оформления предприятий (CFE) при торгово-промышленной палате соответствующего департамента Франции. Здесь можно заполнить сразу все декларации: юридическую, фискальную, социальную, административную и статистическую.

Регистрация состоит из следующих шагов:

- запись в Реестр торговли и обществ (RCS);
- запись в Национальный перечень предприятий и учреждений;
- декларация об идентификации в налоговом управлении;
- присоединение к системе страхования болезни и материнства и страхования по старости для лиц ненаемного труда;
- присоединение к кассе семейных пособий;
- декларация (в случае найма в компанию людей на месте) в инспекцию по трудоустройству, Объединение по взиманию взносов на цели социального обеспечения и семейных пособий (URSSAF);
- опубликование названия и основных характеристик предприятия в Официальном бюллетене гражданских и коммерческих объявлений (BODACC).

Иностранцы, намеревающиеся осуществлять во Франции торговую, ремесленную или промышленную деятельность, а также назначаемые на руководящие должности в торговые предприятия, должны получить временный вид на жительство, ранее называвшийся удостоверением иностранного коммерсанта. При первичном запросе на вид на жительство в посольство или консульство Франции должно быть подано досье на запрос долгосрочной визы коммерсанта (dossier de demande de visa long séjour «commerçant»).

Лица, уже имеющие вид на жительство в качестве представителя свободной профессии, студента, наемного работника, научного работника или гостя, намеревающиеся заняться торговой, промышленной или ремесленной деятельностью, должны направить в префектуру запрос на изменение своего статуса.

Иностранцы, желающие осуществлять во Франции торговую деятельность, но не желающие жить во Франции, подают упрощенную декларацию в префектуру того департамента, где будет осуществляться торговая деятельность.

Любое иностранное физическое или юридическое лицо, намереваясь создать или зарегистрировать во Франции предприятие, должно ознакомиться с перечнем видов деятельности, которыми оно может заниматься: доступ к некоторым видам деятельности во Франции ограничен, т.е. ими могут заниматься французские граждане, выходцы из стран – членов Европейского экономического пространства и граждане стран, подписавших с Францией соответствующее соглашение о предоставлении режима взаимности.

Иностранное физическое лицо может получить статус индивидуального предпринимателя (*auto-entrepreneur*), создать индивидуальное предприятие или общество.

Иностранное юридическое лицо, желающее начать свою деятельность во Франции, может выбрать одну из следующих форм организации – представительство, отделение или филиал. Каждая из этих структур имеет свой юридический режим.

1. Бюро или представительство (*Le bureau de liaison* или *bureau de la représentation*) – самая простая форма представительства иностранной компании во Франции. В цели представительства не входит осуществление коммерческой деятельности. Основные задачи такого бюро (представительства) – установление и поддержание контактов, сбор информации, рекламная деятельность. Представительство лишено прав юридического лица, поэтому все юридические акты (контракты, счета и др.) осуществляет сама иностранная компания.

В связи с отсутствием коммерческой деятельности регистрация представительства в Реестре торговли и обществ (RCS) не обязательна, однако заявление о создании представительства (*déclaration d'existence*) должно быть подано в соответствующий центр оформления предприятий (CFE) компетентной торгово-промышленной палаты. При этом заполняется соответствующий формуляр (декларация) об отсутствии у представительства прав юридического лица. Наличие такой декларации влечет за собой регистрацию представительства в Национальном реестре предприятий и учреждений (*répertoire national des entreprises et des établissements*), после чего Национальный институт статистики и экономических исследований Франции (INSEE) присваивает представительству иностранной компании два идентификацион-

ных номера (SIREN и SIRET), призванных облегчить его взаимоотношения с официальными лицами и организациями.

Если представительство нанимает во Франции сотрудников, оно должно в обязательном порядке выполнить определенные формальности (бесплатно) в центре оформления предприятий Объединений по взиманию взносов на цели социального обеспечения и семейных пособий (URSSAF), в частности представительства иностранных компаний – в таком объединении в Страсбурге.

Уполномоченный иностранный представитель такого бюро или представительства обязан иметь специальное удостоверение личности.

Не осуществляя никакой коммерческой деятельности, представительство иностранной компании не подлежит налогообложению и не требует разрешений на осуществление инвестиционной деятельности во Франции [4].

Как только функции представительства расширяются, официальная регистрация становится обязательной.

2. Отделение (La succursale) и агентство (L'agence). Отделение – это коммерческое предприятие, располагающее собственным имуществом и бизнесом. В то же время отделение не обладает правосубъектностью.

Несмотря на то, что во французском языке слово «агентство» является синонимом слова «отделение», агентство обычно представляет собой менее значимое предприятие, чем отделение, имеющее ограниченные права в управлении. Отделение, как правило, больше агентства и располагает более широкими руководящими правами (руководители имеют право принимать и увольнять персонал, самостоятельно решать некоторые вопросы управления, осуществлять связи с третьими лицами), но его деятельность ограничена использованием создаваемых или обеспечиваемых зарубежной фирмой ценностей, услуг и т.д. Отделение правомочно совершать на территории Франции коммерческие операции и сделки от имени учредившей его организации. Учреждение отделения во Франции требует его регистрации в ТПП.

При регистрации во Франции своего отделения или агентства иностранной компании должны представить две копии заверенного и переведенного на французский язык устава и в течение 15 дней с момента открытия предприятия во Франции должны пройти весь комплекс юридических, административных, налоговых и социальных формальностей, необходимых для регистрации коммерческих предприятий.

Отделения или агентства иностранных компаний рассматриваются как иностранные инвесторы, поэтому им необходимо подать соответствующее заявление и получить предварительное разрешение на осуществление инвестиционной деятельности во Франции.

3. Филиал или дочернее акционерное общество (La filiale или La société filiale) – юридическое лицо, предприятие, образованное по

нормам французского права, что позволяет ему совершать сделки от собственного имени. Не менее половины капитала филиала должно принадлежать материнской компании.

С административной точки зрения создание филиала зарубежной компании может потребовать:

- специального разрешения на «инострannую инвестиционную деятельность во Франции» (*la déclaration d'investissements étrangères en France*);
- соответствующего разрешения для руководителя, осуществляющего свою деятельность во Франции (*titre autorisant le dirigeant étranger à exercer son activité en France*);
- представления Устава,
- публикации в Официальном бюллетене гражданских и коммерческих объявлений (*BODACC*) и записи в Реестре торговли и обществ ТПП.

Вид на жительство иностранца должен быть приведен в соответствие с его желанием на осуществление предпринимательской деятельности во Франции. Временного вида на жительство для создания предприятия недостаточно.

По данным Национального института статистики и экономических исследований Франции (*INSEE*), на предприятиях иностранных компаний, работающих во Франции, занято свыше 2 млн. наемных сотрудников. 67% представительств и филиалов иностранных компаний во Франции контролируется группами компаний из ЕС. Однако если говорить о стране происхождения капиталов этих компаний, а не об их географической принадлежности, то наибольшее количество иностранных филиалов во Франции принадлежит США, на 2-м месте – Германия и на 3-м – Великобритания.

В Великобритании организационно-правовые формы подразделяются на Частную компанию и Публичную компанию.

Частная компания с ответственностью, ограниченной акциями (*Private company limited by shares*, или *private limited company (Ltd.)*). Уставный капитал компании разделен на акции, и акционеры несут ответственность в пределах неоплаченной части акций, которыми они владеют. Такие компании не могут предлагать акции для продажи неограниченному кругу лиц. *Ltd* – наиболее распространенная организационно-правовая форма юридических лиц в Великобритании.

Публичная компания с ограниченной ответственностью (*Public limited company (Plc)*). Уставный капитал компании разделен на акции. Эти акции могут быть выставлены на открытую продажу, а ответственность акционеров ограничена суммой, не выплаченной по акциям, которыми они владеют (*limited by shares*), или суммой, которую они согласны внести в активы компании в случае ее ликвидации (*limited by guarantee*). Тот факт, что компания публичная, отражается в ее свидетельстве о регистрации – *certificate of incorporation*. Для таких компа-

ний установлено требование о минимальном уставном капитале (не менее £50 тыс.).

Вышеуказанные организационно-правовые формы компаний отличаются от своих российских аналогов, но имеют и общие черты.

Частные компании с ответственностью, ограниченной акциями (Ltd), имеют много общих черт с российскими закрытыми акционерными обществами (АО). Частные компании в Британии не имеют права печатать акции или другие ценные бумаги. Средства таких компаний формируются из долей (паев) их вкладчиков, и они не подлежат публичной отчетности. Компания управляется директором или директорами, обладающими всеми необходимыми полномочиями.

Публичные компании (Plc) имеют много общего с российским публичным акционерным обществом. В Британии, как правило, все крупные компании создаются в форме (Plc), они обязаны открывать свою бухгалтерскую отчетность и их акции торгуются на фондовой бирже. Иностранное отделение/представительство ведет бизнес от имени юридического лица, и, в отличие от дочерней компании, зарегистрированной по английскому законодательству, юридическим лицом не является.

Представительство/отделение – это часть юридического лица, которая организована для того, чтобы осуществлять все виды деятельности (кроме тех, которые подлежат обязательному лицензированию) от имени юридического лица. Другими словами, это отдельное подразделение юридического лица, расположенное вне места его регистрации, осуществляющее все функции юридического лица, в том числе и функции представительства компании. Создание представительства/отделения дает возможность иностранному юридическому лицу взаимодействовать с британскими контрагентами непосредственно в Великобритании [5].

В течение 1 месяца после создания на территории Великобритании представительства/отделения иностранное юридическое лицо должно представить в государственный реестр компаний следующие документы:

а) должным образом заполненную форму OS IN государственного реестра компаний;

б) заверенные копии учредительных документов юридического лица вместе с должным образом заверенным переводом на английский язык;

в) балансовый отчет юридического лица, составленный в соответствии с национальным законодательством и подписанный руководителем вместе с должным образом заверенным переводом на английский язык;

г) регистрационный взнос в размере 20 фунтов стерлингов для регистрации в течение 8-10 рабочих дней (в случае необходимости реги-

страции в день подачи документов – регистрационный взнос составит 50 фунтов стерлингов).

Отделение/представительство может быть зарегистрировано как под собственным именем, так и под именем юридического лица.

Иностранное юридическое лицо должно извещать Регистрационную палату обо всех изменениях состава исполнительных органов, адреса, статуса.

Отделения иностранного юридического лица должны указывать на своем бланке название, место регистрации и регистрационный номер, а также ежегодно представлять в государственный реестр компаний полный балансовый отчет иностранного юридического лица в течение 3 месяцев после даты предоставления отчета в соответствующие органы страны его нахождения. Вместе с отчетом иностранное юридическое лицо направляет также информацию о том, в соответствии с законодательством какой страны подготовлен отчет, производился ли аудит, применялись ли международные стандарты бухгалтерского учета (в частности GAAP).

Российские юридические лица могут начать свой бизнес в Великобритании, на начальной стадии открыв отделение/представительство, и по мере развития деловых контактов учредить дочернюю компанию. В этом случае российское юридическое лицо будет освобождено от необходимости ежегодно представлять свои балансовые отчеты, а также не будет нести ответственность по долгам дочерней компании.

В Финляндии отсутствуют ограничения в отношении выбора форм ведения бизнеса, имея в виду свободу договоров, в том числе в отношении договоров о совместном ведении бизнеса. В то же время, в законодательстве регламентированы основные организационные правовые формы ведения коммерческой деятельности, к которым относятся:

- индивидуальный предприниматель;
- акционерное общество;
- полное и командитное товарищество.

Содержащиеся в законодательстве нормы в отношении общих правил создания, управления и прекращения организаций, а также ответственности учредителей и директоров делают применение этих организационных форм в значительной степени удобным инструментом доступа на рынок, а правовые последствия применения той или иной организационной правовой формы – предсказуемыми. Наиболее часто встречающимися формами организации бизнеса являются акционерное общество и индивидуальное частное предприятие [6].

Создание и деятельность бизнеса в различных организационно-правовых формах регламентируются следующими законами:

- Закон об акционерных обществах (624/2006);
- Закон о вступлении в силу Закона об акционерных обществах (625/2006);

- Закон о полном и коммандитном товариществе (389/1988);
- Закон о праве заниматься предпринимательской деятельностью (122/1919);
- Закон о Торговом реестре (129/1979);
- Закон о генеральной доверенности (130/1979).

Согласно Закону о торговом реестре каждое предприятие обязано сделать заявление о начале осуществления предпринимательской деятельности. Государственными реестрами предприятий являются Торговый реестр и реестр Налогового управления. Торговый реестр действует при Национальном ведомстве по патентам и регистрации.

В праве Финляндии нет специальных норм, касающихся регистрации филиалов финских фирм. Однако сходной правовой конструкцией является вспомогательное название фирмы / вспомогательное фирменное наименование (Aputoiminimi/ auxiliary company name), определённое в Законе о фирменном наименовании. Вспомогательное фирменное наименование / вспомогательное название фирмы является обособленным подразделением основного предприятия и зависит от основного предприятия.

В соответствии с этим законом предприятие может зарегистрировать вспомогательное фирменное наименование / вспомогательное название фирмы для осуществления определенного вида деятельности и/или осуществления деятельности на территории определенного региона, города.

Согласно Закону о праве на осуществление предпринимательской деятельности, филиал иностранного предприятия (Branch of a foreign trader) является частью или подразделением иностранного юридического лица или фонда. Филиал является местом для осуществления на постоянной основе руководства его деловой или профессиональной деятельностью от имени и в интересах иностранного юридического лица или фонда. Фирменное наименование филиала иностранного предприятия должно включать фирменное наименование иностранного предприятия и дополнительную информацию, указывающую на то, что данное фирменное наименование является наименованием филиала. Согласно Закону о Торговом реестре иностранное предприятие, которое имеет филиал в Финляндии, должно представлять в Национальном ведомстве по патентам и регистрации годовой отчёт. Для образования на территории Финляндии филиала иностранного предприятия, не имеющего местонахождения на территории ни одного из государств ЕЭП, необходимо получение разрешения Ведомства по патентам и регистрации.

На сегодняшний день в США есть 4 основные организационно-правовые формы компании.

- Индивидуальный предприниматель (Sole Proprietorship)
- Партнерство (Partnership)

- Компания с ограниченной ответственностью (Limited Liability Company)
- Корпорация (Corporation).

В индивидуальных частных фирмах бизнес ведется одним человеком для извлечения личной выгоды. Это простейшая форма организации бизнеса, не существующая отдельно от его владельца. Владелец несет полную личную ответственность по всем рискам и долгам бизнеса своим имуществом, независимо от того, используется оно в интересах бизнеса или лишь в частных интересах владельца.

В случае если бизнес для извлечения личной выгоды будут вести два или более человек, то между ними можно заключить договор партнерства. Партнеры могут вкладывать в бизнес не только деньги, но и любую собственность, рабочее время или особые навыки. Каждый из партнеров чувствует в распределении прибыли и убытков и несет полную личную ответственность по всем рискам и долгам бизнеса. В случае ограниченного партнерства партнеры несут ответственность, ограниченную их вложениям, то есть, один партнер может нести большую ответственность, чем другой.

Компании с ограниченной ответственностью – юридические лица этого типа представляют собой среднее между партнерством и корпорацией. Члены такой компании имеют достаточно свободы в принятии решений и выгоды при извлечении прибыли, аналогичные партнерству, однако их ответственность по рискам и долгам бизнеса ограничена. Несмотря на то, что по описанию компания с ограниченной ответственностью похожа на ограниченное партнерство, их деятельность значительно отличается на законодательном уровне. Например, партнерство может управляться только партнерами, а на должность директора компании с ограниченной ответственностью может быть нанят любой другой человек [7].

Деятельность и название корпорации строго определены ее уставом, который должен быть зарегистрирован Секретариатом Штата. Акционеры корпорации несут ограниченную ответственность по всем рискам и долгам корпорации. А те акционеры, которые еще являются и сотрудниками корпорации, могут получить дополнительные выгоды, как, например: медицинское страхование и частичная оплата налогов на их заработную плату

В Германии, как и в других странах, существует подобная система разделения организационно-правовых форм предпринимательства. Она разделяется на Капитальные (долевые) общества и Персональные товарищества [8]:

Капитальные (долевые) общества (Kapitalgesellschaft), или, как их еще называют в ФРГ, корпорации, основываются на модели ассоциации или объединения капитала их создателей, преследующих, как правило, экономические цели.

• Общество с ограниченной ответственностью – как и в России, немецкие общества с ограниченной ответственностью (Gesellschaft mit beschränkter Haftung, GmbH), являются наиболее распространенной организационно-правовой формой для создания компании. Согласно им, ООО является индивидуальным юридическим лицом с собственным именем, обладает перечнем прав и отвечает по финансовым и иным обязательствам собственным имуществом.

• Упрощенный вариант ООО – ключевым отличием обычного общества от упрощенного является размер уставного капитала: для UG минимальный Stammkapital стартует от 1 €, в то время как для обычного ООО нужно минимум 25000 €. Вторым упрощающим моментом, согласно п. 1а параграфа 2 GmbHG, является возможность создания UG по упрощенной процедуре (к слову, она предусмотрена и для GmbH).

• Акционерные общества (aktiengesellschaft) – акционерные общества являются юридическими лицами, где ответственность акционеров по обязательствам АО определяется стоимостью и долей имеющих у них акций. Руководство AG осуществляет правление, в которое входит один или несколько членов. Контроль над правлением, а также его назначение осуществляет наблюдательный совет, который формируется собранием акционеров; первый наблюдательный совет, формируется учредителями. В наблюдательном совете должны быть председатель и как минимум один его заместитель. Учитывая все это, AG является формой, приемлемой для открытия крупного бизнеса, в противном случае расходы на его создание и содержание себя не оправдывают.

• Коммандитное товарищество на акциях (kommanditgesellschaft auf Aktien) – юридическое лицо, в состав которого входят 2 типа участников:

○ Комплементеры – генеральные партнеры с неограниченной ответственностью, отвечающие перед кредиторами собственным имуществом.

○ Коммандитисты – остальные акционеры, не несущие личной ответственности перед кредиторами KGaA и ограниченно отвечающие по его обязательствам лишь стоимостью своих акций и не отвечающих своим личным имуществом [9].

Персональные общества (товарищества) – Персональным товариществом (Personengesellschaft) является некая специальная форма партнерства, в которой для достижения общих экономических целей могут объединяться два и более физических и юридических лиц. Персональное товарищество не является юридическим лицом, однако и без этого беспрепятственно приобретает права и обязанности.

• Гражданско-правовое общество – Гражданско-правовое общество или Gesellschaft bürgerlichen Rechts (GbR) является организационно-правовой формой партнерства двух и более физических лиц, желающих вести предпринимательскую деятельность. GbR считается

самым распространенным персональным товариществом в Германии. Связано это с тем, что GbR характеризуется простотой регистрации и упрощенной бухгалтерской и налоговой отчетностью. Управление обществом осуществляют все его участники одновременно. По общему правилу, как прибыли, так и убытки распределяются между участниками GbR в равных долях, однако договором может быть предусмотрено иное распределение [10].

- Открытое торговое товарищество, или offene Handelsgesellschaft (OHG) – является еще одной персональной формой общества, в которой могут участвовать любые физические и юридические лица, желающие вести предпринимательскую деятельность. Особый интерес вызывает ответственность участников. Открытое Торговое Товарищество отвечает по обязательствам своим имуществом и имуществом участников, которые, в свою очередь, отвечают по долгам солидарно (каждый в равной мере, независимо от вклада).

- Партнерство – форма профессиональной организации физических лиц, которые являются представителями свободных профессий. К числу таких представителей свободных профессий следует относить лиц, которые практикуют независимую профессиональную деятельность и являются врачами, стоматологами, ветеринарами, психологами, адвокатами, патентными поверенными, консультантами, бухгалтерами. Отношения между партнерами регулируются положениями подписанного между ними соглашения. Они несут неограниченную солидарную ответственность по обязательствам компании [11].

- Частное предпринимательство – выступает как форма организации, представленная одним физическим лицом, от имени которого ведется предпринимательская деятельность. Частное предпринимательство является аналогом российского индивидуального предпринимательства и имеет много идентичных свойств.

Примечания:

1. Макарова О. А. Корпоративное право: Учебник. М., 2005.
2. Гуцин В. В., Порошкина Ю. О., Сердюк Е. Б. Корпоративное право. М., 2006. С. 80.
3. Агеев А. Развитие акционерного законодательства. Опыт Франции // Законодательство. 2004. №7.
4. Афанасьева Е. Г., Долгих М. Г. Общее и особенное в зарубежном акционерном праве // Закон. 2004. №9.
5. Томпсон П. Проблемы гражданского и предпринимательского права Великобритании / Пер. с нем. М., 2001.
6. Попондопуло В. Ф. Коммерческое право зарубежных стран: Учебное пособие. СПб., 2003.

7. Афанасьева Е. Г. Правовое положение полных товариществ в США (обзор) // Реферативный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература». Сер. 4: Государство и право. 1995. №3.

8. Бакшинскас В. Создание акционерных обществ: отечественная и зарубежная практика. М., 1992.

9. Белов А. П. Международное предпринимательское право. М., 2001.

10. Бергман В., Комаров А. С. Введение в основные положения германского торгового права и права хозяйственных организаций // Германское право. Ч. II. Торговое уложение и другие законы / Пер. с нем. М., 1996 (Серия «Современное зарубежное и международное частное право»).

11. Германское право. Ч. 2 / Под ред. Р. И. Каримуллина. М., 2000 (Серия «Современное зарубежное и международное частное право»).

В. С. Кочорова, А. В. Гагиева

ПРОБЛЕМЫ ОТНЕСЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ АКТОВ К ИСТОЧНИКАМ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА

Статья посвящена проблеме отнесения корпоративных актов к источникам корпоративного права. В статье проанализированы научные взгляды на понятие и правовую природу источников корпоративного права. Авторы предлагают собственную позицию согласно рассматриваемому вопросу, анализируется правовая природа корпоративных актов, в том числе нормы и стандарты саморегулируемых организаций как источников корпоративного права.

Анализ определения и правовой природы источника корпоративного права непосредственно сопряжен с вопросами определения места корпоративного права в системе российского права и разрешения проблемы сущности корпоративных отношений. Приступая к исследованию специфики системы источников корпоративного права, следует оговориться, что сам термин «источник права» применяется нами в исключительно формально-юридическом аспекте, что в целом свойственно для многих научных исследований в сфере гражданского права. Нынешняя официальная юридическая литература по корпоративному праву представляет собой большой массив информации, в которой правовая природа источников права подвергнута многочисленному экспертному анализу. Всё же некоторые вопросы проблематики источниковедения до настоящего времени остаются недостаточно исследованными, что обосновано как трудностью исследуемых

объектов [3], так и современными тенденциями в развитии источников российского гражданского права [15]. В более широком понимании корпоративное право – это право и персональных, и капитальных объединений, создаваемых для достижения определенных совместных целей. По мнению Т. В. Кашаниной, «корпоративное право – это система правил поведения, которые разработаны в организации, основанной на объединении лиц и капиталов, выражают волю ее коллектива и регулируют различные стороны деятельности данной организации. Любая организация, представляющая собой автономное образование, объединение лиц и капиталов для осуществления какой-либо социально полезной деятельности, вправе формулировать для своих членов определенные правила поведения, с тем чтобы наиболее эффективно организовать их работу и достичь поставленных перед организацией целей и задач». В узком понимании корпоративное право – это частное право предпринимательских «капитальных объединений», право акционерных обществ (предпринимательских корпораций). При этом оно никак не сводится к праву внутриорганизационному, внутрифирменному – правилам поведения для участников корпораций. Его объект – корпоративные отношения, которые являются по содержанию более широкими, чем отношения только внутриорганизационные.

Если анализировать корпоративное право, равно как науку, в таком случае оно исследует особенности правового регулирования корпоративных отношений. Помимо этого, в предмет науки входят: различные юридические конструкции, определения, концепции и теории, а также практика, прежде всего арбитражных судов, связанная с рассмотрением корпоративных споров. Под источником права понимают, как правило, ту юридическую форму, в которой выражается правотворческая деятельность государства и с помощью которой воля законодателя становится обязательной для исполнения.

До сих пор теоретикам права не удалось достигнуть формирования подобного определения понятия «источник права». Под источниками права понимают итоговый результат правотворческой деятельности, который объективируется в наиболее различных конфигурациях, в том числе в нормативных правовых актах, нормативных договорах, судебных прецедентах, правовых обычаях, религиозных текстах, а в некоторых случаях – в правовых доктринах. Источники права – формы объективирования юридических норм, служащие признаками их обязательности в данном обществе и в данное время, а кроме того средства постижения права. В совокупном понимании источниками права являются такие условия действительности, которые обуславливают возникновение потребности в правовом регулировании, появление соответствующих правовых норм и придают содержанию этих норм определенную репрезентативность. Методология исследования данного правового вопроса должна брать за основу тот факт, под которым «источники права» рассматриваются в разных аспектах. М. Н. Мар-

ченко отмечает, что «источники права, как и само право, непозволительно определять лишь с одной какой-либо отдельно взятой стороны, поскольку это будет неполное, одностороннее его определение и несколько искаженное о нем представление» [12]. Дальнейшее исследование понятия и правовой природы источника корпоративного права связано с проблемой определения места корпоративного права в системе российского права и разрешения вопроса о сущности корпоративных отношений. Понятие «источник права» в юридической науке употребляется не только в формальном значении, то есть как форма выражения права, но также в материальном и идеальном смыслах [13].

От решения данной задачи зависит построение всей системы источников гражданского права, либо уяснение её специфики, обусловленной особой правовой природой корпоративных отношений. Многообразие подходов к пониманию проблемы корпоративного правоотношения, существующих в юридической науке, во многом обусловлено тем, что это одна из наиболее сложных и в то же время наименее разработанных проблем науки гражданского и предпринимательского права [5]. На современном этапе экономического, политического и социального развития общества возрастает влияние юридических лиц корпоративного типа, являющихся основной формой организации коллективного предпринимательства в Российской Федерации, а также выступающих средством решения различных общественно-политических и социально значимых вопросов. Следует отметить, что правовое регулирование корпоративных отношений осуществляется преимущественно федеральными законами, а общие положения о корпоративных организациях теперь содержатся в унифицированном акте – ГК РФ. Отдельные федеральные законы, относящиеся к публичному праву, регламентируют лишь точно вопросы в сфере корпоративных отношений (особенности налогообложения корпораций, административную ответственность директора корпорации и т.д.), не затрагивая «сущностную» сторону корпоративных отношений. В науке существует точка зрения, что внутренние документы – это особый вид источников корпоративного права. Особенно это касается сделок (односторонних или многосторонних), либо особые регуляторы, существующие наряду с поименованными источниками гражданского права. И. С. Шиткина, например, рассматривает локальные акты как нормативные. Обладающие правотворческим характером, издающиеся органом управления общества, облакающиеся в документальную форму. Они не должны противоречить законодательству, иным правовым актам централизованного регулирования, а также локальным актам, имеющим более высокую юридическую силу [18].

Основываясь на системном характере источников права и выводах, сделанных в работах ученых, занимающихся данной проблематикой [4], можно представить систему источников корпоративного права как объективно существующую, иерархически организованную и вза-

имосвязанную совокупность правил поведения участников корпоративных отношений. Система источников корпоративного права базируется на принципах целостности системы и многообразия связей системы с внешней средой. Внутреннее строение системы предполагает присутствие в ней структурных элементов и совокупности специфических взаимосвязей между ними. Рассмотрение любого структурного элемента системы должно сопровождаться пониманием его функционального значения и места в исследуемой системе и относительно внешней среды. Системе источников корпоративного права присущи некоторые характерные черты, такие как наличие определенных структурных элементов, а также наличие системообразующих связей между этими элементами.

Система формальных источников корпоративного права (особые источники, не свойственные системе формальных источников гражданского права) представляет собой объективно существующую, иерархически организованную и взаимосвязанную совокупность правил поведения участников корпоративных отношений. Эта система подразделяется на более частные подсистемы: нормативно-правовых актов, корпоративных обычаев, корпоративных актов.

В настоящей статье мы более детально рассмотрим корпоративные акты как источники корпоративного права. В юридической литературе исследованиям локального нормотворчества уделено не слишком много внимания. Также следует отметить, что сам термин «корпоративный акт» употребляется редко, а предложенный законодателем термин «внутренний документ юридического лица» [6] усугубляет ситуацию. Как отмечает И. С. Шиткина, «... в современной юридической науке по существу отсутствуют системные исследования локального нормотворчества субъектов предпринимательской деятельности... Точки зрения отечественных правоведов зачастую расходятся в вопросах определения сущности, места и роли локальных нормативных актов, их иерархии в структуре правового регулирования» [21]. Таким образом, правовая природа корпоративных актов остается не до конца исследованной.

В научном мире существует точка зрения, что корпоративные акты – это сделки [8] (односторонние или многосторонние). Ряд ученых относят корпоративные акты к числу нормативных актов [7]. Не менее интересна точка зрения о смешанной природе данных актов [16]. С. Д. Могилевский замечает, что волеобразование и волеизъявление юридического лица всегда нуждаются в некоем законченном оформлении, и в качестве окончательного оформления этой воли и выступает правовой акт юридического лица [13] – «основанное на законе и иных правовых актах волеобразование или волеизъявление юридического лица, выработанное и оформленное по установленной процедуре в виде специального акта органа юридического лица и направленное на установление локальных правовых норм или возникновение, изме-

нение и прекращение гражданско-правовых отношений в интересах достижения целей, ради которых юридическое лицо создано» [14]. Данное определение может быть применено к правовым актам любого юридического лица, в том числе к корпорациям. Но следует заметить, что в самом названии «корпоративный правовой акт» как в определении и характеристике должны присутствовать признаки, свойственные правовому акту как корпоративному. Природа корпоративного акта, как представляется, сходна с природой правового акта [9]. Например, в случае обнародования корпоративного акта, после которого содержание корпоративного акта связывает организацию, в том числе любое лицо, основывающееся на положениях корпоративного акта, имеет право требовать соблюдения правил корпоративного акта от юридического лица [19]. Корпоративные акты не могут быть отнесены к нормативным правовым актам в контексте ст. 3 ГК РФ [1], так как не имеют свойства нормативного акта, не достигли их обобщенности. В целом можно констатировать, что нормативный правовой акт и корпоративный акт, содержащий нормы корпоративного права, – это разные правовые явления. Одновременно корпоративный акт по отношению к нормативному акту как формальному источнику права будет рассматриваться как поднормативный акт.

Корпоративные правовые акты, содержащие нормы права, всегда направлены на создание определенного правового результата и влекут за собой определенные правовые последствия. Корпоративный правовой акт означает либо установление (отмену, изменение) правовых норм, либо возникновение (изменение, прекращение) определенных правоотношений, либо и то, и другое одновременно. В юридической литературе их именуют также локальными актами, локальными нормативными актами, поднормативными актами и пр. [17].

Исследуя правовую природу корпоративных актов, их необходимо разграничивать на нормативные (содержащие нормы права) и иные корпоративные акты. Последние, в отличие от первых, не устанавливают новых норм права, а только детализируют, конкретизируют, комментируют нормы, содержащиеся в каком-либо нормативном акте, что не позволяет рассматривать их в качестве источников корпоративного права. С этих позиций не вполне удачным представляется предложенный законодателем термин – «внутренний документ», поскольку он, по мнению С. Ю. Филипповой, не отражает содержательной сущности рассматриваемого правового явления и остается не вполне ясным [19].

Среди корпоративных актов права устав занимает особое место и является корпоративным актом высшей юридической силы организации [11]. Высказанная точка зрения к рассмотрению устава как локального нормативного (или субнормативного) акта получила широкое распространение в доктрине корпоративного права [2]. Применительно к саморегулируемым организациям (далее – СРО) значение корпо-

ративных актов как источников корпоративного права имеет особое значение, поскольку создание СРО стало одной из первых попыток законодательного закрепления официальной передачи части государственной власти субъектам частного права [10]. Российское законодательство в качестве основных актов, разрабатываемых СРО, называет стандарты и правила предпринимательской и профессиональной деятельности. Многие ученые убеждены, что сами требования и стандарты профессиональной и предпринимательской деятельности СРО представляют собой определенный вид государственного контроля, одну из форм государственного регулирования различных видов экономической деятельности хозяйствующих субъектов.

Таким образом, государство в ряде случаев устанавливает общие положения относительно условий осуществления предпринимательской и профессиональной деятельности и одновременно признает правовые последствия за волеизъявлениями субъектов предпринимательства, путем введения ими дополнительных требований к предпринимательской или профессиональной деятельности. При этом представляется необходимым сочетание централизованного императивного правового регулирования и саморегулирования таким образом, чтобы законодательство, устанавливающее основные начала нормативного воздействия, соотношение императивных и диспозитивных средств и способов, позволяло бы СРО решать конкретные проблемы по своему усмотрению в установленных законом пределах.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на достаточно высокий регулятивный потенциал корпоративных правовых норм как источников современного корпоративного права, теоретико-методологическая основа локального правотворчества в отечественной науке корпоративного права все еще остается недостаточно разработанной. Нуждаются в дальнейшем теоретическом осмыслении вопросы классификации корпоративных правовых актов, особенности юридико-технических приемов их подготовки, принятия, систематизации и мониторинга, обеспечения правоприменительной эффективности и др. В частности, представляется необходимым провести дальнейшую унификацию терминологии в исследуемой области:

- уточнить термин «корпоративный акт» в контексте его соотношения с термином «локальный нормативный акт»;
- закрепить легальное определение термина «корпоративный акт»;
- отграничить корпоративные нормативные акты от иных внутренних актов корпорации;
- ввести общий перечень корпоративных актов, обязательных к принятию корпоративными организациями.

Представляется, что указанные меры будут способствовать дальнейшему совершенствованию источников правового регулирования корпоративных отношений. Тем не менее, с целью официального

признания корпоративных актов в качестве формальных источников корпоративного права предлагается закрепить данную норму путем внесения дополнительного пункта 8 в статью 3 ГК РФ. В данном пункте целесообразно закрепить возможность издания юридическим лицом гражданско-правовых актов нормативного характера. Таким образом, учитывая сложившиеся реалии, следует фактически признать корпоративный акт в качестве источника российского корпоративного права. В целом закрепление в корпоративном законодательстве возможности принятия корпоративных актов в целях регулирования корпоративных правоотношений следует считать позитивным изменением, требующим последующего развития и совершенствования.

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 2019. Ст. 3.

2. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В. А. Белова. М., 2007. С. 290.

3. См.: Диденко А. А. К вопросу о развитии отечественной концепции источников гражданского права // Власть Закона. 2012. №3. С. 124.

4. Диденко А. А. Понятие гражданского законодательства с позиции системного метода исследования // Власть закона. 2014. №1. С. 52.

5. Дудченко А. Ю. Принципы корпоративного права // Актуальные вопросы развития современного общества: Сборник статей 4-ой Международной научно-практической конференции: в 4х томах. М., 2014. С.80.

6. Данный термин был закреплен в п. 5 ст. 52 ГК РФ, а также в ряде других статей ГК РФ в редакции от 5 мая 2014 г.

7. Кашанина Т. В. Хозяйственные товарищества и общества: правовое регулирование внутрифирменной деятельности. М., 1995. С. 92-95.

8. Козлова Н. В. Гражданско-правовой статус органов юридического лица // Хозяйство и право. 2004. №8. С. 44-63.

9. Лескова Ю. Г. Корпоративные акты как средство саморегулирования предпринимательских отношений // Философия социальных коммуникаций. 2012. №3 (20). С. 44

10. Лескова Ю. Г. Саморегулирование как средство организации и упорядочивания предпринимательских отношений // Российская юстиция. 2012. №5. С. 58-61.

11. Лескова Ю. Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М., 2013. С. 291.

12. Марченко М. Н. Источники права: Учеб. Пособие / М. Н. Марчен-

ко. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект. 2005. С. 45; Марченко М. Н. Источники романо-германского права: понятие, виды, классификация // Вестник МГУ. Сер. 11 «Право». 2000. №2. С. 1619.

13. Могилевский С. Д. Органы управления хозяйственными обществами: Дис.... докт. юрид. наук. М., 2001. С. 120.

14. Могилевский С. Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М., 2010. С. 245.

15. Общая теория права и государства: Учеб пособие / А. Ф. Вишневский. Мн.: Амалфея, 2002. 344 с.

16. Потапов В. А. Корпоративные нормативные акты как вид локальных актов: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 5.

17. Сирота Е. Г. Акты под нормативные регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах: Дис.... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 30-31.

18. Ткаченко А. А. Основные тенденции развития современной системы источников гражданского права России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2010. №62. С. 195.

19. Филиппова С. Ю. Корпоративные акты – к вопросу о правовой природе. Тенденции развития законодательства о внутренних документах юридических лиц // Предпринимательское право. 2013. №4. С. 42-45.

20. Шиткина И. С. Правовое регулирование деятельности акционерных обществ внутренними локальными документами: Дис... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 34.

21. Шиткина И. С. Локальное регулирование деятельности акционерного общества // Государство и право. 1999. №10. С. 100.

Т. Г. Тменова, Л. Т. Кокоева

СТАНОВЛЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

В настоящей статье раскрываются основные исторические этапы становления и регулирования корпоративной деятельности в России. Автор последовательно излагает сущность этапов формирования корпоративной деятельности.

В России корпоративные организационно-правовые формы предпринимательской деятельности начали создаваться в XVII в. Впервые Уложения царя Алексея Михайловича содержали нормы, регулирующие расчеты товарищей между собой по поводу распределения неожиданных потерь, убытков. В Нижнем Новгороде существовали

винодельческие товарищества, в Архангельске – купеческие (торговые), среди яицких казаков существовали временные товарищества по совместной ловле рыбы. Однако в России вплоть до XVII в. формы имущественных объединений не получили такого широкого распространения, как в странах Западной Европы, так как русскому быту были свойственны межличностные объединения, а не имущественные.

Реальное внедрение товариществ в России началось с принятием Петром Первым Указа от 27 октября 1699 года, Указа от 27 декабря 1706 года, Указа от 2 марта 1711 года и Указа от 8 ноября 1723 года, в соответствии с которыми купцам и иным свободным гражданам предписывалось торговать путем создания совместных компаний по западноевропейскому образцу [1].

Основными разновидностями компаний в России являлись артели, объединение артелей – «смешанные и плотные котляны», ватаги – объединения рыболовов, солейников и других промышленников. Вышеуказанные объединения использовали либо объединение личных капиталов, либо объединение «рабочей силы» участников, либо объединение и капиталов, и «рабочей силы» участников. Под «компанией» в России понимались различного рода предпринимательские объединения, прежде всего товарищества с различными признаками юридического лица – товарищества, артели и объединения артелей с некоторыми признаками акционерных обществ (обособление капитала объединения от его участников). Большинство русских компаний по обязательствам компании, так же как и прибыль, распределялись пропорционально вкладам участников. Подобный смешанный взгляд на компании господствовал в России до конца XVIII в.

В XVIII в. компании России создавались в основном по инициативе государственной власти, и как организационно-правовая форма они принудительно навязывались государственной властью и практически не пользовались популярностью у купцов, в отличие от слоев высшего дворянства, которые нередко активно участвовали в компаниях (граф Апраксин, барон Шарифов, граф Толстой, князь Меншиков).

Отличительной чертой русских компаний начала XVII в. была цель их создания – для получения в откуп казенных заводов, казенных промыслов, земель, иногда налогов, то есть такие компании пользовались значительными льготами и привилегиями. В связи с этим государственная власть получала право контроля за деятельностью компаний.

Постепенно в русском обществе все шире распространялось знакомство с новой формой объединений. Конечно, представление о структуре корпораций еще весьма неустойчивое. Ясно лишь представление об уставном капитале, который распадается на равные части – акции. Внесенный капитал не может быть востребован обратно. На вопросы управления корпорацией внимание не обращалось. Правительство не считало акционерные компании единственно возможными. Среди созданных к концу XVII в. компаний более жизнеспособными

оказались те, которые были основаны на частной инициативе, а не по силе одного лишь государственного акта, хотя, несомненно, правительственный акт предшествовал частной инициативе.

Частная инициатива должна была получить одобрение в Мануфактур-коллегии или Коммерц-коллегии, а затем обязательно утверждена Сенатом [2].

В большинстве случаев во главе компании стояло правление, в компетенцию которого входило ведение дел за общий счет и общий риск, иногда при помощи наемных рабочих. В некоторых компаниях руководство осуществлялось исключительно директором, который чаще всего выбирался из числа наиболее влиятельных участников компании. В некоторых компаниях существовала система совещаний.

Во второй половине XVII в. в России создавались в основном торговые компании, которые являлись товариществами с правом юридического лица, сходные по своей правовой природе с колониальными компаниями Западной Европы.

В 1794 г. создана Российско-Американская компания. Собирая ценные меха, русские купцы направляли экспедиции на Алеутские и Курильские острова. Ввиду значительного риска и больших затрат русские купцы объединялись в компанию для ведения такого рода торговли. В уставе этой компании принципы акционерного строя, разработанные на Западе, находят дальнейшее усвоение. Процесс этот все же неустойчив, поскольку допускаются и отступления от принципов, которые уже успели сложиться – вводится неделимый капитал вместо делимого.

Еще эффективнее популяризовал компании Указ от 6 сентября 1805 года «Об ответственности акционерных компаний в случае взыскания одним вкладочным капиталом», который был издан в связи с банкротством Петербургской компании для постройки кораблей. Посредники полагали взыскать с наличных денежных средств акционеров всю задолженную сумму. В Указе была разъяснена суть ограниченной ответственности. В Манифесте 1807 года рассматривалось два вида товариществ: полное товарищество и товарищество на вере, сходное с коммандитным товариществом в Западной Европе [3]. Помимо указанных форм могло создаваться товарищество по участкам (прообразы первых российских акционерных обществ), которое образовывалось путем объединения многих участников (лиц). Подобные товарищества предназначались для удовлетворения интересов государственного хозяйства. После принятия указанного Манифеста торговые товарищества, в России получили необходимые условия для своего развития и были широко распространены в купеческой среде вплоть до октября 1917 г. Почти полное отсутствие законодательных актов, регулирующих правовое положение корпораций, неблагоприятно отразилось на их распространении, и они еще оставались малоизвестными в российском обществе.

Вот почему, когда российскому правительству удалось, наконец, благодаря выдающимся способностям Сперанского приступить к созданию законодательной основы гражданского и торгового оборота, оно оказалось перед пустым правовым пространством.

В России в XIX в. существовали юридические лица с признаками товариществ, близкие к обществам с ограниченной ответственностью, – паевые товарищества, которые образовывались путем реорганизации полных и коммандитных товариществ посредством передачи паев заранее определенному узкому кругу лиц. Паевые товарищества были широко распространены до октября 1917 года.

Одно из первых появлений акционерных обществ в России обусловлено утверждением императором Николаем I Положения Комитета министров «Об учрежденной в Малороссии компании для добывания сахара из свекловицы» от 10 июля 1830 года [4]. Данный документ применительно к конкретной компании регламентировал типовой устав, порядок управления и ведения дел в акционерной компании. Положение о компаниях на акциях от 6 декабря 1836 года стало фактически фундаментом акционерного законодательства Российской империи до октября 1917 года.

Созданию любой акционерной компании обязательно предшествовал разрешительный акт правительства. Учредительные документы (уставы) компаний подлежали рассмотрению Комитетом министров и затем направлялись в Сенат для окончательного утверждения. Такая процедура создавала определенные трудности при создании акционерных обществ, что, безусловно, тормозило их развитие.

В Положении 1836 г. содержались основные принципы современного института «акционерного общества»:

- единый размер вклада, приходящийся на акцию;
- свободное отчуждение акций;
- частный, а не публичный, характер правовой конструкции;
- наличие единого лица, а не множество лиц – имелось в виду, что компания на акциях являлась одним юридическим лицом;
- постоянный, а не переменный капитал;
- ограниченная ответственность участников по обязательствам общества.

Положением 1836 г. разрешалось эмитировать исключительно именные акции, предусматривалось обязательное формирование «запасного капитала» (резервного фонда) за счет чистой прибыли акционеров. Акционерные компании имели, согласно этому Положению, два органа управления: общее собрание и правление.

Однако в жизни корпоративное законодательство существовало само по себе, а корпоративное право развивалось иначе, как бы независимо от него и даже вопреки ему. До революции 1917 г. законов, касающихся корпораций, было принято много. Корпоративное же пра-

во шло своим «самобытным» путем. Такова особенность российского корпоративного права.

Таким образом, на практике в дореволюционной России методической основой акционерного законодательства было Положение 1836 г., а конкретные акционерные общества создавались и действовали в соответствии со своими уставами, то есть новое право создавалось для каждого конкретного отдельно образованного акционерного общества. Причем нормы отдельных уставов могли абсолютно не основываться на нормах общего законодательства.

После 1917 г. хозяйственные отношения в России существенно изменились и стали основываться на таких категориях, как план, государственное регулирование и целесообразность. Имущественный оборот в структурном отношении как бы распался на две части: государственный оборот, основанный на методах централизованного регулирования, и частный оборот, обслуживающий потребителей.

Корпоративное законодательство России в период с октября 1917 года по 1 января 1923 года отличалось декларативностью, отсутствием конструктивизма и отвечало главным образом интересам государственной политики национализации в промышленности и кредитной сфере.

Декретом ВЦИК, СНК РСФСР от 14 декабря 1917 года банковское дело было объявлено государственной монополией, акционерные банки национализировались и объединялись с Госбанком. Ликвидация большинства акционерных обществ началась с принятием Декрета ВЦИК, СНК РСФСР от 28 июня 1918 года. С марта 1919 года на территории России акционерные общества перестали существовать. Постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 года был принят Гражданский кодекс РСФСР, в общем плане регулировавший деятельность товариществ, акционерных обществ и государственных трестов, предусматривающий разрешительный порядок создания акционерных обществ с утверждением устава общества государственным органом, а также содержащий основные принципы создания и деятельности организаций, присущие корпоративным организационно-правовым формам. Акционерные общества делились на государственные, смешанные и частные, исходя из формы собственности вкладов участников. Например, 7 декабря 1922 года СТО РСФСР был утвержден Устав Всероссийского акционерного общества финансирования местной электрификации «Электрокредит» (прообраз РАО «ЕЭС России»), в качестве учредителей которого выступили исключительно государственные органы.

В Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. впервые в мировой практике развития корпоративного законодательства была предпринята попытка правового регулирования корпоративных организационных форм на уровне нескольких организаций ведения нового вида юридического лица – треста.

Трест представлял собой форму объединения исключительно государственных предприятий с правами юридического лица, возникавшим с момента регистрации. Каждый трест являлся единым предприятием, в состав которого могли входить несколько производственных единиц (фабрик, заводов, промыслов, магазинов и т.п.). Финансирование треста осуществлялось исключительно за счет государственного бюджета, причем государственная казна по обязательствам треста не отвечала. Основными органами управления треста являлись ВСНХ, правление, ревизионная комиссия. Трестам разрешалось совершать долгосрочные займы в форме выпуска облигаций.

Все организации, обладающие правом юридического лица, делились на корпорации и учреждения. Все юридические лица делились на преследующие цели чисто хозяйственные и преследующие цели публично-правовые, культурные, социальные. Хозяйственные организации пользовались большей свободой, чем учреждения.

Различные виды объединений (тресты и синдикаты) стали создаваться уже в 20-е годы. Практически вся промышленность была трестирована. Декрет о трестах 1923 года делил все имущество треста на основной и оборотный капитал [5]. Формально весь основной капитал был изъят из гражданского оборота, но допускался так называемый государственный оборот, т.е. возможность перераспределять капитал между государственными предприятиями вышестоящими органами.

Трест рассматривался как промышленное предприятие, включавшее в свой состав фабрики и заводы, нередко крупные предприятия наделялись правами треста. Тресты действовали на началах хозрасчета, широко используя экономические методы в руководстве входящими в их состав производственными единицами. В условиях новой экономической политики в промышленности начали создаваться крупные торговые объединения – синдикаты, призванные упорядочить торговые функции трестов. Синдикаты взяли на себя задачи сбыта, распределения заказов, ценообразования, снабжения, организации взаимных расчетов. На синдикаты возлагалось обслуживание производственных и торговых нужд своих членов, устранение конкуренции и установление общей плановой организации путем согласованного выступления на рынке, проведение общегосударственной линии в определенной отрасли промышленности, связь с народным хозяйством в целом. Произошла монополизация народного хозяйства: крупные объединения – синдикаты, сосредоточившие в своих руках заготовку и сбыт продукции в определенной отрасли, являясь хозрасчетными единицами, не были заинтересованы в развитии народного хозяйства в целом. Юридическая природа синдикатов оказалась непонятной: под действие гражданского кодекса они не попадали (не было договорной автономии, интересы трестов, объединившихся в синдикат, не были противоположными, применялся особый порядок возмещения одной стороной убытков другой). Наличие у синдиката устава могло

вести в заблуждение относительно их юридической природы, но такие их черты, как плановость, служебность, взаимность, публичность, не оставляли сомнения в том, что институт синдикатов имеет не частно-правовой, а публично-правовой характер. Основу синдикатов составляли не договорные отношения, а властные отношения.

Попытки сочетать на первых порах централизованные и децентрализованные начала в народном хозяйстве вели к поиску иных, промежуточных форм организации предприятий. В этот период времени вспомнили о дореволюционных формах – о товариществах и акционерных обществах.

В 1927 г. принято Положение об акционерных обществах, в котором указывалось, что основной целью государственных акционерных обществ является хозяйственная деятельность, а не формирование капитала. Товарищества этого периода характеризовались тем, что отсутствовал какой-либо минимум учредителей, не было общих собраний, членов правлений. Различалось два вида товариществ: товарищество лиц (полное товарищество) и товарищество капиталов (акционерные общества). В 1926 г. разрешалось участие государственных предприятий в полных товариществах. Таким образом, просматривается тенденция расширения участия государства в товарообороте и хозяйственной жизни.

Реорганизация системы управления промышленностью в 1926 г. – слияние главков ВСНХ и системы синдикатов в единую систему объединений, действующих на хозрасчете, – была направлена, прежде всего, на централизацию планового руководства при децентрализации оперативных функций управления производством. В результате проведенной реорганизации на базе синдикатов стали создаваться промобъединения, которые являлись хозрасчетными организациями по отраслям промышленности, сочетающими функции планирования и оперативного управления производством. Отсутствие единообразия и упорядоченности, неопределенность подведомственности промышленных предприятий и трестов привели в конечном итоге к распаду промобъединений. 15 марта 1934 года ЦИК и СНК СССР своим постановлением ликвидировали промобъединения, сократили количество трестов. В наркоматах были образованы главные производственные или производственно-территориальные управления, обладающие всеми правомочиями для управления подчиненными им предприятиями. В период 1934-1957 гг. «вертикальная» централизация по отраслевому принципу приобрела доминирующий характер.

Узкие рамки хозяйственной самостоятельности предприятий лишали их необходимой оперативности, тормозили дальнейшее развитие экономики. Поэтому хозяйственная реформа 1965 г. была в значительной мере направлена на усиление децентрализации, предоставление большей самостоятельности средним и даже мелким предприятиям. Однако последующий опыт привел к необходимости усиления

централизации управления промышленностью. Централизация была достигнута укреплением предприятий, созданием системы объединений, которые взяли на себя выполнение ряда функций управления производством. Правовое регулирование производственных объединений нашло отражение в Постановлении Совета Министров СССР от 27 марта 1974 года об утверждении Положения о производственном объединении (комбинате) [6].

В период 70-80-х гг. в СССР начало активно развиваться корпоративное законодательство в отношении групп организаций – хозяйственных объединений.

По месту иерархии управления отраслью различались производственные и научно-производственные объединения, представляющие основное звено системы управления промышленностью, и промышленные объединения, относящиеся к среднему звену. До 1986 г. существовало более 500 всесоюзных республиканских объединений. Руководило промышленным объединением управление объединения, которое выступало лишь по отношению к нему как вышестоящий орган. В то же время управление промышленного объединения являлось юридическим лицом, имело самостоятельный баланс, действовало на принципах хозрасчета. Управление объединения несло перед входящими в его состав предприятиями и организациями имущественную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, предусмотренных законодательством или заключенными договорами. Управление выполняло производственно-хозяйственные функции с позиции экономики, нецелесообразные для реализации на каждом конкретном предприятии.

Проводя различие между промышленными и производственными объединениями, В. Н. Петухов обозначает его как различие между объединенным предприятием (производственное объединение) и объединением предприятий (промышленное объединение).

Производственное объединение представляло собой единое комплексное предприятие высшей прогрессивной формы организации выполняющих производственно-хозяйственные функции по проведению единой технической политики, расчетам с бюджетом по совершенствованию хозяйственных связей и входящих в его производственные единицы – предприятия, не имеющие статуса юридического лица, на которые возлагались организация производственного процесса и выпуск продукции надлежащего качества.

Правовой основой для совершенствования государственного управления экономикой были Закон СССР от 30 июня 1987 года «О государственном предприятии (объединении)» и Положение о Государственном производственном объединении, утвержденное Постановлением Совета Министров СССР от 23 сентября 1987 года. Закон установил правовой статус и виды объединений (производственные и научно-производственные). Предприятия и объединения могли само-

стоятельно образовывать концерны, консорциумы, государственные производственные объединения, межотраслевые государственные объединения, различные ассоциации и другие крупные организационные структуры. Так было положено начало объединениям, создаваемым на добровольной, договорной основе. Сочетание правомочия предприятия (объединения) на выход из состава органа государственного управления и возможность добровольной кооперации положили начало новому рыночному этапу становления организационно-правовых форм интеграции в промышленности. Постановлением Совета Министров СССР от 15 октября 1988 года №1195 «О выпуске предприятиями и организациями ценных бумаг» было закреплено развитие модели государственного социалистического акционерного предприятия, в соответствии с которой государственные предприятия, перешедшие на хозяйственный расчет и самофинансирование, могли выпускать акции трудовых коллективов и акции предприятия. Предприятие, оставаясь государственным, могло выпускать ценные бумаги с целью привлечения денежных средств и решения социальных вопросов, а также распространять акции между членами трудового коллектива, либо среди других предприятий и организаций. Однако владелец такой акции не принимал никакого участия в управлении предприятием, лишь предоставляя возможность получения переменного процента – начисление дивиденда.

Особое значение в правовом регулировании статуса объединений имело Постановление Верховного Совета РСФСР от 11 октября 1991 года «Об упорядочении создания и деятельности ассоциаций, концернов, корпораций и других объединений предприятий на территории РСФСР», которое запретило органам государственной власти и управления делегировать региональным, межотраслевым союзам, ассоциациям, концернам, корпорациям, холдингам и другим объединениям предприятий полномочия по управлению государственным имуществом и финансировать эту деятельность.

Формирование объединений с 1991 г. происходит в рамках приватизационного законодательства. Межотраслевые союзы, ассоциации, концерны, корпорации, холдинги и другие объединения предприятий должны были преобразовываться в товарищества или акционерные общества с одновременным определением размеров вкладов предприятий – участников (учредителей) в их уставный капитал [7].

Со временем стало ясно, что принятые законодательные нормы о приватизации имели существенные недостатки, которые повлияли на дальнейшее развитие экономики страны. В частности, было разрушено единство многих структур и управление промышленного сектора экономики. Основная масса предприятий оказалась не готова работать в новых условиях.

Более жизнеспособными оказались холдинговые компании, созданные в топливно-энергетическом комплексе страны (РАО «ЕЭС

России», «Газпром», «Лукойл», «ЮКОС»). Корпорации холдингового типа с государственной долей участия сложились в России преимущественно в отраслях, относящихся к естественным монополиям, либо в отраслях, которые демополизированы, но где утрата государственного контроля была нежелательна по соображениям стратегического характера. Отличительная черта всех этих структур состояла в том, что проблема корпоративного управления формально не являлась для них первоочередной, поскольку они были созданы государством специально с задачей контроля над деятельностью подчиненных или интегрированных в них предприятий при определении на федеральном уровне порядка представительства государства в их руководящих органах [8].

Таким образом, «корпорация» была отнесена к самостоятельной форме «объединения предприятий», и на тот момент это не противоречило действующему законодательству. Согласно п. 1 и 2 ст. 13 Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» можно выделить три положения, характеризующие «объединения предприятий» (а значит, и корпорации): во-первых, они могли создаваться на договорной основе в целях расширения возможностей предприятий в производственном, научно-техническом и социальном развитии; во-вторых, предприятия, добровольно входящие в состав объединения, сохраняли свою самостоятельность и права юридического лица; в-третьих, руководящие органы объединения не обладали распорядительной властью в отношении предприятий, входящих в объединение, и выполняли свои функции на основании договоров с предприятиями. Однако 7 августа 1992 года Президент РФ издает Указ №826 «О мерах по формированию федеральной контрактной системы», согласно которому в целях создания механизма государственных закупок товаров для государственных нужд и государственной поддержки отдельных производств и направлений деятельности, а также создания условий для реализации Закона РФ «О поставках продукции и товаров для государственных нужд» Государственному комитету РФ по управлению государственным имуществом поручалось учредить до 1 октября 1992 г.:

– для участия в осуществлении государственных закупок товаров общепромышленного применения и народного потребления акционерное общество «Федеральная контрактная корпорация «Росконтракт» (АО «Росконтракт»);

– для участия в осуществлении государственных закупок зерна, хлебопродуктов и продуктов зернопереработки, а также их производства и хранения акционерное общество «Федеральная контрактная корпорация «Росхлебопродукт»» (АО «Росхлебопродукт»).

Спустя полгода после принятия Указа, 2 февраля 1993 года Президентом РФ издается Указ №184 «О создании Государственной инвестиционной корпорации», согласно которому образовывалась Госу-

дарственная инвестиционная корпорация в организационно-правовой форме – государственное предприятие.

В 1994 г. вводится в действие гл. 4 Гражданского кодекса РФ, где в ст. 121 четко и в исчерпывающем виде определяются две формы объединения юридических лиц: ассоциация и союз. С этого момента корпорация не считается формой объединения юридических лиц. В 1999 г. согласно Федеральному закону «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях»» №140-ФЗ перечень организационно-правовых форм некоммерческих организаций был дополнен еще одной формой – государственной корпорацией.

В соответствии со ст. 7.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях» государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций.

Государственная корпорация создается на основании федерального закона. Как видно, в течение непродолжительного времени термин «корпорация» в России использовался в нормативных актах в разных вариантах: и как объединение предприятий; и как унитарное предприятие, и как акционерное общество, и, наконец, как самостоятельная организационно-правовая форма некоммерческой организации.

Принципиальная новизна объединений коммерческих организаций рыночного периода заключается в переходе от плановых процессов централизации управления к корпоративной самоорганизации, основанной на экономической зависимости, отношениях собственности, других рыночных формах, а также к договорному принципу объединения коммерческих организаций на добровольной основе [9].

Таким образом, процесс корпоративизации в реформируемой экономике современной России прошел ряд этапов:

первый этап (1992-1994 гг.) – ориентация на разукрупнение, дробление, дезинтеграцию производственных систем. Осуществляется активное разделение крупных хозяйственных организаций, оставшихся в наследство от социалистической экономики. В ряде отраслей этот процесс сдерживался их технологическими особенностями, а в других – приобрел негативно-катастрофические факторы;

второй этап (1995-1996 гг.) – стагнационный, с попытками воссоздания прежних и создания новых структурных образований на иной финансово-экономической основе. Начался процесс активного размножения «ассоциаций» и «холдингов», чтобы собрать под одну крышу крепкие однотипные производства, практически по схеме восстановления прежнего отраслевого монополизма;

третий этап (с 1997 года) – начало формирования новой корпоративной системы, соответствующей общемировым экономическим реалиям.

Практически речь идет об активизации организационно-структурного резерва ускорения развития экономики России, когда происходят объединение капиталов, аккумуляция инвестиционного капитала, усиление ориентации на стратегические аспекты развития.

На развитие корпораций в России повлияло множество факторов: периодические войны, длительность нахождения в феодальных отношениях, отставание во введении капиталистических методов в экономику страны, смена политических строев, чрезмерное вмешательство государства в экономические сферы, нестабильность власти, отсутствие продуманных долгосрочных планов развития экономики, неразвитость судебной системы, противоречивость законодательства.

Кроме того, существенное значение сыграли географические и национальные особенности: большая территория страны с различными климатическими условиями; значительная неоднородность национального состава населения с различными национальными и религиозными традициями; негативность черт национального характера – индивидуалистические тенденции, стремление работать совместно, корпоративно, отсутствие стремления к дисциплине, повальное воровство.

Вследствие указанных факторов в России не могли сформироваться предпосылки для развития стабильной системы корпоративного законодательства. Российское корпоративное законодательство характеризовалось на протяжении всей истории государства и характеризуется в настоящее время нестабильностью, отсутствием детальной проработки ряда важнейших вопросов, некорректностью терминологии из-за большого числа понятий и определений иностранного происхождения, множеством правовых коллизий, отсутствием тесной взаимосвязи между материальным правом и судебной практикой.

И все же, необходимость функционирования предприятий в России в виде корпораций объясняется следующими причинами:

- они способны обеспечивать сбалансированность в интересах собственников и несобственников, кредиторов, руководителей и подчиненных, и т.д.;

- высокая приспособленность к окружающей среде – основная форма для осуществления хозяйственного предпринимательства, согласно зарубежному опыту нескольких столетий;

- использование корпорациями достоинств предприятий, основанных на частной собственности, – получение прибыли, конкурентоспособность;

- корпорации оперируют такими методами воздействия на экономику, как стратегическое управление, планирование, регулирование производства;

- гибкость корпораций – изменять свои размеры, осуществлять свою деятельность в разных производственных и непроизводственных сферах и т.п.;

– заинтересованность корпораций в развитии производственной и непроизводственной инфраструктуры, что приводит к постоянно-му увеличению финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, к разноплановости структуры корпорации за счет приобретения акций банковских учреждений и сопутствующих предприятий.

Таким образом, становление корпоративной системы прошло путь от храмов (прообразы кредитных учреждений), предусмотренных Законами Хаммурапи и формировавшихся в виде объединения граждан с правом принятия самостоятельного решения, до акционерных компаний, корпораций, товариществ и обществ, отвечающих всем корпоративным признакам и имеющих законодательное определение.

Примечания:

1. Каминка Л.И. Акционерные компании. М.: Изд. гр. ИНФРА-М-Кодекс, 1995. 554 с.

2. Кашанина Т.В. Хозяйственные товарищества и общества М.: Изд. гр. ИНФРА-М-Кодекс, 1995. 554 с.

3. Манифест 1807 г. [Электронный ресурс] // Свод законов Российской империи. Законы гражданские и межевые. Часть 1. Изд. 3. СПб., 1835 // Справочно-правовая система «Консультант плюс».

4. Об учрежденной в Малороссии компании для добывания сахара из свекловицы [Электронный ресурс]: положение Комитета министров от 10 июля 1830 г. // Свод законов Российской империи // Справочно-правовая система «Консультант плюс».

5. О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах) [Электронный ресурс]: Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10 апреля 1923, URL:http://www.lawmix.ru/docs^_ссср/7893

6. Положение о производственном объединении (комбинате) [Электронный ресурс]: утв. Постановлением Совета Министров СССР от 27 марта 1974 года №212. Документ опубликован СП СССР.1974. №8. Ст.38 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

7. Петухов В.Н. Корпорации в российской промышленности // Законодательство и практика. М., 1999.

8. Мальчинов Г. Участие государства в корпоративных структурах // Журнал для акционеров. 1999. №8. С. 32.

9. Шиткина И.С. Предпринимательские объединения. Учебно-практическое пособие. М.: ЮРИСТЪ, 2001. 384 с. С. 327.

Г. В. Хубулов, А. В. Гагиева

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЛОГА ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются правовые аспекты залоговых отношений в уставном капитале организации. Названный правовой институт рассматривается как один из видов нотариальных действий, к которому предъявляются разнообразные требования, несоблюдение которых может привести к их недействительности.

Залог доли в уставном капитале является относительно новым, но достаточно востребованным институтом в отечественном гражданском праве. При этом законодательство в указанной сфере по настоящее время находится на стадии совершенствования, в связи с чем судебная практика не всегда единообразна. Названные обстоятельства предопределяют актуальность и целесообразность обращения к данной теме. Залог доли может использоваться в качестве обеспечения обязательств одного из участников общества с ограниченной ответственностью. Такой способ выглядит привлекательным для многих кредиторов, но надо понимать: с процессом залога доли связан ряд правовых коллизий, так что действовать надо в рамках действующего законодательства.

Согласно ст. 358.15 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], вступившей в силу 1 июля 2014 г. [2], залог прав акционера осуществляется посредством залога принадлежащих акционеру акций этого общества, залог прав участника общества с ограниченной ответственностью – посредством залога принадлежащей ему доли в уставном капитале общества в соответствии с правилами, установленными Гражданским кодексом и законами о хозяйственных обществах. Регулируется данный вид залога, таким образом, наряду с законодательством о залоге, Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [3]. В настоящей статье мы будем рассматривать проблемы залога доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее – Общество), как наиболее распространенной формы корпорации в России.

В юридической литературе уже долгие годы идут споры относительно правовой природы доли в уставном капитале [5]. Подогреваются эти рассуждения и неоднозначной судебной практикой. Существуют два основных подхода к определению природы доли: либо она закрепляет обязательственное право участника к Обществу, либо является имуществом участника. В связи с неопределенностью правовой природы доли возникает вопрос и относительно залога – будет ли это залог права или имущества?

В одном из постановлений Президиума ВАС РФ №А40-57139/2009 высказана позиция, что доля в уставном капитале общества по своей правовой природе является разновидностью имущества, и к продаже доли может применяться §1 гл. 30 ГК РФ, в том числе и ст. 489 [4]. Следует согласиться с ВАС, и будем считать, что доля является имуществом, а ее залог – залогом имущества.

Итак, согласно ст. 22 Федерального закона от 08.02.1998 №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) участник общества имеет право передать в залог принадлежащую ему долю либо определенную часть доли в уставном капитале общества. При этом передача в залог может быть осуществлена:

- другому участнику Общества;
- третьему лицу, но только в случае, если это не запрещено уставом, а также в случае получения согласия других участников.

При передаче доли в залог участнику Общества никаких ограничений не существует, тогда как при передаче доли третьему лицу имеются определенные ограничения:

- в Уставе должны отсутствовать нормы о запрете на такую передачу;
- необходимо получить согласие остальных участников Общества;
- решение общего собрания участников Общества должно приниматься большинством голосов всех участников Общества, если необходимость большего числа голосов для принятия такого решения не предусмотрена уставом общества;

– голос участника общества, у которого есть намерение передать в залог свою долю или часть доли, при определении результатов голосования не учитывается [3].

Как установлено п. 2 ст. 22 Закона об ООО, договор залога доли подлежит обязательному нотариальному удостоверению. При этом несоблюдение формы договора влечет за собой его недействительность.

Существенными условиями договора о залоге доли (части доли) в уставном капитале ООО являются:

- предмет залога. Необходимо указать размер и номинальную стоимость доли (части доли), полное фирменное наименование и регистрационные данные ООО, доля или часть доли в уставном капитале которого передается в залог;
- оценка предмета залога. Законодательство не обязывает привлекать независимого оценщика для оценки доли, передаваемой в залог, поэтому данная процедура проводится по согласию сторон;
- существо залога;
- размер обязательства, обеспечиваемого залогом;
- срок его исполнения;
- указание, у какой из сторон находится заложенное имущество.

Представляется, что доля (часть доли) в уставном капитале ООО в силу

правовой природы не может быть передана залогодержателю, соответственно она всегда остается у залогодателя.

На нотариуса возложена обязанность сообщить сведения о залоге в ЕГРЮЛ. Не позднее чем в течение трех дней с момента нотариального удостоверения договора залога доли нотариус передает в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, заявление о внесении соответствующих изменений в ЕГРЮЛ, подписанное участником общества – залогодателем, с указанием вида обременения (залога) доли или части доли и срока, в течение которого такое обременение будет действовать, либо порядка установления такого срока, а также в этот же срок передает копии заявления в Общество.

В трехдневный срок после получения указанного заявления орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, вносит запись в ЕГРЮЛ об обременении залогом соответствующей доли или части доли в уставном капитале общества с указанием срока, в течение которого такое обременение действует, или порядка его определения. Запись в ЕГРЮЛ погашается на основании совместного заявления залогодателя и залогодержателя или на основании вступившего в законную силу решения суда.

Важно отметить, что поскольку залог доли общества подлежит государственной регистрации, право залога, возникающего в силу договора, возникает с момента регистрации залога в Едином государственном реестре юридических лиц [7, с. 70].

Закон определяет, что предметом залога может быть не только вся доля, принадлежащая участнику, но и ее часть. Правила залога доли, описанные выше, распространяются и на залог части доли. На практике часто возникает вопрос, может ли участник заложить еще неоплаченную долю? Напрямую законодательство не содержит запрета на совершение такого действия. Однако это влияет на возможность ее реализации. При реализации доли существенное значение будет иметь величина оплаты не к моменту заключения договора о залоге, а к моменту реализации [6, с. 75].

Возможны ситуации, когда после заключения договора залога уставной капитал Общества изменится. В этом случае стоит составить дополнительное соглашение к договору залога, в котором будет отражено данное изменение (изменение доли или ее номинальной стоимости). Дополнительное соглашение составляется в том же порядке, что и основной договор.

Участник ООО может совершать с принадлежащей ему долей следующие сделки:

- отчуждение доли обществу при выходе из него, а также при приобретении доли самим обществом (ст. 23 Закона об ООО);
- отчуждение другому участнику или третьему лицу;
- последующий залог.

Отчуждение предмета залога или распоряжение им иным образом осуществляются только с согласия залогодержателя. Иное правило может быть предусмотрено законом, договором или вытекать из существа залога (п. 2 ст. 346 ГК РФ). В отношении перечисленных случаев Законом об ООО иного не предусмотрено и не вытекает из существа залога доли.

Норма п. 2 ст. 346 ГК РФ является специальной по отношению к общей норме о праве участника на выход из общества, праве требовать приобретения обществом доли, праве на отчуждение доли и, соответственно, имеет приоритет.

Таким образом, участник (залогодатель) не вправе совершать указанные сделки с заложенными долями без согласия залогодержателя, если договором не предусмотрено иное.

Гражданским законодательством допускается последующий залог имущества, который находится в залоге (п. 1 ст. 342). Считается, что на последующий залог доли в уставном капитале ООО должны распространяться правила о залоге доли и, соответственно, о последующем залоге.

Без согласия залогодержателя доли могут переходить к иным лицам при:

- реорганизации юридического лица – участника ООО (залогодержателя);
- наследовании заложенных долей.

Соглашение, которое ограничивает право залогодателя завещать заложенное имущество, признается ничтожным (абз. 2 п. 2 ст. 346 ГК РФ).

В случае перехода права собственности на заложенное имущество от залогодателя к другому лицу в результате возмездного или безвозмездного отчуждения либо в порядке универсального правопреемства право залога сохраняет силу (п. 1 ст. 353 ГК РФ).

Законом об ООО устанавливается правило, согласно которому обращение по требованию кредиторов взыскания на долю или часть доли по долгам участника общества допускается только на основании решения суда при недостаточности для покрытия долгов другого имущества участника (п. 1 ст. 25). Никаких исключений данная норма не содержит, потому нет оснований полагать, что она не применяется к обеспеченным залогом требованиям кредиторов [8, с. 22].

Таким образом, следует понимать, что и в случаях залога доли или части доли в уставном капитале участником общества с ограниченной ответственностью обращение взыскания на предмет залога допускается только на основании решения суда.

Реализация (продажа) заложенного движимого имущества, на которое в соответствии со ст. 349 ГК РФ обращено взыскание, выполняется в порядке, установленном законодательством о залоге, если иное не предусмотрено законом (п. 2 ст. 350 ГК РФ).

Законодательством предусматривается различный порядок реализации заложенного движимого имущества при обращении взыскания:

- по решению суда – оно осуществляется путем продажи с публичных торгов, проводимых в порядке, установленном законодательством РФ об исполнительном производстве;
- без обращения в суд (во внесудебном порядке) – посредством продажи с торгов, проводимых в соответствии с правилами, установленными ст. 447,448 ГК РФ и соглашением сторон, либо путем продажи заложенного имущества по договору комиссии, который был заключен между залогодержателем и комиссионером.

Таким образом, заложенное имущество реализуется посредством продажи либо с публичных торгов, либо по договору комиссии. В первом случае права и обязанности участника общества переходят с согласия остальных участников (п. 9 ст. 21 Закона об ООО).

Поставленные в настоящей статье проблемы требуют законодательного решения и последующего их научного анализа и осмысления.

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 28.03.2018) // Справочно-правовая система «Консультант плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант плюс» (дата обращения: 20.03.2019 г.).

2. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. №367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признания утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант плюс» (дата обращения: 20.03.2019 г.).

3. Федеральный закон от 08.02.1998 №14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Справочно-правовая система «Консультант плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант плюс» (дата обращения: 20.03.2019 г.).

4. Постановление Президиума ВАС РФ от 19.01.2010 №13331/09 по делу №А40-59414/08-7-583 // Справочно-правовая система «Консультант плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант плюс» (дата обращения: 20.03.2019 г.).

5. Гагиева А. В. Конституционный принцип свободы экономической деятельности и его реализация посредством саморегулирования // Экономика и предпринимательство. 2016. №11-4 (76). С. 29-32.

6. Грызыхина Е. А. Отдельные аспекты залога доли в уставном капитале Общества с ограниченной ответственностью // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. №4 (53). С. 75-82.

7. Дбар А. В. Правовые проблемы залога доли в уставном капитале ООО // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. №3. С. 69-77.

8. Кандауров А. И. Сделки с долями общества с ограниченной ответственностью после 1 января 2016 г.: что нового? // Законодательство и экономика. 2015. №6. С. 22-25.

А. А. Чертков, А. В. Гагиева

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ПРИМЕНЯЕМОЙ К СУБЪЕКТАМ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Автором рассмотрены особенности юридической ответственности, применяемой к субъектам корпоративных правоотношений. В данной статье автор анализирует, является ли юридическая ответственность «корпоративной» ответственностью в силу своих институциональных особенностей, а также проводится исследование изменений Гражданского кодекса, касающихся данного аспекта. Также в статье анализируется институт гражданско-правовой ответственности членов органов управления хозяйственных обществ. Автором рассмотрено косвенное отражение схожих критериев в области юридической ответственности директора компании на примере законодательства Англии. Данная тема вызывает научный интерес в связи с недостаточностью соответствующих правовых предписаний в условиях реформирования гражданского законодательства.

Гражданско-правовая ответственность в корпоративном праве, как разновидность юридической ответственности, представляет научный интерес на протяжении всей истории развития корпоративного права. Развитие предпринимательства предопределило развитие корпоративного права и юридической ответственности органов управления юридических лиц. Как справедливо отмечает И. С. Шиткина, активное применение юридической ответственности членов органов управления хозяйственных обществ обусловлено развитием корпоративных форм предпринимательства в России. Автор также подчеркивает, что «...значительно возросло количество споров по вопросам привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ» [10]. В настоящее время существуют различные точки зрения, поскольку нет единого мнения: что есть юридическая ответственность в корпоративном праве, и является ли она самостоятельным видом ответственности.

С 1 сентября 2014 г. вступили в силу многочисленные изменения в главу 4 части первой Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), каса-

ющиеся правового регулирования корпоративных отношений в целом, и определения юридической ответственности в корпоративном праве в частности. В настоящее время, следуя содержанию нормы ст. 65.1 ГК РФ, юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган в форме общего собрания участников, являются корпоративными юридическими лицами (корпорациями) [1].

Несмотря на подробную регламентацию вопросов гражданско-правовой ответственности, предлагаемые законодателем инструменты защиты имущественных интересов хозяйственного общества и ее участников далеко не всегда показывают свою эффективность. Ключевая проблема заключается в том, что основное внимание сосредоточено на выработке практических рекомендаций, необходимых для того, чтобы задать базовые ориентиры для судов при рассмотрении дел, однако при этом страдает теоретическая база, фундамент которой составляют оценочные понятия, такие как «добросовестность», «вина», «заботливость», «разумный предпринимательский риск» и др.

По своей сути, юридическая ответственность представляет собой одну из форм государственно-принудительного воздействия на нарушителей норм права. Цель такой ответственности заключается в применении к нарушителям предусмотренных законом санкций – мер ответственности, влекущих для них дополнительные неблагоприятные последствия. Следует отметить, что виды и меры юридической ответственности устанавливаются только государством. Ответственность в корпоративном праве (корпоративная ответственность) наступает в результате нарушения норм законодательства или договорных норм. Ответственность участников данных правоотношений регулируется как нормами Гражданского законодательства, так и нормами трудового, административного, а также уголовного права.

Согласно Федеральному закону от 08.03.2015 №42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» с 1 июня 2015 г. вступила в силу новая редакция ГК РФ, закрепляющая норму п. 3 ст. 307 «Применение общих положений об обязательствах» ГК РФ, согласно которой следует, что поскольку иное не установлено ГК РФ, иными законами или не вытекает из существа соответствующих отношений, общие положения об обязательствах применяются, в том числе, к требованиям, возникшим из корпоративных отношений (глава 4 ГК РФ) [4]. Из вышесказанного следует субсидиарный порядок применения к корпоративным правоотношениям положений, установленных для обязательственных отношений (в том числе и вопросы ответственности). Правоприменителю следует четко разделять корпоративные, вещные и обязательственные отношения. Целью в контексте корпоративной ответственности является не только наказание виновного, но и обеспечение защиты прав участников таких отношений. Это является первоочередной задачей данного института,

и, как следствие, происходит максимальное снижение имущественных потерь, возникших в результате ненадлежащего исполнения юридических обязанностей. Следовательно, основной функцией юридической ответственности будет являться компенсаторная – восстановление в нарушенных правах участников корпоративных отношений (взыскание убытков, компенсация). Также можно выделить стимулирующую функцию в отношении членов органов управления корпорации. Данная функция служит основной для обеспечения механизма добросовестности. Также согласно п. 1. Постановления Пленума ВАС РФ лицо, входящее в состав органов юридического лица, члены совета директоров, правления и т.п. «обязано действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно. В случае нарушения этой обязанности директор по требованию юридического лица и (или) его учредителей (участников), которым законом предоставлено право на предъявление соответствующего требования, должен возместить убытки, причиненные юридическому лицу таким нарушением» [5]. В указанной норме наблюдается применение в качестве меры ответственности такой формы, как возмещение убытков.

Корпоративно право в качестве форм ответственности выделяет убытки, неустойку и компенсацию. В п. 15 Постановления Пленума ВАС №25 указывается, что при требовании о возмещении убытков истец обязан доказать, что именно ответчик является лицом, «в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков» (пункт 2 статьи 15 ГК РФ)» [4].

В зависимости от оснований возникновения имущественной (гражданско-правовой) ответственности выделяют ее договорную и внедоговорную форму. Основанием возникновения ответственности по договору служит нарушение, допущенное самими сторонами, являющимися контрагентами, т.е. данный вид ответственности предусматривает санкцию за нарушение договорного обязательства. Следовательно, такая ответственность может устанавливаться непосредственно в договоре и не быть прямо указанной в законодательстве.

Внедоговорная ответственность, в отличие от договорной, должна использоваться только в случаях, прямо предусмотренных в законодательстве. Она возникает, когда санкция, указанная в законе, применяется к правонарушителю, не связанному с потерпевшим договорными обязательствами.

Система источников ответственности в корпоративном праве, как отмечает в своей статье И. А. Минина, отличается от иных видов ответственности «...наличием локальных нормативных актов или внутренних документов» [8]. Так как именно принцип свободы саморегулирования является образующим при создании корпорации, то и отношения в ней должны максимально регулироваться договором и внутренними локальными актами. Локальные правовые акты были включены в клас-

сификацию правовых актов С. С. Алексеевым [6]. Немаловажную роль играет и корпоративный договор, который после реформы 2014 года был четко формализован в ст. 67.2 ГК РФ [1]. Сейчас мы видим прямое влияние локальных правовых актов на действующее законодательство. Законодатель выделил особые виды ответственности за нарушение корпоративных прав, например: исключение члена из состава корпорации (принудительное прекращение корпоративных прав): в судебном (по коммерческим корпорациям) и во внесудебном порядке (СРО). Но также необходимо понимать, что помимо ответственности существуют и меры защиты в корпоративном праве: ограничение права голосования при наращивании корпоративного контроля в АО более 30% акций эмитента и до совершения обязательного предложения; понуждение общества созвать собрание. В данном примере видно, что на практике сложно сказать, чем является данное правовое средство: мерой ответственности или мерой защиты.

Договорная и внедоговорная виды ответственности могут подразделяться также на долевую, солидарную и субсидиарную. Долевая ответственность подразумевает, что каждый из ответчиков, должников по договору несет ответственность в точно определенной доле, которая может быть установлена либо в договоре, либо прямо указана в законе.

Солидарная ответственность предполагает более строгое регулирование, чем долевая; применяется в случаях, предусмотренных законом или иным правовым актом, если о ней прямо не указано в соглашении. Истец вправе предъявить требование ко всем должникам совместно или к любому из них в отдельности, а возмещение убытков требовать в полной мере или в какой-то указанной части. Кредитор, не получивший полного удовлетворения от одного из солидарных должников, имеет право требовать недополученное от остальных солидарных должников (ст. 323 ГК РФ). В корпоративном праве в соответствии с п. 2 ст. 67.3 ГК РФ основное общество отвечает солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним во исполнение указаний или с согласия основного общества, за исключением случаев голосования основного общества по вопросу об одобрении сделки на общем собрании участников дочернего общества, а также одобрения сделки органом управления основного хозяйственного общества, если необходимость такого одобрения предусмотрена уставом дочернего и (или) основного общества [1].

Субсидиарная ответственность выступает в качестве дополнительной по отношению к ответственности, которую несет правонарушитель перед потерпевшим (п.1 ст. 399 ГК РФ); применяется в случаях, установленных законом или соглашением, заключенным между сторонами. Если основной должник отказался удовлетворить требование кредитора, или кредитор не получил от него в разумный срок ответ на предъявленное требование, это требование может быть предъявляе-

но лицу, несущему субсидиарную ответственность. Данный вид ответственности усиливает защиту интересов потерпевшего. Очень похожа на субсидиарную ответственность участников корпоративных отношений, например участников полных товариществ (п. 1 ст. 75 ГК РФ). В отношении собственников имущества учреждений данный вид ответственности наступает только при недостатке находящихся в их распоряжении денежных средств, а также субсидиарная ответственность основного общества с дочерним обществом при банкротстве (п. 2 ст. 67.3 ГК РФ).

Также выделяют регрессную ответственность, наступающую только в том случае, если закон прямо предусматривает ответственность одного лица за действия другого. Целью является переадресация убытков на лицо, которое является реально ответственным и виновным в их наступлении, а также восстановление имущественного положения регредента, понесшего убытки по вине регрессата.

На практике закон допускает сочетание нескольких видов ответственности. Например, в качестве регрессной можно рассматривать долевую ответственность солидарных должников перед тем из них, кто полностью исполнил их совместное обязательство перед кредитором (п. 1, 2 ст. 325 ГК РФ).

Существует многообразие мнений на счёт позиции: является ли ответственность в корпоративном праве самостоятельным видом ответственности. Четко установленных признаков, которые бы позволяли её квалифицировать как самостоятельную, – нет. Можно говорить лишь о различном объёме корпоративной ответственности. Существует точка зрения, которую отстаивает О. В. Гутников, что корпоративная ответственность существует исключительно в тех правоотношениях, которые связаны с деятельностью участников, членов корпорации [7]. Однако несмотря на споры о полноте корпоративной ответственности, она является разновидностью имущественной ответственности, и основываясь на текущих законодательных нормах и проанализированном материале, следует не согласиться с мнением, что корпоративная ответственность является самостоятельным видом ответственности. В корпоративной ответственности используются гражданско-правовые инструменты, такие как: неустойка, пени, штраф. Важно отметить, что у корпоративной ответственности свой собственный круг субъектов, но это не позволяет нам выделять ее как отдельный вид ответственности.

Определение круга правоотношений, подпадающих под понятие корпоративных, тесно связано с установлением двух существенных элементов такого правоотношения: состава участников корпоративных правоотношений и их содержания. Вопрос об элементах корпоративного правоотношения довольно детально исследован в научной литературе. В отношении определения состава их участников мнения авторов можно разделить на несколько групп. Представители первой

группы ученых относят к участникам корпоративных правоотношений саму корпорацию (юридическое лицо) и ее участников. Другие авторы рассматривают в качестве участников корпоративных правоотношений органы юридического лица и его участников, при этом не включая в число субъектов корпоративного правоотношения саму корпорацию. Они определяют отношения, складывающиеся между органами управления юридического лица и его членами, как внутренние отношения, уточняя при этом, что органы юридического лица не являются самостоятельными субъектами права во внешних корпоративных правоотношениях. К третьей группе относятся исследователи, полагающие, что субъектами корпоративных отношений являются, прежде всего, сама корпоративная организация, ее члены, а также третьи лица.

Представляется бесспорным, что субъектами данных правоотношений будут выступать как сама корпорация, так и ее участники и ее органы управления. При этом видится, что названные субъекты являются как обязательными участниками любого вида корпоративных правоотношений, что не исключает возможность считать участниками определенных корпоративных правоотношений органы юридического лица, а также третьих лиц.

Следует уточнить, что корпоративная ответственность не обязательно связана с предпринимательской или «иной приносящей доход» деятельностью. Корпоративная ответственность также распространяется и на некоммерческие корпорации. Проанализируем ответственность, наступающую для некоторых участников корпоративных отношений. Касательно вопроса разграничения ответственности между корпорацией и ее участниками в российском корпоративном праве выступает доктрина «самостоятельной юридической личности». Суть данной доктрины проявляется в том, что после регистрации в ЕГРЮЛ юридическое лицо имеет свои права и свои обязанности, иными словами, становится полностью правосубъектно в гражданском обороте. Юридическое лицо не отвечает по долгам своих участников, ровно так же, как и участники по его долгам. С момента регистрации юридическое лицо является не коллективом людей, собранных под общей целью деятельности, а «персонифицированным имуществом» – согласно мнению Е. А. Суханова, который подчеркивает самостоятельный характер ответственности [9]. В качестве подтверждения можно обратиться к п. 2 ст. 3 ФЗ «Об акционерных обществах» и ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», согласно которым общество не отвечает по обязательствам своих акционеров. Но при этом не стоит забывать о п. 3 ст. 3 вышеуказанных законов, в которых говорится, что «в случае несостоятельности (банкротство) общества вызвана действиями (бездействием) его акционеров или других лиц, которые имеют право давать обязательные для общества указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, то на указанных акционеров или других лиц в случае недостаточности имущества

общества может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам» [2].

В целях обеспечения интересов кредиторов предусмотрена такая мера защиты, как ответственность учредителей, а также участников корпорации. Важно подчеркнуть, что это именно мера защиты, а не самостоятельная мера ответственности, так как устанавливается она на случаи, если капитал хозяйственного общества не был сформирован или был сформирован только в части. Поэтому законодатель и предусматривает солидарную ответственность учредителей по обязательствам, но возникшим только до регистрации общества или связанных с его учреждением (п. 2 ст. 89, п. 2. ст. 98 ГК РФ). Дальнейшее привлечение к ответственности общества по обязательствам возможно только в случае «последующего одобрения действий учредителей общества общим собранием участников общества» (п. 2 ст. 89, п. 2. ст. 98 ГК РФ).

В отношении участников предусмотрена солидарная ответственность, возникающая у них по отношению друг к другу. Так, согласно п. 1 ст. 2 ФЗ «Об акционерных обществах», акционеры, не полностью оплатившие акции, несут солидарную ответственность по обязательствам общества в пределах неоплаченной стоимости принадлежащих им акций. Аналогичное правило установлено и для участников ООО, не полностью оплативших доли в уставном капитале (п. 1 ст. 2 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью») [3]. Такая мера защиты стимулирует должников к оплате, а также обеспечивает защиту интересов кредиторов.

В связи со сложившейся законодательной и судебной практикой, а также анализом теоретических работ необходимо выделить вопрос имущественной ответственности членов коллегиального органа, единоличного исполнительного органа общества, членов коллегиального исполнительного органа перед обществом за убытки, причиненные обществу их виновными действиями (бездействием). Состав субъектов подробно изложен в ст. 53.1 ГК РФ и в п. 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда №62. Следуя из вышеуказанных положений и ГК РФ, можно выделить, что ответственность распространяется не только на формально назначенных директоров корпорации, но и на лица, которые имели фактическую возможность в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномоченно выступать от его имени. Ответственность, предусмотренную п. 1 ст. 53.1 ГК РФ настоящей статьи, несут также члены коллегиальных органов юридического лица, за исключением тех из них, кто голосовал против решения, которое повлекло причинение юридическому лицу убытков, или, действуя добросовестно, не принимал участия в голосовании.

Основанием для привлечения к ответственности будет служить правонарушение. Причем при совершении виновных действий директора обязаны были учитывать все предпринимательские риски и под-

ходить к вопросу с должной заботой и осмотрительностью. Полагаем, справедливо отметить, что директора несут солидарную ответственность перед юридическим лицом за причинение убытков своими виновными действиями (бездействиями). В нашем законодательстве для деятельности директоров установлен критерий добросовестности и разумности, который позволяет при его нарушении возможность взыскания убытков с органа управления (коллегиальных, единоличных). Об этом говорится в п. 3 ст. 53 ГК РФ – «лицо, которое в силу закона или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно» [1]. В позитивном значении добросовестность и разумность директора в совокупности заключаются в «принятии им необходимых и достаточных мер для достижения целей деятельности, ради которых создано юридическое лицо, в том числе в надлежащем исполнении публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством» [5]. Представляется очевидным, что принятие необходимых и достаточных мер по содержанию приблизительно и означает то самое проявление надлежащей степени заботливости и осмотрительности, чтобы обязательство было исполнено.

Особенностью ответственности членов коллегиальных органов управления является также установление противоправности их поведения, которое может устанавливаться на общем собрании совета директоров с помощью голосования. Их ответственность, как было указано ранее, носит солидарный характер, и также учитывается добросовестное поведение тех членов совета директоров, которые либо голосовали против решения, повлекшего убытки, либо отсутствовали на момент голосования.

В завершение следует отметить, что в данной статье была рассмотрена лишь часть проблем и вопросов юридической ответственности в корпоративном праве. Данный институт активно развивается, и многие вопросы были решены вместе с внесением изменений в ГК РФ в 2014 году. Однако юридическая ответственность в корпоративном праве является многогранной и требует постоянного научного анализа, поскольку законодательство в данной области не совершенно и требует дальнейшего развития.

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

2. Федеральный закон от 26.12.1995 №208-ФЗ (ред. от 27.12.2018)

«Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

3. Федеральный закон от 08.02.1998 №14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

5. Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 года №62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

6. Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1964. Вып. 2.

7. Гутников О. В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. Том 14. 2014. №6.

8. Минина И. А. Частноправовое регулирование корпоративной ответственности // Адвокат. 2009. №11.

9. Суханов Е. А. Гражданское право России – частное право / Отв. ред. В. С. Ем. М.: Статут, 2008.

10. Шиткина И. С. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: классическая доктрина и современные тенденции правоприменения // Хозяйство и право. 2013. №3.

НАШИ АВТОРЫ

Абаева Изета Сослановна – старший преподаватель кафедры управления, информационных технологий и гуманитарных дисциплин ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Айдарова Нелли Георгиевна – доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», кандидат юридических наук, доцент

Багиева Марина Григорьевна – заведующая кафедрой управления, информационных технологий и гуманитарных дисциплин ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», кандидат педагогических наук, доцент

Базаева Алиса Юрьевна – студентка 2 курса направления подготовки «Экономика» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Баликоева Альбина Рамазановна – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Бзаров Заурбек Ирбекович – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Бузарова Нина Хасановна – начальник государственно-правового отдела Конституционного суда Республики Северная Осетия – Алания, доцент кафедры гражданского права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», кандидат юридических наук

Бурнацев Заурбек Аланович – магистрант 1 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Бутаева Лариса Александровна – доцент кафедры управления, информационных технологий и гуманитарных дисциплин ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», кандидат филологических наук, доцент

Бучукири Эмилия Иосифовна – студентка 4 курса направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ «Владикавказский институт управления»

Варзиева Илона Тельмановна – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (ГТУ)»

Владычкина Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры гражданского права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Гагиева Алана Виленовна – и. о. заведующего кафедрой гражданского права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», кандидат юридических наук, доцент

Гагоева Анжела Майоровна – старший преподаватель кафедры управления, информационных технологий и гуманитарных дисциплин ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Галуева Вероника Олеговна – доцент кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет», кандидат юридических наук, доцент

Гуева Мадина Иранбековна – студентка 1 курса направления подготовки «Экономика» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Дашиева Марина Асланбековна – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Джагаева Майя Сергеевна – доцент кафедры организации производства и экономики промышленности ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (ГТУ)», кандидат экономических наук, доцент

Дряева Алена Спартаковна – магистрант 1 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Казиев Аслан Заурович – магистр юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Каллагов Борис Рамазанович – доцент кафедры финансов и кредита ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», кандидат экономических наук, доцент

Караева Лора Хазбатовна – доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», кандидат юридических наук

Каргинов Сослан Николаевич – Руководитель Аппарата Конституционного суда Республики Северная Осетия – Алания, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (ГТУ)», кандидат юридических наук

Касабиев Артур Святославович – магистрант 1 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Кирилова Виктория Владимировна – доцент кафедры управления, информационных технологий и гуманитарных дисциплин ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», кандидат филологических наук

Кокоева Луиза Темболатовна – и. о. заведующего кафедрой «Корпоративное право» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», доктор юридических наук, профессор

Кочорова Венера Сергеевна – магистр 1 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Кулова Маргарита Ростиславовна – доцент кафедры управления, информационных технологий и гуманитарных дисциплин ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», кандидат экономических наук

Лазарова Эльвира Тамерлановна – доцент кафедры теории государства и права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», кандидат исторических наук

Левченко Георгий Павлович – магистрант 1 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (ГТУ)»

Малиева Мадина Ацамазовна – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Мардеян Ноэми Аристаковна – доцент кафедры финансов и кредита ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», канд. пед. наук

Миносьянц Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры теории государства и права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Моргоева Залина Олеговна – магистрант 1 года обучения направления подготовки «Социальная работа» ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Омельченко Татьяна Алексеевна – преподаватель кафедры управления, информационных технологий и гуманитарных дисциплин ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Пачулия Нестор Анзорович – адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»

Рубановская Светлана Гениевна – доцент кафедры «Организации производства и экономики промышленности» ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (ГТУ)», кандидат технических наук, доцент

Сокаева Бэла Бесагуровна – доцент кафедры финансов и кредита ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Тменова Татьяна Геннадьевна – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Тотрова Дзерасса Борисовна – доцент кафедры управления, информационных технологий и гуманитарных дисциплин ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», кандидат филологических наук

Туаева Нонна Юрьевна – доцент кафедры управления, информационных технологий и гуманитарных дисциплин ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», кандидат исторических наук

Фидарова Лариса Магометовна – доцент кафедры финансов и кредита ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», кандидат экономических наук

Хаматова Светлана Хазбиевна – главный консультант Конституционного суда Республики Северная Осетия – Алания, доцент кафедры конституционного и административного права Северо-Кавказского горно-металлургического института, кандидат юридических наук, доцент

Ходова Светлана Николаевна – заместитель начальника отдела бюджетной политики Министерства финансов РСО-Алания

Хубулов Георгий Вадимович – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Хугаева Алла Ахмедовна – доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», доцент кафедры финансов и кредита

Худжиева Джессика Владимировна – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Экономика» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Цалиев Александр Михайлович – заведующий кафедрой конституционного права ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (ГТУ)», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Цаллагов Александр Сергеевич – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Цамакаев Батраз Вячеславович – магистрант 1 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (ГТУ)»

Цораева Фатима Таймуразовна – преподаватель кафедры уголовного права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Черная Анжелика Валентиновна – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Экономика» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Чертков Артур Анатольевич – магистрант 1 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Чиплакова Нина Владимировна – председатель Общественной палаты Республики Северная Осетия – Алания

Чшиева Диана Феликсовна – магистрант 1 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ
№ 57**

Издается с 1998 г.

Выпускающий редактор *Н.Ю. Туаева*
Корректор *И.Г. Дзуцева*
Технический редактор *Е.Н. Маслов*
Оформление обложки *Е.Н. Макарова*
Компьютерная верстка *А.В. Черная*

Научный отдел
Владикавказского института управления
362025, Республика Северная Осетия – Алания,
г. Владикавказ, ул. Бородинская, 14
тел.(8672)540499, факс (8672)1580
E-mail: viu-online@mail.ru

Подписано в печать 02.04.2018.
Формат 60×90 1/16. Бумага офс. Печать цифровая.
Гарнитура Pragmatica. Усл.печ.лист. 19,4.
Тираж 200 экз. Заказ №24.

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3